

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской Федерации

«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования Российской Федерации, АНО «ИНОЦЕНТР (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

*Ответственный редактор
И.И. Курилла*

Логос
Москва
2007

УДК 321 (035.3)
ББК 66.3(2Рос)
М 43

Печатается по решению Научного совета
программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

Авторский коллектив:

Э.Р. Абдразакова, Е.В. Архипова, А.В. Дахин, Ю.М. Зверев,
И.И. Курилла, Д.Г. Ломсадзе, А.С. Макарычев, О.Ч. Реут,
А.В. Степанов, А.А. Стуканов, Ф.А. Сурков, Н.А. Трапш, Т.Г. Троякова

Международная интеграция российских регионов / Отв. ред.
М 43 И.И. Курилла. (Серия «Монографии»). — М.: Логос, 2007. —
304 с.

ISBN 978-5-98704-262-3

Исследуются взаимодействие регионов России с подсистемами международных отношений, а также вовлечение территорий в процессы глобализации и регионализации. В основу книги легли эмпирические наблюдения и полевые исследования, проделанные сотрудниками межрегиональных институтов общественных наук (МИОН) от Владивостока до Калининграда.

Издание адресовано специалистам-международникам, политологам, регионалистам, а также всем интересующимся интеграцией России в мировое сообщество и развитием российских регионов.

ББК 66.3(2Рос)

Книга распространяется бесплатно

ISBN 978-5-98704-262-3

© Коллектив авторов, 2007

© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2007

Оглавление

Введение.....	7
ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	9
Глава 1. Российские регионы и международные системы: проблемы интеграции.....	9
Глава 2. Глобальное и региональное в центр-периферийной картине мира: двойная деконструкция концептов.....	16
ЧАСТЬ 2. ЗАПАД	44
Глава 3. Калининград	44
Глава 4. Республика Карелия в Балтийско-Баренцевом регионе.....	76
Глава 5. Российско-украинское приграничье	99
ЧАСТЬ 3. ЮГ.....	112
Глава 6. Три моря проблем	112
Глава 7. Северный Кавказ	127
Глава 8. Прикаспий.....	144
ЧАСТЬ 4. ВОСТОК.....	171
Глава 9. Западная Сибирь.....	171
Глава 10. Дальний Восток.....	198
ЧАСТЬ 5. ВНУТРЕННИЕ РЕГИОНЫ	240
Глава 11. Поволжье	240
Глава 12. Томская область	261
Глава 13. Свердловская область	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296
Об авторах.....	299

Введение

Предлагаемая на суд читателя монография родилась из сетевого проекта АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» по изучению интеграции российских регионов в подсистемы международных отношений, начатого весной 2006 г. Инициаторы поставили себе задачу, опираясь на сеть межрегиональных институтов общественных наук, определить, какие процессы идут в разных концах огромной страны, в каком направлении и с какой скоростью.

Необходимо сразу оговориться, что за регионы стали предметом нашего исследования. В узком понимании слова регион – общий термин для обозначения субъекта Федерации – республики, края или области. Часть глав предлагаемой вниманию читателя монографии посвящена анализу интеграционных процессов именно в таких рамках. Однако термином «регион» в современной литературе называют также различные территории, не укладывающиеся в границы административно-территориального деления. Это могут быть как группы субъектов Российской Федерации, так и трансграничные образования, такие как «еврорегионы». Очертания этих территорий неточны, границы понимаются по-разному, некоторые из них существуют в обыденном понимании давно, а некоторые конструируются на наших глазах. Однако широкое использование в политической лексике понятия «регион» именно в этом смысле и растущая популярность «регионального» подхода в различных общественных науках делает невозможным отказ от анализа международного аспекта процессов формирования (конструирования) таких регионов в России. Именно поэтому значительная часть глав посвящена таким «макрорегионам», как Дальний Восток, Западная Сибирь, Поволжье и др.

Другая важная оговорка касается понятия международной интеграции. Речь в нашей монографии идет не только о взаимодействии регионов России с подсистемами международных отношений, что предполагало бы, во-первых, упор на квазидипломатическую деятельность местных элит, а во-вторых, географическую привязку регионов к соседним международным подсистемам, но и о более широком аспекте вовлечения российских провинций в процессы глобализа-

ции и регионализации. Круг акторов в этих процессах намного шире, а направления взаимодействия оказываются подчас весьма неожиданными.

В основу нашей монографии легли эмпирические наблюдения и полевые исследования, сделанные авторами — сотрудниками межрегиональных институтов общественных наук (МИОН) от Владивостока до Калининграда. Хотя задачей коллектива был анализ процессов глобализации и регионализации в российских республиках, краях и областях, наш подход основывался на понимании того факта, что сегодня разработка теоретических положений опередила эмпирическое изучение российской действительности. Многие релевантные для нашего исследования гипотезы выдвигались на основе опыта европейской интеграции. Именно поэтому монографию существенно дополнил анализ методологических подходов к международной интеграции регионов. Книгу сделали более полной и несколько глав, посвященных важным регионам, в которых нет МИОНов, но плодотворно работают ученые, занимающиеся проблематикой международной интеграции.

Авторы монографии выражают признательность Андрею Вадимовичу Кортунову, который был инициатором идеи этого проекта.

ЧАСТЬ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Г л а в а 1

Российские регионы и международные системы: проблемы интеграции

За 15 лет, прошедших с распада СССР, Россия прошла серьезный путь корректировки собственного места в международных отношениях, осознания национальных интересов и выработки новых методов участия в мировой политике. Среди важнейших изменений — новая политическая карта мира, на которой бывшие составные части Советского Союза стали независимыми государствами, преследующими собственные интересы, а многие российские регионы, ранее находившиеся в глубине национальной территории, оказались пограничными.

Либерализация режима государственной границы, открытие возможностей для путешествий и миграций, появление на российской территории филиалов транснациональных корпораций и фирм соседних государств, активная деятельность международных некоммерческих организаций представляют собой другую важнейшую группу факторов, изменяющих понимание места России в мире.

Кроме того, новые угрозы стабильности в регионах России, исходящие из-за рубежа, такие как наркотрафик и терроризм, а также формирующиеся в последнее время представления о скрытом вмешательстве иностранных организаций в политические процессы в России требуют настоящего внимания исследователей.

Наконец, процессы интернационализации региональной экономической, общественной и в некоторых случаях политической повестки дня делают трансграничные интеграционные процессы важнейшим и пока малоизученным фактором в эволюции российской федеративной системы. Реформа федеративных отношений, проходящая в России с начала президентства В.В. Путина и особенно углубленная после бесланской трагедии 2004 г., уменьшила ресурсные возможности региональных элит, включив их в «вертикаль власти».

В этой ситуации неподконтрольные федеральному центру зарубежные ресурсы приобретают большее значение, чем когда бы то ни было.

Тема международной активности российских регионов по меньшей мере с середины 1990-х годов привлекает внимание исследователей. Одним из первых научных сборников, посвященных этой проблеме, стал опубликованный в 2000 г. под редакцией Андрея Макарычева аналитический доклад «Российские регионы как международные акторы»¹.

В рамках Первого конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «10 лет внешней политике России» в апреле 2001 г. отдельная секция была посвящена внешним связям регионов России². Международные контакты российских регионов обсуждались и в рамках всероссийского конгресса регионалистов осенью того же 2001 г., материалы «круглого стола» под руководством А.С. Макарычева были опубликованы³.

Наконец, в 2002 г. группой ученых под руководством Андреаса Венгера, Йеронима Перовича и Андрея Макарычева был осуществлен исследовательский проект «регионализация внешней и оборонной политики России», материалы которого были опубликованы на английском языке цюрихским Центром изучения безопасности и конфликтов, а на русском вышли в коллективной монографии⁴.

Заметное место было уделено интересующей нас теме в коллективной монографии «Прозрачные границы», вышедшей в свет под редакцией Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова в 2002 г.⁵. Внимание авторов было сконцентрировано на трансграничном взаимодействии, причем в ряде глав анализировалось его влияние на международную интеграцию приграничных областей и краев России.

В рамках этих работ большое значение придавалось теоретическому осмыслению процессов, происходивших в регионах, попытке «вписать» российскую действительность в дискурс регионализации

¹ Российские регионы как международные акторы: Аналитический доклад / Под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород, 2000.

² См.: Внешние связи российских регионов: Материалы секции № 9 Первого конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), 20–21 апреля 2001 г. М., 2001; Десять лет внешней политики России: Материалы Первого конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003.

³ Россия перед глобальными вызовами: панорама региональных стратегий. Материалы международного «круглого стола» / Под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород, 2002.

⁴ Россия перед глобальными вызовами: Панорама региональных стратегий. Материалы международного исследовательского проекта / Под ред. А. Венгера, Й. Перовича и А. Макарычева. Нижний Новгород, 2002.

⁵ Прозрачные границы: Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.: Волгоград, 2002.

и глобализации. Эти труды зафиксировали положение дел к началу президентства В.В. Путина и к середине его первого срока, когда можно было говорить о завершении основных дезинтеграционных процессов, запущенных распадом Советского Союза.

Этот момент также совпал с кануном потрясений, изменивших как международную повестку дня, так и политическое устройство Российской Федерации. На мировой сцене после атак на США 11 сентября 2001 г. началась глобальная «война с терроризмом». В России последующие годы ознаменовались не только укреплением «вертикали власти», но и реформой федеративных отношений.

Тем не менее, хотя, самодеятельная «внешняя политика» российских регионов образца 1990-х взята под контроль федеральными органами власти, процессы интеграции регионов в различные (не всегда непосредственно соседствующие с ними) подсистемы международных отношений идут своим чередом. В ряде случаев интересы региона совпадают с политикой российского МИДа, иногда в чем-то ей противоречат, но очевидно, что многие процессы не контролируются Москвой и не принимаются во внимание при подготовке внешнеполитических решений.

Россия давно перестала быть «островом» среди других островов на глобусе. Ее регионы оказываются на периферии, а иногда и в центре процессов формирования трансграничных регионов и целых подсистем международных отношений и волей-неволей втягиваются в эти процессы. Так, российский Дальний Восток не может дольше оставаться пассивным соседом растущего Азиатско-тихоокеанского региона, мощная экономическая система втягивает его в собственную орбиту, и вопросом остается лишь время и условия его окончательной интеграции. На другом конце страны Калининградская область, окруженная объединенной Европой, отчаянно апеллирует к Москве (и, зачастую, к Брюсселю и другим западным столицам) в попытках создать собственную повестку дня в необходимом диалоге.

В последние годы внимание исследователей, как и российских политиков, привлекал, главным образом, случай Калининграда, который оказался полюсом интеграции России и Европейского союза¹. Гораздо меньше сказано, написано и сделано по поводу других регионов Российской Федерации, хотя происходящие там процессы не менее важны для судьбы страны. Юго-Восток России нависает над Казахстаном и Центральной Азией (регионами, о существовании которых многие в мире узнали лишь после 11 сентября 2001 г.), контролируя большую часть транспортных путей в центр континен-

¹ См., например: Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / Под. ред. В.П. Гутника. А.П. Клемешева. Калининград, 2006.

та. Эти пути могут быть источником проблем в виде наркотиков и нелегальной миграции, а могут быть и экономическим благословением возрожденного «Великого шёлкового пути». Юг страны постепенно превращается из «мягкого подбрюшья» России в узел сложной сети потенциально взрывоопасных отложенных угроз, от квазинезависимых грузинских автономий до Нагорного Карабаха. Эта территория стараниями многих местных и внешних элит превращается в арену новой «большой игры». Наконец, даже удаленные от границ регионы России, особенно обладающие энергетическими ресурсами, оказываются в центре пристального внимания растущих экономик мира.

Надо понимать, что совокупные ресурсы международных подсистем намного значительнее, чем доступные внутри России, даже на пике нефтяных цен. Само осознание этого расклада побуждает нас внимательнее взглянуть в процессы международной интеграции российских регионов.

Проект, инициированный ИНО-Центром весной 2006 г., ставил целью эмпирическое исследование современной ситуации в регионах России. В ходе работы ученые межрегиональных институтов общественных наук, расположенных в региональных университетах от Калининграда до Владивостока, собрали богатый материал, свидетельствующий о том, как в действительности развиваются интеграционные процессы. Авторы намеренно уходили от теоретизирования на этом этапе работы, стараясь предельно объективно описать действительность. В этой главе очерчен круг проблем, поставленных перед учеными, составившими «команду» проекта.

Наше исследование призвано, в частности, ответить на ряд вопросов, среди которых не последнее место занимает судьба Федерации: существует ли в долгосрочной перспективе опасность отрыва регионов от центра в связи с их интеграцией в региональные подсистемы, либо же регионы интегрируются одновременно в различные подсистемы, определенные не только географическим соседством, но и другими факторами? Другими словами, надо ли бояться активности регионов в интеграционных процессах или же это благотворный процесс? Постановка этих проблем имеет не только научное, но и весьма актуальное политическое значение.

В соответствии с обладанием теми или иными ресурсами, а также региональной политической ситуацией края, области и республики Российской Федерации по-разному формулируют свои приоритеты при встраивании в международные подсистемы. Особенно важными представляются несколько групп факторов, которые могут влиять на направление и скорость интеграции каждого конкретного региона.

Первую группу составляют *исторические конфигурации в регионе и их роль в современной политике*. В некоторых регионах историческое наследие играет важную роль в определении сегодняшней политики и современного места региона в международной подсистеме. Так, несуществующая Восточная Пруссия играет важную роль в современной интеграции Калининградской области в Европу: от сознательного отторжения довоенного опыта до особых отношений региона с Германией и попыток заимствования моделей развития туризма и хозяйства. Дальневосточная республика начала 1920-х годов также предлагает определенные модели отношений с Японией и США, выстраивания собственной внешней политики. Историческая роль юга России как форпоста российской экспансии на Кавказ и в Среднюю Азию подвергается переоценке в современных дебатах, так же как идея «Сибирского фронта».

С этим кругом вопросов связана *проблема идентичности*. Как себя позиционирует регион и его жители: как ворота (окно) или форпост? Каков характер дебатов на эту тему в региональной прессе и местной политике? Если на юге России терминология «форпоста» доминирует на протяжении всего постсоветского периода¹, то в западных регионах страны гораздо более выраженным было противоборство двух представлений, причем не всегда общенациональные дебаты совпадали с региональными (расширение НАТО в 1990-е годы вызвало больше протестов в Москве, чем в приграничных регионах).

Следующим важнейшим фактором является *миграция*. Интересны ее направление (в Россию/регион – из России), характер (трудо-вая, челночная), количественные и качественные характеристики. Разные типы миграции преобладают в различных регионах. Если Дальний Восток принимает трудовых мигрантов и является средоточием деятельности челночных торговцев, то Калининград в большей степени является промежуточным пунктом для стремящихся в Европу. В пограничных регионах миграция зачастую носит транзитный характер: иммигранты задерживаются здесь перед переселением в глубь страны (чаще всего в столичные города) или за пределы России, а будущие эмигранты – перед тем, как покинуть страну. Понятно, что проблема мигрантов из-за рубежа, их адаптации или борьбы с ними, является частью интеграционных процессов и важной задачей исследования.

¹ Так, еще в марте 2001 г. митрополит Волгоградский и Камышинский Герман называл Волгоградскую область «прифронтовой территорией» и требовал увеличить количество православных храмов в регионе как символов, «которые обозначат, кому принадлежит эта земля. Не Казахстану, не чеченцам, а нам, русским». Альтернативную модель идентичности предлагает проект «Перекресток цивилизаций», поддерживаемый областными комитетами по культуре и по межнациональным отношениям.

Ресурсы региона: природные, трудовые, территориальные, промышленные, сельскохозяйственные — составляют еще одну группу факторов, влияющих на его международную интеграцию. В каких именно ресурсах заинтересованы соседние страны, а каких не хватает региону, и он может получить их в рамках международной подсистемы? Какие проекты международного использования ресурсов существуют или планируются? Очевидно, что богатые нефтегазовыми месторождениями регионы Западной Сибири, не граничащие непосредственно ни с одной страной, оказываются в большей степени интегрированными в глобальную экономику, чем приграничные, но бедные нефтью и газом края и области юга Сибири. Больше того, заинтересованность в энергоносителях всех крупнейших экономических игроков современной международной системы ведет к росту связей Западной Сибири как с европейскими, так и дальневосточными потребителями, делая направление ее интеграции географически «размытым».

В некоторых случаях ресурсом выступают даже богатство, личные связи или этническая принадлежность руководителя региона. Достаточно вспомнить Р. Абрамовича и К. Илюмжинова или этнических немцев Э. Росселя и В. Кресса. Другой вариант международной интеграции выбирают регионы, расположенные на транспортных артериях. *Транспортные коридоры* становятся еще одной важной группой факторов, влияющих на рассматриваемый процесс. Транссибирская магистраль, коридор «Север—Юг», газо- и нефтепроводы становятся важнейшими факторами выбора регионом той или иной интеграционной стратегии и партнеров, через которые проходят эти коридоры. В некоторых случаях конкуренция за направление проектируемых и строящихся транспортных потоков приводит к межрегиональным конфликтам, как в случае альтернативных проектов каспийских портов в калмыцкой Лагани и астраханской Оле.

Для пограничных регионов особое значение имеют *приграничная торговля и режим государственной границы*. Интенсивность и характер международной торговли через соответствующую границу различаются в зависимости от регионов страны. В случаях «новых» границ их барьерная функция оказывается значительно выше интегрирующей, и можно говорить о продолжающихся дезинтеграционных процессах, начатых с распадом СССР. С другой стороны, прекращение противостояния с Китаем привело к интенсификации трансграничной торговли на Дальнем Востоке.

Вопросы об оборудовании границы и таможенных постов, о размере неучтенной торговли, контрабанды и наркотрафика через границу являются важной составляющей программы исследования интеграции российских регионов в международную подсистему.

В некоторых случаях важную роль в интеграции играют *экологические* трансграничные проблемы, такие как промышленное загрязнение рек и в результате катастроф (известны примеры с загрязнением быстрорастущей промышленностью Китая рек Амура и Сунгари), совместное использование пограничных рек и других природных ресурсов, требуют внимания с региональной точки зрения.

В то же время анализ показывает, что интеграция регионов в международные подсистемы может вызывать опасения в контексте дезинтеграции самой Российской Федерации, когда трансграничные интеграционные процессы идут интенсивнее, чем рост межрегиональных связей внутри страны.

В условиях все большей гомогенизации российской внутренней политики и экономики (укрепление вертикали власти и повышение государственного контроля над крупной собственностью и собственниками) роль внешней среды усиливается. Она становится единственной реальной основой для самостоятельности российских акторов. Это, в свою очередь, вызывает опасения Кремля, который рассматривает опору на внешнюю среду как «оранжевую угрозу». Тем не менее задача сохранения устойчивости системы в целом требует предоставления регионам большей самостоятельности в определении собственных повесток дня, в том числе и в сфере международных взаимодействий.

Г л а в а 2

Глобальное и региональное в центр-периферийной картине мира: двойная деконструкция концептов

Описание концептуальной рамки настоящей главы следует начать с двух общих замечаний. Во-первых, за термином «регионализация» могут скрываться самые разные, порой прямо противоположные процессы. Регионализация может иметь под собой этнический фундамент, может основываться на экономических процессах, а может носить постиндустриальный характер. Её цель может состоять в достижении относительной автономии или даже изоляции либо в получении определённых дивидендов в качестве компенсации за участие в интеграционном объединении¹. Другими словами, в регионализации как категории анализа нет ничего однозначно позитивного (или негативного): всё зависит от конкретного содержания этого концепта.

Во-вторых, традиционный анализ процессов международной интеграции регионов базируется на двух бинарных оппозициях, или логических парах, — это «регионализация—глобализация» и «центр—периферия». Однако, по нашему мнению, эти контрастные пары должны быть встроены в критический тип академического дискурса, подразумевающий деконструкцию каждой из них. Деконструкция нами понимается не только как философская категория, но и как методологический инструмент, использование которого позволяет увидеть за пределами бинарных оппозиций «пространство различий», богатое множественными смыслами.

В различных ситуациях деконструкция выглядит по-разному. В паре «*регионализация—глобализация*» она будет предполагать, в соответствии с логикой первой части настоящей главы, демонстрацию совместимости этих двух векторов пространственной динамики, наличия между ними общего знаменателя, делающего их двумя пози-

¹ Kirsten Worm. Regional and Cultural Dimensions of European Integration. Copenhagen Research Project on European Integration, CORE Working Paper 14/1995. P. 25.

циями в рамках одного спектра стратегий развития. В паре «центр—периферия» деконструкция более плодотворна как способ указания на тесную сопряжённость этих концептов, их взаимную обусловленность, а также на существование некоторых вариантов позиционирования территорий, которые уходят от жёсткости бинарного противопоставления.

Регионализация и глобализация сквозь призму концепции «нового регионализма»

С методологической точки зрения, деконструкцию пары «регионализация—глобализация» можно строить на основании концепции «нового регионализма», получившей признание в кругах исследователей международных отношений в конце XX в. По словам профессора Эдварда Союа, в её основе лежит представление о регионах как о пространственных феноменах. Фундамент этой концепции не просто тезис о том, что региональные пространства являются социально конструируемыми феноменами, но и понимание того, что эти пространства, в свою очередь, сами формируют наше поведение, идентичность, сознание и коммуникационные стратегии. Следовательно, «географии, которые мы производим, могут подавлять нас, причинять нам вред и серьезно сдерживать наши жизни»¹.

Если «старый регионализм» был преимущественно продуктом интеграционной деятельности государств и носил протекционистский, интровертный характер, то «новый регионализм» более плюралистичен и открыт различным влияниям²; он предполагает неизбежность расслоения любого пространства на различные уровни с тем, чтобы каждый из множества акторов решил, на каком из них его стратегии могут реализоваться наиболее успешно. Именно баланс между различными уровнями и определяет пространственную конфигурацию отношений власти³. В рамках «нового регионализма» возможны самые различные варианты пространственной организации этих отношений — такие, например, как «нации без государств»

¹ *Ehrenfeucht Renia*. The New Regionalism: A Conversation with Edward Soja // *Critical Planning*, Summer 2002. P. 10.

² *Spindler Manuela*. New Regionalism and the Construction of Global Order. Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation, University of Warwick. CSRG Working Paper № 93/02, March 2002. P. 12.

³ *Agnew John*. Mapping Political Power Beyond State Boundaries: Territory, Identity, and Movement in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*, 1999. Vol. 28, № 3. P.501.

(Квебек, Каталония или Шотландия)¹ или города-государства (Гонконг, Нью-Йорк и пр.)². Проявлениям «нового регионализма» ещё не придумано точного и устраивающего всех названия: кто-то говорит об «инициативах», «программах» или «рамках» трансграничного сотрудничества, или «измерениях». Некоторые специалисты используют образ «новых геометрий» территориального устройства, понимая под ним ряд форм региональной интеграции, которые скрываются под самыми разными терминами. В результате создается ситуация, которую метафорически можно назвать «регионализм без регионов» в том смысле, что регионы превратились в некие «воображаемые пространства» с очертаниями, определяемыми, с одной стороны, их идентичностями, репрезентациями, нарративами, культурными полями и потоками, а с другой — волей ключевых держав.

Феномен «нового регионализма» показывает, что географические границы государств больше не совпадают с территориальными очертаниями важнейших проблем, связанных с «мягкими» факторами безопасности, экономики и культуры. Другими словами, поточный мир постоянно усложняющихся социально-экономических отношений приобретает структуру, отличную от мира территориального³, в силу чего «реальность места постепенно заменяется сетевыми потоками»⁴. Эта тенденция хорошо видна на примере еврорегионов: их участниками являются не только субнациональные органы власти и управления, привязанные к определённой территории, но и различные профессиональные и деловые организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого взаимодействия⁵. Исходя из этого, «новый регионализм» можно назвать «открытым», поскольку он вполне совместим с глобализацией, носит либеральный характер (т.е. создаёт стимулы для участия стран и регионов в процессах интеграции) и пытается сделать менее значимым различие между «инсайдерами» и «аутсайдерами»⁶.

В России, как и в странах Запада, существует понимание того, что формы «упаковки» процессов новой регионализации ещё толь-

¹ *Keating Michael*. Stateless nation-building: Quebec, Catalonia and Scotland in the changing state system // *Nations and Nationalisms*, 1997. № 3 (4). P. 689–717.

² *Peirce Neal R*. *Citistates. How Urban America Can Prosper in a Competitive World*. Washington, D.C.: Seven Locks Press, 1993.

³ *Anderson James, O'Dows Liam, Wilson Thomas*. Why Study Borders Now? // *Regional and Federalist Studies*. Vol. 12, № 4. Winter 2002. P. 7.

⁴ *Bort Eberhard, Evans Neil*. *Op.cit.* P.9.

⁵ *Euroregiony na granicach Polski*, 2001. Wrocław: Urząd Statystyczny, 2001. P. 25.

⁶ *Nesadurai Helen*. *Globalization and Economic Regionalism: A Survey and Critique of the Literature*. Warwick University: CSG Working Paper 108/02, November 2002. P. 14.

ко ищутся, однако несколько общих характеристик уже можно выделить:

а) плацдармами регионального развития могут выступать не только органы власти, но и промышленные предприятия, учебные и научные учреждения, этнокультурные сообщества;

б) поверх административных регионов формируются новые формы пространственной общности, чьи очертания могут не совпадать с «официальными», — это пространства рекреации, публичности, безопасности и пр.¹;

в) центры управления регионами могут быть вынесены за пределы их территорий².

В этом смысле создание семи федеральных округов, равно как и укрупнение субъектов Федерации, можно рассматривать как один из административных экспериментов с пространством, суть которого состоит в попытке найти новый уровень и калибр для решения региональных управленческих проблем. Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что различные социальные и профессиональные группы могут по-разному использовать пространственную матрицу, которая задаёт параметры регионального развития, и фактически «играть» масштабами при решении конкретных проблем. Такая постановка вопроса содержит в себе два важных для нашего анализа вывода.

Во-первых, концепция «нового регионализма» деконструирует оппозицию «регионализация—глобализация», представляя их как взаимосвязанные процессы, которые могут плавно перетекать друг в друга, пересекаться, наслаиваться и т.д. Сутью пространственного поведения любого актора становится выбор того масштаба, в рамках которого он может наиболее эффективно реализовать свои интересы: в одном случае это может быть масштаб города, в другом — всей страны, в третьем — транснационального региона.

Именно в этом контексте, например, надо понимать дискуссии о том, где следует искать источники инноваций в развитии — в городах или в нациях. Эти дискуссии тесным образом связаны с известной в теории международных отношений проблемой уровня анализа. Академическая литература по регионализму склонна отдавать приоритет субнациональным единицам; в этом смысле интересными представляются различные классификации этих единиц. Например, предлагавшаяся в своё время Джейн Джейкобс схема включает в себя:

¹ *Shapiro Michael, Neubauer Deane. Spatiality and Policy Discourse: Reading the Global City // Alternatives. 1989. Vol. XIV. P. 301–325.*

² *Княгинин В. Что значит «развивать регионы» // Сайт «Конструирование будущего»: <http://future-design.ru/index.cfm?id=6&material=443>*

- «города-регионы» (city-regions, например, Гонконг или Силиконовая Долина);
- «регионы-поставщики» (supply regions), которые специализируются на каком-то узком сегменте рынка, обеспечивая снабжение крупных мегаполисов продовольствием или сырьём (например, Уругвай или, Саудовская Аравия, или провинция Альберта в Канаде, или штат Айова в США);
- «покинутые регионы» (abandoned regions), теряющие своё население, мигрирующее в более продвинутые центры;
- «зачищенные регионы» (clearance regions), т.е. те, которые предназначены для воспроизведения моделей развития, заимствованных у более сильных центров;
- «трансплантирующие регионы» (transplant regions), т.е. те, которые готовы размещать на своей территории производства, первоначально апробированные в других местах (например, южные штаты США);
- «регионы выживания» (subsistence regions), которые обойдены вниманием более значимых региональных акторов (допустим, Эритрея или Аппалачи)¹.

Из этого следует, что в одной и той же точке пространства может пересекаться множество регионализмов, т.е. способов обустройства регионального пространства. Другими словами, «всякое место ... полисемантически, полифункционально, поликонтекстуально»². Так:

- с точки зрения государственных служащих, регионализм представлен формальными административными единицами (субъектами Федерации);
- для менеджеров крупных корпораций регионализм очерчивается точками, в которых ведётся их бизнес;
- для компаний сотовой связи региональное пространство состоит из деловой карты, на которой обозначены зоны обслуживания их клиентов;
- для транспортных перевозчиков регионализм структурируется их железнодорожными или автомобильными коммуникациями;
- для руководства вузов региональная картина тождественна их филиальной сети, и так далее.

¹ *Wolf Martin*. National wealth comes riding on the coat tails of city life // *Financial Times*. 2006. May 3. P. 13.

² *Каганский В.* Мир культурного ландшафта // Сетевой проект «Русский архипелаг». <http://www.archipelag.ru/text/489.htm>

Во-вторых, концепция «нового регионализма» указывает на важный концепт, который служит в качестве общего знаменателя как для регионализации, так и для глобализации. Это – концепт *деполитизации*. Логично предположить, что сама конструкция регионов в рамках такой концепции пространственного развития заставляет их быть *аполитичными*. В этом смысле регионализм, условно говоря, «растворяет» политику в чистом виде и представляет собой один из механизмов деполитизации, который воплощается в фигурах «крепких хозяйственников», насыщающих региональную «повестку дня» духом менеджмента¹.

В условиях двойного эффекта глобализации и регионализации государство превращается в арбитра, выполняющего исключительно инструментальные задачи, и оно постепенно перестаёт быть объектом лояльности в той мере, в какой это было в период господства вестфальской системы². И поскольку такое явление носит повсеместный характер, деполитизация для Жака Деррида – это и есть то, что мы называем глобализацией³.

Истоки современного понимания политизации и деполитизации следует, очевидно, искать в работах Карла Шмитта, полагавшего, что «человечество искало нейтральную область, в которой прекращался бы спор и где можно было бы прийти к взаимопониманию и согласию»⁴. Другими словами, логика различий делает ситуацию политической, а логика тождеств – деполитизированной.

Деполитизированный взгляд на мир базируется на ощущении того, что люди освободились от власти идей и перестали считать политику главной проблемой. Деполитизация – это следование правилам, определённой структурой, что сближает эту модель с тем, что Мишель Фуко назвал *governmentality*. Однако «модель рационального управления ... не является политической»⁵.

Часто деполитизация отождествляется с экспертно-техническим подходом к решению проблем. Суть деполитизации состоит в таком понимании эффективности и профессионализма управленческих структур, которое базируется на их необходимом функциональном отделении от политики как сферы властных отношений. В более широком смысле деполитизация приобретает форму «технического» подхода

¹ *Medvedev Sergey*. Democracy, Federalism and Representation: Russian Elections in Retrospect. UPI Working Papers, 12, 1997.

² *Муфф Шанталь*. Карл Шмит и парадокс либеральной демократии // Логос. 2004. № 6 (45). С. 150.

³ *Derrida Jacques*. The Politics of Friendship. London & New York: Verso, 2005. P.158.

⁴ *Шмитт Карл*. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Том 1, № 2. С. 52.

⁵ *Фуко Мишель*. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2005. С. 306.

к решению проблем: любая реформа, любое нововведение преподносятся с точки зрения «оценки нужд» (assessing the needs) и «развития стратегии» (developing a strategy), но не как политический в своей основе процесс столкновения интересов и их последующего согласования¹.

Концепт деполитизации стал одной из отличительных характеристик нынешнего режима власти в России. Сентенции о том, что президент В. Путин своим приходом к власти «нейтрализовал политику», стали общим местом для аналитиков. Если раньше лексикон регионального политика неизбежно должен был включать в себя массу лозунгов и всевозможных идеологических призывов, рассчитанных преимущественно на мобилизацию «толпы», то теперь ситуация несколько поменялась. В каком-то смысле «путинский режим» её деполитизировал. Чтобы претендовать на статус серьёзного политика, теперь необходимо не столько уметь громко и призывно говорить на публику, сколько разбираться в «скучных» «технических» вещах. Произошла, таким образом, замена, вытеснение политического *техническим*: решение ряда проблем было фактически отдано на откуп так называемым непредвзятым, постидеологическим экспертам, предстающим в качестве носителей «рационального знания» и предлагающим обществу «готовые» решения.

Децентрализация времён Б. Ельцина содержала в своей основе *асимметрию*, которая проявилась в форме двусторонних соглашений между Москвой и регионами. И наоборот, предпринятая В.Путиным централизация (и одновременно унификация) управления привела к особой форме *симметрии*, которая нашла своё вербальное выражение в формуле «диктатура закона». При этом важно отметить, что организующим концептом путинского режима является не столько централизация, сколько *рационализация* (другое её название — «инвентаризация», с которой были связаны первые годы жизни федеральных округов).

Исходя из этой перспективы, Россия в последние годы совершила переход от асимметричной модели регионоцентричного федерализма к симметричной модели государствоцентричного федерализма. Другими словами, региональная политика В. Путина стала фактором, усиливающим симметричность управленческих практик. Их характерными чертами стала меньшая конфронтационность, большая склонность к консенсусу, планированию, формализации и компромиссам.

Эту позицию можно переформулировать: если правление Б. Ельцина характеризовалось как время «*всеобщего исключения*», ко-

¹ Andersen Louise. Security Sector Reform in Fragile States. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, DIIS Working Paper N 2006/15. P.8.

гда «особые» отношения с тем или иным регионом вошли в повсеместную практику, то В. Путин реализует прямо противоположную формулу «*всеобщей нормы*», приводящую в своём пределе к унификации. Модель «*всеобщего исключения*» к концу 1990-х годов фактически исчерпала себя, выработав свой жизненный ресурс и подойдя к пределу своих возможностей. Без сомнения, имеет свои пределы и путинская модель федеративных отношений.

Рассуждения на эту тему дают нам возможность логически связать друг с другом две семантические пары: «*симметрия — асимметрия*» и «*политизация — деполитизация*». Деполитизированной модели власти больше соответствует логика симметричных взаимоотношений между различными игроками на поле федеративных отношений, которая базируется на технологичности, экономической рациональности и не признаёт эксклюзивных решений между «принципалом» (центром) и «агентами» (регионами), в том числе в форме двусторонних договорённостей между центром и регионами. Политизация же, наоборот, в большей мере соответствует асимметричным взаимоотношениям, которые насыщены дисбалансами и конфликтами. В этом смысле различие между режимами Б. Ельцина и В. Путина можно представить как различие между политическим и технологическим стилями осуществления власти.

Однако парадоксальность ответа В. Путина на «шмиттианскую проблему» состоит в том, что с помощью *деполитизированных* методов он пытается разрешить *политическую* в своей основе проблему восстановления субъектности государства. Согласно логике ряда экспертов, технологизация управления регионами — способ восстановления политической субъектности государства¹.

Данное наблюдение выводит проблематику политического в область соотношения общего и частного (универсального и партикулярного), что особо важно для понимания тенденций развития взаимоотношений между федеральным центром и регионами в России. В этом контексте можно вполне согласиться с Э. Лаклау и Ш. Муфф, полагающими, что «универсальное есть символ отсутствующей полноты»². Перенося это, казалось бы, чисто философское умозаключение в интересующую нас сферу федеративных отношений, его можно перефразировать в том смысле, что конкретное содержание «общего» (т.е. того, что мы привыкли называть федеральным центром) определяется столкновением частных (т.е. оппо-

¹ Княгинин В. Управление регионами — восстановление власти? // <http://www.csr-nw.ru/content/library/print.asp?ids=46&ida=807>

² Smith Anna Marie. Laclau and Mouffe: the radical democratic imaginary. London; New York: Routledge, 1998. P. 187.

нирующих друг другу позиций), каждая из которых претендует на гегемонию. Политический процесс предстаёт как «гегемонистская артикуляция», при которой отдельная часть общества на определённом этапе приобретает возможность и право говорить от имени всего общества в целом¹. Интерес к этой ситуации в значительной мере связан с тем, что отдельные (партикулярные) структуры (например, регионы) вполне способны выдвигать требования и условия, далеко выходящие за рамки частных интересов отдельных групп (территориальных, религиозных, этнических, культурных, экономических и т.д.). Примеры Калининградской области и Татарстана кажутся в этом смысле наиболее уместными. Как нам представляется, это обстоятельство и предопределяет одну из важнейших сюжетных линий во взаимодействии между центром и регионами: следуя логике С. Жижека, Москва «пытается предотвратить метафорическую универсализацию партикулярных требований»², т.е. представить требования, имеющие региональное происхождение, как мнения отдельных, индивидуальных регионов, ограниченные конкретным контекстом. Такая линия поведения центра, безусловно, выдержана в духе «деполитизированной постполитики».

Данное наблюдение влечёт за собой ещё одно не менее интересное: режим В. Путина испытывает сложности не только в операционализации «состояния исключения» применительно к регионам, но и в верной идентификации его «противоположного двойника», а именно «модели», «примера» регионального развития, некоей иллюстрации типичности, а значит, доказательства работоспособности российского федерализма. Констатация данного обстоятельства заставляет нас предположить, что именно здесь и следует искать одно из существенных отличий между 1990-ми годами и нынешним временем: с одной стороны, в качестве «верховного суверена» Б. Ельцин был более чувствителен к категории «состояния исключения», наполняя его смыслами, поощряющими региональную индивидуальность и самостоятельность. Наиболее яркое воплощение это нашло в практике подписания договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельными регионами. С другой стороны, именно при президентстве Б. Ельцина получила распространение практика «модельных регионов», воплощающих в себе реформаторский дух и апробирующих те или иные инновации на локальном уровне для их последующей универсализации (вне за-

¹ *Mouffe Chantal*. Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy // The Challenge of Carl Schmitt / Ed. by Chantal Mouffe. London; N.Y.: Verso, 1999. P. 51.

² *Zizek Slavoj*. The Ticklish Subject. The Absent Centre of Political Ontology. London & New York: Verso, 1999. P. 204.

висимости от эмоциональных или идеологических оценок, в эту категорию можно отнести Нижегородскую, Новгородскую, Самарскую и некоторые другие области Российской Федерации). Таким образом, желание избежать исключений, неизбежно влекущее за собой отсутствие второй части «бинарной оппозиции» — модельных примеров, и является важнейшей отличительной особенностью региональной политики В. Путина.

Но модель деполитизированной власти внутренне нестабильна, поскольку постоянно испытывает на себе множественные воздействия со стороны тех институций, которые не мыслят себя вне политического поля и, соответственно, реполитизируют деятельность управленческих структур. В частности, Славой Жижек указывает на важную связь между политизацией и её антиподом: «сам жест проведения различия между политическим и неполитическим (экономическим, частным, художественным)... носит политический характер»¹.

При этом важно увидеть, что деполитизация, понимаемая как отмежевание ключевых институций от сферы властных отношений, парадоксальным образом превращается в *гиперполитизацию*, понимаемую как отсутствие структурных ограничений для реализации политической воли господствующей элиты. На парадоксальность этой ситуации указал в своё время Жак Деррида, предположив, что мы можем мерить политизацию степенью деполитизированности. Другими словами, симптомом нейтрализации и деполитизации является «сверхполитизация» — «чем меньше политики, тем её больше»².

Центральность—маргинальность

Вторая пара, положенная в основу нашего анализа, противопоставляет центр и периферию как различные источники международной интеграции. Отсюда следуют две её модели. Первая модель видит интеграцию как результат взаимодействия между двумя или более центрами, вторая же отводит главенствующую роль окраинным, географически маргинальным территориальным единицам.

Согласно *первой модели*, решающую роль в интеграционных механизмах играют наиболее продвинутые территории, составляющие

¹ *Zizek Slavoj*. Class Struggle or Postmodernism? Yes, Please! // Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left. London; New York: Verso, 2000. P.95.

² *Derrida Jacques*. The Politics of Friendship. London; New York: Verso, 2005. P. 129.

своего рода каркас, в который вынуждены вписываться все остальные. Такая позиция представлена теорией функционализма, концепцией «миросистем» Иммануила Валлерстайна или работами Никласа Лумана, утверждавшего, что «границы располагаются там, где их видит центр»¹.

Центр, как правило, ассоциируется с агрессивностью, силой, унификацией, благополучием, стабильностью, упорядоченностью, «нормальностью», цивилизованностью, сложностью, самодостаточностью, динамизмом, развитостью, освоенностью. Отношения гегемонии при этом возникают в том случае, когда в условиях существования внешних противоречий системе необходимо представить себя посредством своих собственных элементов.

В российском контексте аналогичные идеи можно встретить весьма часто. Так, В. Каганский характеризует центр как «организатор разнообразия и символ системы, рефлектирующий орган, устанавливающий физические (территориальные) и нормативные границы системы»². В другом месте он уточняет сказанное: «Центр – представитель системы в мире, представитель внешнего мира в системе. Концентратор сложности, специфики и разнообразия. Активно действующее, доминирующее начало»³. Наоборот, периферия – это «зона простого пространства, не сплошная и не целостная, фрагментарная, её разные места ориентированы на разные внешние центры... Периферия – именно та зона, на территории которой другие территории решают свои собственные, чуждые периферии задачи за счёт эксплуатации её ресурсов»⁴.

В том же духе рассуждает и В. Иноземцев, полагающий, что «глобализация не преодолевает, а закрепляет периферийный характер отдельных стран... Именно поэтому современную глобализацию схематически можно представить в виде нескольких концентрических кругов, идущих от центра к периферии»⁵. Следуя этой логике, можно сказать, что в мире есть два доминирующих дискурса: один привязан к центральным субъектам, другой – к окраинным. Россия предпочитает вести диалог преимущественно с «грандами» (США,

¹ Луман Никлас. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С.87.

² Каганский В. Центр–Провинция–Периферия–Граница // Русский журнал. 26 окт. 2004. www.russ.ru/culture/20041026_kag.html

³ Каганский В. Центр–Провинция–Периферия–Граница. Основные зоны культурного ландшафта. <http://www.inme.ru/previous/Kagansky/4z97-ww.html>

⁴ Каганский В. Мерзость запустения // Политический журнал. 26 окт. 2004. № 39 (42).

⁵ Иноземцев В. Глобализация – наивная мечта 21 века // Сайт Центра исследований постиндустриального общества. http://www.postindustrial.net/content1/show_content.php?table=magazines&lang=russian&id=163

Францией, Германией), при этом часто оставляя в стороне периферийные, маргинальные дискурсы как, якобы, менее значимые.

Другой автор отмечает, что «интеграция — это сильнодействующее средство, в принципе рассчитанное на передовые, продвинутое, иными словами, на центральные районы. Пристегнуть периферию к интеграционным процессам можно лишь через систему специальных механизмов, требующих огромных финансовых затрат»¹. Эти передовые регионы-лидеры являются «держателями и создателями ценностей Будущего», и им «удалось “связать” активность других стран, выступить лидерами данного сообщества, а также присвоить себе право оценивать действия последних с точки зрения соответствия продвигаемому проекту Будущего»². К примеру, в рамках Центра стратегических разработок «Северо-Запад» в первой половине нынешнего десятилетия сформировались представления о том, что России необходим «переход к политике поляризованного развития, опирающейся на опережающий рост нескольких базовых регионов и ... выделение в пространстве страны наиболее динамичных городов или мегаполисов», что необходимо для встраивания «в формирующуюся в геоэкономическом пространстве глобального мира новую региональную иерархию»³, основанную на «точках роста».

Вторая (и противоположная) *модель* переносит внимание на окраинные, пограничные, маргинальные территории, которые валоризируются и насыщаются особыми смыслами. В этом случае внимание смещается на изучение пограничных феноменов, на «интерес к маргинальному, локальному, периферийному»⁴, в результате чего угнетаемый элемент иерархической системы выравнивается в силе с господствующим. Эта модель анализа, содержащая важные элементы деконструкции, предполагает воссоздание логики тех, чья позиция игнорировалась или замалчивалась⁵. В нашем случае она усиливает идею об особой роли маргинальных (в том числе колонизованных) территорий, которые исторически были отчуждены от процесса принятия решений, но теперь нуждаются в обретении новых смыслов⁶. Происходит, таким образом, эмансипация подчинён-

¹ Бусыгина И. Сжимаемое пространство до образа мест... // Отечественные записки. 2002. № 6(7).

² Княгинин В., Щедровицкий П. Формула развития. <http://stra.teg.ru/library/national/21/print>

³ Княгинин В., Щедровицкий П. Задачи переходного периода. <http://www.csr-nw.ru/content/library/print.asp?ids=46&ida=722>

⁴ Маньковская Н.Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма). М.: Институт философии РАН, 1994.

⁵ Faulconer James E. Deconstruction. <http://jamesfaulconer.byu.edu/deconstr.htm>

⁶ Ricky Lee Allen. The Socio-Spatial Making of 'Us': Toward a Critical Postmodern Spatial Theory of Difference and Community // Social Identities. 1999. Vol. 5. Number 3.

ных элементов оппозиции¹, однако при этом само бинарное разделение может оставаться. Географические зоны, находящиеся либо находившиеся на обочине процесса принятия политических решений, дистанцированы от государств-лидеров, но, тем не менее, являются неотъемлемыми элементами складывающихся региональных конфигураций. Окраинные, приграничные территории могут выступать как зонами взаимодействия различных социокультурных и политических потоков, так и яблоками раздора между конкурирующими международными акторами.

Так, для Мишеля Фуко наиболее интересны ситуации, при которых «власть достигает своих границ», «своих последних очертаний». Теоретический, на первый взгляд, тезис французского ученого «чем больше я отдаляюсь от центра, тем лучше я вижу истину» можно воспринимать как практическое руководство к действию для специалистов в области регионалистики: для понимания логики развития того или иного регионального пространства следует обращаться к процессам, происходящим на его окраинах. При этом изучение границ имеет свою динамику, диктуемую логикой постструктуралистского мироощущения. Так, по словам Ольги Бредниковой, во-первых, происходит «смена действующих лиц»: внимание постепенно переносится от «тех, кто охраняет границы», к «тем, кто её нарушает». Во-вторых, «граница перестала быть самоцелью: важно то, что происходит по ту или другую её сторону»².

Логика нашего анализа приводит к необходимости встраивания в наши рассуждения концепта *маргинальности*, который кажется нам более точным и корректным, чем периферийность. Известно, что если слабый участник некоей ситуации хочет взять реванш у сильного, то одним из вариантов может стать переопределение того, что такое «сила» и «слабость». Именно это и лежит в основе многочисленных дискуссий, развернувшихся преимущественно в кругах постмодернистов, о роли так называемых нецентральных, окраинных, маргинальных регионов и стран.

В традиционном дискурсе за словом «маргинальность» закрепились преимущественно негативные коннотации. Тем интереснее попытки переосмыслить устоявшиеся представления и посмотреть на окраинные территории по-иному, с постструктуралистской точки зрения. Ключевой фигурой в этом смысле может считаться британский исследователь Ноэль Паркер, с именем которого обычно и связываются позитивные смыслы термина «маргинальность» применительно к политической географии.

¹ Деррида Жак. О грамматологии / Пер. с фр. и вступительная статья Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 19.

² Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).

Margin — это тот термин, концептуализации которого в настоящее время уделяется особое внимание. Идею Н. Паркера о том, что окраины не только являются «продуктами» держав-лидеров, но и способны активно воздействовать на эти державы, развили Кристофер Браунинг и Пертти Йонниemi. С одной стороны, окраинные территории могут способствовать снижению значимости границ (debordering) и, соответственно, «постмодернизации» политического пространства. С другой стороны, окраинные территории могут содействовать укреплению границ (bordering) и в этом смысле поддерживать те принципы национальной исключительности и суверенитета, которые заложены в вестфальской системе¹. Скорее всего, К. Браунинг и П. Йонниemi имели в виду калининградскую проблему.

В контексте нашего анализа особенно важной представляется идея о возрастающей значимости окраин («маргинальных» территорий) для России. Связано это с тем, что глобализация может снижать значимость географического фактора для центральных держав, но для периферийных территорий эта значимость не снижается и даже может возрасти². Таким образом, «новый регионализм» можно трактовать как инструмент, с помощью которого ряд окраинных стран избегает потенциального превращения в социально-культурную и политическую периферию из-за своей географической удалённости от центров принятия решений³. Мало кто в мире хочет быть периферийной страной, если под границей понимать разделительную линию, чреватую потенциальными конфликтами; в то же время существует явное стремление ряда стран использовать своё «стыковочное» положение для извлечения тех или иных выгод, что часто выражается в метафоре «моста».

В данном контексте важно отметить, что при определённых обстоятельствах маргинальные территории могут оказывать влияние, непропорциональное своему скромному формально-географическому статусу, на тот центр, по отношению к которому эти территории являются окраинными. При этом окраины могут требовать от центра высокую цену за политическую лояльность, но только при наличии хотя бы гипотетических альтернативных ориентаций⁴.

¹ *Browning Christopher, Joenniemi Pertti.* Contending Discourses of Marginality: the Case of Kaliningrad. Copenhagen: Institute for International Relations and Human Rights, 2003.

² *Peym O.* Почему модель еврорегионов неконструктивна? www.edc.spb.ru/conf2001/Reut.html

³ *Antonisch Marco.* Regionalization as a Way for Northern 'small' nations to be heard in the new EU // The New North of Europe. Helsinki: UPI Policy Memos, 2002. P.6.

⁴ *Parker Noel.* Marginal Manoeuvres: Danish and British Postures in Europe // Danish Foreign Policy Yearbook 2001 / Ed. by B. Heurlin and H. Mouritzen. Copenhagen: Danish Institute of International Affairs, 2002.

Маргинальность — (субъективная) пространственная категория идентичности, предполагающая сопротивление установленному порядку со стороны изначально периферийных элементов структуры. Это не раз и навсегда установленная категория, она формируется в процессе так называемых игр признания. Актор может признать или не признать свой маргинальный статус, приписанный ему другими, или может сам назвать себя маргинальным, придав этому концепту особый смысл. Более того, маргинальность бывает внешней и внутренней. Например, Европейская политика соседства (ENP) — это не что иное, как попытка Брюсселя предложить окружающим ЕС странам принять на себя маргинальный статус со всеми вытекающими последствиями. Отказ России от участия в ENP — одно из доказательств того, что Москва не принимает этот статус, считая себя самостоятельным (и в этом смысле внешним для Европы) центром силы.

Таким образом, маргинальность есть некая позиция, добровольно занятая в отношении центра, структурирующего ту систему отношений, в рамках которой возможны отношения маргинальности. Если некая территория не считает себя никоим образом привязанной к «центру», а тем более противостоит ему, то тогда она, по определению, не может быть маргинальной — она становится принадлежащей альтернативному пространственному порядку.

Использование категории маргинальности даёт нам возможность посмотреть на пространство как на социальный конструкт — нечто похожее, скажем, можно найти в школе «гуманитарной географии» Дмитрия Замятина. Пространственные маркеры могут меняться, пространством можно «играть» и наполнять его разными смыслами. Есть множество примеров того, как те или иные маргинальные территории начинают чувствовать, что им «тесно» в рамках «официальной» пространственной матрицы; они начинают вырываться из неё, дистанцируясь от одних географических означающих и приближаясь к другим. Допустим, Псков, называя себя порогом Европы, в мягкой форме демонстрирует свою готовность позиционировать себя не только в российской, но и в европейской системе координат.

Маргинальные территории принимают правила игры, подчиняются господствующей логике и удовлетворяются своим окраинным местом. Такой взгляд основывается на традициях, идущих от Мишеля Фуко, Фердинанда Соссюра и Джудит Батлер, для которых субъект (как можно предположить, в том числе и территориальный) — это тот, кто включён, интегрирован в структуру, но сопротивляется её детерминизму внутри неё. Именно в этом смысле можно утверждать, что в распоряжении маргинальных территорий есть свой ресурс, который при определённом стечении обстоятельств может быть использован.

Как видим, маргинальность (окаинность) ассоциируется с автономностью, манёвренностью, умением использовать собственные ресурсы влияния для получения «ренты» за нахождение в сфере влияния одного из двух центров при наличии альтернативы; для избежания ненужных расходов (например, на оборону и безопасность), а также для обозначения возможных альтернатив. Стратегии маргинальности как *промежуточного позиционирования* обычно формируются под воздействием «чужого» центра: например, какая-то часть территории государства (скажем, Калининградская область или Карелия) может быть отнесена в более близкую для ЕС категорию, чем вся Россия.

Но бывают ситуации, при которых маргинальность можно рассматривать как аналог *ацентриальности*, т.е. ухода от использования любых смысловых коннотаций, так или иначе связанных с категорией центра. Ацентричное пространство – то, которое не стремится иерархизироваться¹. Например, Норвегия, располагая политическим ресурсом маргинальности, аргументирует своё нежелание войти в состав ЕС как внутренними факторами (более высокие, чем в Евросоюзе, экономические показатели, образовательные стандарты и более эффективная система социальной защиты), так и внешними, а именно наличием стабильных связей с США в сфере безопасности².

Маргинальность интересна и с точки зрения выполняемых ею функций *посредничества*. Феномен государств-посредников («медиаторов», «брокеров»), трансформирующийся в метафору «моста», – вполне логичное следствие раздвоенности маргинального сознания, его двойной принадлежности³. При этом функция посредничества условно раскладывается на два варианта.

1. Попытки самопозиционирования государств как посредников (Румыния или Украина – между Западом и Востоком, Эстония – между НАТО и закавказскими республиками, и пр.). Моделей здесь может быть несколько:

- *дипломатическая*: посредничество как способ разрешения конкретного кризиса (с согласия обеих вовлечённых сторон);
- *символическая*: посредничество как жест, требуемый для подчёркивания особой специфики (идентичности) страны, для

¹ *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // НЛЮ. 2000. № 46.

² *Godal Bjorn Tore.* Norway: An Outsider – For How Much Longer? Speech before the European Union Studies Center, City University of New York, April 19, 1999. <http://www.ciaonet.org/wps/gob02/>

³ *Каганский В.* Граница как позиция и предмет понимания // Понимание как усмотрение и построение смыслов: Сб. науч. трудов. Ч. 2. Тверь. <http://www.inme.ru/previous/Kagansky/Gr-refl.html>

активизации её геопространственного потенциала (например, Польша и её инициатива «Восточное измерение»). Посредничество в этом смысле превращается в «декларацию о намерениях», фиксирующую определённые приоритеты окраинного государства и предлагающую использовать эти приоритеты в интересах того объединения (ЕС), куда входит это государство;

- *социокультурная*, находящая своё выражение в попытках плюрализации и фрагментации образа «Другого». Так, польская или литовская модели «мостов на Восток» могут привести к восприятию Польши или Литвы в России как специфических сегментов внутри ЕС, в большей степени склонных к позитивному взаимодействию с Россией, чем евробюрократия. Образ Европы, таким образом, становится более многомерным и разноплановым.

2. Посреднический потенциал может быть у частей государств:

- *приграничные территории*: основная стратегия при этом может формулироваться как создание альтернативной «площадки», отсюда широко распространённые концепты «пилотирования», экспериментирования, инновационности;
- *еврорегионы* как инклюзивная модель реализации стратегии изменений, сочетающих внешние и внутренние воздействия, их участниками являются не только субнациональные органы власти и управления, привязанные к определённой территории, но и различные профессиональные и деловые организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого взаимодействия.

Своя специфика использования ресурса маргинальности есть и у внутренних регионов. Например, саратовские политологи так описывают процесс международной интеграции их региона: «Активный поиск самостоятельного, в обход Москвы, выхода на мировой рынок... слабо влияет на экономику региона. Популярны сегодня идеи глобализации никак не отражаются на реальных возможностях участия региона в международной экономической деятельности. Причём ограничения эти заданы прежде всего условиями существования и функционирования международной финансовой системы. Они не позволяют регионам попасть в референтную группу полноценных субъектов мирохозяйственных связей»¹.

¹ Кузнецов И.И., Шестов Н.И. Геополитическое самоутверждение региона (на примере Саратовской области) // Полис. 2000. № 3 (11).

Деконструируя оппозицию: новые пространства различий. Дуализм «центр—периферия» в различных его вариациях всё же является упрощением, на что указывает литература конструктивистского профиля, в которой регионы часто характеризуются как «место встречи различных концепций пространства», конструируемых посредством дискурса. Операция деконструкции пары «центр—окраины» может базироваться на методологическом указании Александра Вендта о существовании отличия «причинного» подхода от «конститутивного». В контексте нашего анализа этот тезис следует понимать в том плане, что «центр» не есть причина существования «окраин», равно как последние не есть следствие существования «центра». Более корректно, с точки зрения социального конструктивизма, было бы полагать, что «центр» и «окраины» могут существовать, только конституируя, создавая возможность для функционирования друг друга¹.

Как можно использовать это ценный тезис для нужд нашего анализа?

Во-первых, центральность и маргинальность могут не только противостоять друг другу, но и взаимно обуславливать друг друга. К примеру, именно благодаря своей центральности в ключевых сферах экономики (финансовый сектор в Швейцарии и нефтяной в Норвегии) эти две страны могут позволить себе роскошь оставаться маргинальными по отношению к ЕС — не входить в Союз организационно, но использовать все преимущества его структур, вплоть до вхождения в Шенгенское пространство.

Таким образом, концепция маргинальности, сочетающая в себе геополитические и социально-конструктивистские аргументы, может оказаться востребованной не столько для понимания логики слабейших членов международной системы (как считают циники) и не для превращения этих «слабейших» в некий новый центр внимания и источник инноваций (как полагают оптимисты). Ценность этой концепции — в описании имманентной раздвоенности маргинального позиционирования, его одновременной ориентации на различные внешние центры силы. Таким образом, концепт маргинальности следует понимать как приглашение к обсуждению различных альтернатив в позиционировании географически окраинных стран и регионов, но ни в коем случае не как «диагноз».

Во-вторых, неизбежно взаимодействие между центральными и нецентральными «игроками». В рамках этой модели возможны сценарии, при которых некая периферийная территория тяготеет ко

¹ *Wendt Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: University Press, 2004. P.12.*

многим разным центрам при перекрытии зон их влияния¹. Скажем, Дания представляет собой пример географически «маргинальной» (т.е. находящейся вне географического центра Европы) страны, которая пытается соединить в своей внешней политике самые различные векторы. С одной стороны, это приверженность идее общеевропейской интеграции и лояльность американской концепции глобальной безопасности, а с другой — готовность принять (особенно после 11 сентября 2001 г.) правила «силовой политики» и одновременно сохранить в своём арсенале типично идеалистические представления о мировой политике. Напрашиваются аналогии с ещё одной «маргинальной» (в том же, близком к постструктуралистскому пониманию этого термина) страной — Польшей, которая тоже, условно говоря, пытается усидеть на двух стульях: «европейском» и «американском».

Другим примером является происходящее на наших глазах переустраивание пространства, которое раньше было частью «буферной зоны», отделяющей Россию от Европы. Его первые очертания проявились в виде создания блока ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Армения, Молдова), который существовал в основном из-за поддержки Вашингтона. В начале нынешнего года стала активно обсуждаться идея Балтийско-Черноморского региона (БЧР), которая после Боржомской декларации лидеров Украины и Грузии плавно трансформировалась в Сообщество демократического выбора (СДВ).

В принципе, несмотря на все эти семантические поиски, попытка сконструировать некое подобие региона в зоне между Балтийским и Чёрным морями вписывается в тот формат регионостроительства, который известен по опыту Нордической Европы или создания Баренц-Евроарктического региона. В этом смысле БЧР–СДВ продолжает традиции проектного подхода к трансграничной интеграции, непосредственно затрагивающей пространственные структуры, складывающиеся на западных границах России. Однако в отличие от большинства других известных проектов (например, «Северного измерения», развиваемого Финляндией) концепция БЧР–СДВ носит ярко выраженный государственно-центричный характер и поэтому не столько «размывает» границы между Западом и Востоком, сколько переформулирует их, задаёт им новые параметры. Кроме того, проект БЧР–СДВ отличается ещё одной особенностью: у него нет одного отца-основателя. Можно предположить, что этот проект является «совместным предприятием» США и ЕС, хотя роли между ними распределены по-разному. Соединённые Штаты боль-

¹ Каганский В. Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).

ше обеспокоены вопросами безопасности; это отчасти подтверждается тем обстоятельством, что идея о переносе опыта трёх прибалтийских стран на Кавказ разрабатывалась скорее как НАТОвский (а потому проамериканский) проект. Евросоюз же в рамках своей «политики соседства» нацелен на создание у своих границ пояса лояльных и дружески настроенных стран, способных адаптировать и воспринять европейские ценности, нормы и принципы устройства социально-политической жизни. Тем не менее представляется, что Вашингтон и Брюссель дополняют друг друга и их взаимное пересечение следует воспринимать скорее в категориях Антонио Негри с его идеей «сетевой», децентрализованной империи, чем в категориях Роберта Кейгана, постулирующего принципиальный раскол между двумя берегами Атлантики, американским и европейским.

Однако парадоксальным (если не ироничным) образом дуализм рассматриваемого регионального проекта при ближайшем рассмотрении превращается в треугольник, поскольку, помимо США и ЕС, есть ещё один важный субъект, который может по праву претендовать на соучастие в рождении БЧР. Это Россия, которая влияет на этот проект посредством оппонирования ему. Пикантность ситуации состоит в том, что оппонировать можно лишь тому, чьё существование ты признаёшь (по крайней мере, не оспариваешь). Россия — в лице многих экспертов и политических деятелей — приняла (и даже политически легитимировала) существование БЧР не просто в качестве «дискурсивного факта», а как некую онтологическую данность. Представляется, что такое признание «воображаемого региона» можно объяснить его встраиваемостью в общую логику восприятия мира официальной Москвой, которая представляет собой причудливую смесь конспирологических теорий, вульгарного реализма и геополитических инстинктов. Именно в этом «коктейле» Балтийско-Черноморский регион нашёл своё место в качестве наглядной иллюстрации злонамеренности планов Запада в отношении России.

Косвенно признав существование БЧР и включив его в свой внешнеполитический вокабуляр, Россия может серьёзно просчитаться, поскольку за всем этим просматривается перспектива фронтальной коллизии с группой наших соседей на западе и юге. Вполне вероятно, что больше пользы принесла бы альтернативная стратегия, которая могла бы состоять в семантической деконструкции БЧР, его разложении на отдельные фрагменты и выстраивании индивидуальных отношений с каждым из них. С учётом огромного культурного, социального и экономического разнообразия этого воображаемого региона такой подход был бы вполне логичным и продуктивным.

Говоря языком Жака Лакана, БЧР — это «объект, который одновременно невозможен и необходим»¹. Он невозможен, поскольку чисто политический критерий, лежащий в его основе, делает его заложником меняющейся мировой конъюнктуры, определяемой за пределами БЧР. Но он необходим либо как инструмент переформатирования политического пространства, либо как аргумент, подтверждающий устойчивые иллюзии и стереотипы.

В-третьих, между центром и окраинами можно увидеть множество комбинаций, инверсий и переходных позиций. Выглядеть они могут следующим образом:

- *Центральность периферийных субъектов*. Например, Нордические страны, географически находясь на периферии Европы, претендуют на роль «центра» в том, что касается выработки инновационных моделей интеграции и практического воплощения идей «мягкой безопасности».
- *Эксцентричность*, соответствующая представлению Ж. Дерриды о том, что «центр парадоксальным образом находится внутри структуры и вне её. Центр находится в центре целостности и, однако, ей не принадлежит, эта целостность имеет свой центр где-то в другом месте». Другими словами, центр, организуя структуру, сам при этом избегает структурности². В этом смысле можно увидеть в Москве «главный приграничный регион России»³, который, с одной стороны, «граничит со всей Россией и который есть граница всей России» при её взаимодействии с внешним миром⁴. С другой же стороны, Москва является частью другой, глобальной по своему охвату системы мегаполисов (мировых столиц).
- *Альтернативная центральность* (либо «вторичная столичность»). В России эту модель весьма активно реализует Санкт-Петербург. Она базируется, во-первых, на собственной культурной значимости и претензиях на особый политический статус. Во-вторых, Санкт-Петербург в качестве «альтернатив-

¹ Цит. по: *Laclau Ernesto*. Identity and Hegemony: The Role of Universality in the Constitution of Political Logics // Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left. Judith Butler, Ernesto Laclau and Slavoj Zizek. London; New York: Verso, 2000. P.74.

² *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1999.

³ Каганский В. Противоречивая Москва // Русский журнал. 13 сент. 2004. http://www.russ.ru/culture/20040913_kag-pr.html

⁴ *Каганский В.* Неожиданное сходство // Русский журнал. 11 окт. 2004. http://www.russ.ru/culture/20041011_kag-pr.html

- ного центра» играет роль транслятора многих социокультурных влияний со стороны Европы.
- *Двойная периферия*: обычно этот термин относится к территориям, которые находятся на стыке двух конкурирующих политических систем, являясь для каждой из них периферией (например, Калининградская область для ЕС и Российская Федерация).
 - *Полупериферия*¹. Этот термин отражает существование ряда промежуточных звеньев между центром и не-центром. Например, финский исследователь Пами Аальто представляет политическое пространство Европы состоящим из «инсайдеров» («гранды» европейской интеграции), «полуинсайдеров» (т.е. тех, кто по каким-то причинам не присоединился к отдельным механизмам сотрудничества, будь то Шенгенские соглашения или создание еврозоны), «близких аутсайдеров» (т.е. тех, кто подал заявки на членство в ЕС) и «аутсайдеров» (т.е. тех, кто не имеет шансов на подключение к интеграционным процессам в обозримом будущем)². С нашей точки зрения, полупериферия наиболее близка к категории «близких аутсайдеров».
 - *Полипериферия* – иначе говоря, периферия, тяготеющая к нескольким внешним центрам при перекрытии зон их влияния³. Например, Польша в равной мере видит себя и частью ЕС, и компонентом евроатлантических структур безопасности, патронируемых Соединёнными Штатами (в частности, посредством НАТО).
 - *Пограничная центральность*, т.е. перенесение центра на край политического пространства (Санкт-Петербург). Аналогичным образом В. Каганский характеризует, например, Тарту как «почвенную столицу Эстонии, центр эстонского национального движения, столицу эстонского фермерства»⁴.
 - *Маргинализация центра*, т.е. его ослабление вплоть до ситуаций, при которых центр перестаёт быть источником полити-

¹ Хорос В. Полупериферия в контексте глобализации // Полярная звезда. 16.06.2003. <http://zvezda.ru/article.php?area=1&id=150&sub=10>

² Aalto Pami. Semi-Outsiders or Close Outsiders? Russia and Its Kaliningrad Region in European Integration // Paper presented at the «New World Politics» conference, Finland. Hameenlinna: 12–13 January 2004.

³ Каганский В. Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).

⁴ Каганский В. Теоретико-географические миниатюры. Тарту // Русский журнал и Институт национальной модели экономики. http://www.russ.ru/journal/adna_8/98-08-05/kagan2.htm

ческих инноваций, а то и просто решений. В исключительных ситуациях следствием этого может стать вынесение центра за пределы системы (например, для приграничных регионов России Брюссель может играть более существенную роль в качестве источника финансирования различного рода проектов, чем Москва).

В-четвёртых, чёткость оппозиции размывается «разложением» каждой из них на ряд вариантов, в результате чего сама бинарность теряет строгость и перестаёт восприниматься как основа концептуального прочтения пространства.

Центр как воплощение универсальности, по Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, может рассматриваться как «символ отсутствующей полноты», и за артикуляцию его содержания всегда идёт борьба между различными социальными силами. По сути, это есть соревнование за временное наполнение смыслами того, что можно назвать «пустым означающим», иначе говоря «образом без внятного референта». В контексте нашего анализа важно отметить, что, будучи одним из множества сегментов пространственной структуры, центр принимает на себя роль универсальной репрезентации¹. Но этот сегмент может быть заменён другим, что повлечёт за собой формирование иной модели центра и, соответственно, иной модели репрезентации всей системы.

Многие критические (постструктуралистские) подходы вообще строятся на убеждении в том, что не существует единого центра, из которого вышли бы все отношения власти². Ж. Деррида писал об этом следующим образом: «Вся история понятия структуры должна осмысляться как серия подмен одного центра другим, как цепочка следующих друг за другом определений центра. Центр последовательно получает различные формы и имена». Например, вполне реальна ситуация, при которой «центр может постоянно перемещаться»³. Особым проявлением этой тенденции стала, например, «столичная лихорадка», захлестнувшая многие крупные (и не очень) города России⁴. Типичным примером является попытка некоторых городов (например, Новгорода) представить себя в качестве «настоящего сердца России».

¹ Гололобов И.В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism. Center for Pontic and Caucasian Studies. 2003. № 3. Sept.

² Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2005. С. 143.

³ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов. http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_06.htm

⁴ Сухонина Ю. Столичная лихорадка, <http://www.politkuhnya.ru/index.php?IDobj=2960>

Центр, по Ж. Деррида, не какое-то определённое место, а «функция, в которой до бесконечности разыгрываются подстановки знаков»¹. Этот тезис, выдержанный в духе лаканианских традиций, исходит из изначальной «пустоты» («фальшивости») категории всеобщего, универсального (а, значит, и центра), за насыщение которого конкретными смыслами идёт постоянная борьба.

Случаи нарушения структурности описывал и Юрий Лотман, говоря о ситуациях, при которых «центр конструируемой ... религиозно-политической и культурной модели переносится за пределы своего государства»². Но если для структуралистов, к числу которых принадлежал Ю. Лотман, такие «сценарии» являются *возможными*, то для постструктуралистов они *неизбежны*.

Однако в рамках постструктурализма можно найти подходы, которые не просто ставят под вопрос неизбежность доминирования центра по отношению к не-центру, но и отказываются рассуждать в таких категориях вообще. Наиболее удачным выражением подобной *ацентричной* логики стали работы Жюль Делёза и Феликса Гваттари, которые внутри так называемых «структур» видят свободную игру элементов. Её знаком становится *ризома* — недифференцированная фигура, хаотичное и аморфное образование, эмблема постмодерна. Делёзовская ризома — это запутанная система подземных стеблей с отростками и побегами, которые, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой. Ризома может вторгаться в чужие цепочки и образовывать поперечные связи³.

Не-центр может быть, в свою очередь, представлен несколькими вариантами:

- *Периферия*, которую можно охарактеризовать как «подвластное центру пространство, организованное извне, где... нет вообще ничего своего. Периферия себя не мыслит, она существует исключительно для чего-то»⁴ (например, может играть роль форпоста государства). В то же время, по мнению Д. Замятина, «расшатывание географии Модерна начинается на семиотических перифериях мира. Максимально плотные и устойчивые в центре определённой семиосферы образы мира становятся более изменчивыми, более семиотически неясны-

¹ Деррида Жак. Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 371.

² Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9.

³ Делёз Жиль, Гваттари Феликс. Что такое философия. М.: Изд-во экспериментальной социологии, 1998.

⁴ Каганский В. Национальная модель культурного ландшафта // Русский журнал. 18 июня 2004. <http://www.russ.ru/culture/20040616-kagg-pr.html>

ми на её периферии. Именно здесь сильна семиотическая динамика, способствующая неортодоксальным символизациям пространства и развитию географических образов мира, не укладывающихся в пропорциональную и соразмерную картину пространства Модерна»¹.

- *Провинция*, которую можно охарактеризовать как политически лояльное, но культурно и исторически самобытное и самодостаточное пространство, наполненное собственными смыслами и имеющее свою идентичность. Сценарий провинциальности реализуется там, где внешняя среда не даёт региону сильных стимулов для взаимодействия с ней, заставляя реализовывать собственный культурный потенциал во внутреннем пространстве. Именно в этом смысле нужно понимать мысль И. Бусыгиной о том, что провинция «подкрепляет идею уникальности»² в противовес «типичности» центра.
- *Приграничность, рубежность*, которая в дискурсивном плане либо героизируется, либо, наоборот, десакрализируется³. Граница – зона «двойной принадлежности», поскольку она является стыковочным модулем между двумя соприкасающимися друг с другом политическими пространствами. Приграничные территории могут выступать как зонами взаимодействия различных социокультурных и политических потоков, так и «яблоками раздора» между конкурирующими международными акторами. Большинство сегодняшних представлений о границах предполагает возможность их реконфигурации и реартикуляции под влиянием меняющихся восприятий и идентичностей, формирующихся в области публичного дискурса.

В-пятых, в случае конкуренции между собой двух (или более) пространственных систем, каждая из которых имеет свой центр и периферию, деконструкция может означать такое «открытие простора для различий»⁴, которое воплощается в концепции «*третьего пространства*». Его суть применительно к предмету нашего внимания видится в формировании альтернативы обоим центрам. Интересным примером может служить складывание так называемого нордического дискурса в скандинавских странах, который имеет и

¹ *Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1.

² *Бусыгина И.М.* Сжимая пространство до образа мест... // *Отечественные записки*. 2002. № 6 (7).

³ *Бредникова О.* Последний рубеж // *Отечественные записки*. 2002. № 6 (7).

⁴ *Newman Saul.* Derrida's deconstruction of authority // *Philosophy and Social Criticism*. Vol. 27, n 3. P. 13.

свой российский аналог¹. Север как «master-signifier» предстаёт в категориях толерантности, взаимопроникновения разнообразных субъектов, территорией свободы и источником разнообразных ресурсов. В этом смысле «Север» как концепт депроблематизирует как дихотомию «Восток—Запад», так и споры между «евразийцами» и «атлантистами», «либералами» и «консерваторами», «глобалистами» и «регионалистами».

В-шестых, интересны ситуации, которые можно определить как *сопротивление структурности*. По М.Фуко, там, где есть власть, обязательно есть и сопротивление ей, причём пункты этого сопротивления территориально дисперсны и находятся повсюду. В качестве частного случая этого неизбежного и повсеместного сопротивления можно рассматривать нарушение структурности изнутри.

Говоря языком итальянского политического философа Джорджио Агамбена, любое политическое сообщество можно анализировать, исходя из трёх ключевых концептов: целое; часть; остаток, т.е. «избыточный элемент» в рамках пространственной структуры, для которого в ней не находится места и который превращается в носителя протестных настроений. Перефразируя Славоя Жижека, можно сказать, что политика — это «собственный избыток», вызывающий к жизни тех, кто выводит её за собственные границы². Она воспроизводит тех, кто лишён своего фиксированного места в политическом пространстве. Отсюда почти бодрийеровская линия конфликта между структурированным политическим телом, «в котором каждая часть занимает своё место, и частью, расстраивающей этот порядок». Политика — это производство «избыточных», «вытесняемых» элементов, которые «принадлежат последовательности, но не обладают дифференциальными качествами, определяющими их место в структуре»³. Именно в этом методологическом контексте и следует толковать практики «инклюзии» и «эксклюзии», сквозь призму которых можно говорить о маргинальности как об интереснейшем пространственном феномене.

В любом региональном пространстве есть элементы, не вписывающиеся в структуру, выпадающие из неё. По Э.Лаклау, «условием появления субъекта является его неподчинение детерминизму структуры» и «переход от неразрешённости к креативному акту». Примерами могут быть всевозможные сепаратистские и сецессионистские движения.

¹ См., в частности, материалы сайта «Новый свет. Северная цивилизация», <http://sever.inache.net>

² Жижек Славой. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. С. 140.

³ Там же. С. 221.

Заключение

Мы начали наш анализ с тезиса о том, что любое пространство взаимодействует с внешним миром двояко: с одной стороны, через центр (или центры), обладающий для этого соответствующим образом сконцентрированными ресурсами; с другой — в силу географического фактора они вынуждены соприкасаться со структурными элементами международного сообщества через приграничные, окраинные территории. К примеру, в России около половины субъектов Федерации имеют выход к внешним границам и поэтому обречены на соучастие в трансграничных процессах.

Большинство приграничных территорий Российской Федерации вынуждено встраиваться в те или иные идентификационные поля, центры формирования которых находятся за пределами России (примером могут служить модели регионостроительства в Северной и Балтийской Европе, основанные на конструировании общей системы ценностей и лояльностей). Способность российских регионов стать генераторами полюсов идентичности для сопредельных территорий зарубежных стран остаётся под очень большим вопросом.

В России «новое трансграничное мышление» с большим трудом пробивает себе дорогу. По словам Л. Смирнягина, «географическая среда ... не дала русской культуре опыта для выработки полноценного чувства границы, предела»¹. Исследования, проведённые в приграничных регионах России, показывают, что «характерными чертами нового поколения россиян являются пониженная чувствительность к опасностям, которые несёт в себе пограничный фактор, и неадекватное, иногда доходящее до легкомыслия, отношение к границам... [Приграничная] безопасность пока что остаётся пропагандистским штампом с широким и во многом неопределённым смыслом»².

Предложенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, методология дискурсивной деконструкции помогает увидеть множество оттенков регионализма, слабо различимых в рамках традиционной (и более статичной) системы координат центр—периферия. Своего рода «спектральный анализ» континуума «центр—окраины» делает географические образы территорий более гибкими, контекстуальными, динамичными, встраиваемыми в меняющийся формат взаимоотношений между различными пространственными субъектами. Одна и та же территория может, образно го-

¹ Смирнягин Л. Культура русского пространства // Космополис. 2002–2003. № 2. С. 54.

² Хвощев В.Е. Изменяющаяся Россия: проблемы безопасности и пограничной политики // Полис. 2002. № 6. С. 182.

воря, «мигрировать» по различным ячейкам сложной пространственной матрицы, сравнимой, по терминологии Ж. Делёза, с ризомой. Интересным проявлением смещения (и смешивания) образов центра и периферии могут служить, например, экспериментальные попытки географически окраинных территорий использовать для самоидентификации дискурсивные конструкции, базирующиеся на той или иной версии «центральности» (частными примерами этой тенденции могут быть Калининградская и Псковская области). Не менее интересно и то, что один и тот же регион может играть одновременно несколько пространственных ролей – например, центра и окраины (Санкт-Петербург), провинции и периферии (Карелия), и т.д.

Во-вторых, мы постарались показать, что взгляд на мир, предлагаемый (если не навязываемый) центральными субъектами политических отношений, далеко не единственно возможный. Географически маргинальные (окраинные) «игроки» обладают собственной динамикой и способны продуцировать собственные интерпретации пространственной организации мира. Иногда получается так, что эти интерпретации становятся частью сознательных стратегий нецентральных акторов, направленных либо на использование «ресурсов маргинальности», либо на приобретение некоторых характеристик центральности.

В-третьих, существует логическая связь между дискурсами, геокультурными образами и политическими стратегиями регионов, ищущих своё место в «деконструированном» пространстве. Все три звена этой цепочки могут актуализироваться путём сознательного «разворачивания» или «сворачивания» географического пространства для достижения определённых эффектов. Данное обстоятельство открывает широкие возможности для моделирования различных вариантов регионального интереса, адаптируемого как к внутренним процессам, так и к возможностям (либо ограничениям), предлагаемым внешней средой.

ЧАСТЬ 2. ЗАПАД

Г л а в а 3

Калининград

Эксклавный и переселенческий регион. Региональная идентичность

Главными отличиями Калининградской области от других российских регионов является то, что это:

- эксклавный регион;
- переселенческий регион.

Калининградская область была образована 7 апреля 1946 г. на месте северной части бывшей Восточной Пруссии, переданной СССР согласно Потсдамским соглашениям 1945 г. Область вошла в состав РСФСР и с самого начала была отделена от нее территориями союзных республик Прибалтики и Белорусской ССР. Но в условиях существования СССР этот фактор не играл существенной роли. После распада СССР в декабре 1991 г. Калининградская область стала эксклавом суверенной России, отделенным от нее независимыми иностранными государствами. Географически область осталась там же, где она была раньше, но ее геополитическое и геоэкономическое положение, внешние условия развития драматически изменились. Еще один масштабный геополитический сдвиг в положении области произошел 1 мая 2004 г., когда она стала своеобразным «российским островом» (анклавом) внутри расширившегося Европейского союза (ЕС).

Калининградская область изначально формировалась как переселенческая, своего рода «регион переселенческого социализма». Оставшееся немецкое население в 1947–1948 гг. было выселено в советскую зону оккупации в Германии, а на его место прибыли советские переселенцы, главным образом, из РСФСР и Белорусской

ССР (массовое заселение области началось в августе 1946 г.). Начиная с середины 1950-х годов роль переселенцев в росте числа жителей области снизилась, и основным источником увеличения численности населения стал естественный прирост. Но с начала 1990-х годов миграционный приток вновь возрос и затем стал единственным источником роста численности населения области (смертность с 1992 г. превышает рождаемость). Положительное сальдо миграции за 1991–1999 гг. превысило 100 тыс. человек¹. Основную часть прибывших из ближнего зарубежья составило русскоязычное население из Казахстана и бывших советских республик Средней Азии.

Новая волна миграций усилила переселенческий характер населения Калининградской области. Сейчас местные уроженцы составляют только 43% населения (из них 24% относятся к первому поколению и 19% – ко второму)².

Миграция имела позитивное значение, так как она компенсировала (до 1999 г. включительно) естественную убыль население области и способствовала прибытию в область экономически активного населения. Более половины приезжих – люди трудоспособного возраста (более 40% из них имеют высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование). Около трети – дети до 15 лет.

В то же время миграция на первых порах в определенной степени повысила неустойчивость регионального социума. Отношение местного населения к приезжим первоначально было настороженным и во многом определялось завистью к более энергичным и более удачливым мигрантам. Поддержка мигрантами друг друга и образование ими своих региональных сообществ даже дало основание говорить о так называемой «казахстанской мафии». Но этот жупел не получил широкого распространения. По мере вrastания мигрантов в региональный социум (а многие из них заняли достаточно прочные позиции в малом и среднем бизнесе региона, а также в политической элите) он постепенно выходит из употребления³.

Согласно указу президента В.В. Путина от 22 июня 2006 г. № 637 Калининградская область вошла в число 12 пилотных регионов России, где Государственная программа об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественни-

¹ Федоров Г.М. Население Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 20.

² Клемешев А.П., Федоров Г.М. Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001–2004 гг. / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. (Регион сотрудничества. Вып. 6 (31)). С. 4.

³ Подробнее о проблеме миграции 1990-х гг. см.: Денисенков А. Мирная оккупация. Приезжие все больше влияют на метаморфозы // Эксперт Северо-Запад. 2001. 3 сент. № 16 (45). С. 40–43.

ков, проживающих за рубежом, начнет действовать в первую очередь. В связи с этим в области разработана региональная миграционная программа. Первоначально планировалось, что до 2015 г. в область переедет до 450 тыс. человек¹. В дальнейшем это количество было снижено до 300 тыс.² Однако, чтобы это программа была успешно реализована, необходимо обеспечить мигрантов жильем и работой, развивать социальную инфраструктуру, а также преодолеть негативное отношение к переселенцам (согласно недавним социологическим опросам, две трети жителей Калининградской области против приезда зарубежных соотечественников)³. В противном случае новая волна миграций может привести к возрастанию социальной напряженности.

Как же смотрят нынешние жители Калининградской области на себя, свое будущее, как они относятся к своей стране и соседним странам? Какова их самоидентификация?

По данным социологических исследований, подавляющее большинство калининградцев (почти 3/4) выступают за сохранение области в составе России⁴. За варианты, так или иначе предполагающие отделение области от России (включая совместное управление областью Россией и ЕС), высказываются около 22%. Если говорить об отношении к соседям, то наиболее положительно воспринимается Белоруссия (около 84% опрошенных), 73% опрошенных положительно относятся к Германии и Польше, 63% – к Литве. Большинство респондентов (около 90%) поддерживают необходимость более активного развития связей с соседними европейскими странами и Евросоюзом в целом.

Если говорить о социальной идентичности жителей области, то около 77% из них по сумме трех выборов (опрошенным предлагались три варианта – в первую очередь, во вторую очередь и в третью очередь) считают себя россиянами, жителями Российской Федерации (в первую очередь россиянами – 41%). Европейцами считают себя лишь около 21% опрошенных (в первую очередь европейцами – около 6%).

¹ Шалимов Ю. Нам нужны работяги, а не жулики // Калининградская правда. 2006. 9 авг.; Акимов В. Пик миграции – через четыре года // Калининградская правда. 2006. 23 авг.

² Смирнов В. Мигрантов будет меньше // Калининградская правда. 2006. 5 сент.

³ Две трети калининградцев против приезда зарубежных соотечественников // Калининград.ru. 2006. 24 авг. <http://www.kaliningrad.ru/news/politics/k138402.html>

⁴ Данные социологических опросов в этом разделе приводятся по: Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий / Под ред. А.Ю. Мельвиля, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. (Регион сотрудничества. Вып. 3 (46)).

В Калининградской области отсутствуют условия для формирования этноконфессионального сепаратизма, поскольку свыше 82% населения составляют русские, а более 94% – славянское ядро (русские, белорусы и украинцы). Русский язык считают родным более 86% всех жителей области. Подавляющее большинство калининградцев в конфессиональном плане в той или иной степени ассоциируют себя с православием.

В то же время важно, чтобы социально-экономическая политика, проводимая новой региональной властью¹, а также федеральным центром, пользовалась пониманием и поддержкой большинства жителей области, разрабатывалась и реализовывалась при их активном участии. В противном случае не исключено появление «москвоборческих» и антифедеральных настроений, которые при неблагоприятном развитии событий могут трансформироваться в сепаратистские.

Природные и трудовые ресурсы

Калининградская область не располагает серьезными минеральными ресурсами российского или мирового масштаба, за исключением янтаря – около 90% мировых запасов. Однако из-за непродуманной приватизации Калининградского янтарного комбината², широкого распространения хищений³ и контрабанды янтаря предприятие оказалось банкротом. А мировой «янтарной столицей» является не Калининград, а польский Гданьск⁴. 25 апреля 2006 г. в Калининградской области принята региональная целевая программа развития янтарной отрасли, предусматривающая формирование в регионе к 2010 г. янтарного кластера, объединяющего добычу, переработку сырья, производство высокохудожественных ювелирных изделий и сувениров, подготовку специалистов, развитие выставоч-

¹ 16 сентября 2005 г. Калининградская областная дума по представлению президента России В.В. Путина наделила полномочиями губернатора области Г.В. Боса. 28 сентября 2005 г. состоялась его инаугурация.

² Позднее она был признана незаконной, и в 1996 г. комбинат был деприватизирован и возвращен в госсобственность.

³ Воровство достигало до 40% добытого янтаря лучших фракций (*Махлов А. Янтарный банкрот – миллиардер // Дворник'ъ. 2006. 23–30 мая. № 24 (529).*).

⁴ По данным польских специалистов, ежегодная потребность Польши в янтарном сырье на 60–80% удовлетворяется за счет нелегального ввоза янтаря из Калининградской области, в основном из местного янтарного комбината (*Правительство Калининградской области поставило янтарную телегу впереди лошади? // Калининград.ru. 2006. 26 апр. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k104783.html>*).

но-музейной деятельности, туризма и т.д.¹ Контрольный пакет акций Калининградского янтарного комбината покупает один из лидеров мирового алмазного рынка компания «АПРОСА» (Якутия)².

Остальные минеральные ресурсы области, как представляется, не способны привлечь серьезных инвестиций (исключением является проект по добыче нефти на морском месторождении «Кравцовское» (платформа «Д-6»), в освоение которого ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» вложило 7,7 млрд руб.)³

Аграрный сектор области потенциально может представлять интерес для иностранных инвесторов с точки зрения производства на экспорт экологической чистой продукции. Однако для этого необходимо решить проблему ее стандартизации и сертификации в соответствии с правилами и нормами ЕС. Кроме того, проникновению калининградской аграрной продукции в ЕС будут препятствовать и высокие тарифные барьеры Евросоюза, а также более низкая себестоимость европейской аграрной продукции (не в последнюю очередь за счет субсидирования из бюджета ЕС).

Определенное значение имеют рекреационные ресурсы, в частности песчаные пляжи, лечебные грязи и минеральные воды, такие уникальные природные объекты, как Куршская и Вислинская (Балтийская) косы. Расположенные на морском побережье курортные центры Светлогорск-Отрадное и Зеленоградск с 1999 г. являются курортами федерального значения. В 2005 г. в области побывало 331 тыс. туристов, 23% из них составили иностранцы (прежде всего, немцы).

Для дальнейшего развития туризма большое значение имеет включение области в систему международных туристских маршрутов в Балтийском регионе. Однако для этого необходимо облегчить получение иностранными туристами российских виз, улучшить условия пребывания и размещения туристов, внедрить современные технологии туристского обслуживания, развить региональную систему туристско-рекреационных центров и т.д. К 2010 г. планируется принимать в области не менее 1,2 млн туристов ежегодно⁴. Мини-

¹ Смирнов В. Есть маленькое «но» // Калининградская правда. 2006. 26 апр.; На развитие янтарной отрасли потребуется более 1,8 млрд рублей // Калининград.ru. 2006. 25 апр. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k104506.html>

² «АПРОСА» измерит янтарь в каратах // Калининград.ru. 2006. 22 дек. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k180846.html>

³ На российском шельфе Балтики добыт первый миллион тонн нефти // Информационное агентство «Росбалт». 2006. 9 июня. <http://www.rosbalt.ru/2006/06/09/256375.html>

⁴ Боос будет завлекать туристов // Калининград.ru. 2006. 11 апр. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k100831.html>

стерством экономического развития и торговли Российской Федерации принято решение о создании на Куршской косе особой экономической зоны (ОЭЗ) туристско-рекреационного типа¹.

Важнейшим ресурсом Калининградской области является ее географическое положение. Область может стать своего рода европейским «фасадом» России, «зоной контактов» России и ЕС и «пилотным регионом» или «регионом сотрудничества», где будут отрабатываться модели и механизмы сотрудничества.

Калининградская область относится к числу наиболее плотно заселенных регионов России. На территории в 15,1 тыс. кв. км здесь проживает 940,3 тыс. человек (на 1 декабря 2005 г.)². Зарегистрированная безработица ниже среднероссийской (на конец 2005 г. 1,6% против 2,4% в среднем по России)³. Более половины экономически активного населения области имеет высшее и среднее профессиональное образование⁴.

В то же время регион испытывает дефицит кадров, прежде всего квалифицированных рабочих и специалистов некоторых специальностей, что вызвано как их уходом в другие сферы экономики, так и фактическим развалом системы профессионально-технического обучения. Дефицит рабочей силы составляет ныне порядка 60 тыс. человек⁵. В связи с нехваткой собственных кадров рынок рабочей силы в Калининградской области активно осваивают легальные и нелегальные «гастарбайтеры» из стран СНГ (прежде всего из Белоруссии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины), Литвы, Турции и других государств. На сегодняшний день иностранную рабочую силу в Калининграде только официально используют более 700 организаций⁶.

В 2006 г. в области стартовал рассчитанный на два года проект EuropeAid (бывшая программа TACIS) «Профессиональное образо-

¹ Сумма с восемью нулями // Калининград.ru. 2006. 8 дек. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k175387.html>

² Социально-экономическое положение Калининградской области в 2005 г. Оперативная информация. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, 2006. С. 98.

³ Калининградская область, 2006. Краткий статистический сборник. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, 2006. С. 33.

⁴ Труд и занятость в Калининградской области 2005. Статистический сборник. Калининград: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Калининградской области, 2005.

⁵ Волхонский Б. Прибалтийский край // Власть. Аналитический еженедельник. 14.08.2006. № 32 (686). С. 26.

⁶ Запивалова О. Гастарбайтеры строят город, как умеют // Дворник'ъ. 2006. 4–11 июля. № 30 (535).

вание и трудовые ресурсы в Калининградской области» с бюджетом 2 млн евро. Его итогом должно стать формирование в Калининградской области единой региональной информационной системы прогнозирования рынка труда, развитие профориентации в учреждениях среднего образования. Планируется создать два так называемых ресурсных центра для обучения профессиям, в которых нуждаются разные отрасли региональной экономики¹.

Кроме того, зарубежные страны оказывают помощь Калининградской области в подготовке кадров с высшим профессиональным образованием. Например, в РГУ им. И. Канта под эгидой Союза государств Балтийского моря (СГБМ) реализуется проект Еврофакультет (подготовка специалистов в области экономики, управления и права).

Экологические проблемы и пути их решения

Калининградская область является регионом экологического неблагополучия. На Балтийском побережье области находятся 9 источников загрязнения — так называемых горячих точек (hot spots), выделенных Хельсинской комиссией (HELCOM) в 1992 г.²

Более половины населенных пунктов области не имеют эффективных очистных сооружений, а из действующих ни одно не обеспечивает нормативной очистки сточных вод, поскольку это сооружения механической очистки постройки начала прошлого века. Сточные воды областного центра практически без очистки сбрасываются в Приморскую бухту (Балтийское море)³.

Более половины проб воды, взятых из источников водоснабжения области, не отвечают гигиеническим нормативам. Это один из худших показателей в Российской Федерации⁴.

¹ Калининград: современные рабочие места для XXI века // ЕС и Россия: обзор новостей. 2006. Апр. <http://www.eu-visibility.ru/newsletter/nlru0604.html>

² Отчет о результатах проверки «Международный параллельный аудит охраны окружающей среды района Балтийского моря (на основе Хельсинской Конвенции) в части участия Счетной палаты Российской Федерации» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2001. № 7/8 (43/44). <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2001/bulletin/schpal782001bull7-1.htm>

³ Королева А., Милованов А. Экологические проблемы Калининградской области. Аналитическая записка. Калининград: КРОЭБО «Экозащита!-Образование», 2006. С. 4. <http://www.ecodefense.ru/download/note.pdf>

⁴ О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2004 году: Государственный доклад. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2005. С. 30.

Предприятия целлюлозно-бумажной промышленности в Калининграде, Советске и Немане осуществляют сброс сточных вод, содержание загрязняющих веществ в которых значительно превышает предельно допустимые концентрации по большинству показателей¹.

В областном центре отмечается высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха, в первую очередь из-за быстро растущего автомобильного парка (по числу легковых автомобилей в расчете на душу населения Калининград уступает в России только Москве). Однако основную массу веществ, загрязняющих атмосферу, область получает с господствующими западными и юго-западными трансграничными воздушными течениями из сопредельных стран (Германия, Польша, Швеция и др.).

Большинство мест организованного захоронения отходов в Калининградской области не отвечает действующим нормативам. К строительству полигона по обезвреживанию и захоронению токсичных промышленных отходов, который должен был быть введен в строй в 1992–1993 гг., так и не приступили².

В решении экологических проблем области помогают и федеральный центр, и российские компании. В Федеральной целевой программе «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» предусмотрено выделение средств на берегоукрепление Балтийского моря, инженерную защиту г. Калининграда и населенных пунктов области от наводнений и затоплений, выполнение мелиоративных работ и др. Северо-Западная лесопромышленная компания начала реализацию проекта строительства совместного комплекса очистных сооружений для г. Немана и Неманского ЦБК.

Кроме того, в области реализуются многие международные экологические проекты. Приведем только несколько примеров. В 1999 г. было подписано кредитное соглашение между Российской Федерацией и Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) о предоставлении кредита в 18 млн долл. на реконструкцию водоснабжения Калининграда. Еще 21 млн долл. выделили на реализацию этого проекта Северные страны (прежде всего, Швеция). В 1995 г. при содействии ЕС, Дании и Германии в Калининграде был открыт Международный экологический центр по управлению и технологии – ЕКАТ-Калининград, который с момента своего основания выполнил около тридцати международных экологических проектов³. В 2005 г. начата реализация проекта, финансируемого ЕС

¹ Митволь засудит три ЦБК // Газета.Ru. 2006. 31 июля. http://www.gazeta.ru/2006/07/31/oa_210128.shtml

² Королева А., Милованов А. Указ. соч. С. 7.

³ ЕКАТ // Официальный сайт Мэрии г. Калининграда. <http://www.klgd.ru/ru/city/ecat/>

и направленного на сокращение уровней загрязнения источников питьевой воды и трансграничного загрязнения рек (бюджет – 1 млн евро)¹. В 2006 г. ЕС направит 9,5 млн евро на строительство очистных сооружений в малых городах Калининградской области (Краснознаменске, Немане и др.)². На средства немецкого государственного фонда по защите окружающей среды (DBU) в области разрабатывается экологически ориентированный план землепользования с помощью инструментов ландшафтного планирования.

Свободная/особая экономическая зона.

Импортозамещающая экономика

В сентябре 1991 г. на территории Калининградской области, прежде всего по инициативе самого региона, была создана свободная экономическая зона (СЭЗ) «Янтарь». Ее главный идеолог и руководитель группы разработчиков концепции СЭЗ профессор Ю.С. Маточкин стал первым губернатором Калининградской области. Однако начавшиеся в 1992 г. рыночные экономические реформы первоначально вообще не предусматривали каких-либо льгот для российских территорий, ранее объявленных СЭЗ. Поэтому Положение о зоне на протяжении длительного времени полностью или частично игнорировалось различными государственными ведомствами (Государственным таможенным комитетом, Минэкономики, Министерством внешнеэкономических связей, налоговой инспекцией и т.п.). Чтобы СЭЗ «Янтарь» начала хоть как-то функционировать, потребовались три указа Президента Российской Федерации и два постановления правительства. Фактически СЭЗ «Янтарь» существовала в режиме «перетягивания каната» – федеральный центр то давал льготы, то отменял их, а область боролась за их восстановление. Чтобы исключить возможность внезапной отмены преференций на основании подзаконных актов администрация Калининградской области во главе с Ю.С. Маточкиным предприняла усилия для того, чтобы зафиксировать зональный статус области законодательно. Во многом благодаря этому 22 января 1996 г. был принят Федеральный закон № 13-ФЗ «Об

¹ ЕС содействует привлечению инвестиций для развития очистных сооружений Калининградской области // Представительство Европейской комиссии. Новые пресс-релизы и речи. 2005. 11 марта. http://www.delrus.cec.eu.int/ru/news_663.htm

² Калининград: ЕС выделит Калининградской области 9,5 млн на очистные сооружения // Аккумулятор новостей. Экология. 22.11.2005 г. http://news.battery.ru/theme/ecology/?from_m=theme&from_t=ecology&from_n=36968807&newsId=36927768

Особой экономической зоне в Калининградской области». Его главным механизмом стали таможенные льготы. Было предусмотрено, что таможенные пошлины и другие таможенные платежи при оформлении товаров не взимаются в следующих случаях:

- с товаров, произведенных в ОЭЗ и вывозимых в другие страны и на остальную часть таможенной территории Российской Федерации (включая территорию Таможенного союза СНГ);
- с товаров, ввозимых из других стран для потребления в регионе либо затем вывозимых в зарубежные страны (как с переработкой, так и без переработки товаров).

Что касается товаров, импортируемых и затем ввозимых без доработки и переработки на остальную часть Российской Федерации, то они облагались всеми ввозными таможенными пошлинами и другими платежами при таможенном оформлении. Налоговых льгот резиденты ОЭЗ согласно Закону не получили.

Но и этот Закон стал предметом противоречий между Калининградской областью и федеральным центром. В самой области ОЭЗ рассматривалась прежде всего как механизм компенсации издержек эксклавного положения. А в федеральном центре зона нередко воспринималась с позиций недополученных бюджетных доходов (недоплаченных таможенных пошлин). В Калининграде, однако, доказывали, что потери по большей части виртуальны, так как отмена льгот сократила бы масштабы внешнеэкономической активности и центр так или иначе не получил бы якобы потерянных сумм. Кроме того, в случае отмены зональных льгот России пришлось бы выделить области федеральные дотации и не факт, что их масштабы оказались бы меньше «потерь».

Важным аргументом в пользу зоны было то, что благодаря ей в Калининградской области возникли новые импортозамещающие производства, ориентированные на общероссийский рынок. Появились новые отрасли промышленности, которые здесь ранее не существовали, например автомобилестроение, производство телевизоров и другой бытовой электронной техники и др. Ряд импортозамещающих предприятий был создан с участием иностранного капитала (прежде всего, литовского, польского, хорватского). Новые предприятия и производства были привлечены режимом ОЭЗ с беспошлинным ввозом сырья, материалов и комплектующих и беспошлинным вывозом произведенной в зоне продукции¹ на остальную территорию России.

¹ Для признания товара произведенным в области по предыдущему закону об ОЭЗ 1996 г. было достаточно добавить 30% стоимости (для электроники и сложной бытовой техники – 15%). При этом было необходимо также изменение кода товара по таможенной классификации.

Вывоз калининградской продукции, произведенной в режиме ОЭЗ, в другие регионы России возрос с 270 млн долл. в 1999 г. до 2370 млн долл. в 2005 г. Импортозамещающие предприятия области в 2004 г. обеспечили 47,9 % российского производства телевизоров и 66,3% пылесосов, 22,8 % мясных консервов; заметную долю составило производство холодильников, мебели, ковров и напольных покрытий, автомобилей, велосипедов, стиральных машин, маргариновой продукции. Преимущественно из собственного сырья область обеспечивает производство 30,7 % российских рыбных консервов, поскольку на калининградский рыболовный флот проходятся 11,9 % добытой рыбы и морепродуктов российскими судами. Из российского и белорусского сырья производится целлюлоза (5,1% общероссийского объема)¹.

В конечном итоге сторонам удалось придти к консенсусу о необходимости сохранить за областью статус ОЭЗ, но изменить зональный механизм. Был разработан и 10 января 2006 г. подписан Президентом России В.В. Путиным новый Федеральный закон № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Он вступил в силу 1 апреля 2006 г. и закрепил статус области как ОЭЗ на 25 лет.

Главным инструментом ОЭЗ теперь являются не таможенные, а налоговые льготы, причем для крупных (в том числе зарубежных) инвесторов². В связи с этим критики нового закона указывали, что он недостаточно учитывает интересы малого и среднего бизнеса (прежде всего, самой Калининградской области)³. В то же время новый закон сохраняет на десятилетний «переходный период» таможенные льготы для предприятий, уже работавших в режиме ОЭЗ по

¹ Регион сотрудничества Калининградская область 2005–2006: Информационный бюллетень администрации Калининградской области. Калининград, 2005. С. 36.

² Новый закон заменил таможенные льготы налоговыми. По налогу на прибыль устанавливается нулевая ставка в течение первых шести лет осуществления инвестиционных проектов и 50%-ная ставка налога в следующие шесть лет; по налогу на имущество – нулевая ставка налога в течении первых шести лет осуществления инвестиционных проектов. Для получения льгот необходимо, чтобы объем капитальных вложений, сделанный резидентом ОЭЗ в свой инвестиционный проект, составил не менее 150 млн руб. за три года.

³ См., например: Закон об ОЭЗ может породить волну социального протеста в Калининграде – экс-губернатор Маточкин // Информационное агентство REGNUM. 10.06.2005. <http://www.regnum.ru/news/kIngrad/468281.html>; Калиточка для инвесторов // Калининград.ru. 2006. 31 марта. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k97774.html>; Налоговые каникулы не для всех // Калининград.ru. 2006. 11 апр. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k100761.html>

закону 1996 г. Это должно позволить более чем тысяче резидентов «старой» ОЭЗ окупить уже вложенные средства и переориентировать производство в соответствии с изменившимися условиями.

Закон 2006 г. призван развивать в ОЭЗ не только импортозамещающие, но и экспортно-ориентированные производства. Таким образом, речь идет о реализации идеи В.А. Мау и О.В. Кузнецовой о превращении Калининградской области из «непотопляемого авианосца в сборочный цех»¹. Однако на пути калининградских товаров в Европу помимо общего негативного имиджа российской продукции встанут тарифные, и прежде всего нетарифные (связанные с сертификацией и стандартизацией), барьеры.

Иностранный капитал в экономике Калининградской области

На начало 2006 г. в Калининградской области зарегистрировано более 3,1 тыс. совместных предприятий и предприятий с участием иностранного капитала. Это почти 7% всех предприятий и организаций области². Больше всего предприятий с участием капитала Литвы (почти 700) и Польши (более 600). Однако многие предприятия с иностранным капиталом существуют лишь «на бумаге» и реальной деятельности не ведут.

В структуре накопленного на конец 2004 г. иностранного капитала лидировали Кипр (22,9%), Нидерланды (13,4%), Германия (10,2%), Литва (9,8%) и Польша (9,7%). Но общий объем этих инвестиций невелик — чуть более 150 млн долл. (включая портфельные инвестиции)³. В 2005 г. поступило еще 75 млн долл. иностранных инвестиций. Главными инвесторами в этом году были Польша (около 16 млн долл.), Кипр (около 14 млн долл.) и Швейцария (10 млн долл.)⁴.

В Калининградской области практически отсутствуют филиалы крупных зарубежных ТНК. Голландской группе компаний «Хейнекен» (Heineken) принадлежит калининградский пивоваренный завод «ПИТ». Из других предприятий с участием иностранного капи-

¹ Кузнецова О.В., Мау В.А. Калининградская область: от «непотопляемого авианосца» к «непотопляемому сборочному цеху». М.: Комитет «Россия в объединенной Европе». 2002.

² Калининградская область, 2006. С. 15.

³ Внешнеэкономическая деятельность предприятий и организаций Калининградской области в 1992–2004 гг. С. 12–17.

⁴ Калининградская область, 2006. С. 109.

тала можно выделить «Цепрусс» (Ирландия, Австрия, Швейцария, Германия и Италия) и «Балткран» (Германия), ориентированные на экспорт продукции (целлюлозы и кранов соответственно). А предприятия с польским, литовским и хорватским капиталом, наоборот, ориентированы на региональный и общероссийский рынки.

Многие зарубежные компании предпочитают производить свою продукцию в Калининградской области на местных предприятиях, а не строить новые заводы. Например, ЗАО «Автотор» собирает в Калининграде автомобили американской корпорации «Дженерал Моторс» (GM), немецкой BMW и др. Но свой собственный завод в России GM решила все-таки построить не в Калининградской области, а под Санкт-Петербургом¹. Похожим образом поступила японская корпорация «Мацусита дэнки», которая начинает в Калининграде сборку жидкокристаллических телевизоров «Панасоник» на одном из российских предприятий, а не строит специальный завод².

В целом, однако, иностранный капитал не играет существенной роли в экономике Калининградской области. В 2005 г. все инвестиции в основной капитал Калининградской области составили 24,2 млрд руб., а объем прямых иностранных инвестиций — только 18,8 млн долл. или около 2,2% (в пересчете по среднегодовому официальному курсу)³.

Основными инвесторами в область являются сейчас бизнес-структуры и бизнесмены из других регионов России (прежде всего из Москвы и Санкт-Петербурга). В Калининградской области работают такие крупные российские компании, как «Газпром», «ЛУКойл», «Роснефть», «РАО ЕЭС России» (топливно-энергетический комплекс), «Концерн среднего и малотоннажного судостроения», «Автотор», «Полар» (машиностроение); «Северо-Западная лесопромышленная компания» (целлюлозно-бумажная промышленность); «ОВА», «Ледово», «Интеко» (агропромышленный комплекс); «Эльдорадо», «Седьмой континент», «Евросеть» (торговля), СУ-155, «Петербургская недвижимость» (строительство), «Российские железные дороги» (транспорт); «Северо-Западный Телеком», «Голден Телеком», «Билайн», МТС, «Мегафон» (связь) и др. Среди крупных российских банков, действующих в области, — Сбербанк, «Петрокоммерц», «Стройвестбанк» (банковская группа «Уралсиб»), «Банк Мо-

¹ GM построит завод под Санкт-Петербургом // Auto.lenta.ru 2006. 30 мая. <http://auto.lenta.ru/news/2006/05/30/gmpietari/>

² Панасоник: родина — Балтика // Калининград.ru. 2006. 18 авг. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k136677.html>

³ Калининградская область, 2006. С. 103, 106.

сквы», «Возрождение», «Альфа-Банк», «Внешторгбанк», БИНБАНК, Росбанк, «Промышленно-строительный банк», «Союз» и др.

Транспорт, связь и энергетика Калининградской области

Важной функцией Калининградской области в общероссийском разделении труда является обслуживание российских экспортно-импортных потоков — в первую очередь через морские порты, в меньшей степени через железнодорожное и автомобильное сообщение.

К 2005 г. грузооборот портов Калининградской области, обслуживающих в первую очередь экспортные перевозки, возрос по сравнению с 1999 г. почти в 3,6 раза¹. Это не только грузы из других российских регионов, но и экспортные грузы из Казахстана, Белоруссии и Украины.

Главными экспортными товарами являются нефть и нефтепродукты из России и Казахстана (более 60% всех экспортных грузопотоков через порты)². Начато строительство нового нефтеэкспортного терминала в г. Светлом (ЗАО «БалтНафта» — дочернее подразделение компании «Татнефть»)³. Сообщалось о проектах строительства нефтетерминалов в Янтарном и Пионерском. Однако зарубежные эксперты полагают, что будущее порта Калининград должно быть связано с перевалкой высокоценных грузов (в том числе контейнерных)⁴.

Калининградские порты могут стать одним из звеньев российских транспортных коридоров, обслуживающих транзитные потоки стран Евросоюза и государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

¹ Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Социально-экономическое и геополитическое развитие Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 183; Грузооборот в Клайпедском порту в 2005 году вырос // Клайпедский государственный морской порт. http://www.portofklaipeda.lt/ru.php/_informacija_dlja_pressy/gruzooborot_v_klaipedskom_portu_v_2005_godu_vyros/4018; Правительство Калининградской области. Концепция стратегии развития Калининградской области. <http://www.gov.kaliningrad.ru/>

² Калининград: мост между Россией и ЕС // Морской бизнес Северо-Запада. 2005. № 2. Май. <http://mbsz.ru/02/22.php>

³ В Калининградской области опять начали строить нефтетерминал «Татнефти» // Информационное агентство «Росбалт». 2006. 20 апр. <http://www.rosbalt.ru/2006/04/20/251227.html>

⁴ Программа ТАСИС для развития Калининградского порта // SeaNews. 06.06.2002. <http://www.seanews.ru/main.asp?l=r&a=sum&g=9&i=7003&n=1>

Во-первых, это транзит из Азиатско-Тихоокеанского региона по маршруту ЕС—Калининград—железные дороги Европейской части России—Транссиб—порты Находка и Восточный—порты Японии, Южной Кореи и т.д.

Во-вторых, это транзит грузов из бассейна Индийского океана в Европу и обратно по маршруту Индия—Иран—российские порты на Каспии и далее на Калининград (так называемый коридор «Север—Юг»).

В-третьих, речь может идти о транзите грузов из Китая по железнодорожному маршруту Китай—Казахстан—Россия—ЕС (так называемый Северный коридор новой Трансазиатской железнодорожной магистрали).

Однако, чтобы реализовать эти проекты, необходимо, в первую очередь, решить комплекс проблем, связанных с транзитом грузов через территорию Евросоюза (Литвы).

Планируется привлечение в калининградские порты части белорусских экспортных грузов (в частности, калийных удобрений), а также строительство российско-белорусского порта.

Действуют автопаромные линии Санкт-Петербург—Балтийск и Санкт-Петербург—Балтийск—Любек (Германия), Балтийск—Клайпеда (Литва). В сентябре 2006 г. начаты рейсы на железнодорожно-автомобильной паромной линии Усть-Луга—Балтийск—порты Германии (пока между Санкт-Петербургом и Балтийском). Рассматривается вопрос о паромном сообщении Балтийск—Гдыня (Польша) и Балтийск—Карлскруна (Швеция),

По территории Калининградской области проходят два ответвления трансъевропейских транспортных коридоров. Это автомагистрали Рига—Калининград—Гданьск коридора № 1 «А» и Киев—Минск—Вильнюс—Калининград коридора № 9 «Д».

Для их полноценного транзитного использования требуется реконструкция существующих и строительство новых пограничных автомобильных пунктов пропуска, модернизация внутриобластных автодорог и упрощение режима транзита людей и грузов через государственную границу.

Уникальной для России особенностью железнодорожной сети Калининградской области является наличие участков путей с европейской колеей шириной 1435 мм с выходом за границу Российской Федерации в Польшу и терминалов по перевалке грузов между вагонами разной колеи.

Будущее Калининградской железной дороги тесно связано с развитием внешнеторговых перевозок через калининградские порты. Перспективным представляется и развитие г. Черняховска в качестве центра железнодорожной перевалки грузов (между осями Запад—

Восток (Чернышевское на границе с Литвой—Калининград) и Север—Юг (Скандава в Польше—Черняховск), а также в рамках самой оси Север—Юг).

Калининградский аэропорт «Храброво» связан регулярными международными авиарейсами с Берлином, Копенгагеном и Варшавой. На базе аэропорта планируется создать крупный транспортный узел («хаб»), который свяжет крупнейшие города России и зарубежной Европы.

Область связана с остальными регионами России через волоконно-оптические линии связи и станции спутниковой связи. По уровню проникновения мобильной сотовой связи регион занимает одно из первых мест в России (в первые месяцы 2006 г. этот показатель достиг 100%)¹. Стратегическое направление развития связи и телекоммуникаций — упрочение связей с общероссийским информационным пространством при одновременной интеграции с системами связи зарубежной Европы.

До недавнего времени 93,7% потребляемой электроэнергии область получала от Ленинградской АЭС перетоком через Литву². Однако страны Прибалтики намерены в будущем присоединиться к европейской энергосистеме UCTE с отличными от ЕЭС России частотными параметрами, что осложнит транзит электроэнергии в Калининградскую область. Для решения этой проблемы в октябре 2005 г. был пущен в промышленную эксплуатацию первый энергоблок Калининградской ТЭЦ-2 мощностью 450 МВт, принадлежащей «РАО ЕЭС России»³. Это закрыло дефицит электроэнергии в регионе на 70%. Второй энергоблок такой же мощности планируется запустить в конце 2008 г. Но это не значит, что в области будет изобилие электроэнергии, так как, по прогнозам, к 2020 г. ее потребление удвоится⁴. Это означает, что через десяток лет может понадобиться строительство и третьего энергоблока⁵.

Природный газ поставляется в Калининградскую область по ответвлению «Минск—Вильнюс—Каунас—Калининград» магистрального газопровода «Северное сияние» (с 1985 г.). Однако, принимая

¹ Анкилов К. Калининград — особая зона России // Информационно-аналитический журнал ИКС. 2006. № 6. http://www.miks.ru/magazine/magazine_look.php?id=1040

² В Калининградскую область пришла большая энергетика // Калининград.ru. 2005. 21 окт. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k66945.html>

³ Там же.

⁴ Калининградская область удвоит потребление электроэнергии к 2020 году — Янтарьэнерго // Калининград.ru. 2006. 13 марта. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k93094.html>

⁵ Когда ТЭЦ-2 заработает на полную мощность? // Калининград.ru. 2006. 18 авг. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k136549.html>

во внимание перспективы роста экономики области и продолжения строительства ТЭЦ-2, работающей на природном газе, его мощностей недостаточно даже с учетом расширения пропускной способности в декабре 2005 г.

Первоначально планировалось построить в Калининградскую область отвод от Северо-Европейского газопровода (СЕГ), который будет идти по дну Балтийского моря¹. Однако затем в ОАО «Газпром» посчитали эту идею утопической и предложили для расширения поставок газа в Калининград построить компрессорную станцию на территории Литвы². Однако решение пока не принято, хотя, по словам вице-премьера областного правительства Юрия Шалимова, ответвление от СЕГ в Калининградскую область будет построено обязательно³. За рассмотрение этого вопроса высказался в феврале 2007 г. и Совет Федерации⁴.

Калининградские транспортные сети и энергетическая система вписываются в пространственное развитие в регионе Балтийского моря, прежде всего, через проект программы INTERREG «Видение и стратегия развития государств Балтийского региона» (VASAB 2010), реализуемый в рамках Конференции министров по пространственному развитию с 1992 г.

Калининградская область в Балтийском регионе. Приграничное сотрудничество и трансграничные проблемы

Российская Калининградская область находится в Балтийском регионе, который после окончания «холодной войны» переживает

¹ Баскаев К. Презентация проекта Северо-Европейского газопровода // WEB-журналы «Нефть России» и «Oil of Russia». 03.12.02. http://press.lukoil.ru/index.phtml?menu=0&news_ident=13760

² Отвод от Северо-Европейского газопровода в Калининград — утопия: «Газпром» // Информационное агентство REGNUM. 25.03.2006. <http://www.regnum.ru/news/612448.html> \$ «Газпром» может построить в Литве компрессорную станцию для газопровода // Информационное агентство REGNUM. 25.03.2006. <http://www.regnum.ru/news/612445.html>

³ «Калининградская ветка» от Северо-европейского газопровода будет построена обязательно // Калининград.ru. 2006. 21 дек. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k180347.html>

⁴ Сенаторы — за строительство ответвления от СЕГ в Калининград // Калининград.ru. 2007. 2 фев. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k196813.html>

процесс активной интеграции. Для координации расширяющейся кооперации государств Балтийского региона сформирован ряд межправительственных и межгосударственных организаций и программ. Важнейшей такой организацией является Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Под его эгидой функционирует около 60 структур.

Во второй половине 1990-х годов в Балтийском регионе активизировалась деятельность ЕС (в связи с вступлением в него в 1995 г. Швеции и Финляндии, а также подачей официальных заявок на вступление в эту организацию Польши и стран Балтии). В конце 1990-х годов принята специальная инициатива – так называемое «Северное измерение (Northern Dimension) во внешней и приграничной политике ЕС», в рамках которого особое внимание уделяется Калининграду.

Европейский союз рассматривает проблему Калининграда в контексте более широких взаимоотношений с Россией и исходит из того, что «Калининград является частью Российской Федерации, и ответственность за его будущее развитие несут российские власти»¹. Однако в связи с расширением ЕС и в контексте политики «Северного измерения» Калининградская область получает значительные объемы помощи по программе TACIS. С 1991 г. области было выделено на различные проекты около 40 млн евро и в ближайшие годы поступит еще 50 млн².

Для дальнейшего развития приграничного сотрудничества между Калининградской областью и территориями административного уровня соседних государств разработана и осуществляется совместная Программа соседства (Neighbourhood Programme) Литвы, Польши и Калининградской области Российской Федерации на 2004–2006 годы. Она софинансируется из средств Европейского Фонда регионального развития (программа INTERREG IIIA) и TACIS. Всего начиная с 2004 г. на совместные проекты Литвы, Польши и России в рамках INTERREG IIIA Евросоюз выделил 34,5 млн евро³.

Калининградская область активно развивает приграничное сотрудничество с Польшей и Литвой в рамках российско-польского договора от 22 мая 1992 г. и российско-литовского договора от

¹ Представительство Европейской комиссии в России, Калининград. http://www.delrus.cec.eu.int/ru/cis_2.htm

² Калининград // Представительство Европейской комиссии. http://www.delrus.cec.eu.int/ru/cis_2.htm; ЕС поможет Калининграду советами на 50 млн евро // Калининград сегодня. 14.12.2005. <http://www.kaliningrad-online.ru/articles0/6972.html>

³ Российский эксклав меняет климат // Калининград.ru. 2006. 23 авг. <http://www.kaliningrad.ru/news/economy/k137981.html>

29 июня 1999 г. Действуют советы по сотрудничеству Калининградской области с северо-восточными воеводствами Польши и с регионами Литвы. Заключены договоры о сотрудничестве области с двумя польскими воеводствами (Варминьско-Мазурским и Поморским) и пятью литовскими уездами (Клайпедским, Паневежским, Каунаским, Марьямапольским).

14 октября 1999 г. подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области с этим государством. Действует российско-белорусский Совет по долгосрочному сотрудничеству Калининградской области с областями, министерствами, органами государственного управления Беларуси. Подписаны соглашения о сотрудничестве области с Гродненской и Минской областями и рядом министерств Беларуси.

Калининградская область также сотрудничает с Северными странами (прежде всего, Данией и Швецией) и Германией. Так, заключены соглашения о сотрудничестве с провинцией Блекинге (Швеция), округом Борнхольм (Дания), землями Шлезвиг-Гольштейн и Бранденбург (Германия).

Германский фактор в силу исторического прошлого области постоянно присутствует на «ментальном» уровне, порождая и в самой области, и в Москве определенные опасения. Он, независимо от действительных намерений Германии, позволяет некоторым политическим силам внутри России позиционировать себя как защитников области от якобы грозящих ей напастей, хотя официальный Берлин по отношению к Калининградской области проявляет крайнюю осторожность. Как указывает известный в Германии журналист, редактор крупнейшей немецкой радиостанции Deutschlandradio доктор Хеннинг фон Лёвис оф Менар, «ФРГ боится своего прошлого, боится Кенигсберга, боится обвинений в попытках регерманизации области. Например, я знаю, что немецким дипломатическим работникам запрещено официально — в интервью либо в выступлениях — произносить имя “Кенигсберг”. Только Калининград»¹. Невелика и экономическая активность Германии. По мнению генерального консула Германии в Калининградской области Гидо Херца, «имидж Калининградской области все еще плох в Германии» и поэтому в регионе удивительно мало германских инвестиций².

¹ «ФРГ боится Кенигсберга»: интервью журналиста Хеннинга фон Лёвиса ИА REGNUM 20.05.2006 г. <http://www.regnum.ru/news/klngrad/643356.html>

² Консул Германии Гидо Херц: «Хорошо, что я плохо понимаю по-русски» // Калининградская правда. 2006. 16 авг.

Калининградская область или ее муниципальные образования участвуют в деятельности пяти еврорегионов («Балтика», «Сауле», «Неман», «Лына-Лава», «Шешупе»).

В Калининграде работают генеральные консульства Польши, Литвы, Германии, Швеции, отделение посольства Республики Беларусь в России, почетные консулы Греции, Хорватии и Италии, в Советске – консульство Литвы. С 1992 г. действует Представительство МИД России в Калининграде.

Представительства Калининградской области в Ольштыне (Польша), Вильнюсе (Литва) и Минске (Беларусь) выполняют разнообразные функции по налаживанию и развитию торгово-экономических, научно-технических, экологических, гуманитарных, культурных и иных связей области с регионами иностранных государств.

Международное сотрудничество осуществляется и на уровне структур гражданского общества. На территории Калининградской области зарегистрировано более 2 тыс. общественных объединений (или некоммерческих организаций – НКО). Из них реально работают, оказывая социальные услуги гражданам, около 250. Это женские организации, культурные общества, молодежные и детские объединения, национальные общества, переселенческие, экологические и правозащитные организации, социальные организации и объединения ветеранов и инвалидов, творческие союзы, объединения предпринимателей и др.

В силу своей близости к демократическим государствам Европы НКО Калининградской области имеют хорошие связи с зарубежными партнерами и, следовательно, могут использовать их опыт и ресурсы (не только финансовые). В области реализуются многие пилотные проекты с участием зарубежных партнеров (в том числе касающиеся улучшения управления, развития местного самоуправления, демократии и гражданского общества). Среди зарубежных благотворителей активнее всех до последнего времени действовал закрытый в 2004 г. Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). Отдельную программу финансировал ЮНИСЕФ. Среди структур и программ, поддерживавших проекты в Калининградской области, можно назвать также фонд «Евразия», WWF, Европейскую комиссию, CAF, National Endowment for Democracy, Фонд гражданских свобод, фонды «Новые перспективы», «Точка опоры», посольства Нидерландов и Канады, Агентство США по международному развитию и др.

Калининградская область как эксклавная территория со всех сторон окружена государственной границей России (общая ее протяженность, включая морское побережье, составляет 648 км). В со-

ответствии с Законом «О Государственной границе Российской Федерации», в состав пограничной зоны России (имеющей ширину 5 км) включена значительная часть области.

Для обеспечения транспортного сообщения области с зарубежными странами на сухопутных границах, в морских портах и в международном аэропорте «Храброво» организовано 20 пунктов пропуска (пограничных переходов). Ежедневно границы пересекают от 20 тыс. до 25 тыс. граждан и 7500–8000 транспортных средств (автомобилей, автобусов, поездов, морских судов и самолетов)¹.

С 1 июля 2003 г. Литва и с 1 октября того же года Польша ввели визовый режим поездок для постоянных жителей Калининградской области. Граждане России, постоянно проживающие в Калининградской области, имеют возможность получать визы, включая многократные, сроком до одного года с правом пребывания в Литовской Республике до 180 дней в течение одного года, но не более 90 дней в течение 6 месяцев, без представления приглашения и бесплатно. Они также могут получать без представления приглашения бесплатные² польские визы, включая многократные сроком до одного года. Однако с 16 марта 2005 г. литовская виза фактически перестала быть бесплатной, так как теперь для калининградцев при ее получении требуют предъявлять полис медицинского страхования на весь срок пребывания в Литовской Республике.

Транзит российских граждан между Калининградской областью и основной частью России с 1 июля 2003 г. осуществляется с помощью упрощенного транзитного документа (УТД) и упрощенного проездного документа на железной дороге (УПД-ЖД). УТД используется для многократных пересечений литовской территории всеми видами наземного транспорта и выдается компетентными органами Литовской Республики при личном обращении граждан, УПД-ЖД — для «разовых поездок» в Калининградскую область и обратно российскими транзитными поездами. Последний оформляется посольством и консульствами Литовской Республики и выдается во время следования в транзитном поезде до пересечения пассажиром границы с Литовской Республикой. И УТД, и УПД-ЖД оформляются только при отсутствии у россиян литовской визы или иного документа, дающего права на транзит через территорию Литвы.

С 1 января 2005 г. для получения УПД-ЖД россиянам, едущим в Калининградскую область и обратно на транзитных поездах, необходим заграничный паспорт (до этого было достаточно общеграж-

¹ Рябушев А. Незаконная миграция угрожает безопасности страны // Независимое военное обозрение. 27.01.2006.

² Кроме виз с правом на работу.

данского). С 1 января 2006 г. для следования транзитом через Литовскую Республику прекращено действие заграничного паспорта СССР с отметкой о гражданстве Российской Федерации.

Россия и ЕС ведут переговоры о порядке проезда через территорию Литвы для калининградцев после подписания этой страной Шенгенского соглашения, намечаемого на конец 2007 г. Правительство Литвы выступает за сохранение существующего режима транзита. В то же время, если Россия не сможет договориться с ЕС о смягчении требований Шенгенского соглашения для калининградцев, не исключается введение платных шенгенских виз¹.

В связи с предстоящим введением электронных паспортов в ЕС Калининградская область стала первым регионом России, жители которой получают заграничные паспорта нового поколения, содержащие информацию о его владельце на электронных носителях.

Границу Российской Федерации в Калининградской области пересекают значительные объемы экспортно-импортных грузов, в том числе и в рамках приграничной торговли. Точно оценить масштабы приграничной торговли трудно, но в 2005 г. на Польшу и Литву приходилось 7,3% (около 133 млн долл.) экспорта товаров из Калининградской области и 19% (775 млн долл.) импорта товаров в область².

Что касается грузового транзита, то после вступления Литвы 1 мая 2004 г. в ЕС он подорожал в 1,3–1,5 раза за счет фитосанитарного и ветеринарного контроля, а также прочих платных услуг, навязываемых литовской стороной³. Предлагавшаяся Россией специальная договоренность с КЕС (Еврокомиссия) и Литвой, которая гарантировала бы стабильность режима и условий транзита и исключала бы возможность их ухудшения в перспективе, пока так и не достигнута⁴. Тем не менее, министр иностранных дел России С. Лавров в 2005 г. отмечал, что большинство вопросов по транзиту грузов через территорию Литвы уже решено. Оставались, по его словам, две проблемы. Первая – слишком жесткое применение Литвой евросоюзских правил фитосанитарного ветеринарного контроля (по данным российского МИД более 70% грузов на литовской границе подвергаются фитосанитарному ветеринарному контролю в то

¹ Литва не намерена осложнять калининградский транзит // Информационное агентство РОСБАЛТ. 12 января 2006 г. <http://www.rosbalt.ru/2006/01/12/240392.html>

² Калининградская область, 2006. С. 115, 117–118.

³ Жукова Н. Чем дальше в ЕС... // Профиль. 8 ноября 2004. № 41. С. 26.

⁴ Яковенко. Россия хочет особой договоренности по калининградскому транзиту // Грани.Ру. 25.11.2004. <http://www.grani.ru/Politics/World/Europe/Koenig/m.80238.html>

время как, например, на финской границе такой контроль проходят не более 3% грузов). Вторая – это невозможность российским перевозчикам страховать свои грузы на территории России¹. Насколько нам известно, эти проблемы пока так и не нашли своего решения. Сложным остается и вопрос с транзитными тарифами. Литва, стремясь загрузить порт Клайпеда, установила для грузов, следующих в него по железной дороге, более низкие тарифы, чем для грузов, следующих в Калининград (в настоящее время тонно-километр в направлении Клайпеды стоит 1,6 цента, а в направлении в Калининграда – 3,7 цента)².

Помимо легальной приграничной торговли ведется и нелегальная (контрабандная). По экспертным оценкам, 70–80% контрабанды составляет контрабанда янтаря, 10–15% – контрабанда наркотиков, 5–10% – сигарет, 10–12% – оружия, 5–10% – водочных изделий³. В начале 2000-х годов ежегодные объемы контрабанды янтаря из области эксперты оценивали в 100 млн долл. в год⁴.

Следует различать так называемую челночную торговлю и контрабанду в более крупных размерах, осуществляемую трансграничными преступными сообществами.

На постоянной основе челночной торговлей в Калининградской области было занято около 10 тыс. человек (на начало 2001 г.)⁵. Появившиеся в печати оценки, что челночной торговлей занимаются 20–30%, а то и половина жителей Калининградской области, безусловно, преувеличены.

Основные товары, которые челночные торговцы (среди них в настоящее время численно преобладают поляки и литовцы) вывозят из России в Польшу и Литву, – водка, сигареты, бензин, медикаменты. При этом надо иметь в виду, что вывоз товаров в Польшу и Литву в тех масштабах, которые везут челноки, не нарушает рос-

¹ Лавров о калининградской проблеме: проблем с пассажирским транзитом нет, с грузовым остались два нерешенных вопроса // Информационное агентство REGNUM. 13.05.2005 <http://www.regnum.ru/news/453093.html>

² О чем завтра попросит Президента России калининградский губернатор? // Калининград.ru. 2006. 25 авг. <http://www.kaliningrad.ru/news/politics/k138987.html>

³ Бурова Н.В., Мельникова О.А. Изучение теневой экономической деятельности на региональном уровне: пример Калининграда // Вопросы статистики. 2003. № 5. С. 24–32 (на сайте Ассоциация региональных социологических центров «Группа 789». 29.05.2003. <http://www.789.ru/portal/modules.php?name=News&file=article&sid=2024>)

⁴ Верлин Е. Янтарная дыра // Эксперт. 4 февраля 2002. № 5 (312). С. 63.

⁵ Communications to the Commission to the Council. EU and Kaliningrad. Brussel 17.1.2001 COM (2001) 26 final. P. 12. http://europa.eu.int/eur-lex/en/com/cnc/2001/com2001_0026en01.pdf

сийское законодательство. Они могут считаться контрабандистами только с точки зрения законов соседних государств¹.

Из-за ужесточения режима въезда в Польшу после ее вступления в ЕС и режима ввоза товаров в Россию физическими лицами число челноков, несомненно, будет снижаться. Но пока существует разность цен на некоторые товары по разные стороны границы, челночный бизнес так или иначе будет сохраняться.

Помимо челночного бизнеса, существует и контрабанда в крупных размерах, которой занимаются трансграничные преступные сообщества из нескольких стран. Так, в 2004 г. была пресечена деятельность хорошо организованной международной преступной группы, переправлявшей сигареты из Калининграда в Гданьск (Польша), а затем через территорию Польши, Германии, Бельгии и Франции по евротоннелю в Великобританию. В группу входили граждане Литвы, России, Польши, Бельгии и Великобритании². На границе с Литвой по реке Неман действуют группы контрабандистов, использующие для переправки товаров (главным образом, сигарет) под покровом ночи моторные, весельные и надувные лодки. Встречаются и пловцы в спасательных жилетах и с дыхательными трубками. У контрабандистов есть партнеры на литовской стороне, включая дозорных и курьеров, доставляющих товары на рынки Вильнюса и других городов³.

До недавнего времени Калининградская область была крупнейшим рынком подержанных зарубежных автомобилей. Существовала так называемая специальная «областная растаможка» (без права продажи и передоверия за пределами области), согласно которой разрешение на владение, пользование и распоряжение ввозимым автомо-

¹ В Польшу физическое лицо может беспошлинно ввезти не более 1 л крепких спиртных напитков и не более 200 сигарет (особые правила действуют для лиц, проживающих в приграничных с Польшей странах — членах Европейского союза (в 15-километровой зоне вдоль границы). Им разрешается ввозить беспошлинно не более 0,5 л крепких спиртных напитков и 20 сигарет). В Литву — не более 1 л водки, коньяка или ликёров, 200 сигарет, 20 л бензина.

² ФТС усиливает борьбу с контрабандой и контрафактом табачных изделий // Национальное агентство по борьбе с распространением фальсификаций. 01 декабря 2005 г. http://www.falshivkam.net/rus/news/?news_id=2443

³ *Старости Д.* На границе Калининградской области и Литвы // *Время новостей*. 2002. 1 нояб. № 203. <http://www.vremya.ru/2002/203/13/28799.html>; Отчет о деятельности ФТС России по пресечению контрабанды сигарет и фактов их фальсификации; Майерз Стивен Ли. Ловля контрабанды в окружении лебедей ради Европы // *New York Times*. 08.12.2005 (перевод с сайта InoPressa. 2005. 08 дек. <http://www.inopressa.ru/nytimes/2005/12/08/11:35:45/litva>; Ленский Е. Второй Тильзитский мир, или Река интеграции не помеха // *Маяк Балтики*. 2006. 23 марта <http://www.mayak-baltiki.ru/columns/fatherland/doc590/>

билем выдавалось по гораздо более низкой цене, чем если бы автомобиль оформлялся на основную часть России¹. Для ввоза импортных автомобилей в область нередко использовались контрабандные методы. Широко применялись и различные схемы, позволяющие вывезти автомобиль из Калининграда в основную часть России и переоформить его. С 1 июля 2006 г. «областная растаможка» прекратила свое существование. После этого следует ожидать, что значение Калининграда как общероссийского авторынка уменьшится.

Согласно имеющейся информации, наркотрафик через границу связан с ввозом в Калининградскую область среднеазиатского героина через Белоруссию и Литву, маковой соломки и синтетических наркотиков из Литвы, синтетических наркотиков из Западной Европы через Польшу². По мнению экспертов, практически все наркотические средства, ввозимые контрабандным способом на территорию Калининградской области, потребляются на месте³.

Через область пытаются проникнуть в зарубежную Европу нелегальные мигранты. Однако, по мнению и.о. заместителя начальника регионального Пограничного управления ФСБ России С. Антипенко, «сегодня специализирующиеся в сфере криминального бизнеса структуры не рассматривают Калининградскую область как перспективное направление для переброски нелегалов из стран третьего мира в Западную Европу»⁴. В 2005 г. на участке Пограничного управления ФСБ России по Калининградской области задержаны 6 нелегальных мигрантов (из Грузии, Азербайджана и Марокко). В предыдущие годы задерживались нелегальные мигранты из Среднеазиатского и Кавказского регионов, стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии⁵.

Все сказанное свидетельствует, что основные вызовы безопасности применительно к Калининградской области (как и в Балтийском регионе в целом) сейчас относятся к так называемой мягкой

¹ При «областной растаможке» оплачивается только НДС (18%). Общероссийская растаможка — по 2 евро за кубический сантиметр объема двигателя автомобиля возрастом до семи лет — на калининградские иномарки не распространяется.

² Тенденции незаконного оборота наркотиков 2004. Российская Федерация // United Nations. Office on Drug and Crimes. http://www.unodc.org/pdf/russia/drug%20trends%202004_rus.pdf

³ Теневая экономика и экономическая преступность. Транснациональная криминальная экономическая деятельность. <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/chbr6.htm>; В планах наркодельцов Санкт-Петербург занимает ключевое место // Нет наркотикам. Информационно-публицистический ресурс. 2006. 27 марта. http://www.narkotiki.ru/internet_5890.html.

⁴ Антипенко С. Погранзастава улучшает имидж региона в глазах ЕС // Комсомольская правда — Калининград. 2006. 19 авг.

⁵ Рябушев А. Указ. соч.

безопасности. Это, в частности, экологическая безопасность, трансграничная преступность (включая контрабанду, наркотрафик, торговлю людьми), нелегальные миграции и др. Угроза международного терроризма в регионе Балтийского моря в целом и в Калининградской области в частности в настоящее время, как представляется, минимальна. В решении проблем мягкой безопасности Калининградская область и Российская Федерация в целом активно сотрудничают на двусторонней основе с Польшей и Литовской Республикой, а также с ЕС. В частности, налажено постоянное взаимодействие таможенных и пограничных служб России, Польши и Литвы. Ежегодно проводятся международные учения и тренировки, налажен обмен информацией, проводятся совместные операции по борьбе с нелегальной миграцией, выявлению и пресечению контрабандной и иной противоправной деятельности на границе.

Проблемы военной безопасности

В период «холодной войны» регион Балтийского моря был одной из наиболее потенциально «горячих» зон конфронтации СССР и Организации Варшавского договора с блоком НАТО. В то время Калининградская область была одним из западных военных форпостов СССР. К настоящему времени ситуация изменилась. С 1993 по 2003 гг. численность военнослужащих сократилась со 103 тыс. до 10,5 тыс. человек¹. За тот же период число подводных лодок и крупных боевых кораблей Дважды Краснознаменного Балтийского Флота уменьшилась с 42 до 8². Еще в конце 1980-х годов ликвидированы ядерные ракеты средней дальности Р-12 (SS-4 Sandal)³, а в конце 1991 г. из области было вывезено и все тактическое ядерное оружие⁴.

В 2004 г. Калининградская область стала «российским островом» внутри расширившегося блока НАТО. Однако это не вызвало особого беспокойства у большей части населения региона. Согласно заявлениям руководителей Министерства обороны Российской Федерации, НАТО не представляет прямой угрозы для Калининграда и Россия в связи с расширением НАТО не будет увеличивать группировку войск

¹ The Military Balance 1993–1994. L., 1993. P. 104; The Military Balance 2003–2004. L., 2003. P. 93. Эти цифры включают сухопутные и береговые войска Балтийского флота, морскую пехоту и ПВО.

² The Military Balance 1993–1994. L., 1993. P. 103; The Military Balance 2003–2004. L., 2003. P. 92.

³ Первов В. Ракетное оружие РВСН. М.: ВИАЛАНТА, 1999. С. 76–77, 273.

⁴ Литовкин В. Блюдо для повторного разогрева // Общая газета. 18–24.01.2001.

в Калининградской области. Правда, не произойдет и полной демилитаризации области, на которой периодически настаивают различные политические силы и политические деятели Литвы и Польши¹.

В то же время российские военные выражали свою обеспокоенность развитием инфраструктуры НАТО в странах Прибалтики и Польше, а также тем, что в ходе учений НАТО отработывались, по их мнению, сценарии наступательных операций против Калининградского оборонительного района.

В рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе Калининградскую область регулярно посещают зарубежные военные инспекторы. Иностранные военные корабли неоднократно заходят с визитами в Балтийск и Калининград. Корабли Балтийского флота регулярно принимают участие в международных военно-морских маневрах «Балтопс» вместе с кораблями флотов стран НАТО.

В июне 2004 г. в области прошли международные учения спасателей «Калининград-2004», в которых приняли участие спасатели из 22 стран, в том числе стран НАТО. В 2005 г. генеральный секретарь НАТО заявил о намерении России и НАТО провести совместные учения в Калининграде².

Однако далеко не все граждане и политические силы Калининградской области положительно относятся к НАТО и к проведению на территории области НАТОвских мероприятий. Так, проведение 26 мая 2006 г. в Калининграде мероприятий в рамках акции «Россия—НАТО: объединяя усилия» сопровождалось акциями протеста, которые, впрочем, не носили массового характера³.

Федеральная политика по отношению к международному сотрудничеству Калининградской области

Отношения области с внешним миром и ее контакты с регионами других стран осуществляются под контролем и при координа-

¹ Балтийский флот останется в Калининграде // Независимое военное обозрение. 2002. 2 авг.; *Балуевский Ю.Т.* За Калининград, если понадобится, будем драться // Калининград.ru. 2005. 14 окт. <http://www.kaliningrad.ru/news/politics/k65781.html>

² В Калининграде пройдут совместные учения Россия-НАТО // Страна.ru. 21.04.2005 <http://www.strana.ru/stories/01/09/27/1650/246055.html>

³ НАТО уже в Калининграде // Газета.ru. 2006. 26 мая. http://www.gazeta.ru/2006/05/26/oa_201234.shtml

рующей роли федерального центра. Тем не менее они иногда воспринимались настороженно, с позиций пресловутой «регерманизации» и отрыва области от России Евросоюзом с целью передачи ее под международный контроль или даже превращения в «четвертое независимое государство Прибалтики»¹. И сейчас на первом месте для центра (что вполне естественно) стоит вопрос сохранения области в составе России и решение проблем ее жизнеобеспечения и социально-экономического развития в новых геополитических и геоэкономических условиях. В Концепции Федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области (2001 г.) указано, что «главной целью обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации в Калининградской области является создание и поддержание такого экономического, политического, международного и военно-стратегического положения области, которое создавало бы условия, исключающие опасность ослабления роли и значения области как неотъемлемой части Российской Федерации»².

В то же время следует отметить, что Москва не стремится к превращению Калининградской области в изолированную крепость. В той же Концепции указано, что «Калининградская область должна стать реальным соединительным звеном в интеграционном сближении России и объединяющейся Европы в продвижении российской продукции в страны ЕС, а современных производств и рыночных институтов — в новую Россию»³.

В «Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы)», утвержденной Президентом В.В. Путиным 3 июня 2000 г., о Калининградской области говорится следующее: «Учитывая особое географическое и хозяйственное положение Калининградской области, обеспечить необходимые внешние условия ее жизнедеятельности и развития ее как неотъемлемой части Российской Федерации и активного участника трансграничного и регионального сотрудничества. Определить на перспективу оптимальную экономическую, энергетическую и транспортную специализацию области, позволяющую эффективно функционировать в новых условиях. Надежно обустроить ее транспортные связи с остальной территорией

¹ *Шахрай С.* Калининград–Кенигсберг–Кролевец // Независимая газета. 1994. 26 июля.

² Концепция федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области // О.В. Кузнецова, В.А. Мау. Калининградская область: от «непотопляемого авианосца» к «непотопляемому сборочному цеху». М.: Комитет «Россия в объединенной Европе». 2002. С. 68.

³ Там же. С. 68.

Российской Федерации. Вести дело к заключению при необходимости с Европейским союзом специального соглашения, обеспечивающего защиту интересов Калининградской области как субъекта Российской Федерации в процессе расширения Европейского союза, а также по возможности превращения ее в «пилотный регион» в деле сотрудничества России и Европейского союза в XXI веке»¹.

В русле этого лежат как «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года», разработанная и принятая в области в 2003 г., так и пришедшие ей на смену Программа социально-экономического развития Калининградской области на 2007–2016 годы» и «Стратегия социально-экономического Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу» (2006–2007 гг.).

Возможные варианты встраивания Калининградской области в международные подсистемы

За рубежом обсуждаются следующие возможные механизмы встраивания российской Калининградской области в международные подсистемы в Балтийском регионе²:

- превращение Калининградской области в пилотный регион взаимоотношений России и ЕС в правовом, экономическом и общественном смысле³;
- активизация приграничного сотрудничества Калининградской области с соседними регионами Польши и Литвы (в том числе в рамках Программы соседства Литвы, Польши и Калининградской области и «Северного измерения»);
- участие Калининградской области и ее муниципальных образований в еврорегионах;

¹ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы) // Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 293–294.

² Мы не упоминаем варианты, связанные с выходом Калининградской области из-под суверенитета России, считая их маловероятными и контрпродуктивными.

³ См., например: В фокусе — Калининград // SCHIFF-texte Nr. 67 / russisch http://www.schiff.uni-kiel.de/pdf_files/PolicyRu.pdf

- участие Калининградской области в более крупных, чем еврорегионы, трансграничных интеграционных образованиях в регионе Балтийского моря¹.

При этом доминирующим мотивом, как представляется, является недопущение возникновения внутри ЕС очага напряженности (экономической, социальной, экологической и, в конечном счете, политической). Определенный, но меньший интерес представляет использование Калининградской области как связующего звена между Россией и Европой. Региональный же рынок особого интереса не представляет из-за его незначительной емкости. При этом какая-то единая стратегия встраивания Калининградской области в соседние международные подсистемы за рубежом отсутствует, поскольку она может быть выработана только совместно с Российской Федерацией, частью которой является этот регион.

В самой России чаще всего обсуждаются три основных сценария развития Калининградской области:

- инерционный, предполагающий пассивную реакцию области и России в целом на развитие ситуации вокруг области и в Балтийском регионе, итогом чего может стать превращение Калининграда в «двойную периферию» (Х. Тиммерманн)² России и ЕС;
- превращение области в военный форпост России с упором на ее военно-стратегическое значение: реализация этого сценария вероятна в случае новой «холодной войны» и приведет к изоляции и социально-экономической стагнации Калининградской области;
- развитие Калининградской области как «пилотного» региона или «региона сотрудничества», который, оставаясь частью России, мог бы активно участвовать в интеграционных процессах в Балтийском регионе: при реализации этого сценария область могла бы стать европейским «фасадом» или «визитной карточкой» России в Европе, одной из «зон контакта» России и ЕС, а также местом отработки схем и механизмов взаимодействия, транслируемых затем в другие

¹ Так, профессор У. Квиари (Финляндия) предложил сформировать Южно-Балтийский «треугольник роста» с включением в его состав северной Германии и Польши, южной Швеции, Литвы, западной Латвии, северо-западной Белоруссии и Калининградской области России (*Kivikari U., Lindstrom M., Lihuto K. The external economics relations of the Kaliningrad Region. Turku school of economics and business administration, Discussion C2/1998.*).

² *Тиммерманн Х.* Калининград – «двойная периферия» или проект регионального сотрудничества // Национальная информационная служба «Страна.Ru». 16.01.2001. <http://www.strana.ru/worldwide/press/2001/01/16/979664786.html>

российские регионы («полюсом интеграции»). Этот сценарий представляется нам наиболее предпочтительным.

Однако для того, чтобы он реализовался, необходимо, как представляется, предпринять ряд следующих основных мер.

На федеральном уровне следует разработать документ, который четко зафиксировал бы федеральную политику по отношению к Калининградской области и предусматривал бы ее развитие как региона сотрудничества или своего рода «моста» между основной частью России и Европой.

Целесообразно заключить между Россией и ЕС специальное соглашение о Калининградской области, которое позволило бы решать существующие и будущие проблемы в комплексе, а не по мере их поступления. Обязательной частью этого соглашения должны стать договоренности о транзите людей и грузов в Калининградскую область и из нее, о режиме посещения постоянными жителями Калининградской области Литвы и Польши после их вступления в Шенгенскую зону и жителями этих стран Калининградской области, а также об активном экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и ЕС на территории Калининградской области (включая развитие приграничной инфраструктуры и реализацию программ технического содействия).

Россия и ЕС могли бы создать международную инвестиционно-финансовую корпорацию по развитию экономического сотрудничества на территории Калининградской области с привлечением к участию в ней как региональной власти, так и частного бизнеса.

На региональном уровне предстоит разработать новую стратегию развития Калининградской области, нацеленную на использование в общероссийских и региональных интересах положения области вблизи развитых европейских государств и одновременно на минимизацию издержек, вызванных ее эксклавым положением. Эта стратегия должна быть вписана как в региональную политику России, так и в совместные стратегии и программы развития Балтийского региона. Она должна предполагать расширение участия Калининградской области в многостороннем сотрудничестве в регионе Балтийского моря (в том числе через еврорегионы), активизацию и дальнейшее развитие сотрудничества с Польшей, Литвой, Беларусью, Северными странами и Германией.

Для постепенного перехода от импортозамещающей модели развития к модели, рационально совмещающей импортозамещение и экспортную ориентацию экономики, в Калининградской области следует разработать и внедрить программу стимулирования и развития экспортноориентированных производств (с использованием мощностей уже созданных импортозамещающих предприятий и

предприятий, создаваемых в рамках развития аутосорсинга и расширения кооперационных связей с зарубежными компаниями). В этой программе можно предусмотреть создание Центра международной сертификации товаров и производств (возможно, при участии ЕС), а также Центра или сети центров, которые оказывали бы консультационные услуги предприятиям-экспортерам и занимались изучением конъюнктуры международных рынков товаров и услуг.

Для привлечения инвесторов (в том числе зарубежных) следует улучшить информационно-рекламное обеспечение деятельности ОЭЗ в Калининградской области, а также расширить сеть представительств Калининградской области за рубежом.

Разделение предлагаемых мер на федеральный и региональный уровни во многом условно, так как их реализация потребует координации и совместной работы федерального центра и Калининградской области (а в ряде случаев также частного бизнеса и других акторов). Речь, таким образом, идет не о жесткой грани, а о том, кому придется нести основную тяжесть усилий в том или ином случае.

Глава 4

Республика Карелия в Балтийско-Баренцевом регионе

Республика Карелия и небольшой карельский город Кондопога осенью 2006 г. оказались в центре общественного внимания. Ставший за последние полтора десятилетия в определённой степени традиционным подход, предполагавший своеобразный «европейский взгляд» на процесс модернизации карельской социально-экономической и политической системы, должен был быть подвергнут значительной ревизии. В самой казалось бы спокойной и по-европейски цивилизованной, что наряду с другими важными «положениями» предполагало «достижение» уровня толерантности и терпимости, по крайней мере не ниже «среднероссийского», республике возникновение уличного насилия и проявление ненависти к мигрантам представлялись маловероятными. Тем не менее большинство процессов, открытое проявление которых пришлось на кондопожские протестные события, вызревали в течение многих последних лет. Далекое не второстепенное значение при этом играло приграничное положение республики. Приграничье формировало специфический тип восприятия «другого», в роли которого представляли как граждане соседней Финляндии, так и обладатели российского гражданства, волею судеб оказавшиеся, зачастую временно, в «подстоличной Сибири».

Данная глава посвящена рассмотрению комплекса условий и обстоятельств, в которых формировались структурообразующие элементы современного карельского приграничья, проявляющиеся в процессе интеграции в международные системы и подсистемы разного уровня. Без сомнений, большинство этих обстоятельств выступало продолжением и воплощением комплекса взаимно противоречивых тенденций децентрализации и централизации властных полномочий, регионализации и федерализации, открытости и обособления в рамках международной и межрегиональной кооперации. Зачастую проведение однозначной грани, фиксирующей доминирование той или иной тенденции, было затруднено. Только ретроспективный анализ с привлечением значительной источниковой базы, наряду с академической строгостью и принципиальностью, позволяет критически переосмыслить положительные и отрицательные стороны противоречивых процессов, на которые, в свою очередь,

оказывали значительное влияние конъюнктурные политические факторы и события.

Политическая конъюнктурность, однако, не может быть рассмотрена вне общестранового политического ландшафта. Это особенно справедливо для внутрироссийской ситуации начала 1990-х годов. В условиях отсутствия нормативного регулирования внутрифедеральных отношений, наличия разнообразных форм проявления так называемого парада суверенитетов, приватизации ряда государственных функций этническими территориями, самостийной парадипломатии политический дискурс на республиканском уровне не мог не формироваться под воздействием «внешней» среды, прямое и опосредованное воздействие которой динамически изменялось во времени, и довольно стремительно.

Четыре этапа

Республика Карелия (РК) была в числе тех субъектов Федерации, которые не подписали договор о разграничении предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов региональной власти. Отношение к востребованности, целесообразности и возможности подобного договора определялось исключительно политическими соображениями. Оно может быть кратко проанализировано на четырёх разновременных «отрезках».

Первый этап, 1991—весна 1998 гг., характеризовался отсутствием нормативной базы при определении полномочий республики в сфере международной и внешнеэкономической деятельности. В случае необходимости предоставлялась возможность конъюнктурного, тактического манёвра. Отсутствие правил предопределяло политизированность правового регулирования. Невозможность сугубо технологического решения, «игры по правилам», создавала в большинстве случаев условия для трактовки внешних полномочий в пользу республики. Неясность соотношения, например, конституционных положений «международные связи» и «внешнеэкономические связи»¹ способствовала перераспределению баланса интересов и полномочий в направлении Карелии.

Под довольно расплывчатую в нормативно-договорном регулировании рубрику «внешние связи» подпадала не только внешнеэкономическая деятельность карельских предприятий, но и побратимские связи, приграничный коммерчески окрашенный туризм, гума-

¹ Сергунин А., Рыхтик М. Правовое регулирование международной деятельности российских регионов // Российские регионы как международные акторы: Аналит. доклад. Н. Новгород: ННГЛУ, 2000. С. 35–60.

нитарные связи и культурно-образовательные контакты. Справедливости ради необходимо отметить, что на практике отсутствие договора о разграничении предметов ведения и полномочий поддерживалось обоюдными потребностями. Представители и региональной, и федеральной власти могли манипулировать и вольно интерпретировать основания, которые регулируют собственно правовые внутрифедеральные отношения. Таким образом, сфера правовых отношений медленно выделялась в самостоятельную на нормативно-идеологическом уровне, но сама модель этих отношений оставалась абсолютно неустойчивой на протяжении почти десятилетия и сохраняла в динамическом равновесии систему общественных сдержек только благодаря негласному внутривластному контракту.

Второй этап, весна 1998—весна 2000 гг., выделяется в связи с появлением первого стратегического документа, определившего основные направления территориального развития республики. После смены политического руководства Карелии весной 1998 г. началась работа над региональной концепцией социально-экономического развития. Руководителем проекта был назначен министр внешних связей Республики Карелия. 10 февраля 1999 г. Законодательное собрание республики утвердило представленную губернатором Концепцию социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999—2002—2010 гг. «Возрождение Карелии». Впервые был принят программный документ, ставящий своей основной задачей не только провозглашение стратегически значимых ориентиров, но и «определение республиканских интересов в процессах развития субъекта Федерации на период до 2010 года»¹.

Выделив в качестве двух специфических особенностей регионального развития геополитическое положение республики и наличие значительных неосвоенных природных ресурсов, раздел «Международная и внешнеэкономическая деятельность» определил ряд основных задач, в том числе «укрепление позиций в Северной Европе посредством участия в деятельности Совета Баренцева Евро-Арктического региона, Совета государств Балтийского моря, Ассамблеи еврорегионов, в Программе Совета Министров Северных стран», «устранение заниженных цен на карельские товары и услуги по сравнению со средним уровнем цен, складывающихся на мировом рынке»². В целом, документ представлял собой довольно убогую попытку стратегического планирования республиканского масшта-

¹ *Валуев В., Дахин А., Макарычева М., Реут О., Романова О.* Интеграция региональной России в мировую экономику // Российские регионы как международные акторы: Аналит. доклад. Н. Новгород: ННГЛУ, 2000, С. 61–81.

² *Возрождение Карелии. Концепция социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999—2002—2010 гг.* Петрозаводск, 1999.

ба. И дело, конечно, не только в неразумности заявлений о необходимости «укреплять позиции» в Северной Европе, частью которой Карелия никогда не была и не могла быть в силу своего географического положения. Основной «проблемой» Концепции стало фатальное непонимание региональными властями природы тех вызовов, которые стали актуальными в силу приграничного положения республики, и путей их эффективного преодоления.

Часто упоминаемый в Концепции в разряде априорно положительных так называемый геополитический фактор, значение которого определялось исключительно появлением с 1995 г. границы с Европейским союзом (ЕС), на самом деле не находил достаточных аргументов. Карелия не обладала высокой ёмкостью потребительского и финансового рынков, обусловливаемых значительной численностью и плотностью населения, относительно развитой производственной сферой, ориентированной, прежде всего на современные наукоёмкие и информационные технологии, высокопрофессиональным менеджментом, как Санкт-Петербург и приграничные Ленинградская и Мурманская области. По сути дела, республиканская стратегия не могла способствовать модернизации национальной политико-экономической системы на региональном уровне, а была направлена лишь на поддержание асимметричного развития приграничных с ЕС территорий. В таких условиях любой проект «срастания» приграничных сообществ был в принципе невозможен.

Тем не менее запоздалое желание «самостийности» возобладало и республиканская власть, в свою очередь, стала прилагать усилия по подготовке договора о разграничении предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов региональной власти. Именно подписание договора стало ключевым моментом Концепции социально-экономического развития республики. В проектах самого договора предполагалось «прописать» особый статус Карелии как приграничной с ЕС территории и, таким образом, предпринять попытку к расширению полномочий республиканских органов власти в части распределения и распоряжения природными, прежде всего лесными, ресурсами. По сути дела, на основе неких умозаключений и спекуляции об исключительно геополитических особенностях Республики Карелии ставилась задача перераспределить часть имущественных и финансово-налоговых полномочий. Этим планам, однако, не суждено было реализоваться.

Третий из рассматриваемых нами периодов, весна 2000—весна 2002 гг., внёс существенные коррективы во взаимоотношения республики с федеральным центром. Основное направление этих взаимоотношений стало выстраиваться в плоскости усиления «вертикали власти» и «диктатуры закона». Ни о каком проекте договора о разграниче-

нии предметов ведения и полномочий в новых политических условиях уже не могло быть и речи. Началась существенная корректировка национальной политики в сфере современного российского федерализма. Следование вектору постепенного перераспределения властных полномочий от территорий к центру стало практически обязательным.

Основным полем потенциального конфликта между Карелией и федеральным центром в 2000–2002 гг. стал макропроект по укрупнению регионов на Северо-Западе России. Учреждение Северо-Западного федерального округа (СЗФО) явилось инновацией, позволившей переформатировать масштаб командных решений, выводящий их на уровень, ранее не существовавший в структуре государственно-административного и геоэкономического управления. Вместе с тем эта инновация приобретала бы подлинно системный характер только в случае «запуска новых процессов экономико-технологической, социально-культурной, транспортно-инфраструктурной, политической самоорганизации»¹. Прикладным аспектом этого движения стали попытки укрупнения регионов в составе федерального округа.

Несмотря на определённую общность в приграничности и европейскости российского Северо-Запада, СЗФО внутренне фрагментируется в процессе определения внешнего «контура» того контекста, в котором существует и развивается макрорегион. Классификация Центра стратегических разработок «Северо-Запад», в соответствии с которой федеральный округ «распадается» на сырьевые провинции, индустриальные территории, Санкт-Петербург как «транспортно-распределительный и торгово-посреднический центр международного значения» и Калининградский эксклав, может быть далее детализована в направлении выделения территориальных секторов, развитие которых предопределено «набором» внешних факторов.

Совершенно очевидно, что особую группу могли бы сформировать Мурманская, Ленинградская, Псковская области и Карелия, выступая приграничными в полном смысле этого слова территориями. Конечно, Калининградская область обладает собственным уникальным «контуром». Несмотря на распространённое представление о Санкт-Петербурге как о второй столице, поддерживаемое в настоящее время началом наделения города федеральными функциями, «окно в Европу» невозможно представлять без Ленинградской области, вместе формирующих Петербуржско-Ленинградскую агломерацию.

Именно в этих условиях в 2000–2002 гг. стали появляться различные проекты и прожекты по укрупнению территорий с участием Республики Карелия, национально-этнический состав которой — 77,2% общего населения, проживающего в Карелии, являются рус-

¹ Доктрина развития Северо-Запада России. СПб.: ЦСР «Северо-Запад», Издат. дом Corvus, 2001.

скими¹ — определял территорию как самую русскую, т.е. самую неэтническую среди этнических образований Российской Федерации.

Наиболее вероятным был вариант, по которому республике по сути дела навязывалось решение об объединении с Мурманской областью с центром в г. Мурманске. Существовало даже предварительное название такового нового субъекта Федерации — Северный край. Именно «край», так как приграничная территория находится *на окраине* российского государства.

Заместитель председателя Государственной Думы Российской Федерации В. Жириновский неоднократно предлагал другой вариант укрупнения территорий, в соответствии с которым формировался бы так называемый Невский край. Такой субъект Федерации объединял бы или все регионы российского Северо-Запада за исключением Калининградской области и г. Санкт-Петербурга, или Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую, Мурманскую области, Карелию и г. Санкт-Петербург.

Ведущие учёные Архангельска во главе с профессором Ю. Лукиным последовательно предлагали ещё один вариант территориального укрупнения, по которому формировался бы Северный федеральный округ. В его состав вошли бы Мурманская, Архангельская, Вологодская области, республики Коми и Карелия и Ненецкий автономный округ. Основной аргумент сторонников именно такой модели объединения связан с нецелесообразностью соединения Северного и Северо-западного экономических районов в единый СЗФО. Бывшие экономические районы «слишком разные» в своём социально-экономическом и инфраструктурно-коммуникационном развитии.

Не следует забывать и вариант, предложенный осенью 2001 г. лидером национал-радикального Карельского конгресса А. Григорьевым, главная идея которого заключалась в разделении Карелии «по национальному признаку». Территории компактного проживания карелов и вепсов планировалось преобразовать в самостоятельные национальные округа. В северной Карелии речь идёт о Калевальском районе, в южной — об Олонецком, Пряжинском районах и Вепсской волости. Остальные районы, где проживает преимущественно русское население, предлагалось «раздать» Ленинградской, Архангельской и Мурманской областям.

Ко времени очередных и, как оказалось, последних губернаторских выборов весной 2002 г. стало очевидно, что «самостийность» и «геополитическая уникальность» Карелии несостоятельны в концептуальном плане. Последние 10–15 лет территория не являлась экономически самостоятельной. Численность населения стремительно

¹ North-West of Russia in Figures—2004. Saint-Petersburg: Baltic Research Center, 2004.

уменьшалась. По разным оценкам с 1989 по 2002 г. она сократилась на 75–80 тыс. человек и приблизилась к отметке 710 тыс. жителей. При сохранении действующей на тот момент модели административного развития огромная территория – по площади превосходящая три государства Балтии вместе взятые – не могла быть эффективно использована, а её природные ресурсы рационально освоены. Речи о договоре о разграничении предметов ведения и полномочий уже не могло и быть. Символический капитал и властные полномочия, причём не оформленные в нормативном отношении и социально-статусном пространстве, автоматически перераспределялись в абсолютно новом направлении – в Санкт-Петербург, столицу СЗФО.

Четвёртый этап, весна 2002 г. – настоящее время, начался со свёртывания ряда международных проектов, в которых участвовала или намеревалась участвовать Карелия. Частным, но показательным моментом стало принятие губернатором республики решения о ликвидации Министерства внешних связей Республики Карелия. Таким образом, вертикально структурированная система рассмотрения административно-командных решений карельскими участниками трансграничных инициатив и проектов усилила нежизнеспособность управленческой составляющей международной кооперации.

Усиление влияния федерального центра и центра федерального округа продолжалось. Поставленный (в начале рассмотренного нами третьего этапа) на повестку дня российской государственности вопрос об ограничении правовой и административной вольницы субъектов Федерации привёл к пониманию, что сама по себе унификация законодательства не может быть средством решения проблем модернизации и совершенствования систем национального управления. Это особенно ясно при анализе путей реализации международной и внешнеэкономической деятельности субфедеральными акторами.

Для осознания того, что «не унификация нормативного поля, а универсализация правовой политики»¹ определяет эффективность государственного, регионального и муниципального управления, потребовалось время. Цена потраченного времени есть цена, заплаченная обществом за выстраивание разнообразных иерархических структур и деинституционализацию управления, которая, в свою очередь, выражается в потере функциональности и, следовательно, результативности территориально ориентированного развития.

Проведение федерализации слияний и поглощений, перекройка карты страны согласно краткосрочному бизнес-проекту имеет оборотную сторону. Централизация полномочий и встраивание регио-

¹ Щедровицкий П. России нужна революция госуправления // Российское экспертное обозрение. 2006. № 5. С. 17–20.

нов-вотчин в жёсткую вертикаль власти волей-неволей начинает порождать «исключения». Чрезмерной и агрессивной деловитости власти начинает сопутствовать политика снисхождения, проявлением которой выступает регулярное «оживление» дискурса актуальности двусторонних договоров «центр—регионы». Некие «особые правила», как всегда, начинают сначала закрепляться за этническими республиками: Чечнёй и Татарстаном. Следом идут экономические зоны разной направленности: от эксклавного Калининграда до территорий, отведенных под устройство туристических и развлекательных зон, где разрешены, например, строительство и организация казино. При этом не исключаются и «классические» свободные экономические зоны, такие как пространства совместного с иностранными партнёрами предпринимательства, территории наукоградов, технопарков и национальных университетов.

Другими словами, фрагментация единых правового и экономического пространств возвращается, но в принципиально другом, чем в 1990-е годы, виде — без сколько-нибудь серьёзного влияния региональных политических групп интересов. Они замещены корпорациями и квазиполитическими институтами, такими как региональные отделения партии/партий власти. Может это и не было бы столь плохо и пессимистично, если бы не одно «но»: сложившаяся к настоящему времени структура национального управления нивелирует активное участие российских регионов в интеграционных процессах на международном макро- и субрегиональном уровнях.

Данная конструкция ориентирована на национальный проект «Сосредоточение», что априорно исключает открытость и интеграционную вовлечённость через проекты сближения и последующего «срастания» приграничных сообществ. Обособленность, проявляемая в той или иной степени, предопределяется необходимостью собственного «глобального проекта» и закрепления в России «центра прибыли от международных проектов использования российских ресурсов»¹.

Возвращаясь к рассмотрению эволюции формирования структурообразующих элементов современного карельского приграничья, обратим внимание на первый и второй этапы (в соответствии с условной классификацией, принятой вначале). Именно они характеризуют две принципиально различные между собой, но, безусловно, интересные модельные ситуации интеграционной динамики на региональном уровне. Первая ситуация связана с участием регионов российского Северо-Запада в международных региональных организациях. Вторая описывает частный пример (case study) сугубо республиканской инициативы — еврорегион «Карелия».

¹ Сурков В. Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию // Эксперт. 2006. № 43.

Балтийско-Баренцев макрорегион

Карелия — единственная территория на Северо-Западе России, которая получила представительство в двух международных региональных организациях: Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР). Членство в этих организациях реализуется на двухуровневой основе. В работе форумов участвуют как государства, так и регионы, которые представляют территориальные интересы на субнациональном уровне. Карелия оказалась как раз на границе территориальных «представительств» этих двух международных организаций.

Копенгагенская декларация (5 марта 1992 г.) учредила СГБМ, приоритетами деятельности которого были объявлены демократические преобразования, развитие инфраструктуры и содействие в торгово-экономическом развитии. Киркенесская декларация (11 января 1993 г.) зафиксировала создание БЕАР, приоритетными областями деятельности которой были провозглашены следующие сферы взаимной кооперации: охрана окружающей среды, экономическое сотрудничество, формирование региональной инфраструктуры, коренные народы Севера, содействие гуманитарно-культурным контактам¹. Так ли важна разница приоритетов планируемой деятельности при учреждении международных правительственных форумов? Ответ, на первый взгляд, очевиден: нет, не так важна. На практике, однако, конфликт приоритетов, особенно когда это касалось поддержки инициативных проектов со стороны Карелии, получил серьёзное развитие.

Наиболее наглядно это стало проявляться при последующем углублении «ситуации» конфликта приоритетов. В рамках двусторонних российско-финляндских отношений «главная цель» сотрудничества Финляндии с сопредельными территориями — «политическая и экономическая поддержка процесса преобразований»². Собственные приоритеты были объявлены Европейской комиссией в рамках реализации программы TACIS. Очевидно, что программа была ориентирована на всё постсоветское пространство и поэтому исключала учёт каких-либо региональных особенностей. Инициатива Евросоюза и последующие планы действий по применению политики ЕС в отношении «Северного измерения» определяли свой собственный «короткий список» проектно-программных областей, которые получали институциональные и финансово-экономические преференции.

¹ Reut O. The Baltic and Barents Regions in Changing Europe: New Priorities for Security. EFP Working Paper 2. Centre for European Security Studies, Groningen, 2000.

² Ближе к Северным странам. Предложения по обновлённой стратегии сотрудничества между странами Северной Европы и сопредельными регионами. Совет Министров Северных стран, 2003.

Зачастую в перечисленных стратегических документах и программах отчётливо проявлялась дифференциация внутренних интересов стран-участников. Если со стороны, например, стран Балтии и Польши был очевиден магистральный вектор внешней политики, выражающийся в стремлении к скорейшему членству в Евросоюзе, то для России и на национальном уровне, и на уровне субъектов Федерации собственные государственные приоритеты не были нормативно оформлены и периодически подвергались ревизии. Более того, «разгосударствление» внешнеполитической деятельности приводило к созданию ситуаций, при которых, например, «значение Карелии» безоговорочно определялось как собственно факт нахождения «непосредственно на границе между двумя крупнейшими европейскими образованиями: ЕС и Российской Федерацией», что, в свою очередь, создавало «возможность дальнейшей интеграции Карелии в рамках Российской Федерации в европейское экономическое пространство»¹.

Необходимо отметить, что на протяжении 1990-х годов влияние внешнеэкономической деятельности на социально-экономическую жизнь республики последовательно усиливалось. Роста иностранных инвестиций в карельскую экономику, однако, ожидать не приходилось. Как следствие, снижалась конкурентоспособность республиканской промышленности. Эта проблема — исключительно региональная, и дело здесь в том, что диверсифицировать экономику означало решиться на глубокие системные реформы, которые станут ударом по пакту республиканской бюрократии и сырьевого бизнеса. Эти реформы неизбежно подразумевали бы рост среднего класса и появление новых капиталистов, которые начнут инвестировать в новые технологии. Но такое движение к предприимчивости и инициативе означало бы подрыв властных основ действующей республиканской элиты, которая была заинтересована в пассивном, послушном обществе и в сохранении кланового капитализма и его основы — сырьевой экономики.

Карельская власть, которая рассматривала контроль над собственностью как гарантию своих политических позиций, не останавливалась перед ограничением экономических свобод, что представлялось наиболее очевидным в ситуациях взаимодействия с иностранными инвесторами. Другими словами, если интересы правящей бюрократии требовали отнять собственность у предпринимателя, ее отнимали. В частности, не была реализована идея британской группы компаний Illingworth, Morris Limited по формированию регионального финансово-промышленного холдинга, объединяющего кондопожские лесоперерабатывающие и деревообрабатывающие предприятия с регионально ориентированным финансовым институтом, в качест-

¹ Шлямин В., Смирнов Ю. К Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на 1998–2001 гг. // Карелия, 1998. 20 нояб. С. 18–19.

ве которого значительное время рассматривался муниципальный банк «Онега». Не получила цивилизованного развития и ситуация с уходом шведского концерна AssiDoman Group из проекта по приобретению и модернизации АО «Сегежабумпром».

Складывающуюся ситуацию понимали, а порой и принимали иностранные инвесторы, которые были готовы частично оплачивать политические риски. При этом приход в Карелию в основном скандинавских «лесных генералов» еще больше укреплял сырьевую ориентацию республиканской экономики, реформировать которую представлялось все труднее. К концу 1990-х годов возникла отчасти парадоксальная ситуация: западные монополии, хоть и малочисленные, своим присутствием частично легитимировали и использовали в своих интересах карельское авторитарно-сырьевое госуправление, которое при первых признаках кризиса неизбежно стремилось сделать из них своего недруга. При этом действительно крупные и серьёзные игроки, прежде всего такие, как шведский холдинг IKEA и финско-шведский концерн STORA-Enso, предпочитали инвестировать за пределами Карелии. Несколько крупных проектов, реализованных путём как приобретения, так и строительства «с нуля», были осуществлены в Ленинградской, Новгородской и Вологодской областях.

Несмотря на ежегодный рост внешнеторгового оборота в зоне деятельности карельских таможенных служб (Петрозаводской, Сортавальской и Костомукшской) в структуре экспортных поставок в Финляндию не произошло кардинальных изменений — более половины приходится на необработанные лесоматериалы. С одной стороны, Финляндия выступает основным партнёром Республики Карелия в сфере торгово-экономического сотрудничества. С другой, именно в Финляндию вывозится свыше 90% всех экспортируемых из Карелии необработанных лесоматериалов. Таким образом, лейбл «сырьевой придаток» наиболее иллюстративно маркирует сформировавшееся за последние пятнадцать лет «стратегическое» приграничное партнёрство. Картина может быть дополнена ещё одним показательным индикатором — в структуре накопленных инвестиций на капитал с финляндским происхождением приходится не более 5–9% общего объёма иностранных инвестиций в экономику Карелии. Это означает, что Финляндия не входит в первую тройку, а иной год и в пятёрку ведущих стран-инвесторов. Всё это, как уже было отмечено, свидетельствует об усилении исключительно сырьевой ориентации республиканской экономической системы.

Одновременно с этим необходимо констатировать систематическое лоббирование и в СГБМ, и в БЕАР со стороны финских политических и деловых кругов инфраструктурных проектов, направленных не только на придание приграничному сотрудничеству ис-

ключительно характера обеспечения сырьевых потребностей стран Балтийско-Баренцева региона, но и на дополнительную загрузку не используемых в последние годы в полной мере мощностей финских портов. Именно тенденции по обеспечению проектного базиса для регулирования транспортных потоков Финляндии, которая преследует собственные национальные интересы, способны вызвать осторожное непонимание. Одним из существенных моментов в этом процессе выступает заинтересованность крупных финских перевозчиков в реализации проектов по созданию так называемых южного и северного «транспортных коридоров».

Проект «коридора развития “Атлантика-Карелия”», побочным продуктом которого стал весьма спорный с позиций инвестиционной целесообразности подпроект по строительству платной автомобильной магистрали Петрозаводск—государственная граница (пункт пропуска Сювяоро-Колмиканта), охватывал своим влиянием южную часть республики. Проект «Архангельского коридора развития», зона влияния которого распространена на северные районы Карелии, предусматривал завершение строительства коммерческой железной дороги Ледмозеро—Кочкома (126 км.). Оба проекта ориентированы не на стимулирование устойчивого развития республики и диверсификацию экономики, а на поэтапное совершенствование транзитных схем перевалки российского сырья в направлении крупных промышленных узлов и транспортно-экспедиторских потребителей Финляндии.

«Транзитная», «коридорная», «оконная», «лабораторная», «модельная» функция карельского приграничья имеет ещё одно негативное измерение — миграция экономически активного населения республики в Финляндию. Для значительной части молодого и образованного поколения по-прежнему актуален вопрос «куда ехать: в Финляндию или в Санкт-Петербург?», «оттягивающий» на себя значительные потоки человеческого капитала всего СЗФО. Тем не менее проблематика привлечения рабочей силы, особенно квалифицированной, становится всё более актуальной для самой республики.

Одним из результатов правовой и организационной неурегулированности было распространение, особенно в конце 1990-х годов, практики смешанных контрактов на рубку и продажу древесины. Карельская (российская) фирма, являющаяся одной из сторон такого контракта, не могла быть определена как работодатель и, соответственно, не несла правовой ответственности за нарушение миграционного законодательства, в частности, за правильное оформление виз с правом работы по найму. В свою очередь, финское (иностранное) предприятие, фактически являющееся работодателем, но работающее на российской территории как нерезидент, не имело каких-либо обязательств и не подпадало под какую-либо ответственность в соответ-

ствии с российским и карельским законодательством. Такие случаи были не единичными, сотни и тысячи финских лесозаготовителей работали на территории Карелии на регулярной основе. Наряду с прямыми экономическими потерями, выражающимися прежде всего в недопоступлениях в региональный бюджет, возникали социальные напряжения в отношении подобных временных мигрантов.

Особую группу проблем приграничья формировали и по-прежнему формируют наркотрафик, контрабанда водки и бензина, различные формы спекуляции через государственную границу и давно ставшая трансграничной проституция. Картину подобного «уклада жизни» следует дополнить напоминанием, что союзы коммун, располагающиеся «по ту сторону» границы, традиционно являются самыми неблагоприятными в социально-экономическом отношении финскими территориями. Ограничивая свои собственные амбиции лишь адаптацией к роли периферии, провинциальности зачастую притягиваются.

Еврорегион «Карелия»

Предложение о целесообразности формирования еврорегиона «Карелия» впервые было официально сделано в декабре 1998 г. в ходе ежегодного заседания карельско-финляндской рабочей подгруппы по сотрудничеству сопредельных территорий в г. Суоярви. В сентябре 1999 г. в г. Куопио на Первом конгрессе городов-побратимов России и Финляндии губернатор Республики Карелия заявил: «В развитие инициативы “Северного измерения” вместе с нашими партнёрами из Северной Карелии, Кайнуу и Северной Похьянмаа мы разработали Концепцию создания еврорегиона “Карелия”». В феврале 2000 г. в г. Йоэнсуу приступил к работе Исполнительный комитет еврорегиона. На втором заседании Исполнительного комитета в ноябре 2000 г. в г. Костомукша была согласована и одобрена Программа действий, рассчитанная на период с 2001 по 2006 гг.

С подачи авторов-разработчиков, в основном представлявших аппарат чиновников более несуществующего Министерства внешних связей Республика Карелия, немногочисленные российские сторонники идеи организации еврорегиона «Карелия» обычно представляли свои аргументы «за», как правило, ссылаясь на положительный опыт в Западной и Центральной Европе.

Действительно, история поиска эффективных форм взаимодействия приграничных сообществ ведёт отсчёт от общественных союзов муниципалитетов, созданных в XVIII–XIX вв. вдоль границы современных Германии и Нидерландов.

Несмотря на то, что никогда не существовало единой и неизменной концепции, как еврорегион должен возникнуть, какие стадии своего развития должен эволюционно пройти и как должен (или может) прекратить своё существование, представляется возможным выделить определённые, характерные условия сотрудничества. Прежде всего, это наличие участка общей государственной границы и добровольное стремление сторон к углублению средне- и долгосрочной трансграничной кооперации через гармонизацию субрегиональных планов социально-экономического развития территорий. Одним из дополнительных (и полезных) условий может быть наличие согласованного списка готовых к совместному выполнению проектов, реализация которых принесёт явно выраженный трансграничный эффект, что и является приоритетным для участников еврорегиона.

Формы прикладного сотрудничества в полной мере зависят от комплекса факторов «благоприятствования», из которых в качестве основного можно указать степень и характер развития правового поля в сфере регламентации внешних связей регионов. Только при отнесении к компетенции территорий предметов ведения и полномочий, связанных с возможностью самостоятельного участия в еврорегиональном строительстве, можно рассматривать активность регионов в пределах общеконституционного пространства. В 1990-х годах участие ряда субъектов Российской Федерации в проектах формирования еврорегионов осуществлялось явочным порядком, зачастую при нарушении принципов верховенства Конституции России и федеральных законов. Очевидно, что подобная самостийность региональных парадипломатий — одна из печальных реалий посткоммунистической эпохи. В настоящее время, однако, она может восприниматься лишь в плоскости десувверенизации российского государства¹.

Как правило, описание современного этапа взаимодействия приграничных сообществ через функционирование еврорегионов не обходится без упоминания подобных международных конструкций на немецко-польской границе, с появления которых в начале 1990-х годов как раз и началась поступательная интеграция Польши в институты ЕС и Североатлантического блока. Несомненно, опыт последовательной, функциональной и предельно прагматичной кооперации в рамках еврорегионов *Neise—Nysa*, *Pomerania*, *Spree—Neisse—Bober* и *Pro Eurora Viadrina* заслуживает пристального внимания. (Строго говоря, еврорегион *Neise—Nysa* является немецко-польско-чешским.)

В то же время нельзя упускать и тем более игнорировать тот факт, что немецко-польские еврорегионы формировались в условиях, при которых государственная граница не являлась своеобразной

¹ *Реут О.* Без территории. Суверенитет без прилагательных // Российское экспертное обозрение. 2006. № 4. С. 54—58.

осью асимметрии, жёстко фиксирующей социально-экономические препятствия на пути взаимовыгодного сотрудничества. Первые этапы рыночных преобразований, прежде всего массовая приватизация, на сопредельных территориях были проведены сбалансировано и практически одновременно¹, при этом не требовалось «внутреннего» сокращения технологического (и информационного) разрыва, что характерно и даже обязательно при «внешнем» сравнении с развитыми европейскими странами.

В целом становление еврорегионов на немецко-польской границе происходило для партнёров в паритетных и мотивационно схожих условиях – с позиций как целесообразности использования самых простых и доступных мер интеграции в общеевропейское пространство, так и решения вопросов по поиску источников финансирования совместных проектов. Асимметричность внешне-торговой, инвестиционной областей и уровней развития современных коммуникаций была минимальной, что и способствовало столь успешному применению модели еврорегионов. Для немецко-польских еврорегионов также характерно то, что значительная часть профинансированных Евросоюзом проектов была адресована предприятиям агропромышленного комплекса, финансово-экономическая ситуация с которыми по обе стороны государственной границы была предельно схожей, а проводившиеся структурные изменения гармонизированы таким образом, что не привели к разрушению традиционных хозяйственно-кооперационных связей.

Можно констатировать, что с вступлением Польши в ЕС первоначальная необходимость, в первую очередь экономическая, существования немецко-польских еврорегионов постепенно сводится на нет. Основной акцент трансграничного сотрудничества уже сейчас почти полностью перенесён в сферу контактов по реализации молодёжной политики, семейного туризма, диалога культур и образования.

Предельно очевидно, что многие институциональные преобразования, хорошо зарекомендовавшие себя в качестве регионально ориентированных механизмов западно- и центрально-европейской интеграции, не могут быть применимы в полной мере для субъектов Российской Федерации в связи с невозможностью членства России или отдельных российских территорий в Евросоюзе (по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе).

Следует отметить, что в целом практика еврорегионального строительства имеет достаточно негативных примеров. Европейские

¹ *Gruchman B., Walk F.* Trans-boundary Co-operation in the Polish-German Border Region. // *Border Regions in Functional Transition: European and North American Perspectives on Trans-boundary Interaction.* Regio Series of the Institute for Regional Development and Structural Planning 9, 1996.

эксперты ещё в самом начале 1990-х годов¹ указывали на неблагоприятную ситуацию на итальянско-швейцарской границе, демонстрирующую полную неэффективность и безуспешность строительства еврорегионов на данной территории.

В качестве ещё одного несостоявшегося проекта формирования надтерриториального сообщества можно предложить рассмотрение еврорегиона на венгеро-румыно-югославской границе. По инициативе юго-западной провинции Румынии, всячески стремящейся подчеркнуть свою центральноевропейскую социокультурную идентичность, в качестве ведущей интеграционной модели рассматривалось формирование еврорегиона Banat. Однако наличие двух жёстких «граничных условий» — необходимости, в соответствии с практикой шенгенских соглашений, введения Венгрией визового режима для стран-соседей, в том числе Румынии и Сербии, и закрытости сферы действия программы технической помощи ЕС Phare для республик бывшей Югославии² — не позволило заместить разделительные линии функциональной и прагматично-ориентированной кооперацией. Несмотря на относительно положительную мотивацию и обоснование концептуального применения модели еврорегиона, практическое использование этой идеи оказалось неконструктивным и даже произвело некоторый негативный эффект, выразившийся в углублении имеющейся асимметрии отношений. И.М. Бусыгина, также обратившая внимание на данный феномен, исследовала греко-македонскую границу, иллюстрируя ситуацию, при которой отсутствует эффект «срастания»: наблюдается отток «экономической деятельности из приграничных, обычно слаборазвитых территорий в регионы, расположенные ближе к центру страны»³.

Второй «базовый» аргумент «за» необходимость и востребованность участия карельской стороны в еврорегиональной инициативе может быть сформулирован как «принцип модельности», заключающийся в том, что, создавая еврорегион «Карелия», республика якобы формирует модель отношений российских регионов со странами—членами ЕС.

В России объективно существует группа регионов, таких как сельскохозяйственные Кубань, Ставрополье, Черноземье, Орловская и Рязанская области, напрямую не заинтересованных в развитии меж-

¹ *Bramanti A., Ratti R.* Towards a Europe of the Regions. Opportunities and Challenges of Trans-boundary Economic Co-operation. Milan: Franco Angeli (in Italian), 1993.

² *Batt J., Wolczuk K.* Keep an Eye on the East. The European Union should not ignore regions that fall outside its plans for enlargement // *Financial Times*. International Edition. 2001. 23 Febr.

³ *Бусыгина И.М.* Региональная политика: новые тенденции и вызовы // Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: УРСС, 2001. С. 95–104.

дународной деятельности. Для них «открытие» российских границ имело и продолжает иметь весьма негативные последствия. Будучи в значительной мере самодостаточными, особенно в отношении продовольственных ресурсов, они стремятся к формированию внутрирегиональных рынков. На другом «полюсе» десять территорий, на которые «традиционно» приходится от 50 до 60% всего российского экспорта – Волгоградская, Иркутская, Кемеровская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Республика Башкортостан, Красноярский и Хабаровский края. Это крупнейшие экспортно-ориентированные сырьевые регионы и промышленные центры. Пытаться «примерить» на них механизмы сотрудничества Карелии с периферийными внутри самой Финляндии восточными территориями было бы экономически не обоснованным.

Таким образом, «модельность» (или ставшая модной в связи с Калининградской «головоломкой» «пилотность») региональной инициативы представлялась более чем сомнительной, а стремление тиражировать карельский принцип строительства еврорегиона не мог выдержать сколько-нибудь серьёзной критики.

В целом, можно констатировать, что система аргументации авторов-разработчиков и сторонников создания еврорегиона «Карелия» была слабой, не строилась на фундаменте современных европейских исследований и в значительной степени не учитывала динамику внутри- и внешнеполитических изменений, равно как и региональные социально-экономические реалии. При этом важно указать, что, как бы это ни выглядело противоречивым или даже, на первый взгляд, курьёзным, конечная цель создания любого еврорегиона заключается в отказе от него через постепенное сближение и в определённой степени «срастание» двух частей приграничного сообщества. В том случае, если подобное сближение, а в долгосрочной перспективе и «срастание» априори невозможно, характер трансграничного взаимодействия именно через институт еврорегиона не может быть в полной мере конструктивным и эффективным¹. Именно в этом случае граница, разделяющая партнёров по еврорегиону, выступает осью асимметрии, устанавливающей объективные препятствия на пути взаимовыгодной кооперации и интеграции, а сам еврорегион становится своеобразным «полем разрядки» имеющихся напряжений, что в конечном счёте и приводит к конфликту и усилению асимметрии.

Вернёмся к рассмотрению финско-российского еврорегиона. Что же находилось в центре практического, прикладного внимания участников еврорегиона «по-карельски» в 2000–2007 гг.? Оказыва-

¹ См.: Моделирование еврорегиона для Псковской области / Науч. ред. О.Ч. Реут. Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования “Возрождение”», 2004.

ется, согласно официально заявленным сторонами планам, еврорегион был призван оптимизировать использование средств по программам ЕС TACIS и INTERREG и добиться «сопряжения национальных, региональных программ социально-экономического развития с программами Евросоюза»¹.

Положение столь же правильное, сколь и ничего не говорящее о сути проблемы. Как бюрократическая структура (а именно таковой она остаётся до настоящего времени, так как для большинства жителей Карелии никакой потребности в еврорегионе нет) может оптимизировать и «сопрячь» трату чужих денег, было совершенно непонятно. Брюссель до недавних пор реализовывал среди десятков других программу технической помощи TACIS в государствах СНГ и Монголии и параллельно оказывал поддержку межрегиональной кооперации стран-членов и стран-кандидатов ЕС через INTERREG.

До настоящего времени определяющим фактором финансирования INTERREG была возможность объективно уменьшить межрегиональные различия и диспропорции, а сам механизм реализации, несмотря на его постоянную критику, сводился к механическому перераспределению средств от богатых регионов к бедным. В последние пять–шесть лет Евросоюз, однако, стремился перейти от зачастую очень приятной для еврочиновников практики раздачи субсидий к формированию динамичных регионально ориентированных институциональных курсов, опирающихся исключительно на формирование и поддержание положительного инвестиционного климата через мобилизацию внутреннего потенциала «естественных» регионов, расположенных по обе стороны границы и стремящихся к уменьшению контрастов и асимметрий. Эффективность именно такой модели была подтверждена достижениями региональных экономик тех центрально- и восточноевропейских стран, которые вступили в Евросоюз в последние две «волны» расширения.

Причём здесь частная карельско-еврорегиональная инициатива, основной акцент которой не лежит в сфере инвестиционного и экономического сотрудничества, а «половина» самого еврорегиона находится на территории государства с принципиально отличающейся бюджетной политикой, построенной на принципах краткосрочного сочетания национальных проектов, целевых федеральных программ и зачастую политически детерминированных дотаций территориям?

Следующим шагом на тернистом пути углубления трансграничных контактов в рамках еврорегиона «Карелия» предлагалось ни много, ни мало определение механизма формирования так называемой

¹ Шлямин В. Еврорегион «Карелия» — новые вызовы и новые возможности // Еврорегион как инструмент гражданского общества. 2001. Бюллетень № 1. С. 3.

региональной квоты в бюджете программ TACIS и INTERREG. Другими словами, ставился вопрос, а точнее необоснованно декларировалась готовность не только траты средств INTERREG на территории отдельного субъекта Российской Федерации, но и принятия решений о распределении, по сути дела, чужих финансовых ресурсов.

Конечно, в настоящих условиях, когда межрегиональные диспропорции в Российской Федерации продолжают расти, а эффективность политики выравнивания доходов территорий стремительно падает, свидетельством чему является неизбежный рост объёмов перераспределения: если в 1999 г. безвозмездные перечисления регионам составляли 9% расходов федерального бюджета, то в 2005 г. — около трети¹, положительный опыт региональной политики и политики сплочения ЕС как средства ослабления имеющейся асимметрии отношений может быть востребован, хотя и с определёнными поправками и допущениями. Однако сам тезис о реалистичности даже частичного или символического «сопряжения» российских федеральной и субфедеральных программ социально-экономического развития с пакетными программами, получающими финансирование из структурных фондов Евросоюза, вызывает лишь улыбку.

Вместе с тем, учитывая сегодняшнее осторожное, если не сказать настороженное, отношение России к процессам расширения и углубления интеграции ЕС, федеральный центр продолжает ориентироваться исключительно на двусторонние отношения со странами Евросоюза. Но в целом уровень этих отношений, которые последние годы развивались по инерции, используя во многом капитал прежних лет, остаётся невысоким и не соответствует их реальному потенциалу.

Важно осознавать, что повестка дня Евросоюза перегружена собственными проблемами. Последние расширения ЕС в значительной степени вынуждают изменять характер и формы соотношения интеграционных и региональных тенденций. На смену «Европе регионов», хотя и со многими оговорками, пришла парадигма «Европы измерений». Параллельно с этим применительно к отношениям России и ЕС европейцам приходится «выворачиваться» от настойчивых предложений Москвы по допуску российских государственных энергокомпаний к распределительным сетям в обмен на гарантированное участие в эксплуатации российских сырьевых богатств.

Провозглашённая Евросоюзом концепция так называемой зоны добрососедства, определяющая контуры перспективного сотрудничества стран ЕС после его расширений с «восточными и южными соседями», до сих пор находится в состоянии невнятного декларирования. И это отчасти объективно в ситуации, при которой «Рос-

¹ *Шириков А.* Загадка многомерной территории // Эксперт. Северо-Запад. 2006. № 27. С. 24–27.

сия не считает себя ни объектом, ни субъектом этой политики ЕС»¹. Чем можно практически наполнить это или иное другое концептуальное построение, во многом зависит от инициатив и политической воли российских партнёров. Появление и отстаивание в таких условиях интеграционной модели финско-российского надтерриториального образования по формуле еврорегиона укладывается, к сожалению, в весьма привычную для практики российских провинций схему «а получилось как всегда»².

Единственным начинанием, добившимся финансирования за более чем семилетний период существования карельского еврорегиона, стал проект «Еврорегион “Карелия” как инструмент гражданского общества» (2001–2003 гг.). Объём финансирования – 200 тыс. евро. Донор – программа TACIS, подпрограмма – Cross-border Co-operation. Заявленной целью проекта были «организация и проведение мероприятий, направленных на распространение информации о еврорегионе “Карелия” на межрегиональном и международном уровне»³. На практике, если последовательно рассматривать основные направления реализации указанного проекта, сделано было ничтожно мало.

«Тренировочные поездки» в Австрию и Словакию для «обучения механизмам приграничного сотрудничества», равно как и десятки визитов чиновников карельского правительства в Финляндию и Брюссель, мало чем отличались от сложившейся в последнее десятилетие практики так называемого «(пара-)дипломатического туризма». Как правило, подобные командировки не характеризуются транспарентностью действий властей и вовлечённостью общественности и экспертно-аналитического сообщества республики если не в сам процесс принятия управленческих решений, то хотя бы в контроль над расходованием бюджетных средств.

Создание видеofilmа об еврорегионе «Карелия» началось с довольно неприятной ситуации: был нарушен принцип отбора фирмы – основного исполнителя работ на конкурсной основе. Вразрез с требованиями уставных документов программы TACIS не был проведён открытый тендер среди республиканских телевизионных компаний, и, как результат, значительные финансовые ресурсы были направлены на счета коммерческой структуры, руководитель которой демонстрировал предельную лояльность к республиканскому руководству.

¹ *Чижов В.* Заявление заместителя министра иностранных дел Российской Федерации. 3 февраля 2005 г. М.: Интерфакс. Доступно: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2005/02/0203_12.html

² *Реут О.* От практики к теории строительства еврорегиона // Европейская интеграция и Россия: Материалы конф. СПб.: Балтийский исследовательский центр, 2004. С. 80–91.

³ Еврорегион как инструмент гражданского общества. 2001. Бюллетень № 1. С. 6.

Рядом региональных средств массовой информации такое развитие событий было оценено как косвенное проявление сложившейся в Республике Карелии коррупционной практики, характеризующейся сращиванием интересов политических и экономических групп. Таким образом, взаимная конвертация еврорегиональных финансовых и административных типов ресурсов была «успешно проведена» непосредственно в ходе карельской предвыборной кампании 2002 г.

Создание интернет-страницы еврорегиона также может быть рассмотрено как одно из средств неэффективного освоения предоставленных программой TACIS ресурсов. Не отличающийся интересным дизайнерским решением и хорошей навигационной системой, созданный веб-портал предоставлял только самую базовую, порой весьма декларативную часть информации о деятельности, а вернее отсутствии таковой в рамках еврорегионального образования. С момента выставления веб-страницы в глобальной сети сайт не обновлялся и, следовательно, основной принцип получения удалённого и оперативного доступа к информации о еврорегионе был просто проигнорирован. Дополнительно можно указать, что, например, русскоязычная и финскоязычная информации по основным разделам не были тождественными (адекватными), а зачастую преднамеренно вводили в заблуждение посетителя сайта. Перевод же информации на английский язык был выполнен со значительным количеством ошибок и неточностей, что, в конечном счёте, не способствовало получению иностранными партнёрами качественной информации о содержательной стороне реализуемого проекта.

Несмотря на заявленные благородные цели, ход выполнения проекта никак нельзя было оценить как успешный, а само указание в названии проводимой работы на «инструмент гражданского общества» воспринимался в высшей степени иронично.

Рассмотренный выше проект — единственное получившее финансирование начинание в рамках сформированной более семи лет назад еврорегиональной конструкции. Как результат, ни один пункт Программы действий «Наша общая граница, 2001–2006 годы» не был выполнен. На самом деле со временем тривиально и предсказуемо содержание стало отступать перед декларациями о намерениях. Конечно, зачастую инициативы нравятся лишь только их авторам. Однако в случае предложений о формировании международного регионального объединения проработка всех деталей инициативы должна была в первую очередь находиться в правовом поле. Это важно вдвойне, когда речь заходит о придании особого по своей сути статуса территории, рассматриваемой некоторыми финскими реваншистами сквозь призму готовности руководства Карелии возобновить диалог по так называемому вопросу спорных территорий.

Таким образом, реализация еврорегиональной модели финско-российского надтерриториального образования проходила и проходит в условиях, которые могут быть охарактеризованы следующим образом. Во-первых, отсутствие процедуры определения ясных и понятных жителям Республики Карелия задач такого еврорегиона. Во-вторых, неопределение источников финансирования. В настоящее время какие-либо ресурсы для финансирования частных проектов в еврорегионе отсутствуют, а вопрос о выделении средств из республиканского и/или муниципальных бюджетов никогда даже не рассматривался. Ожидать же, когда на российские приграничные территории будут распространяться финансовые процедуры программы ЕС Interreg, предельно наивно. Третьим и принципиально важным условием, характеризующим состояние дел в еврорегионе, является полное или частичное игнорирование позиции органов местного самоуправления приграничных районов республики. Примером последнего служит то, что в состав карельской части Исполнительного комитета еврорегиона никогда не был включён ни один представитель приграничных муниципалитетов.

Вместо заключения

Суммируя изложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на относительно положительный опыт концептуального применения модели еврорегионов на современном этапе развития региональных отношений, практическое использование этой идеи, к сожалению, неконструктивно. «Объективная ценность еврорегионов для России заключается скорее в стимулировании диалога и институциональных инноваций и в меньшей степени в достижении нового качества регионального развития и новых экономических характеристик территорий»¹. Динамика формирования и действия, а фактически бездействия еврорегиона «Карелия», который рассматривается в качестве примера одной из возможных форм взаимодействия и интеграции сообществ на границе России и ЕС, свидетельствует о неэффективности такого проекта «срастания» приграничных территорий.

Регионализация для периферийных по отношению к центрам и европейской, и балтийско-баренцовой интеграции территориям подчёркивает значимость границ и приграничных сообществ, а участвующие в трансграничной кооперации стороны вынуждены в этой

¹ *Межевич Н.М.* Региональная экономическая политика Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации. СПб.: СПбГУ, 2002.

ситуации апеллировать прежде всего к сфере традиционных межгосударственных отношений, при которых партнёры мыслят и оперируют категориями традиционного суверенитета.

Одновременно с этим трансграничные взаимодействия перестали быть заботой и компетенцией только государств. Это лишь подтверждает тезис, что более полно описать динамику интеграционной трансформации способны многоуровневые модели международного сотрудничества. В рамках и на «границах» этих моделей наряду с официальными межгосударственными отношениями учитывается политическая, экономическая и социокультурная роль негосударственных акторов, начинающих со временем действовать исключительно в пространстве десуверенизации.

Г л а в а 5

Российско-украинское приграничье

Глобализация экономической жизни, деятельность мощных международных экономических группировок и организаций ставят перед трансформирующимися государствами на бывшем постсоветском пространстве чрезвычайно сложную задачу поиска новых ориентиров взаимодействия с внешним миром в условиях исторически сложившейся региональной интеграции. Очевидно, что при выборе пути развития Россия и Украина исходят прежде всего из собственных предпосылок, характерных для них форм экономических отношений, а также особенностей национальных стратегических интересов.

Для современного состояния сложившихся отношений региональной интеграции между Украиной и Россией характерны, с одной стороны, стремление этих стран быть полноценными участниками международных отношений, а с другой — попытки восстановления взаимовыгодного сотрудничества и партнерства на приграничных территориях.

Высокая степень хозяйственной взаимозависимости экономик России и Украины, базирующаяся на унаследованном от СССР отраслевом и территориальном разделении труда, транспортной инфраструктуре и средствах связи, сохраняющейся кооперации на уровне многих предприятий и научно-технических учреждений, общих стандартах и нормах, являются базовыми факторами, предопределяющими объективную потребность в развитии между странами долгосрочного интеграционного взаимодействия. Не последнее место в этих процессах занимает трансграничное сотрудничество двух стран.

Российско-украинское приграничье общей протяженностью 2245 км обладает огромным демографическим и экономическим потенциалом взаимного развития. Общая численность населения этой приграничной полосы порядка 25 млн человек. При этом на приграничных с Украиной территориях проживает около 11 млн россиян, или свыше 7% населения России, и около 67% населения ее центрально-черноземного района¹. С российской стороны в эту зону

¹ Россия и Украина на пути присоединения к Всемирной торговой организации: региональные аспекты / А.И. Лылов, Д.Г. Ломсадзе. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.

входят Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области и Краснодарский край, а с украинской стороны – Черниговская, Сумская, Харьковская, Луганская, Донецкая области и автономная Республика Крым. По численности населения среди российских приграничных территорий Украинское приграничье занимает второе место, уступая лишь приграничью с Казахстаном. В свою очередь, в Украине Российское приграничье занимает первое место, заметно превосходя все другие приграничные территории. Численность его населения около 14 млн человек, или почти 27% всего населения Украины и 60% населения его Донецко-Приднепровского района¹.

Этнический фактор также является определяющим в оценке потенциала приграничного сотрудничества России и Украины. Только по официальной статистике, 3 млн российских граждан – украинцы, а в самой Украине 11,3 млн русских (т.е. каждый четвертый житель). Ежегодно российско-украинскую границу в обоих направлениях пересекают примерно 23 млн граждан наших стран.

Предприятия и организации различных форм собственности России ежегодно привлекают граждан Украины для проведения строительных и сельскохозяйственных работ, для работы в промышленности и сфере торговли и услуг. Так, на территории Воронежской области России основными поставщиками рабочей силы являются страны СНГ, в том числе на долю Украины приходится большая часть потока иностранных трудовых мигрантов – 35,4%, Молдовы – 27,1% и Узбекистана – 12,3%. На страны дальнего зарубежья приходится 5,3%, в том числе доля Турции составляет 4,1%, Вьетнама – 0,7%, других стран – 0,5%².

Необходимо отметить, что украинские приграничные регионы с Россией представляют собой густонаселенную часть страны, в которой проживает около 6 млн человек русской национальности, многие из которых являются гражданами России. Кроме того, центр деловой активности в двусторонних связях России и Украины смещается на восток Украины, поскольку этот регион имеет огромный промышленно-экономический потенциал и давние партнерские связи предприятий России и Украины, между которыми на протяжении многих лет были налажены тесные кооперационные связи.

От успешности взаимоотношений регионов в ощутимой мере зависит сохранение тысяч рабочих мест и в России, и на Украине.

¹ Бузько И.Р. Региональная интеграция и развитие российско-украинского экономического сотрудничества // Политические, социально-экономические и культурные аспекты сотрудничества России и Украины: история и современность: материалы междунар. науч.-практ.конф. Воронеж, 2003.

² Аналитическая справка о привлечении и использовании иностранной рабочей силы за период 2004–2005 гг. по Воронежской области // Из материалов Управления по делам миграции ГУВД Воронежской области

В этой сфере лежат корни взаимной заинтересованности деловых кругов в крупномасштабной производственной кооперации.

Российско-украинское приграничье исторически, на протяжении последних четырех веков, было зоной совместного хозяйственного освоения и развития русскими и украинцами, что нашло отражение в современной смешанной этнической структуре населения, значительном совпадении бытовых, культурных, языковых особенностей и менталитета населения по обе стороны границы. В советский период в российско-украинском приграничьи интенсивно развивалась индустрия, прежде всего горнодобывающая, металлургическая, химическая промышленности и машиностроение, а также транспортная инфраструктура. При этом сохранялась традиционная важная роль агропромышленного комплекса в региональных хозяйственных связях. Все эти и иные исторически сложившиеся факторы во многом предопределяют некую объективную базу для формирования и развития интеграционных процессов между российскими и украинскими приграничными регионами.

Однако реальное использование огромного потенциала совместной экономической деятельности в российско-украинском приграничье в немалой степени зависит от общего нестабильного и неустойчивого состояния политических и экономических отношений этих государств. Особое геополитическое положение стран (и как следствие этого, их многосторонняя и разнонаправленная внешнеполитическая ориентация), большое число исторически унаследованных и вновь обозначившихся межгосударственных проблем, а также наблюдаемые в последние годы различия в методах и механизмах управления внутриэкономическими процессами весьма противоречиво влияют на состояние двустороннего сотрудничества.

Благоприятный вариант развития возможен лишь на основе прагматического подхода к решению проблем двусторонних отношений, учитывающего взаимные национальные интересы стран и их приграничных территорий. При этом необходимо принимать во внимание, что основу экономической справедливости и взаимовыгодной рациональности таких отношений во многом будут определять законы мирового рынка, интегрирующего в единую хозяйственную систему экономики обеих стран.

Подтверждением необходимости создания новых моделей взаимодействия двух стран является динамичное развитие внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации и соседних областей Украины во второй половине 1990-х годов, которое значительно усилило роль приграничного сотрудничества как одного из важных элементов внешней политики. Сейчас на приграничную торговлю украинских и российских областей приходится около

20% общего объема взаимного товарооборота между Россией и Украиной. Причем лидерами в торгово-экономическом взаимодействии являются три субъекта Российской Федерации – Ростовская, Брянская и Белгородская области. На межрегиональном уровне между Украиной и Россией ежегодно осуществляется торговля в объеме нескольких миллиардов долларов. Только на приграничную торговлю украинских и российских областей приходится примерно 2–2,5 млрд долл. в год, или 20% всего товарооборота. В 2004 г. на области Центрально-Черноземного района – Воронежскую, Белгородскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую, осуществляющие экономические связи с Украиной, приходится 2,472 млрд долл. товарооборота. В совокупности связи этой «пятерки» составляют примерно 7,2% общего объема торговли России со странами СНГ.

Наиболее динамично развиваются внешнеэкономические связи во внешней торговле Воронежской области с Украиной. Причем важной особенностью, подтверждающей актуальность рассматриваемой проблемы приграничного сотрудничества, является тот факт, что Украина – самый крупный торговый партнер Воронежской области не только среди стран СНГ, но и среди всех остальных иностранных партнеров. На долю торговли с ней приходится 24,9 % всего внешнеторгового оборота области. При этом экспортные поставки практически равны импортным (табл. 1)¹.

Таблица 1

*Основные показатели внешнеэкономической деятельности
Воронежской области в 2005 г. (география экспорта и импорта)*

Страны	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	Объем, млн долл.	Удельный вес, %	Объем, млн долл.	Удельный вес, %	Объем, млн долл.	Удельный вес, %
1	2	3	4	5	6	7
<i>Все страны, всего</i>	<i>613,9</i>	<i>100</i>	<i>380,16</i>	<i>100</i>	<i>994,10</i>	<i>100</i>
<i>в том числе: Страны СНГ, всего</i>	<i>177,25</i>	<i>28,9</i>	<i>132,92</i>	<i>35,0</i>	<i>310,17</i>	<i>31,2</i>
<i>в том числе:</i>						
Казахстан	27,58	4,5	1,94	0,5	29,52	2,9
Молдавия	10,45	1,7	1,16	0,3	11,61	1,1
Украина	122,32	19,9	125,67	33,0	247,99	24,9

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации. www.economy.gov.ru

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Страны дальне- го зарубежья, всего	436,69	71,1	247,24	65,0	683,93	68,8
в том числе:						
Бельгия	5,20	0,8	18,80	4,9	23,10	2,4
Бразилия	1,22	0,2	16,98	4,5	18,20	1,8
Венгрия	36,18	5,9	0,49	0,1	3,67	0,3
Германия	10,40	1,7	26,57	7,0	36,97	3,7
Индонезия	0,0	0	12,25	3,2	12,25	1,2
Италия	16,50	2,7	17,28	4,5	33,78	3,4
Китай	96,73	15,7	43,46	11,4	140,20	14,1
Куба	53,00	8,6	2,91	0,7	55,91	5,6
Литва	7,19	1,2	3,10	0,8	10,28	1,0
Малайзия	0,0	0	14,20	3,7	14,20	1,4
Нидерланды	9,03	1,5	15,79	4,1	24,82	2,5
Польша	10,73	1,7	6,51	1,7	17,25	1,7
Республика Корея	5,10	0,8	17,01	4,4	22,11	2,2
Румыния	1,70	0,3	5,57	1,4	7,27	0,7
Саудовская Аравия	12,52	2,0	0,0	0	12,52	1,2
Словакия	12,68	2,1	0,24	0,1	12,90	1,3
США	18,14	2,9	2,90	0,7	21,04	2,1
Турция	61,55	10,0	2,93	0,7	64,48	6,5
Франция	3,42	0,6	4,16	1,0	7,57	0,7
Чехия	4,16	0,7	8,75	2,3	12,91	1,3
Югославия	7,25	1,2	0,03	0	7,28	0,7

В товарной структуре воронежского экспорта в Украину продовольственные товары и сырье для их производства составляют 5,7%, машиностроительная продукция – 18,3%, черные и цветные металлы и изделия из них – 16,9%, древесина и изделия, включая печатную продукцию, – 0,97%, продукция нефтехимического комплекса – 51,5%, прочие товары – 6,63%.

Наибольший объем товаров в денежном выражении (млн долл.) в структуре экспорта в Украину за 2005 г. составляют:

удобрения	–	174;
синтетический каучук	–	26,86;
минеральные или химические удобрения	–	13,26;
продукты неорганической химии	–	6,2;
котлы, оборудование	–	6,7;
пневматические резиновые шины новые	–	19,9;
изделия из черных металлов	–	22,96;
хлебные злаки	–	2,23;
электрические машины и оборудование	–	5,35.

Товарная структура украинского импорта в Воронежскую область в 2005 г. включает: продовольственные товары и сырье для их

производства – 22,8%, машиностроительная продукция – 8,4%, черные и цветные металлы и изделия из них – 42,5%, древесина и изделия, включая печатную продукцию, – 4,14%, продукция нефтехимического комплекса – 7,0%, продукция топливно-энергетического комплекса – 3,6%, прочие товары – 11,56%.

В структуре импорта за 2005 г. объемы поставок (млн долл.) в Воронежскую область распределены следующим образом:

котлы, оборудование	–	6,4;
черные металлы	–	41,8;
ферросплавы	–	39,1;
изделия из черных металлов	–	12,25;
молочная продукция	–	13,56;
основной поставщик – Украина	–	13,47;
сыры и творог	–	13,02.

Отчетные данные за 2005 г. о внешнеторговом обороте Орловской, Тамбовской и Курской областей также говорят о значимой доле Украины – 16,8, 18,7 и 37,6% соответственно. Но самая большая доля торговли с украинскими партнерами отмечена в Белгородской области – 55,7% суммарного оборота. При этом сальдо торгового баланса Белгородской области в торговле с Украиной отрицательное – 1101,2 млн долл. (экспорт – 395,76 млн долл., импорт – 1497 млн долл.).

Основными товарными позициями украинского импорта в Белгородскую область являются: черные металлы – 624,8 млн долл. (41,7%), трубы – 166,8 млн долл. (11,2%), железнодорожные грузовые вагоны – 231,3 млн долл. (15,4%).

Среди лидеров украинских областей, заключивших наибольшее количество договоров с субъектами Центрального Черноземья, следует отметить Днепропетровскую, Донецкую, Харьковскую, Луганскую, Запорожскую, Полтавскую области и г. Киев.

Между руководителями приграничных областей России и Украины заключено многостороннее Соглашение об организации и деятельности российско-украинской Ассоциации экономического и научно-технического сотрудничества – «Российско-Украинский Союз». В мае 2003 г. учреждено постоянно действующее совещание руководителей регионов Российской Федерации и Украины «Содружество регионов». В марте 2006 г. подписаны соглашения о сотрудничестве между администрациями Воронежской области и правительством Белгородской области России с приграничной Луганской областной государственной администрацией Украины на 2006–2007 гг. Целью этих документов и структур является укрепление уже имеющихся и налаживание новых экономических связей между приграничными регионами двух государств, а также развитие взаимного научно-технического, гуманитарного и культурного сотрудничества.

На практике же, по мнению деловых кругов и руководителей администраций приграничных регионов России, желающих вести более интенсивный торгово-экономический диалог с украинскими партнерами, основным сдерживающим фактором развития приграничного сотрудничества является проблема организации таможенного оформления грузов при пересечении границы, которая требует своего решения на федеральном и межгосударственном уровне.

Немаловажными факторами, сдерживающими развитие межрегионального сотрудничества, кроме общеэкономических причин (неплатежеспособность предприятий и организаций, несовершенство платежно-расчетных отношений, высокий уровень долгов этих стран и др.), по-прежнему остаются несогласованность проводимой государствами таможенной и налоговой политики, высокий уровень бартерных операций в общем объеме товаропотоков, тарифные и нетарифные ограничения во взаимной торговле, неконвертируемость национальных валют, высокие тарифы на перевозки грузов и взаимные транспортные услуги.

Развитие межрегионального сотрудничества существенно тормозит отсутствие единого информационного пространства. Зачастую администрации субъектов России практически не владеют сведениями о законодательстве стран СНГ, спросе и предложениях по товарам, производимым этими государствами, проводимых в них тендерах и конкурсах по реализации различных инвестиционных проектов и осуществляемых процессов приватизации.

Все это негативно сказывается на динамике развития двусторонних отношений и подчас приводит к тому, что сама структура заключаемых соглашений и договоров между регионами зачастую имеет неконкретный рамочный характер.

Следует признать, что и сама реализация решений вопросов развития межрегиональных связей обеих стран, принятых на межправительственном уровне, осуществляется медленнее, чем хотелось бы. Российскими и украинскими регионами подписано в общей сложности около 300 двусторонних документов. Однако в результате того, что среди руководства некоторых регионов преобладают преимущественно формальный подход к развитию прямых связей, из общей массы этих межрегиональных соглашений практически половина действует не в полную меру¹.

Тем не менее одним из ключевых и перспективных направлений взаимного сотрудничества, помимо традиционной торговли, является организация работы по активному привлечению российских инвести-

¹ Проблемы регионального развития областей ЦЧР РФ и приграничных регионов Украины: Материалы международного круглого стола. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004.

ций в объекты экономики Украины и украинских – в Россию, включая специальные (свободные) экономические зоны и территории приоритетного развития. К сожалению, сегодня складывается непропорциональная структура прямых инвестиций как по географии, глубине инвестирования, так и по видам экономической деятельности. Одна из основных причин – недостаточная информированность субъектов хозяйствования о существующих направлениях эффективного вложения финансовых средств, влияющих на рейтинг региона и, по существу, межрегионального сотрудничества, реализуемого на уровне крупных бизнес-структур и государственных предприятий.

Дальнейшему развитию сотрудничества российских и украинских предприятий препятствует отсутствие адекватной кредитной поддержки со стороны банковского сектора. Потенциально выигрышным как для России, так и для Украины может оказаться создание финансово-промышленных групп (ФПГ). Проблема в том, что в Украине отсутствует реально работающее законодательство в области создания международных ФПГ, что не позволяет осуществлять совместное налаживание устойчивых кооперационных связей в выпуске необходимой сельскохозяйственной техники, в химической промышленности, производстве удобрений и др. На деле не работает и правовой механизм в области законодательства о разделе продукции. Это приводит, в частности, к тому, что российские компании иногда лишены возможности участвовать в крупных инвестиционных проектах, представляющих взаимный интерес (к примеру, разведка и добыча газа на шельфе Азово-Черноморского бассейна).

Одним из путей решения указанных проблем, как представляется, должна стать активизация взаимодействия парламентариев России и Украины с целью гармонизации законодательно-нормативной базы двух государств и исключения возможности принятия документов, нарушающих принципы двусторонних договоров и соглашений в экономической области, сдерживающих развитие взаимного сотрудничества и торговли.

Дальнейшее расширение связей возможно при реализации новых инвестиционных проектов – создании российско-украинских ФПГ в стратегически важных отраслях экономики, таких как металлургия, энергетика, машиностроение, авиационная и автомобильная промышленность, в том числе и в приграничных областях

Существенным моментом в исследовании современных проблем приграничного сотрудничества являются последствия для этих регионов присоединения России и Украины к ВТО. Работа, проведенная Воронежским межрегиональным институтом общественных наук в рамках проекта «Трансграничное сотрудничество регионов России и Украины в контексте европейской интеграции», позволила

сформировать научные подходы к оценке таких последствий и спрогнозировать характер изменений двусторонних хозяйственных связей приграничных областей¹.

В условиях ВТО более серьезные и динамичные изменения могут произойти именно в региональной экономике. И в первую очередь, размер этих изменений будет зависеть от исходных уровней социально-экономического развития регионов и характера сложившейся в них хозяйственной специализации и международной кооперации. Такие изменения могут происходить по нескольким направлениям:

Во-первых, изменение таможенных тарифов неизбежно приведет к изменениям в объемах и структуре импорта, а также к созданию условий для увеличения или сокращения собственного производства импортозамещающей продукции.

Во-вторых, это скажется на размерах производства в сопутствующих родственных и поддерживающих отраслях (особенно в инфраструктурных).

В-третьих, это повлияет на численность занятого населения, снижение его реальные доходов, уровень потребления и, как следствие на общий уровень жизни.

Анализ показывает, что уровни социально-экономического развития регионов в наших странах существенно различаются. Весьма неравномерна и степень их вовлечения во внешнеэкономическую деятельность. Различны характер участия и роль в географическом разделении труда. Общим является лишь то, что в настоящее время товарные рынки и рынки услуг в регионах обеих стран значительно уступают зарубежным (прежде всего европейским) по многим стандартам, а динамика их роста будет зависеть не столько от членства России и Украины в ВТО, сколько от притока в них отечественного и иностранного капитала.

Значительная экономическая дифференциация субъектов Российской Федерации, состояние их обрабатывающей промышленности и возможностей развития импортозамещения обуславливают существенные различия регионов России в отношении предстоящего членства страны в ВТО.

Учитывая, что изменение таможенных тарифов, в первую очередь, может повлиять на объемы импорта и, соответственно, на объемы собственного производства импортозамещающей продукции, эффект на региональном уровне зависит от размера импорта по отдельным товарным группам и возможностей местной обрабатывающей промышленности обеспечить импортозамещение. Считается, что изменения в тарифной политике могут оказать ощутимое воздей-

¹ *Лылов А.И., Ломсадзе Д.Г.* Россия и Украина на пути присоединения к Всемирной торговой организации: региональные аспекты. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.

ствие лишь в том случае, если импорт региона составляет не менее 10% товаров, реализуемых на региональном потребительском рынке¹.

Анализ показывает, что вовлеченность отдельных регионов России во внешнеэкономические связи крайне неравномерна. С учетом сравнительной интенсивности внешнеэкономической деятельности и степени готовности к иностранной конкуренции на основе использования потенциала импортозамещения присоединение России к ВТО наиболее ощутимо коснется 23 субъектов Федерации. Это – Москва, Санкт-Петербург, Карелия, Татарстан, Приморский и Хабаровский края, Ленинградская, Московская, Калужская, Иркутская, Ярославская, Новгородская, Самарская, Владимирская, Нижегородская, Вологодская, Тульская, Мурманская, Архангельская, Пермская, Калининградская, Орловская, Белгородская области. Ожидаемый прирост валового регионального продукта (ВРП) в этих субъектах под воздействием импортозамещающего роста выпуска в отраслях не превысит 0,6–0,7 процентных пункта.

От улучшения внешних условий торговли выиграют экспортно-ориентированные промышленные и приграничные регионы, а также те, в которых производители несут убытки от антидемпинговых санкций. К таким регионам можно отнести Москву с областью, Санкт-Петербург с областью, Нижегородскую, Калининградскую, Свердловскую, Челябинскую, Вологодскую, Мурманскую, Липецкую, Белгородскую, Иркутскую, Кемеровскую области, Красноярский и Приморский края, Татарстан, Башкортостан, Карелию и Хакасию.

В свою очередь, уровень экономического развития украинских регионов в значительной мере характеризуется производством в них конечной продукции, объем которой количественно выражается с помощью показателя валовой добавленной стоимости (ВДС). По данному показателю группу лидеров в Украине образуют Киевская, Днепропетровская, Донецкая, Харьковская, Полтавская и Одесская области (табл. 2)².

Помимо различий в уровнях социально-экономического развития украинских регионов имеются различия в их народнохозяйственной специализации, роли и месте в географическом разделении труда. От этого в значительной степени зависят размеры импорта по отдельным товарным группам и возможности местной промышленности обеспечить импортозамещение. Последнее, в свою очередь, определяется уровнем развития в регионах обрабатывающих производств.

¹ Россия и международная торговая система / Под ред. Э. Ван Друзера, С.Ф. Су-тырина, В.И. Капусткина. СПб., 2000.

² Гончаров В.Н. Украина: вступление во Всемирную торговую организацию // Университет и регион: материалы VIII научн.-практ. конф. Луганск, 2003.

Таблица 2

Уровни экономического развития регионов Украины

Экономический район, область, республика	Территория, %	Население, %	Валовая добавленная стоимость на 01.01.2000, млн грн.	Валовая добавленная стоимость, %	ВДС в расчете на душу населения, грн.
<i>Карпатско-Галицкий район</i>	9,2	12,9	9187,0	8,8	1375,3
- Львовская	3,6	5,5	4248,0	4,0	1560,0
- Ивано-Франковская	2,3	2,9	2309,0	2,2	1583,0
- Закарпатская	2,0	2,6	1563,0	1,6	1216,0
- Черновицкая	1,3	1,9	1067,0	1,0	1142,0
<i>Волынский район</i>	6,6	4,6	3492,0	3,4	1544,0
- Волынская	3,3	2,2	1504,0	1,4	1417,0
- Ровенская	3,3	2,4	1988,0	1,9	1671,0
<i>Подольский район</i>	10,0	8,8	6684,0	6,4	1481,3
- Винницкая	4,4	3,6	2828,0	2,7	1551,0
- Хмельницкая	3,4	2,9	2383,0	2,3	1624,0
- Тернопольская	2,3	2,3	1473,0	1,4	1269,0
<i>Киевский район</i>	15,0	14,6	19990,0	19,3	2225,3
- Киевская	4,8	9,0	15347,0	14,8	3264,0
- Черниговская	5,3	2,7	2388,0	2,3	1845,0
- Житомирская	4,9	2,9	2255,0	2,2	1567,0
<i>Центральный район</i>	7,5	5,3	4221,0	4,1	1585,5
- Кировоградская	4,1	2,4	1675,0	1,6	1424,0
- Черкасская	3,4	2,9	2546,0	2,5	1747,0
<i>Харьковский район</i>	13,9	12,0	13574,0	13,0	2250,7
- Харьковская	5,2	6,0	6505,0	6,3	2180,0
- Сумская	3,9	2,8	2526,0	2,4	1876,0
- Полтавская	4,8	3,4	4543,0	4,3	2696,0
<i>Приднепровский район</i>	9,8	11,5	15527,0	15	2761,5
- Запорожская	4,5	4,0	5952,0	5,7	2955,0
- Днепропетровская	5,3	7,5	9575,0	9,3	2568,0
<i>Донецкий район</i>	8,8	15,2	17721,0	17,0	2218,5
- Донецкая	4,4	10,0	12711,0	12,2	2552,0
- Луганская	4,4	5,2	5010,0	4,8	1885,0
<i>Причерноморский район</i>	14,2	10,1	9649,0	9,3	1830,7
- Херсонская	4,7	2,5	1856,0	1,8	1507,0
- Одесская	5,5	5,0	5381,0	5,2	2136,0
- Николаевская	4,0	2,6	2412,0	2,3	1849,0
<i>Крымский район</i>	4,6	5,0	3802,0	3,7	1366,5
<i>Украина</i>	100	100	103847,0	100	2081,0

Импорт составляет лишь некоторую часть товаров, реализуемых на товарных региональных рынках. Опыт других стран свидетельствует, что изменения в тарифной политике могут оказать ощутимое

воздействие лишь в том случае, если импорт составляет не менее 10% реализуемых товаров. К таким регионам относятся столичная область, области, активно участвующие в приграничной торговле, — Волынская, Львовская, Закарпатская, Черновицкая, Автономная Республика Крым. К данной группе регионов следует также отнести области с относительно слабой экономикой, но имеющие льготы по налогообложению внешнеэкономической деятельности (СЭЗ)¹.

Регионы с относительно высоким уровнем экономического развития и хорошо развитой обрабатывающей промышленностью испытывают меньшее влияние от изменений тарифной политики страны при ее присоединении к ВТО.

Например, Харьковская область выделяется из «лидерных» регионов самым высоким уровнем развития вторичного сектора экономики и характеризуется машиностроительной специализацией в промышленности и перерабатывающей в агропромышленном комплексе страны (в структуре промышленного производства области машиностроение составляет 25%, а пищевая промышленность — 30,6%). С точки зрения экономического «лидерства» и народнохозяйственной специализации Харьковская и подобные ей по такой специализации области теоретически весьма уязвимы от возможных изменений в таможенной политике при присоединении Украины к ВТО. Негативным моментом является также и большая зависимость функционирования ее народнохозяйственного комплекса от импорта (при этом он существенно преобладает над экспортом). Однако, учитывая относительно небольшой удельный вес области во внешнеэкономической деятельности страны — 2,8% (2,2% по экспорту и 3,4% по импорту), а также то, что основной объем экспортно-импортных операций приходится на Российскую Федерацию (43 и 37,1% соответственно), отрицательное воздействие изменений в таможенной политике Украины не должно оказать большого влияния на экономику региона. Более того, в ряде направлений это может даже оказать положительное воздействие на его социально-экономическое развитие.

Может усилиться экономическая напряженность в шахтерских районах Донецкой, Луганской и Львовской областей с сокращением добычи в них угля под натиском его более дешевого импорта из-за рубежа. Усилятся трудности с возделыванием сахарной свеклы и производством сахара. Поэтому Винницкой, Хмельницкой, Тернопольской, Черкасской и другим областям, специализирующимся на сахарном производстве, придется вступить в жесткую конкуренцию с его зарубежными производителями.

¹ Официальный сайт Межведомственной комиссии по вступлению Украины в ВТО. www.wto.gov.ua

Другие регионы страны, особенно те, где развита черная металлургия (Днепропетровская, Донецкая, Запорожская), могут получить от членства Украины в ВТО прямую выгоду, так как данная отрасль может частично избавиться от антидемпингового давления.

Таким образом, при выборе направлений модернизации российской и украинской экономик в условиях ВТО необходима выработка согласованной экономической стратегии на уровне отдельных (и в первую очередь приграничных) регионов, которая минимизировала бы риски сокращения взаимного партнерства и послужила бы основой для сбалансированного развития пограничных территорий.

В условиях высокой динамичности процессов интегрирования России и Украины в мировую хозяйственную систему и международные экономические организации приграничное сотрудничество должно стать полноценной основой в формировании современных международных связей между странами. Именно на границе непосредственно пересекаются и проявляются многие жизненно важные проблемы государств, включая внешнеполитические, экономические, социальные, культурные и иные гуманитарные контакты. Мировая практика показывает, что именно такое прямое взаимодействие наиболее эффективно способствует решению наиболее сложных вопросов межгосударственных отношений, так как базируется на глубоких исторически сложившихся связях. И поэтому продуманная, экономически обоснованная внешняя деятельность в приграничных регионах способна внести существенный вклад в развитие долгосрочных и взаимовыгодных двусторонних связей между странами и народами.

ЧАСТЬ 3. ЮГ

Г л а в а 6

Три моря проблем

На географической карте ясно видно, что Южный федеральный округ с трех сторон окружен морями: Азовским на западе, Каспийским на востоке и Черным на юге. На этой территории многие вопросы, связанные с интеграцией регионов России в международные подсистемы, упираются в проблемы, связанные с совместным использованием природных ресурсов трех перечисленных морей Россией и бывшими составными частями Советского Союза, ныне независимыми государствами, преследующими собственные интересы. В трех морях, как в трех зеркалах, отражается все многообразие противоречий, все еще сохраняющихся на постсоветском пространстве, где трудности интеграции регионов подчас связаны с незавершенными процессами дезинтеграции территорий, еще 15 лет назад представлявших собой единый эколого-экономический и военно-политический организм. При этом зачастую пограничные экологические проблемы трансформируются в серьезные экономические противоречия и постепенно перерастают в трудноразрешимые политические противостояния.

Однако необходимость развития, всемерного использования природно-ресурсного потенциала регионов для достижения стандартов эффективности экономик, жестко диктуемого законами эпохи глобализации, подталкивает все стороны к необходимости скорейшего разрешения спорных вопросов с участием всех заинтересованных сторон и налаживания взаимовыгодного сотрудничества. Новые вызовы современности требуют создания и максимальной поддержки развития межгосударственной кооперации, особенно в высокотехнологичных отраслях производств, что, безусловно, предопределит дальнейшее развитие интеграции регионов Юга России в международные подсистемы.

От проблем экологии к большой политике

В начале 70-х годов прошлого века — всего каких-то 35 лет назад — появилось и заняло прочные позиции на планете осознание нарас-

тающего загрязнения окружающей среды в планетарном масштабе, осознание ограниченности возможностей биосферы Земли по переработке все увеличивающегося объема отходов человеческой деятельности. В России слово «экология», ранее означавшее лишь специальный раздел биологии, стало синонимом понятия «окружающая среда» после неточного перевода слова «environment».

Экологические, или энвайронментальные, проблемы имеют разные по охвату территории уровни — от локального, местного, до глобального, планетарного. В этом их образовательная и воспитательная сила и привлекательность — все активное население планеты в 70-е годы было охвачено экологическим энтузиазмом. На разных языках звучали призывы: «Think globally, do locally!», «We can make a difference!», «Together we stand, divided we fall!» Совпав по времени с подписанием Хельсинкских соглашений, ознаменовавших начало процесса разрядки международной напряженности, международное экологическое движение на короткое время отодвинуло на второй план противостояние двух политических систем (до ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан).

Азовское море — северо-восточный боковой бассейн Черного моря, с которым оно соединяется Керченским проливом. Азовское море получило свое название от города Азов. Площадь моря 37 605 кв. км, объем 340 куб. км. Самая большая глубина моря около 14 м, средняя 6,5–13 м, самая малая в Таганрогском заливе всего 3,8 м. Азовское море было весьма важно для России XIX в., с одной стороны, из-за обилия рыбы, а с другой — постоянно увеличивающегося торгового оборота через море. В течение XX в. практически все более-менее крупные реки, впадающие в Азовское море, были перегорожены плотинами для создания водохранилищ. Это привело к значительному сокращению сброса пресной воды и ила в море и как следствие к резкому снижению его рыбопродуктивности.

В начале 70-х годов прошлого века основной проблемой Азовского моря было снижение рыбопродуктивности, вызванное увеличением средней солености моря, которое объяснялось развитием орошаемого земледелия в бассейнах рек Дон и Кубань. Недополучая пресную воду из рек, море пополняло баланс за счет водообмена с Черным морем, воды которого значительно солонее азовских. Был уже готов проект строительства Керченского гидроузла — гигантской плотины, которая соединила бы Крым и Кавказ и позволила бы регулировать водообмен через пролив. Весной и осенью в этой плотине должны были бы открываться специальные отверстия для прохода хамсы: теплолюбивая хамса живет в Азовском море, но на зимовку уходит в более теплое Черное море.

Чёрное море — средиземное море Атлантического океана. Омывает берега России, Украины, Румынии, Болгарии, Турции и Грузии. По поверхности Чёрного моря проходит водная граница между Евро-

пой и Малой Азией. Площадь 422 000 кв. км, объем 547 000 куб. км, наибольшая глубина 2210 м. На глубинах более 150 м в воде содержится сероводород, и там нет живых организмов. Чёрное море соединено проливом Босфор с Мраморным, а через него с Эгейским морем, а Керченским проливом — с Азовским морем. По системе рек и каналов из Черного моря можно проплыть по реке Дон до Волги к Каспийскому морю, к Балтийскому морю и Белому морю, а по Дунаю — к Северному морю.

В начале 70-х годов прошлого века Черное море было всесоюзной здравницей, десяток белоснежных лайнеров с флагманами «Россия» и «Адмирал Нахимов» курсировали с ранней весны до поздней осени по маршруту Одесса—Севастополь—Ялта—Новороссийск—Сочи—Сухуми—Поти—Батуми и обратно. Озабоченность вызывала разве что недостаточно развитая рекреационная инфраструктура черноморского побережья, даже в сравнении с болгарскими курортами Варна и Бургас.

Каспийское море — самое большое озеро на Земле. Озеро бессточное, вода в нём солёная. Уровень воды ниже уровня Мирового океана (28 м) — подвержен вековым колебаниям. Площадь 371 000 кв. км, объем — 78200 куб. км. Глубина в северной части до 22 м, в южной до 1025 м. В море впадают реки: Волга, Урал, Терек, Кура и др. Солёность от 11–13‰ на юго-востоке до 0,05‰ близ устья Волги. Море омывает берега пяти государств: России, Казахстана, Туркмении, Ирана, Азербайджана. Развивается рыболовство (осетровые, лещ, сазан, судак, килька), промысел тюленя. Имеются богатые месторождения нефти и газа, осуществляется добыча солей.

У Каспийского моря в начале 70-х годов прошлого века была проблема необъяснимого понижения уровня. В течение нескольких лет уровень снизился более чем на 10 м — обнажились причалы, набережные, нефтяные вышки. У Каспийского моря было только два хозяина — Советский Союз и Иран. Основная проблема сводилась к тому, что выпускаемая волжскими рыболовными заводами молодь осетровых уходила нереститься в чистые иранские реки, в результате чего в какой-то момент Иран вышел на первое место в мире по экспорту черной икры.

Минводхоз — всесильное ведомство СССР, которое само давало себе задания и само контролировало их исполнение, — быстро спроектировал и построил плотину, отгораживающую залив Кара-Богаз-Гол от Каспийского моря. В этом заливе знойные пустыни Средней Азии создавали значительное преобладание испарения над осадками, и плотина должна была уменьшить дефицит пресной воды для Каспия и замедлить понижение его уровня. Вскоре после того, как обнажившаяся в результате соль на отмелях залива стала разноситься ветрами по близлежащим полям и приводить их в негодность, в плотине были проделаны отверстия для пропуска воды в залив.

Тогда Минводхоз затеял проект века — переброску стока северных рек на Юг России (не путать с проектом переброски сибирских рек в Среднюю Азию!). Часть стока Северной Двины и Печоры предполагалось направить в верховья Волги, тем самым ликвидировать дефицит пресноводного стока в Каспий и восстановить его уровень, и перебросить часть дополнительного стока в Дон через Волго-Донской канал, способствуя уменьшению солености Азовского моря. Была широкая дискуссия по поводу этого проекта и, в конечном счете, он не был реализован.

Выше перечислены проблемы, с которыми сталкивались жители Южного федерального округа 20–30 лет назад. Уместно сравнить их с сегодняшними.

Главный вопрос по Азовскому морю — до сих пор не определен его статус. Внутренний ли это водоем или международные воды Мирового Океана? А отсюда — как относится к его функционированию и правам прибрежных сторон — как США и Канада относятся к озеру Онтарио либо как Англия и Норвегия — к Северному морю? Такое соглашение о статусе Азова должно отвечать интересам двух стран. Россия и Украина могут объявить Азов внутренним морем, как это и было прежде. В этом случае туда не будут допускаться военные корабли третьих стран, а все вопросы будут решаться сообща.

На 24-м раунде переговоров делегаций Украины и России по поводу разграничения Азовского и Черного морей и Керченского пролива в очередной раз было подтверждено, что Украина и Россия имеют разные позиции. Украинская сторона считает, что сначала необходимо провести серединную линию по акватории Азовского моря, а затем ее модифицировать в соответствии с пропорциональностью длины побережий с учетом принципа справедливости. Российская сторона считает, что необходимо применять «подход не последовательных шагов, а выборочных», который заключается в том, что на разных участках моря следует применять разные принципы определения границы. На 25-м раунде переговоров российская сторона вовсе отказалась подписать итоговый протокол, поскольку Украина предложила признать Азовское море акваторией, где действует международное право¹.

Источником еще одного комплекса трансграничных проблем России и Украины является река Северский Донец. Река берет начало на территории России севернее г. Белгород и попадает на территорию Украины приблизительно на 100-м километре. На 723-м километре река опять протекает по территории России и впадает в Дон на 240 км юго-восточнее границы. На всем протяжении река

¹ Украина считает неадекватной реакцию Российской Федерации на договор по Азовскому морю. <http://www.rian.ru/politics/foreign/20060606/49137584.html>

Северский Донец используется для орошения и коммунально-бытового водоснабжения (5 млн жителей на Украине и 1 млн в России), а также для промышленного использования, хотя до недавнего времени последняя пребывала в упадке. Река оказывает влияние на качество воды реки Дон, которая до своего впадения в Азовское море является источником питьевого водоснабжения приблизительно для 5 млн человек. Бассейн Северского Донца нередко страдает от аварийных загрязнений. Последний крупный аварийный сброс был зарегистрирован на Украине (г. Харьков, 1995 г.) в результате аварии на очистных сооружениях канализации.

«Каспийское море – море дружбы» – вряд ли это определение, взятое из далеких советских времен, подходит для описания тех сложных процессов, которые в последние пятнадцать лет проистекают в этом регионе, где переплелись в тесный клубок проблемы экологии, большой нефти и политики, где сегодня завязаны интересы многих стран, в том числе таких супердержав, как США и Китай¹.

Правовой статус Каспийского моря пока регулируется советско-персидскими, а затем советско-иранскими договорами от 1921 и 1940 гг. Они устанавливали режим свободы судоходства и рыболовства (за исключением 10-мильной прибрежной зоны), предусматривали запрет плавания судов под флагами некаспийских стран, но не решали вопросы недропользования на Каспии. После развала СССР и образования новых трех государств в регионе вопросы, связанные с правом собственности на ресурсы, резко обострились.

В настоящее время Россия, Казахстан и Азербайджан выдвигают единое предложение – разделить дно по срединной линии, а водную поверхность моря оставить общей. Позиция Туркменистана сейчас приблизилась к российской. Кроме этого, Ашхабад предлагает выделить в центре Каспия 20-мильную зону для свободного судоходства.

Таким образом, четыре постсоветских государства настаивают на том, что Каспий является именно морем. Иран же, настаивая сейчас на равных 20%-ных долях каждой из сторон, считает, что правовой статус спорного пространства определяется на основе того, что Каспий является озером.

Соединенные Штаты Америки – еще одна страна, чьи интересы представлены на Каспии. Пентагон намерен вложить в ближайшие шесть лет 130 млн долл. на создание специализированного военного подразделения «Каспийские стражи», способного осуществлять военные операции на суше, в воздухе и на море. Другой крупный политический игрок, чьи интересы сегодня пересекаются в регионе Каспийского моря с интересами Вашингтона, – это Китай. Китай намерен к

¹ Бекмагамбетова А. Как не утонуть в «море дружбы». <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1069622700>

2010 г. экспортировать ежегодно около 45 млн баррелей казахстанской нефти. Для сравнения – в рекордном 2005 г. весь экспорт казахстанской нефти на мировые рынки составил 65 млн баррелей.

Можно констатировать, что в недалеком будущем вокруг Каспия сформируются мировые и региональные центры силы, которые будут определять основные приоритеты и политику стран Кавказского региона. Это объясняется тем, что каспийский регион обладает выгодным географическим расположением и трансконтинентальными коммуникациями, в том числе огромными запасами энерго- и биоресурсов Каспийского моря, признанными ведущими мировыми специалистами и экспертами, которое даст сверхдержавам и региональным национальным группировкам широкую возможность к политическим и экономическим маневрам.

Важным регионом, на котором Россия пока еще сохраняет сильные позиции, остается Черное море. Россия, в частности, поддерживает непризнанную республику Абхазия, которая уже много лет находится на грани вооруженного конфликта с соседней Грузией. Важнейшим элементом обороны Грузии является ее флот, который преимущественно состоит из бронекатеров.

Грузия пока не является членом НАТО и поэтому не может активно привлекать потенциальных союзников к решению абхазской проблемы. Однако Запад относится к Тбилиси более чем благосклонно, и грузинские власти, скорее всего, постараются это использовать в своих интересах, например в ходе бесчисленных конфликтов в абхазских территориальных водах, в которых дело нередко доходит до применения оружия. Ни одно государство в настоящий момент не осуществляет официальный контроль за тем, что происходит в этих водах. А следовательно, Тбилиси может настаивать на том, чтобы именно эта часть Черного моря патрулировалась особенно тщательно. В результате Сухуми лишится возможности контролировать свои морские границы, и Москва ничем не сможет ему помочь.

Еще одной проблемой для России может стать Крым. В настоящее время украинский порт Севастополь является главной базой Черноморского флота Российской Федерации. Однако Киев, который, как и Тбилиси, активно рвется в НАТО, несомненно, постарается разыграть карту «Крым» в своих интересах. Присутствие Черноморского флота в Севастополе может прекратиться в 2017 г. Если к тому времени Москва и Киев сохранят прежний политический курс, то, скорее всего, уже в 2018 г. Севастополь станет натовской военной базой.

События последних месяцев только усиливают высказанные опасения эскалации напряженности вокруг окружающих Южный федеральный округ морей. К их числу следует отнести широкомасштабные выступления в Крыму против высадки морских пехотинцев НАТО, ко-

торые стали возможными и даже привели к временному успеху ввиду неготовности Киева к внятным действиям при так и не разрешенных политических противоречиях после парламентских выборов. Летний сезон прошел, к счастью, без повторения прошлогодних резких высказываний и действий Грузии против отдыха россиян на курортах Абхазии, особенно после отказа России от грузинских вин и минеральных вод. После того как президент Азербайджана Ильхам Алиев принял участие в саммите ГУАМ – альтернативы СНГ, почему-то опять стал обсуждаться вопрос о состоянии дел в Нагорном Карабахе.

Перечисленные противоречия усложняют решение вопросов региональной кооперации и интеграции, но не могут помешать развитию международного сотрудничества и торговли, важной характеристикой которых являются данные о прохождении грузов через таможни.

К числу крупных, по российским меркам, участников внешне-торговых операций в Южном федеральном округе можно отнести только три субъекта: Ростовскую и Волгоградскую области, Краснодарский край. При этом если в экспорте реально участвуют все три указанных субъекта (в январе–мае 2006 г. ими было отправлено 81,7% экспорта из Южного федерального округа), то импортные грузы поступают в округ преимущественно через Ростовскую и Краснодарскую таможни (79,7% импорта).

Практически не оказывают влияния на масштабы внешнеторговой деятельности на юге страны республики, экспортирующие сырьё в незначительных количествах. Наибольшей внешнеэкономической активностью характеризуются Северная Осетия-Алания и Дагестан.

По данным Южного таможенного управления, внешнеторговый оборот Южного федерального округа в январе–мае 2006 г. увеличился на 15,8% и составил 4,2 млрд долл. При этом экспорт в стоимостном выражении увеличился на 24,3% до 2,6 млрд долл., а импорт – на 4,9% до 1,7 млрд долл. По этой причине активное сальдо возросло почти вдвое и составило 856,8 млн долл.

Благодаря росту в 2,1 раза объёмов экспорта, по объёмам оборота внешней торговли на первое место вышел Краснодарский край (1,6 млрд долл.). Далее следует Ростовская область, снизившая обороты на 1% вследствие уменьшения экспорта (1,4 млрд долл.).

Наибольшее количество импорта поступает в Южный федеральный округ через Ростовскую таможню. На объёмы импорта в значительной степени влияют поставки комплектующих для сборочного производства южнокорейских легковых автомобилей в Таганроге, а также других видов машиностроительной продукции и металлоизделий.

В силу протяженной общей границы и устоявшихся экономических связей Ростовская область наряду с Белгородской выступает в

качестве главного российского торгового партнёра Украины. Основными партнёрами Волгоградской и Астраханской областей являются прикаспийские государства. Черноморские порты Краснодарского края служат морскими «воротами» Южного округа в дальнее зарубежье.

По объёмам экспорта в страны дальнего зарубежья в январе—мае 2006 г. лидирует Краснодарский край (933,9 млн долл.), Ростовская и Волгоградская области являются основными экспортёрами в страны СНГ (181 и 137 млн долл.).

Через морские порты Краснодарского края в округ поступают максимальные объёмы импорта из стран дальнего зарубежья (561,1 млн долл.). Ростовская область, в свою очередь, традиционно является крупнейшим импортёром из стран СНГ, главным образом, из Украины (370,9 млн долл.).

Стоимостная структура внешнеторгового оборота подвержена сезонным колебаниям в зависимости от товарной номенклатуры. Однако существуют и устойчивые соотношения. Так, импортируемые товары в среднем (на единицу веса) в несколько раз дороже экспортируемых. Следует также отметить, что из стран дальнего зарубежья поступает значительно более дорогостоящий импорт, чем из стран СНГ.

По сравнению с январём—маем 2005 г. средняя стоимость одной тонны экспортированных грузов увеличилась с 194 до 265 долл. (на 36%), а импортированных — с 702 до 799 долл. (на 14%). В январе—мае 2005 г. импортированные грузы были в среднем в 3,6 раза дороже, чем экспортированные, тогда как в текущем году указанное соотношение снизилось до 3,0. Этот позитивный сдвиг означает смещение товарной номенклатуры экспорта в сторону более дорогостоящей продукции, в том числе с более высокой добавленной стоимостью.

В стоимостном выражении наиболее дорогостоящие грузы экспортируются Волгоградской областью (571 долл. за тонну), наиболее дешёвые — Ростовской (210 долл.). В отношении импорта разница между регионами не столь существенна: от 751 долл. в Краснодарском крае до 826 долл. в Ростовской области.

От федеральной вертикали к федеративной политике

Большую роль в перенесении региональных противоречий, возникающих при совместном использовании биологических и рекреационных ресурсов трех окружающих Юг России морей, на федеральный уровень играет стратегия укрепления вертикали власти, последо-

вательно осуществляемая федеральным центром на протяжении последних лет. Однако и здесь наметились перемены, о которых далее будет сказано в цитатах мнения В. Мау³¹. В последнее время просматриваются и тенденции, свидетельствующие о возрастании внимания к вопросам региональной политики. Одним из первых признаков такого поворота стало назначение тюменского губернатора С. Собянина руководителем администрации Президента – событие уникальное в новейшей российской истории. Одновременно два региональных чиновника становятся представителями Президента в федеральных округах. Принимается закон, дающий право партии большинства в региональном законодательном органе выдвигать кандидатуру на пост губернатора. Премьер-министр М. Фрадков создает и сам возглавляет правительственную комиссию по совершенствованию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации.

Эти и другие признаки указывают на то, что федеральный центр вплотную приступил к разработке принципов и правил государственного управления в условиях российского федеративного государства. На этом пути важно разработать систему индикаторов (статистических, социологических), способных дать комплексное понимание социально-экономической ситуации в регионе и направлений изменения этой ситуации. Такие индикаторы важны и для оценки эффективности деятельности региональной власти (в том числе и для решения вопроса о внесении кандидатуры данного губернатора на новый губернаторский срок), и для более ответственного принятия решений в области федеральной региональной экономической политики. Главное же – население соответствующих регионов получило внятный механизм сравнения своего положения и успехов своих властей с другими регионами России.

На пути определения таких индикаторов имеется немало трудностей. «Во-первых, эти показатели не должны рассматриваться как плановые ориентиры, поскольку в таком случае неизбежно начнется хорошо известная нам “борьба за показатели” – чем меньше планка установлена, тем легче ее выполнить и перевыполнить. Во-вторых, надо иметь дело преимущественно с теми индикаторами, которые зависят от усилий региональных властей и на которые они могут повлиять. В-третьих, показатели не должны быть искажаемыми на региональном и местном уровнях (целый ряд индикаторов легко фальсифицируется). В-четвертых, показателей должно быть ограниченное количество, иначе они будут противоречить друг другу и только

¹ Мау В. Региональные проблемы в условиях укрепления вертикали власти // Профиль. 2006. 20 фев.

запутают возможности оценки результатов деятельности. И, наконец, в-пятых, статистическая информация должна собираться федеральной статистической службой, и эту деятельность ни в какой своей части нельзя передавать под контроль регионального уровня, иначе объективную статистическую информацию получить будет в принципе невозможно, хотя не исключаю, что при такой постановке дела суммарный ВРП у нас начнет быстро обгонять ВВП»¹.

Кроме разработки самих индикаторов, должны быть также разработаны процедуры их доведения до сведения всех заинтересованных сторон и представления в наиболее удобном для восприятия виде. Из всех средств массовой информации Интернет по скорости представления сведений и широте спектра мнений не имеет себе равных.

В Ростовском государственном университете была выполнена работа по представлению на сайте <http://www.gis.rsu.ru> статистической информации о субъектах Федерации Южного федерального округа в виде тематических карт, где числовая информация выражается через степень густоты какого-либо цвета, которым закрашивается карта соответствующего субъекта Федерации.

В ходе проектирования был разработан удобный пользовательский интерфейс для выбора соответствующих разделов анализируемых данных. Эти разделы привязывались к определенной базе данных и отображали хранящуюся в ней информацию в виде объектов на графе. В настоящее время система позволяет проанализировать два основных раздела, таких как «Урожайность сельскохозяйственных культур» и «Демографический анализ». В будущем предполагается увеличить число разделов. Основным источником информации являются данные Областного комитета государственной статистики Ростовской области.

При выделении объекта отображаются соответствующие разделу данные о выделенном регионе. Для наглядности и удобства сравнения данных предоставляется возможность отобразить лишь выбранные объекты.

Помимо обычных статистических характеристик развития региона, составляющих стандартный набор данных, собираемый региональными комитетами по статистике и представленных на сайте Федеральной службы государственной статистики России (<http://www.gks.ru>), сделана попытка расчета и представления нетрадиционных показателей, таких как «индекс экономической свободы»². На сайте Федеральной службы статистики в разделе «Картографический материал» также представлены тематические карты России, но с значительно меньшим набором показателей.

¹ Там же. С. 46.

² 2006 Index of Economic Freedom, <http://www.heritage.org/research/features/index/>

От бесплодной риторики к устойчивому развитию

Другим важным инструментом регулирования федеральным центром развития регионов могла бы стать практика разработки регионами среднесрочных программ, аналогичных федеральной, но на срок полномочий губернатора. В основу таких среднесрочных региональных программ может быть положена концепция устойчивого развития. Эта концепция указывает на необходимость поиска пути экономического развития, который сочетал бы в себе эффективное использование ресурсов, сохранение среды обитания и поддержание социального равенства. Свое распространение концепция устойчивого развития получила после Всемирного саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и сохранила свою актуальность в течение десятилетия, что было признано на очередном Всемирном саммите в Йоханнесбурге в августе 2002 г. В российской прессе и на телевидении об этом форуме, если не считать кратких сообщений, не прозвучало ни слова¹.

В России сложилось неоднозначное отношение к концепции устойчивого развития². Об этом можно судить по достаточно редкому употреблению этого словосочетания в правительственных документах даже после принятия Указом Президента Российской Федерации № 440 от 01 апреля 1996 г. «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Проект «Государственная стратегия устойчивого развития Российской Федерации» обсуждался в Государственной Думе в 2001 г., но до сих пор не принят. Тем не менее на региональном уровне, в субъектах Федерации концепция достаточно популярна. Из российских ученых идеи концепции больше всего пользовались поддержкой академика В.А. Коптюга, благодаря чему стали популярными в СО РАН³.

Идея концепции – это ориентация хозяйственной деятельности на достижение экономического благосостояния в сочетании с экологической безопасностью. Достижение общей цели устойчивого развития требует реализации всех региональных программ, поэтому разработка средств достижения устойчивого развития с учетом уровня развития экономики и других особенностей Юга России является важной проблемой. Несмотря на тяжелую ситуацию в экономике и социальной

¹ Грешевников А.Н., Лемешев М.Я. Подоплека «устойчивого развития». Почему Россия не должна слепо полагаться на рекомендации международных организаций // Независимая газета. 02.06.2000. <http://www.ng.ru/2000-06-02/issue.html>

² Демянко Ю. И все-таки устойчивое развитие. Poleмика с Анатолием Грешевниковым и Михаилом Лемешевым // Независимая газета 01.07.2000. http://www.ng.ru/polemics/2000-07-01/8_vse-taki.html

³ Коптюг В.А. Основные факторы, обуславливающие необходимость перехода человечества к устойчивому развитию // Тр. науч. конф. «Реформы в России с позиций концепции устойчивого развития». Новосибирск: Гражданский мир, 1995.

жизни России, решение экологических проблем нельзя отложить на долгий срок – предотвращение экологических катастроф обходится обществу значительно дешевле, чем устранение их последствий.

Приоритетные направления, выработанные для каждого субъекта Федерации и учитывающие его специфику на данной территории, и должны стать основой стратегии устойчивого развития. Например, среди базовых принципов Концепции экономической политики Ростовской области названы: «воспроизводственная целостность экономики области; сбалансированность целей экономического развития и социальных интересов населения области; учет экологических императивов в производственном природопользовании; ...»¹.

Юг России, включающий Ростовскую область, Кубань, Ставрополье и Нижнее Поволжье, имеет ряд климатических особенностей и обладает уникальным экономико-географическим положением, являясь южными торговыми воротами и одним из главных сельскохозяйственных районов России. Поиск наилучших вариантов долгосрочного развития этого региона невозможен без использования современных научных методов, в том числе важнейшего инструмента прикладного системного анализа – имитационного моделирования, позволяющего проводить эксперименты с помощью компьютера, оценивать и сравнивать различные варианты развития региона. Регион является сложной социоэколого-экономической системой, и причинами неожиданных эффектов спустя годы могут оказаться непродуманные решения в далеком прошлом. Таким образом, данную сложную систему требуется рассматривать в динамике. Целью применения имитационного моделирования в данном случае является прогнозирование будущего состояния региона при различных вариантах управляющих воздействий и выбор из данных вариантов наиболее целесообразных с учетом интересов населения, природы региона и перспектив перехода к устойчивому развитию.

Для моделирования развития региона может быть использована предложенная Дж. Форрестером методика системной динамики². В начале 70-х годов XX в. именно работы Дж. Форрестера, популяризированные для общественности в книге его ученика Д. Медоуза, послужили толчком для осознания ограниченности невозполнимых природных ресурсов и способности окружающей среды перерабатывать и обезвреживать производимые человеческой цивилизацией загрязнения³. Выбрав в качестве параметров модели население, капиталовло-

¹ Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. О концепции экономической политики Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 3.

² Форрестер Дж. Мировая динамика. М., Наука, 1978.

³ Meadows D.H., Meadows D.L. et al. The Limiting to Growth. N.Y., Potomac, 1974.

жения (фонды), долю фондов в сельском хозяйстве, природные ресурсы и загрязнение, Форрестер показал, что экспоненциальный рост населения и потребления, характерный для 70-х годов XX в. неизбежно сменяется коллапсом и сокращением населения Земли в 50-х годах XXI в. Интересно, что проведенный вычислительный эксперимент показал хорошую согласованность прогнозов Форрестера на 2000 г. с фактическим состоянием мировой экономики и населения.

Была проделана некоторая предварительная работа для применения указанной методики в задаче прогнозирования макроэкономического развития Ростовской области. Модельный подход, используемый в данной работе, применим к любым другим регионам. На первоначальном этапе выбраны следующие основные показатели, характеризующие состояние системы (региона): численность населения, природные ресурсы (плодородные почвы), загрязнение почв и капиталовложения. Управляющие воздействия предполагают выбор темпов потребления ресурсов, долю капиталовложений, направляемых на защиту окружающей среды, соотношения между потреблением и инвестициями, в определенной мере специализацию региона.

На данном этапе работы с моделью выбран один из важнейших для Ростовской области восполнимых природных ресурсов – плодородные почвы. Занимая до 85% площади области, почвы интенсивно используются в сельскохозяйственном производстве, а также испытывают другие антропогенные воздействия, что неизбежно приводит к деградации и даже к полному выведению из сельскохозяйственного использования уникальных по плодородию земель.

Пренебрежение к главному средству сельскохозяйственного производства, недостаточные меры борьбы с деградацией почв неизбежно приводят к уменьшению плодородного слоя, к сокращению площади, а в перспективе к полному исчезновению уникальных земель¹.

Используемая модель должна отражать взаимодействия и взаимозависимости экологического, социального и экономического блоков в той мере, в какой это важно для реализации целей моделирования. Поэтому на начальном этапе работы была создана агрегированная модель, в общих чертах отражающая реальные процессы и их количественные характеристики. Для идентификации параметров модели использовались материалы статистических ежегодников Ростовской области за ряд последних лет. Модель позволяет прогнозировать динамику переменных состояния, характеризующих регион, при различных управляющих воздействиях. Модель содержит три подсистемы: социальную, экономическую и экологическую.

¹ Агеев В.Н., Вальков В.Ф., Чешев А.С., Цвылев Е.М. Экологические аспекты плодородия почв Ростовской области. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1996.

Взаимосвязи между переменными состояниями, вспомогательными переменными, а также компонентами модели задаются при построении графической схемы – основного инструмента для работы с моделью¹.

Имеется несколько доводов в пользу постановки и решения подобной задачи моделирования и анализа проблем устойчивого развития для Ростовской области. Во-первых, математическое моделирование уже было успешно применено для анализа экологической компоненты проблемы устойчивого развития. Во-вторых, проделана большая работа по определению сценариев экономического развития Ростовской области в рамках создаваемой концепции экономической политики. Таким образом, имеются предпосылки для адекватного отражения в модели специфических черт экологии и экономики региона. Экономика Ростовской области в значительной степени зависит от централизованных инвестиций, уступая в этом отношении промышленно развитым регионам России. Независимость области от внешних дотаций является естественным шагом на пути к устойчивому развитию.

Проблемы морей решаются на суше

Подводя итог можно сказать, что совместное использование биологических и рекреационных ресурсов трех окружающих Юг России морей, первостепенная по важности проблема для проживающего здесь населения, становится исчезающе малой величиной на фоне геополитических интересов правительств стран – участниц переговорного процесса о совместном использовании морских акваторий и с неизбежностью приносится в жертву политическим играм.

В прикладной математике есть раздел «Теория игр», где изучаются способы рационального поведения в конфликтных ситуациях. Самые простейшие салонные или азартные игры – это игры с нулевой суммой. Проигрыш – это выигрыш со знаком минус, и если сложить «выигрыши» всех игроков с учетом знака, то получится нулевой результат. Более сложные и интересные – это игры с ненулевой суммой. Действительно, в жизни в результате принятого группового решения все могут оказаться в выигрыше, или, наоборот, общий итог сложения «выигрышей» всех игроков с учетом знака может оказаться отрицательным. Можно определенно утверждать,

¹ Сурков Ф.А., Прошина Е.Ф. Модельный подход к анализу проблем устойчивого развития региона // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. Приложение 2003. № 7.

что в бизнесе принимаются решения, приносящие прибыль всем участникам, всем сторонам переговорного процесса и задача состоит только в согласовании долей общей прибыли для каждого, таким образом, в бизнесе мы имеем дело с играми с положительной суммой. Наоборот, как показывает практика, политические конфликты чаще всего являются примерами игр с отрицательной суммой, ситуациями, в которых в конечном итоге в проигрыше оказываются все стороны. Таким образом, сверхзадача для сосуществования приграничных территорий заключается в переводе политического противостояния в экономическое сотрудничество.

Возможности такого приграничного сотрудничества могут появиться при взвешенной политике федерального центра, когда будут инициироваться и поддерживаться усилия региональных администраций по формулированию собственных целей и стратегий развития, максимально учитывающих местные особенности, на основе которых будут составляться среднесрочные планы развития регионов. Для формирования таких планов естественной является концепция устойчивого развития.

Должны также развиваться и поддерживаться технологии «прозрачности» в мониторинге социальных, экологических и экономических количественных характеристик — индикаторов состояния регионов и их доведения до сведения всех заинтересованных сторон, в частности, путем публикации в Интернете.

Необходимость энергичного поиска разрешения противоречий становится особенно важной, если принять во внимание, что в новейшей истории акватории упомянутых трех морей стали границами между Европейским союзом и НАТО, с одной стороны, и Россией — с другой, границами между Западной и Евразийской цивилизациями и исламским миром¹. Последние события новейшей истории — нагнетание напряженности вокруг ядерной программы Ирана и война в Ливане — с большой наглядностью демонстрируют это.

¹ *Ronald D. Asmus, Bruce P. Jackson // The Black Sea and the Frontiers of Freedom.*
http://www.policyreview.org/jun04/asmus_print.html

Глава 7

Северный Кавказ

Северный Кавказ несколько столетий является одним из ключевых регионов, определяющих геополитические особенности генезиса и функционирования российской государственности. В рассматриваемом географическом ареале традиционно действовали несколько мощных держав, оспаривавших первенствующее стратегическое положение, причем непрерывное военно-дипломатическое противостояние развивалось с переменным успехом. Следует отметить, что к началу XIX столетия неизменными участниками геополитического диалога являлись Россия, Турция и Иран, которые опирались на поддержку дружественных местных социумов. В частности, региональные интересы российского государства эффективно отстаивали казацкие сообщества Дона, Кубани и Терека, а также христианские и некоторые мусульманские горские анклавов. Турецкое влияние распространялось прежде всего на исламизированные социумы, представленные как кочевыми объединениями (крымские татары, ногайцы), так и оседлыми горцами (большинство вайнахских и черкесских общин). Иранские интересы ограничивались территориальными рамками современного Дагестана, что определялось как географическим фактором, так и традиционными связями с местной этнополитической элитой. Указанная система могла изменяться под влиянием различных обстоятельств, но основные контуры геополитического взаимодействия практически не подвергались качественной корректировке. Однако необходимо учитывать и то существенное обстоятельство, что региональные сообщества не оставались пассивными участниками большой игры великих держав и в отдельных случаях оказывали определяющее воздействие на характер и динамику масштабного противоборства могущественных соседей.

Геополитическая ситуация на Северном Кавказе принципиально изменилась в первой половине XIX столетия, когда значительный интерес к стратегически важному региону проявили ведущие европейские государства — Великобритания и Франция. Подобное развитие событий определялось сложным комплексом исторических причин, среди которых необходимо выделить постепенное ослабление социально-экономического и военного потенциала Турции и Ирана, существенное территориальное расширение Российской империи,

последовательное формирование новой системы международных отношений. Первоначально британское и французское присутствие в рассматриваемом регионе выражалось в законспирированной поддержке турецких интересов, но затем приобрело самостоятельные формы (деятельность специальных агентов, финансовое и техническое содействие горским сообществам, ведущим вооруженную борьбу с Россией). Окончательная инкорпорация местных социумов в состав Российской империи в результате длительной и кровопролитной Кавказской войны создала новую геополитическую ситуацию, в рамках которой единственным фактором, демонстрирующим определенную интеграцию с международным сообществом, стали экономические контакты. Однако и они прекратились в советский период, когда самостоятельное сотрудничество отдельных регионов с зарубежными партнерами, а тем более развитие системных интеграционных процессов не соответствовало основным параметрам существовавшей социально-экономической и политической системы.

В течение рассмотренного длительного периода постепенно складывался региональный менталитет, реальным фундаментом которого стала фронтирная психология. Она интегрирует специфический набор мировоззренческих стереотипов, среди которых необходимо выделить коллективную ксенофобию, жесткую верификацию возможных инноваций и отчетливую дифференциацию окружающих индивидов и социумов по известному принципу «свой-чужой». В индивидуальном и массовом сознании последовательно менялись обобщенные образы потенциальных и реальных противников, но внешнее окружение неизменно воспринималось этнополитическими элитами и большинством общественных групп как традиционный источник реальной опасности. Подобный психологический стереотип формировался не только под непосредственным влиянием объективных факторов, но и как конкретный результат соответствующей государственной политики, проводившейся с разной интенсивностью российскими и советскими властями. Они рассматривали Северный Кавказ как стратегически важный регион, являющийся естественной базой для практической реализации глобальных внешнеполитических проектов в причерноморском регионе, а также на Ближнем и Среднем Востоке. Вследствие указанного обстоятельства последовательное сохранение региональных стереотипов общественного сознания, предполагающих умеренную ксенофобию, превратилось в важную государственную задачу, практическая реализация которой продолжается и в настоящее время. В частности, ксенофобские настроения эффективно поддерживают регулярные информационные кампании, направленные против исламского фундаментализма, международного терроризма, расширения НАТО или «оранжевых революций» в соседних государствах.

На рубеже XX и XXI вв. Северный Кавказ из своеобразного плацдарма для дальнейшей экспансии на Ближний и Средний Восток превратился в естественный форпост против экспансионистских устремлений воинствующего ислама, а также стремительного роста американского и западноевропейского геополитического влияния. Подобной системы идентифицирующих приоритетов придерживается не только региональный политический истеблишмент, но и подавляющее большинство местного населения. В широких социальных слоях последовательно формируется интегрированный образ потенциального противника, включающий исламских фундаменталистов, ближайших соседей в лице Грузии и Украины и, по устоявшейся идеологической традиции, отдельных представителей правящей элиты США и западноевропейских государств. Указанные обстоятельства существенно затрудняют структурную идентификацию международной подсистемы, выступающей в качестве одного из основных объектов предлагаемого исследования.

Как представляется, подобная структура объективно включает ближайших географических соседей в лице государств Закавказья и Украины, традиционно имеющую собственные региональные интересы Турцию, а также США и европейские государства (как самостоятельно, так и в рамках ЕС и НАТО), стремящиеся расширить собственное геополитическое влияние как на Северном Кавказе, так и в сопредельных районах. Естественную проблему при интеграции в данную подсистему представляет то существенное обстоятельство, что большинство указанных стран и международных организаций имеют весьма противоречивые отношения с Россией, что естественным образом проявляется и на региональном уровне.

В рамках действующей структуры межгосударственных договоров Северный Кавказ не выделяется в качестве отдельного участника, а потому развитие внешних связей осуществляется посредством прямых деловых контактов, а также через многочисленные диаспорные сообщества, объединяющие общественные организации горских и казачьих репатриантов. В частности, в постсоветский период для реального сотрудничества в социально-экономической, научной и культурной сферах только Ростовская область заключила около 100 специальных соглашений как с отдельными субъектами Российской Федерации и странами СНГ (например, с республикой Беларусь, а также Луганской, Запорожской и Донецкой областями Украины), так и с некоторыми административными регионами иностранных государств (земля Северная Рейн-Вестфалия в Германии, область Марка в Италии, провинция Бариа-Вунгтау во Вьетнаме)¹. В последние годы аналогичные проекты реализуются и в Красно-

¹ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

дарском крае, который развивает всесторонние контакты с двумя немецкими землями (Нижняя Саксония и Баден-Вюртемберг) и итальянской провинцией Милан¹.

Существенную роль в дальнейшем развитии подобных контактов могли бы играть репатриантские общественные организации, представляющих донское, кубанское и терское казачество, но они крайне негативно относятся к практической деятельности современных региональных элит. Главной причиной подобного отношения следует признать государственную политику, объективным результатом которой стало искусственное возрождение казачьих сообществ, содержательно не соответствующих историческим традициям и возглавляемых деятелями с сомнительной репутацией.

Национальные республики Северного Кавказа не менее активно сотрудничают с диаспорными сообществами, среди которых необходимо выделить Конфедерацию черкесских общественных объединений Турции «Кафдер» и Международную ассоциацию абхазо-абазинского народа. В настоящее время заинтересованными сторонами рассматривается сложный комплекс разнообразных проблем, связанных с возможным инвестированием региональной экономики со стороны бывших репатриантов и перспективами возвращения вынужденных переселенцев на историческую Родину. В частности, в апреле 2006 г. состоялась рабочая встреча действующего президента Кабардино-Балкарии А. Каноква с официальной делегацией черкесской диаспоры в Турции и Иордании, включавшей как признанных лидеров общественных организаций, так и ведущих представителей предпринимательских кругов. В ходе интенсивных переговоров были достигнута принципиальная договоренность о том, что в ближайшие пять лет черкесские репатрианты инвестируют 10 млн долл. в местную экономику². Приоритетными направлениями соответствующих капиталовложений договаривающиеся стороны признали сельское хозяйство и туристическую инфраструктуру, которые по общей оценке в наибольшей степени нуждаются в инвестиционной поддержке.

Зарубежные горские диаспоры обладают значительным экономическим потенциалом и политическим влиянием в Турции и других ближневосточных государствах, а потому соответствующие контакты следует рассматривать как важный элемент интеграционных процессов. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что связи между диаспорными сообществами и исторической родиной практически не привлекают специального внимания федеральных властных структур и могут рассматриваться как актуальный

¹ Там же.

² Информационный портал <http://kavkaz.memo.ru/>

пример самостоятельного взаимодействия российских регионов с внешним окружением.

Важным элементом в рассматриваемой международной подсистеме являются региональные представительства заинтересованных стран, активно способствующие динамичному развитию социально-экономического и политического взаимодействия, а также многообразного культурного обмена. В частности, в Ростовской области достаточно эффективно функционируют генеральные консульства Украины, Армении и Румынии (работает также и почетный консул Словацкой Республики), координирующие различные аспекты институционального и индивидуального сотрудничества¹. Необходимо заметить, что практическая деятельность указанных структур имеет определенные особенности, связанные со спецификой межгосударственных отношений. Например, румынское и армянское представительства в большей степени занимаются комплексным развитием экономических контактов, тогда как одним из важнейших направлений комплексного взаимодействия региональных властей и украинских дипломатов является правовое регулирование миграционных процессов.

Международный интерес к рассматриваемому региону отражается не только в реальном наличии официальных дипломатических представительств, но и в регулярных приездах зарубежных делегаций, направленных на постепенное формирование устойчивых социально-экономических и политических контактов. Особую значимость подобным мероприятиям придает достаточно высокий статус прибывающих дипломатов, свидетельствующий о серьезном внимании со стороны заинтересованных государств. В частности, в 2005 г. в Ростовской области находились с официальными визитами 11 международных делегаций, представлявших США, Великобританию, Францию, Японию, Австрию, Швейцарию, Румынию и возглавлявшихся чрезвычайными и полномочными послами указанных государств². Центральными проблемами в переговорном процессе являлись правовое обеспечение региональных инвестиционных проектов и дальнейшее развитие торговых контактов, требующее значительного усовершенствования действующей транспортной инфраструктуры.

Аналогичная ситуация складывается и в других северокавказских субъектах, хотя в каждом конкретном регионе различаются объективные цели политического диалога и реальные формы налаживаемого сотрудничества. Например, Краснодарский край развивает интенсивные контакты с Францией, Германией, Италией и Чехией, которые выражаются не только в регулярном общении уполномоченных

¹ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

² Там же.

представителей властных структур, но и в значительном росте внешнеторговых операций и инвестиционной активности европейских партнеров на местном рынке. Объективное содержание формирующихся международных связей отчетливо иллюстрирует персональный состав чешской делегации, прибывшей с официальным визитом в Краснодар в 2005 г. Наряду с чрезвычайным и полномочным Послом Чешской Республики в Российской Федерации Ярославом Башта, в переговорном процессе приняли непосредственное участие Франтишек Масопуст (исполнительный директор Торгово-промышленной палаты Чешской республики по странам СНГ), Зденек Шмагел (коммерческий директор по странам СНГ компании «Тхермона» — известного производителя газового оборудования), Лариса Таборова (коммерческий директор компании «Ковосвит мас», представляющий активно развивающийся машиностроительный холдинг), Ян Месарч (директор по экспорту компании «Кароса», успешно работающей в области производства автобусов), Мирослав Класек (директор компании «Арматуры клад», производящей арматуру для предприятий химической промышленности, энергетического сектора) и целый ряд других известных бизнесменов¹. Как представляется, объединяющим мотивом для заинтересованных международных структур следует признать естественное стремление закрепиться в стратегически важном районе, опираясь на формирующийся фундамент социально-экономического взаимодействия.

Объективным подтверждением указанного положения является растущая активность иностранных компаний, осваивающих различные отрасли региональной экономики. В частности, устойчивые позиции в сфере морских перевозок занимает американская транснациональная компания Blue Way, которая по отдельным оценкам самостоятельно или через дочерние фирмы контролирует до 30% соответствующих транспортных услуг в крупнейших портах Туапсе, Новороссийска и Таганрога². Эффективное развитие портово-терминальной инфраструктуры в значительной мере определяется масштабными инвестициями европейских профильных концернов, среди которых выделяются немецкий Mannesmann и итальянский Tguboldy. Южнокорейские и японские автомобильные компании, успешно запустившие сборочный конвейер на Таганрогском заводе, организуют аналогичные производства на базе трех бывших военных авторемонтных заводов, а также на промышленных площадках «Ростсельмаша» и «Красного Аксая». Американские и немецкие корпора-

¹ Официальный сайт администрации Краснодарского края. <http://admkrain.kuban.ru/>

² Официальный сайт торгово-промышленной палаты Ростовской области. <http://www.tpp.tis.ru/>

ции, специализирующиеся на сельскохозяйственном машиностроении, развернули масштабную сборку соответствующей продукции в Краснодарском крае, а в настоящее время планируют распространить подобную деятельность и на Ростовскую область, используя производственные мощности крупных однопрофильных предприятий. Крупнейший региональный инвестор ООО «Клаас» уже инвестировал в указанный проект более 11 млн евро, а в ближайшей перспективе планирует осуществить новые капиталовложения реальным объемом в 7 млн евро¹. Следует заметить, что в настоящее время немецкое экономическое присутствие в Краснодарском крае существенно расширилось за счет средних и крупных предприятий со смешанным капиталом (по состоянию на 1 января 2005 г. в рассматриваемом регионе насчитывалось 66 подобных структур)².

Инвестиционный интерес со стороны американских и европейских партнеров определяется не только стратегической привлекательностью северокавказского региона, но и продуманной политикой местных властей. В частности, при главе администрации Краснодарского края создан и действует Консультативный совет по иностранным инвестициям, в котором активно работают не только ведущие представители хозяйственной и политической элиты, но и региональные менеджеры крупнейших зарубежных корпораций ООО «Кнауф Маркетинг-Краснодар» и ООО «Клаас»³. Основными целями указанного органа провозглашены последовательное укрепление благоприятного инвестиционного климата, реальное увеличение иностранных капиталовложений, систематическое информирование потенциальных партнеров о важнейших особенностях местной экономики. Подобный поход способствует последовательному формированию благоприятного делового имиджа рассматриваемого региона, являющегося важнейшим фактором для эффективной интеграции в международную подсистему.

Иностранных инвесторов привлекают прежде всего аграрный потенциал и трудовые ресурсы Северного Кавказа, что отчетливо проявляется в реальном содержании деятельности создаваемых совместных предприятий, большинство которых связано с комплексной переработкой сельскохозяйственной продукции, итоговой сборкой на машиностроительных производствах, капитальным строительством, транспортными услугами и торгово-закупочной деятельностью. Как представляется, сельское хозяйство северокавказского региона при эффективной инвестиционной политике способно превратиться в дос-

¹ Официальный сайт Департамента экономического развития Краснодарского края. <http://economy.kubangov.ru/>

² Официальный сайт администрации Краснодарского края. <http://admkrain.kuban.ru/>

³ Официальный сайт Департамента экономического развития Краснодарского края. <http://economy.kubangov.ru/>

таточно прибыльную отрасль, что в полной мере соответствует как стратегическим задачам российского экономического развития, так и естественным коммерческим интересам зарубежных партнеров. Комплексному развитию аграрного производства способствуют как благоприятные природно-климатические условия, так и наличие квалифицированных трудовых ресурсов, не требующих высокой заработной платы. В настоящее время только на территории Краснодарского края и Ростовской области действуют более 20 совместных агропромышленных предприятий с немецким и итальянским капиталом, причем имеющиеся результаты прямых переговоров, проведенных с заинтересованными инвесторами на крупнейших европейских выставках (Дни Краснодарского края в Германии, «Зеленая неделя» в Берлине), свидетельствуют о серьезных перспективах дальнейшего развития подобного сотрудничества¹.

Региональные трудовые ресурсы представляют реальный интерес для зарубежных партнеров и применительно к другим отраслям местной экономики, требующим высокого уровня специальной подготовки (автомобилестроение, сельскохозяйственное машиностроение, черная металлургия). Следует отметить, что в рассматриваемом регионе достаточно высок средний образовательный уровень трудоспособного населения в экономически активном возрасте (например, по имеющейся статистике в Ростовской области на 1000 человек среднее специальное образование имеют 300, среднее общее образование — 400, неполное среднее — 87, высшее — 190 человек, неоконченное высшее — 12)².

Северокавказский регион не столь богат природными ресурсами, как Сибирь или Дальний Восток, однако отдельные виды полезных ископаемых не только обладают стратегическим значением для местной экономики, но и могут заинтересовать зарубежных инвесторов. В частности, в Ростовской области разведанные запасы каменного угля для строительства новых шахт составляют 6,5 млрд тонн, причем более 90% указанного объема составляет антрацит, который по некоторым качественным характеристикам (например, по калорийности и степени метаморфизма) является уникальным энергетическим сырьем³. Важным фактором для донских угольных месторождений следует признать естественную близость к реальным и потенциальным потребителям, что изначально повышает экономическую эффективность соответствующих промышленных разрабо-

¹ Официальный сайт администрации Краснодарского края. <http://admkrain.kuban.ru/>; Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

² Официальный сайт администрации Ростовской области <http://www.donland.ru/>

³ Официальный сайт торгово-промышленной палаты Ростовской области. <http://www.tpp.tis.ru/>

ток. Как представляется, рассматриваемая отрасль нуждается в системной реструктуризации и технологическом обновлении, которые могут быть осуществлены лишь посредством масштабных инвестиций. Однако при успешном результате подобной деятельности может быть достигнут значительный экономический эффект, способный интенсифицировать общий ход регионального развития.

Отдельные эксперты высоко оценивают объективные перспективы дальнейшего развития нефтегазового комплекса на Северном Кавказе, который при эффективной разработке может удовлетворить определенную часть местных потребностей. Помимо общеизвестных запасов высококачественной нефти, расположенных в Чеченской республике, следует выделить и не в полной мере разрабатываемые газовые месторождения в Ростовской области с общим объемом потенциальных запасов в 36 млрд куб. м¹. Кроме того, в рассматриваемом регионе имеются значительные источники нерудного сырья для металлургической промышленности (например, флюсовые и конвертерные известняки, кварциты для ферросплавов), а также естественных строительных материалов (известняк, мел, песчаник, кварцевый песок). В целом, практическая разработка указанных полезных ископаемых является приоритетным направлением регионального экономического развития, в рамках которого необходимо максимально использовать инвестиционные и технологические возможности заинтересованных участников избранной международной подсистемы.

Значительное воздействие на демографический потенциал северокавказского региона и качественное изменение трудовых ресурсов оказывают миграционные процессы, протекающие с различной интенсивностью в конкретных районах. Региональная миграция имеет преимущественно внешний характер, связанный с постоянным притоком трудоспособного населения из сопредельных государств. В последние годы происходит существенное изменение внутренней структуры и качественного состава миграционных потоков, обусловленное резким сокращением славянского этнического компонента (например, число украинских мигрантов за последние пять лет сократилось в четыре раза) и значительным увеличением общего представительства отдельных этнических групп из Средней Азии и Закавказья (таджики, узбеки, армяне, азербайджанцы). В рамках внутренней миграции существенную роль играет значительный отток населения из Чеченской республики, который далеко не в полной мере контролируется федеральными и местными властями. Миграционные потоки в другие субъекты Российской Федерации связаны преимущественно с перманентным перемещением социально активного населе-

¹ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

ния в нефтяные и газодобывающие регионы, а также в крупные федеральные центры (Москва, Санкт-Петербург), причем подобное движение трудовых ресурсов имеет сезонный характер и определяется естественным поиском высокооплачиваемой работы.

Как представляется, внешняя миграция может рассматриваться как практически единственный фактор, способствующий частичному предотвращению естественной убыли местного населения, что особенно актуально для Краснодарского и Ставропольского краев, а также для Ростовской области. Другой важной проблемой является значительный рост нелегальных миграционных потоков, реальная борьба с которыми затрудняется очевидными пробелами в действующем законодательстве и финансовой необеспеченностью нормативно предусмотренной депортации. В частности, согласно официальной статистике правоохранительных органов только в Ростовскую область ежегодно пребывает около 20 тыс. незаконных мигрантов, большинство которых затем остается для постоянного проживания в рассматриваемом регионе¹. Объективная оценка существующего положения свидетельствует о том, что даже при высоком уровне интеграции в международную подсистему сложившийся характер миграционных потоков не претерпит качественных изменений, так как большинство сопредельных государств не достаточно привлекательны, а европейский и американский каналы не будут востребованы из-за значительных расстояний и жесткой пограничной фильтрации.

Северокавказский регион обладает развитой транспортной инфраструктурой, представленной железнодорожными и автомобильными магистралями федерального значения, морскими и речными портами, а также несколькими крупными аэропортами. Региональные грузовые потоки имеют преимущественно транзитный характер, а потому ориентируются на крупнейшие порты – Туапсе, Новороссийск, Ейск, Азов и Таганрог. Указанные портовые центры имеют определенную специализацию, которая определяется как естественными особенностями сложившейся инфраструктуры, так и современной спецификой экономической конъюнктуры. В частности, значительную часть торгового оборота Туапсинского порта обеспечивают нефтяные терминалы, а Азов специализируется на минеральных и строительных материалах, тарно-штучных грузах, лесоматериалах, угле и металлопрокате². Следует выделить то суще-

¹ Официальный сайт пограничной службы ФСБ Российской Федерации. <http://fps.ru/>; Официальный сайт МВД РФ <http://www.mvdinform.ru/>

² Официальный сайт администрации Краснодарского края. <http://admkrain.kuban.ru/>; Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>; Официальный сайт Департамента экономического развития Краснодарского края. <http://economy.kubangov.ru/>

ственное обстоятельство, что имеющиеся портовые центры позволяют поддерживать устойчивые связи как с сопредельными государствами, так и с европейскими партнерами по Черному и Средиземному морям. Необходимо также заметить, что железнодорожные и автомобильные магистрали (в том числе и относящиеся к трансконтинентальному транспортному коридору «Север—Юг») не в полной мере обеспечивают региональные потребности в грузовых перевозках, что определяет объективную необходимость качественного совершенствования действующей инфраструктуры¹.

Указанное положение отчетливо осознается федеральными и местными властями, предпринимающими значительные усилия для привлечения российских и иностранных инвестиций в транспортную отрасль. В частности, Северо-Кавказская железная дорога при активном содействии ОАО «Российские железные дороги» инвестирует значительные средства в научные разработки, позволяющие интенсифицировать взаимодействие с портовой инфраструктурой (только в 2005 г. на соответствующие проекты было выделено около 10 млн руб.)². Кроме того, отдельные подразделения СКЖД при ощутимой поддержке местных властей осуществляют профилактическую реконструкцию путевого хозяйства и расширяют пропускную способность узловых и сортировочных станций.

В некоторых северокавказских субъектах Российской Федерации выделяются значительные средства для целенаправленного строительства новых и капитального ремонта действующих автомобильных дорог, причем для реального участия в соответствующих проектах привлекаются и иностранные инвесторы. В частности, в Ростовской области только в 2005 г. при поддержке федерального бюджета и Международного банка реконструкции и развития было введено в эксплуатацию и отремонтировано около 2,5 тыс. км дорожного полотна, а сметная стоимость проводимых работ составила около 3 млрд руб.³ Как представляется, региональные транспортные потоки, имеющие общероссийское и международное значение, развиваются достаточно интенсивно и при благоприятном инвестиционном климате могут стать важным фактором комплексной интеграции Северного Кавказа в избранную подсистему.

В постсоветский период северокавказский регион стал важнейшим пограничным районом, что оказывает существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие соответствующих субъектов Российской Федерации. В частности, важнейшим тор-

¹ См., например: Потеряхин А.В., Александрин В.С. Международные транспортные коридоры: перспективы развития на Юге России // Транспорт Юга. 2004. № 6.

² Официальный сайт РАО «РЖД». <http://www.rzd.ru/>

³ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

говым партнером Дагестана является соседний Азербайджан (91% экспорта и 75% импорта), а Ростовская область ведет взаимовыгодный товарный обмен с восточными областями Украины (по итогам 2005 г. соответствующий товарооборот превышает 1 млрд долл.)¹.

Однако, по имеющимся экспертным оценкам, нелегальная торговля и контрабандные операции по реальному объему практически равнозначны официальным показателям, что определяется сложным комплексом разнообразных причин. С одной стороны, весьма протяженная российско-украинская граница на территории Ростовской области далеко не в полной мере контролируется пограничными и таможенными структурами, что связано с объективным отсутствием соответствующей технической инфраструктуры. Контрабандистские группировки и отдельные местные жители умело используют разветвленную сеть грунтовых проселочных дорог, обладающих достаточно высокой пропускной способностью. Основным товаром для нелегальных торговцев является российский бензин, имеющий на Украине гораздо более высокую стоимость. Украинские же контрабандисты направляют в Россию сельскохозяйственную продукцию, которая утрачивает ценовую конкурентоспособность после уплаты таможенных пошлин.

Кроме того, нелегальная торговля на дагестанском участке российско-азербайджанской границы или между Северной и Южной Осетиями определяется традиционными связями этнических кланов, расположенных в приграничных районах (применительно к Дагестану и Азербайджану речь идет о лезгинских сообществах). Подобной деятельности родственных клановых структур способствует как сложный рельеф горных районов, так и очевидное несовершенство действующей пограничной и таможенной инфраструктуры. В целом, следует признать, что приграничная торговля может стать одним из важных факторов комплексной интеграции региона в избранную международную подсистему, если соответствующая деятельность будет осуществляться преимущественно в официальных формах при значительном сокращении контрабандных операций.

Важную роль в рассматриваемом интеграционном процессе имеет масштабное взаимодействие неправительственных организаций, а также совместная реализация научных и культурных проектов. Недавние заявления и мероприятия российского правительства, направленные на объективное ужесточение нормативной регламентации соответствующей деятельности, вопреки определенным ожиданиям не привели к масштабному сокращению указанных форм об-

¹ Официальный сайт Министерства финансов Ростовской области. <http://www.minfinro.rsu.ru/>; Официальный сайт правительства республики Дагестан. <http://www.e-dag.ru/>

ществленного сотрудничества на региональном уровне. В настоящее время только в Ростовской области работают 27 представительств международных неправительственных организаций, которые реализуют различные проекты под эгидой Программы технической помощи европейского союза для стран СНГ (TACIS), Международного банка реконструкции и развития, Глобального экологического фонда и ряда аналогичных структур¹. Они пользуются целенаправленной поддержкой областной администрации, осуществляющей юридическую и материально-техническую поддержку соответствующей деятельности. Однако необходимо заметить, что указанные неправительственные организации не преследуют политических целей, что в значительной степени определяет имеющиеся благоприятные условия их реального функционирования.

В результате только в 2005 г. в Ростовской области реализовывались двенадцать международных проектов, значительная часть которых получила финансовую поддержку от таких известных негосударственных институтов, как Британский совет, Фонд Фридриха Эберта (Германия), Германское общество академических обменов, Международный альянс против ВИЧ². Российские и иностранные специалисты оказывают широкий спектр консультационных услуг, проводят многочисленные тренинги и семинары в области социальной защиты, государственного и частного здравоохранения, муниципального управления, экологической безопасности, социокультурного сервиса и туризма. В частности, с 2003 по 2005 г. в Ростовской области в качестве пилотного региона был реализован проект TACIS «Merit-2», общий бюджет которого в общероссийском масштабе составил более 3 млн евро³. Проектной целью являлась принципиальная разработка и последовательное внедрение приемлемых стратегий социально-экономического развития в шести отобранных муниципалитетах, способствуя региональному хозяйственному возрождению. Наиболее значимым для Ростовской области результатом данного проекта является недавнее включение станицы Старочеркасской в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО, а также комплексное изучение реальных возможностей для дальнейшего развития массового туризма.

Следует также отметить начавшуюся реализацию в рассматриваемом регионе еще двух системных проектов TEMPUS/TACIS: «Российская Ассоциация университетских менеджеров и администраторов» и «Сеть университетских оценщиков документов об образовании»⁴. Они проводятся в рамках масштабной реформы, связан-

¹ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Официальный сайт Ростовского государственного университета. <http://www.rsu.ru/>

ной с перспективной интернационализацией образовательных программ, основные результаты которой ожидаются к 2010 г. В рамках Южного федерального округа основным участником международного консорциума, объединяющего данные проекты, является Ростовский государственный университет.

Определенный вклад в комплексное развитие внешних связей вносит практическая деятельность национальных культурно-образовательных центров, формирующих уважительное отношение к иностранным традициям и способствующих последовательному преодолению ксенофобских настроений в массовом сознании. В частности, в Ростовской области успешно функционируют пять подобных организаций: британская, французская, корейская, немецкая и американская¹. В рамках практической деятельности указанных культурно-образовательных центров ежегодно организуются разнообразные стажировки для студентов, школьников и преподавателей и проводятся специальные конкурсы, презентации и семинары. Донская государственная публичная библиотека при активном содействии рассматриваемых организаций ежегодно проводит открытые фестивали зарубежных фильмов, которые предлагаются зрительской аудитории в оригинальном и переводном вариантах. Кроме того, лучшие студенты высших учебных заведений Ростовской области, активно изучающие иностранные языки, имеют возможность сдать профильные экзамены и получить специальную стипендию для последующего зарубежного обучения. Указанные мероприятия, безусловно, являются важнейшим фактором интеллектуальной интеграции северокавказского региона в избранную международную подсистему, которая приобретает особую актуальность в контексте современного развития постиндустриального информационного общества.

В настоящее время федеральный центр не придает самостоятельного значения текущим взаимоотношениям северокавказских субъектов и международного окружения, а потому отсутствует единая система государственного регулирования соответствующих контактов. В частности, действующие в Ростове и Махачкале официальные представительства российского министерства иностранных дел ограничиваются регулярным предоставлением специальных разъяснений, касающихся важнейших внешнеполитических проблем, и определенной координацией профильной деятельности отдельных республик, краев и областей, входящих в Южный федеральный округ. Общая позиция региональных элит по отношению к важнейшим вопросам взаимодействия с ближайшими соседями и другими заинтересованными государствами принципиально не отличается от основопола-

¹ Официальный сайт администрации Ростовской области. <http://www.donland.ru/>

гающих подходов высшего руководства Российской Федерации, что определяет отсутствие конфликтных ситуаций. Указанная ситуация вместе с тем позволяет реализовывать совместные проекты в различных сферах, которые не подвергаются существенной корректировке со стороны федерального центра. Особую важность подобный подход приобретает при практическом взаимодействии между отдельными регионами соседних стран, что заметно как на примере взаимовыгодного сотрудничества Ростовской области и пограничных районов Украины, так и в ракурсе конфликта на Таманском полуострове, когда большинство северокавказских субъектов безоговорочно поддержали жесткую позицию центральных властей. В настоящее время в связи с качественным изменением украинской политической ситуации можно прогнозировать определенную трансформацию соответствующего направления межрегионального диалога, связанную с дополнительным ужесточением миграционного и таможенного режима, а также объективным сокращением внешнеторговой активности.

Отдельную проблему представляют многообразные контакты региональных субъектов Российской Федерации с непризнанными государствами (Южной Осетией и Абхазией), которые решительно осуждаются грузинским правительством, но в скрытой форме поощряются федеральным центром. Пользуясь поддержкой российского правительства, Краснодарский край установил особые отношения с Абхазией, а Северная Осетия открыто взаимодействует с цхинвальскими властями¹. В частности, представительная кубанская делегация во главе с губернатором А. Ткачевым побывала на недавней инаугурации абхазского президента С. Багапша, на которой присутствовали также представители властных структур других северокавказских субъектов Российской Федерации (Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Более того, в 2005 г. Абхазия стала ассоциированным членом Парламентской ассамблеи Юга России, что свидетельствует о поддержке непризнанного государства рассматриваемым региональным сообществом. Как представляется, подобный подход может существенно осложнить интеграционные процессы, фундаментом которых может быть только полная открытость геополитического диалога и предварительное разрешение большинства спорных вопросов.

Безусловный интерес представляет комплексный анализ и других вопросов, связанных с обеспечением региональной безопасности. Основной внешней угрозой в современных условиях является международный терроризм, который и создает главные препятствия на пути интеграционных процессов. В частности, в северных районах Грузии,

¹ Официальный сайт администрации Краснодарского края. <http://admkrain.kuban.ru/>;
<http://www.abkhaziya.org/>

а также на территории Турции и Азербайджана функционируют террористические центры, реальная деятельность которых направлена против России и ее северокавказских субъектов. Однако если турецкое и азербайджанское правительство стремятся по возможности ликвидировать подобные организации, то грузинские власти, используя недостаточную информированность международного сообщества, фактически поощряют антироссийскую активность международного терроризма. Подтверждением указанного тезиса можно считать тот факт, что лидеры незаконных вооруженных формирований, находящиеся в международном розыске, беспрепятственно перемещаются по территории Грузии (например, согласно неофициальной информации российских силовых структур, уничтоженные в ходе недавних специальных операций Р. Гелаев и А. Масхадов регулярно проживали в специальном коттедже в нескольких кварталах от российского посольства в Тбилиси). Более того, правоохранительные органы ряда северокавказских республик (Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии) полагают, что в приграничных грузинских районах находят надежное убежище не только политические и религиозные экстремисты, но и многие лица, совершившие уголовные правонарушения (только по оценкам североосетинского министерства внутренних дел в Грузии скрываются до 50 человек, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления)¹.

В последнее время серьезную опасность приобретает растущий поток наркотических средств, поступающий на российскую территорию из сопредельных государств Южного Кавказа. В особой степени указанная проблема относится к небезызвестному Панкисскому ущелью, а с недавнего времени и к верховьям Кодорского ущелья, которые контролируются грузинскими властями. По официальным оценкам Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, только за последний год конфисковано около 3 т сильнодействующих средств, поступивших на российскую территорию из Грузии². Более того, по имеющейся информации, наркотрафик из Кодорского ущелья в ближайшее время может сравняться с аналогичными поставками из Средней Азии, так как афганские героиновые производители рассматривают имеющиеся возможности для масштабной транспортировки смертоносного товара через Каспийское море, Азербайджан и Грузию (при этом местное производство имеет тенденцию к расширению).

¹ Официальный сайт МВД России. <http://www.mvdinform.ru/>; сайт исследовательского центра Agentura.Ru <http://www.agentura.ru/>; Официальный сайт республики Северная Осетия — Алания.

² Официальный сайт Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. <http://www.gnk.gov.ru/>

Необходимо также выделить отдельные факторы, которые могут непосредственно воздействовать на возможное содержание рассматриваемой интеграции в обозримой перспективе. Дальнейшее расширение НАТО в восточном направлении может практически остановить интеграционные процессы, так как федеральная и региональная политические элиты полагают, что подобная деятельность может иметь негативные последствия для России. В контексте указанного обстоятельства они будут реконструировать соответствующие ксенофобские настроения в массовом сознании, в котором враждебное восприятие североатлантического блока сохраняет глубокие корни. Адекватным вариантом своеобразной реанимации интеграционных процессов при подобном развитии геополитических событий станет собственное вступление России в НАТО, которое формально не противоречит современной идеологии указанного альянса. Кроме того, в любом случае российское участие в любой конфигурации международной подсистемы требует предварительного урегулирования имеющихся противоречий с остальными участниками, а значит, необходим адекватный диалог и с США, и с Украиной, и с Грузией. Следует заметить, что оптимальный компромисс не может быть достигнут посредством односторонних уступок, а потому указанные партнеры должны осуществить встречное движение, исключив недружественные действия из собственного политического арсенала.

Г л а в а 8

Прикаспий

Экономическое сотрудничество с Казахстаном и Азербайджаном

Отношения юго-востока России с приграничными странами осуществляются в рамках таких организаций как СНГ, Организация Договора о коллективной безопасности, Евроазиатское (Евразийское) экономическое сообщество – ЕврАзЭС (выросшее из Таможенного союза), Шанхайская организация сотрудничества; страны сотрудничают в организации «Центрально-Азиатское Сотрудничество», в процессе формирования Единого экономического пространства. Но в рамках этих организаций участники не всегда ведут себя последовательно.

Интересно, что во многих выступлениях российских государственных деятелей о приграничном сотрудничестве приоритет отводится евроинтеграции, а что касается регионов востока и юга России – то об интеграции в этом направлении упоминают редко и чаще всего в привязке к ЕврАзЭС.

Во внешнеторговых связях России со странами СНГ Казахстан занимает третье место. Удельный вес России в товарообменных операциях Казахстана – 24,7%¹. В структуре российского экспорта в Казахстан ведущее место занимает продукция топливно-энергетического комплекса и машиностроения, в импорте из Казахстана в Россию – сырьевые товары, включая энергоносители и черные металлы, сельхозпродукция. Страны связывает система Каспийского трубопроводного консорциума, газопровод Атырау–Самара. Наиболее активные торгово-экономические межрегиональные и приграничные связи с регионами Республики Казахстан поддерживают приграничные регионы России: Астраханская, Оренбургская, Омская, Курганская, Новосибирская области. На приграничное сотрудничество приходится более 60% товарооборота России и Казах-

¹ Российско-казахстанские отношения. Справочная информация Третьего департамента стран СНГ МИД России. 01.03.2005. <<http://mid.ru>>

стана. Импульс развитию приграничного и межрегионального сотрудничества придал состоявшийся в апреле 2003 г. в Омске с участием президентов двух стран Форум приграничных областей России и Казахстана¹. На этом фоне сотрудничество с приграничной Волгоградской областью выглядит наименее интенсивным.

Отношения России с Азербайджаном имеют два важных аспекта: карабахский конфликт, добыча и транспортировка нефти, в том числе нефти Каспийского шельфа. В связи со сложностью этих вопросов на протяжении 15 лет отношения между двумя странами развивались неравномерно. Но уже со второй половины 1990-х годов активизировалось экономическое сотрудничество, а после 2001 г. — политическое. Азербайджан является членом СНГ, однако нынешнее руководство предпочитает строить двусторонние отношения.

Доля Азербайджана в общем объеме внешней торговли России со странами СНГ составляет лишь 1%, а удельный вес России во внешнеторговом обороте республики — 11,7%, что не соответствует потенциальным возможностям обеих стран.

Азербайджан диверсифицирует направления транспортировки своих энергоресурсов, поэтому с 18 января 1996 г. он осуществляет транспортировку нефти по маршруту Баку—Новороссийск, помимо других западных и южных направлений. В 2005 г. в Азербайджан из России поставлено 4,5 млрд куб. м газа². В конце 2006 г. правительство Азербайджана заявило о намерении сократить поставки газа из России. Рассматриваются возможности организации параллельной работы энергосистем России, Азербайджана и Ирана, а также перспективы транзита электроэнергии в третьи страны.

Основное место в российском экспорте в Азербайджан занимают продовольственные товары и сырье для их производства, доля которых составляет около 40% (зерновые, мука, крупы), машины и оборудование — 16%, древесина и изделия из нее — 12%, черные и цветные металлы — 9%. В структуре импорта из Азербайджана в Россию преобладает группа продовольственных товаров: табак, фрукты, алкогольная продукция — 52%, хлопок, хлопковое волокно и пряжа — 18%, нефтепродукты — 12%³.

Волгоградские и астраханские предприниматели стремятся организовать поставки строительной продукции, нефтепромышленного оборудования, труб, строительство судов и других плавсредств для

¹ Региональное сотрудничество России и Казахстана. Справочная информация Третьего департамента стран СНГ МИД России. 01.03.2005. <<http://mid.ru>>

² Российско-азербайджанские отношения. Справочная информация Четвертого департамента стран СНГ МИД России. 02.05.2006. <<http://mid.ru>>

³ Российско-азербайджанские торгово-экономические отношения. Справочная информация. 02.02.2006. <<http://mid.ru>>

государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики, но эта ниша уже занята петербургской компанией¹.

Между рядом городов России и Баку осуществляется движение пассажирских и грузовых железнодорожных составов, автомобильного и водного транспорта.

Регионы, непосредственно примыкающие к республикам, развивают отношения со своими соседями в рамках государственной политики, международных деклараций, подчеркивающих важность развития приграничного сотрудничества в разных областях².

Самоидентификация региона

В СМИ, среди политиков и общественных деятелей, когда необходимо подчеркнуть целостность региона, используется миф о том, что юг России — перекресток цивилизаций, колыбель скифо-сарматской культуры. Рядом радикальных этнических общественных движений активно подчеркивается, что территория юга России — это плацдарм государства в Каспийском регионе и далее, на Ближний и Средний Восток. Это территория, «щедро политая кровью и потом многих поколений россиян».

Во многом под воздействием подобной агитации на обывательском уровне регион представляется раздробленным, по меньшей мере, на две части: русскую и иноэтничную или «степную (где смешивается русская, калмыцкая, ногайская, татарская культуры) и собственно Северный Кавказ (локализация горцев, где наблюдается взаимонаслоение русской и северо-кавказской цивилизаций)»³. При этом интересно, что в соответствии со стереотипными представлениями к русской составляющей относят калмыцкая, ногайская и татарская культуры.

Если обратиться к более узким представлениям жителей юго-востока России о себе и своей территории, то здесь характерна областная специфика.

¹ Региональное сотрудничество России и Азербайджана. Справочная информация Четвертого департамента стран СНГ МИД России. 01.09.2003. <<http://mid.ru>>

² Выступление Президента России В.В.Путина на открытии Форума приграничных областей России и Казахстана, Омск, 15 апреля 2003 года // Информационный бюллетень Департамента информации и печати МИД России. 16.04.2003 <<http://mid.ru>>; Московская декларация Российской Федерации и Азербайджанской Республики, Москва, Кремль, 6 февраля 2004 года // Информационный бюллетень Департамента информации и печати МИД России. 9.02.2004 <<http://mid.ru>>

³ Дружинин А.Г. Юг России конца XX—начала XXI в. (экономико-географические аспекты). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. С. 225.

Для Волгоградской области главный внешний имидж – Сталинградская битва, и поэтому здесь развита идея особой исторической миссии (чрезвычайные потери, страдания и т.п.). В последнее время все чаще употребляется тезис об особой роли пограничного положения региона в контексте проблем безопасности, перспектив развития международного сотрудничества на восточном направлении¹. Существует еще и более древний пласт исторической памяти, связанный с историей Царицына – сторожевой крепости, которая возрождалась после набегов кочевников, бунтов и т.п., центра русской «понизовой вольницы», и с историей трудной жизни немецких колонистов Сарепты.

В Ростовской области активно пропагандируется идея, что она – наследница области Войска Донского, хотя и не полностью совпадает с ним в границах. Поэтому на неофициальном уровне выдвигаются требования восстановления границ области (за счет нынешних территорий Украины, Волгоградской области), предоставления приоритетных экономических и политических прав казакам – хозяевам земли, жесткого регулирования миграционных процессов, принятия мер, препятствующих дальнейшему изменению этнического состава населения области. Во многом активизация казачьего движения является ответом на миграционные процессы, протекающие в области.

Порты Астраханской области в устье Волги в советские времена имели статус крупных международных. С образованием новых независимых государств у ее восточных границ значение области в этом смысле возросло, так как теперь грузы из Казахстана, Ирана направляются через ее порт либо по железной дороге, либо по водным коридорам России в Европу и обратно. Наряду с грузами промышленного значения через территорию области в Россию проникает большое количество контрабанды (различные товары, наркотики, оружие и т.п.). Поэтому жители области испытывают растущее беспокойство по поводу вызовов пограничной безопасности, с которыми приходится сталкиваться.

Для Калмыкии большое значение имеет факт депортации и по твердому убеждению калмыков неполной реабилитации народа. Так, Черные земли после 1955 г. остались в хозяйственном пользовании Астраханской области. Особое значение этой территории связано с тем, что по ней проходит нефтепровод Тенгиз–Новороссийск. Поэтому местным населением особо болезненно воспринимаются любые высказывания московских политиков и СМИ о возможности объединения Калмыкии со Ставропольским краем.

В связи с приходом большого количества вынужденных переселенцев из Чечни и Дагестана жители Калмыкии осознают важность

¹ Южный Федеральный. 22–28.02.2006. № 6 [229]; «Героиновые» операции продолжают // Интер. 24.06.2004.

стратегического положения республики. «Она является пограничной территорией России, имеет выход к Каспийскому морю, обладает нефтяными месторождениями. У нее есть перспективы стать транспортно-распределительным центром международного значения»¹. На самом деле власти республики Калмыкия пытаются реализовать эту идею, создав транспортную инфраструктуру порта Лагань, который пока не отвечает современным требованиям, и соединив свою столицу с железнодорожной станцией пос. Аксарайский Астраханской области, а также придав г. Элисте статус единственного буддийского центра в Европе и шахматного центра России.

Республика Дагестан также во многом ощущает себя «окном на Юг», т.е. транспортным коридором, который начал развиваться в этом направлении во многом благодаря Петру I, которому весной 2006 г. был установлен бюст в Махачкале.

Жители юга республики после 1991 г. оказались «разделенными народами», поэтому существовала серьезная проблема незаконного пересечения границы. Пограничникам пришлось идти на крайние меры, чтобы в сознании рядовых граждан закрепилось представление о границе и возможностях трансграничной коммуникации.

По мнению ряда экспертов, в силу политических, социальных и экономических процессов, протекающих по всей России, республика выпадает из общероссийского культурного контекста. И это связано не столько с переориентацией на иные сопредельные культурные системы (азербайджанскую или турецкую), сколько с разрывом между носителями русской культуры и государственности и местным населением. Данный разрыв иллюстрирует табл. 1, при этом отметим, что русские, расселенные в крупных городах в своем большинстве, не владеют местными языками. Уже сейчас многие дагестанские народы воспринимаются в России как «чужие». Пока рано говорить о переориентации республики Дагестан на своих южных соседей, но уже можно утверждать, что такая перспектива имеется.

Таблица 1

*Владение языками жителями Нагорного Дагестана
(в % от численного состава) [Составлено по: www.gks.ru]*

Язык	Аварцы	Даргинцы
Русский	85,1	86,7
Английский	0,9	0,9
Арабский	0,3	0,2
Турецкий	0,03	0,03

¹ Граница обновляется // Интер. 11.05.2006.

Ресурсные возможности региона

Практически все рассматриваемые субъекты Федерации обладают широким спектром природных, трудовых и промышленных ресурсов, отдельные из которых представляют интерес как для российских соседей, так и для приграничных государств.

Запасы нефти Волгоградской области оцениваются в 500 млн т¹. Здесь также имеются месторождения железных руд, глины, которые обеспечивают внутренние потребности и экспортируются за рубеж². Особую ценность для экспорта области составляют фосфориты, сильвиниты, хлормагнезиевая (т.е. бишофит) и поваренная соль, минеральные воды. Эти ресурсы являются необходимым сырьем для химического производства, часть из них широко применяется в медицине. Уникальными свойствами обладает бишофит, который идет на экспорт и не только в Казахстан, но и в страны Европы.

Для решения вопросов совместного водопользования населением Волгоградской и Западно-Казахстанской областей создана смешанная Российско-Казахстанская комиссия, на заседаниях которой обсуждаются проблемы состояния водных ресурсов трансграничных рек, а также наполнения водохранилищ и условий обеспечения населения и отраслей экономики Казахстана водой с территории Волгоградской области³.

В Волгоградской области производятся прокат черных металлов, химические волокна и нити, стальные трубы, специальная нефтеаппаратура, подшипники, цемент, тракторы, железобетонные конструкции и автошины, которые представляют интерес для Казахстана.

Волгоградская область находится в первой двадцатке рейтинга инвестиционной привлекательности регионов⁴. Инвестиции поступают в экономику региона по разным каналам: организация международного форума «Инвестиции в Россию», участие в международных выставках проектов недвижимости, презентация экономического и инвестиционного потенциала Волгоградской области в Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Полезные ископаемые, добываемые на территории Ростовской области — уголь (уникальные антрациты), кварциты, известняки, пески. В 2002 г. Ростовская область занимала первое место в Южном федеральном округе по объему товаров и услуг, выполненных

¹ Милюков А. Область сокровищ // Деловое Поволжье. 13.12.2000. № 47 (384).

² Природные условия и ресурсы Волгоградской области / Под ред. проф. В.А. Брылева. Волгоград: Перемена, 1995. С. 54–55,

³ Вода на экспорт // Интер. 2.10.2003.

⁴ Не в показателях счастье // Волгоградская правда. 1.04.2006. № 56 (25390).

предприятиями промышленности (91,8 млрд долл.)¹. Ведущие отрасли: пищевая, электроэнергетика, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, легкая, строительных материалов, цветной металлургии, топливной, химической и нефтехимической, мукомольно-крупяной промышленности². Структура аграрной отрасли: производство мяса, молока, картофеля, плодоовощной продукции, зерно и подсолнечника.

В Астраханской области ведется добыча газа, гипса, соли, серы, разведка и добыча нефтяных и газовых месторождений. В частности, разработка месторождений нефти может стать как фактором интеграции области и сопредельного государства, так и дезинтегрирующим фактором, так как, с одной стороны, сопредельные области могут сотрудничать при разработке месторождений, но с другой — они фактически конкурируют друг с другом, так как основные объемы нефтедобычи Казахстана приходятся именно на западные районы. Традиционными отраслями промышленности области являются судостроение и судоремонт, рыбное хозяйство. Продукция этих отраслей частично идет на экспорт в Казахстан.

Большая часть территории Калмыкия входит в полупустынную зону; гидрографическая сеть развита слабо. Земли Калмыкии на 80% подвержены процессам опустынивания. Около 90% потребности в воде обеспечиваются из сопредельных территорий рек Волги, Терека, Кумы, Кубани и Дона и подаются по водным трактам Ставропольского края, Сарпинской, Калмыцко-Астраханской, Черноземельской и Право-Егорлыкской оросительных систем. Во многие населенные пункты вода завозится автоводоносами, железнодорожным транспортом из Дагестана, Астраханской области, Ставропольского края и Ростовской области³. Большое значение могут иметь запасы уранового сырья и титаноциркониевых россыпей, но они пока не разрабатываются. Собственные энергоресурсы составляют лишь 5% объема всей потребляемой электроэнергии. Республике приходится экспортировать электроэнергию из соседних регионов.

На положение в народном хозяйстве Дагестана существенно влияют последствия чеченского кризиса, в ходе которого республика продолжительное время находилась в транспортной и энергетической блокаде. Дагестан располагает достаточными водными ресурсами, но они сосредоточены в горных и предгорных районах. Серьезная проблема — сели и наводнения и связанная с ними про-

¹ Хоперская Л. Ростовская область // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2002 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2003. С. 224.

² Там же. С. 225.

³ Дружинин А.Г. Указ. соч. С. 88–89.

блема загрязненности воды, так как большая часть предприятий не имеет очистных сооружений. В горных районах существует серьезная проблема малоземелья. В связи с этим у сельского хозяйства республики имеются серьезные проблемы с обеспечением внутренних потребностей. Для решения проблем скотоводов юга Дагестана властям республики приходится арендовать территории сопредельного Азербайджана. Проблема обострилась в связи с необходимостью выделения 5-км приграничной зоны, которая лишила приграничное население наиболее плодородных земель. Первостепенное промышленное значение имеют месторождения нефти и газа. По последним оценкам, суммарные извлекаемые ресурсы нефти и газоконденсата составляют 161 млн т, газа – 255 млрд куб. м. Частично газ поставляется в сопредельный Азербайджан¹.

В целом, промышленный потенциал региона развит неравномерно. Это наглядно представлено в табл. 2, из которой видно, что

Таблица 2

Отраслевая структура промышленного производства по регионам Российской Федерации в 2000 г., %
[Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 340.]

Регион	Отрасли промышленности										
	электроэнергетика	топливная	черная металлургия	цветная металлургия	химическая и нефтехимическая	машиностроение и металлообработка	лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	строительные материалы	стеклянная и фарфорофаянсовая	легкая	пищевая
Республика Дагестан	10,0	29,4	0,0	0,0	2,4	17,2	1,1	12,3	0,4	0,9	21,7
Республика Калмыкия	21,4	57,4	—	—	0,3	2,0	0,3	7,9	*	0,5	5,8
Астраханская область	6,4	65,4	0,3	0,0	1,9	6,6	0,4	2,6	0,0	0,8	14,3
Волгоградская область	11,6	19,2	13,0	4,4	15,7	16,2	0,8	4,1	0,9	0,8	10,8
Ростовская область	15,2	5,7	10,0	3,8	3,6	23,5	1,7	3,7	0,3	4,0	24,0

¹ Кисриев Э. Дагестан // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2004. С. 232.

топливная промышленность в Астраханской области, Калмыкии и Дагестане занимает первое место в структуре промышленного производства, тогда как сопредельные районы Казахстана и Азербайджана также специализируются на этом же виде производства. Поэтому Дагестан, например, может заинтересовать Азербайджан в своей продукции машиностроительного комплекса, но в силу специализации он является конкурентом своему соседу. В то же время в Волгоградской и Ростовской областях большее значение имеют машиностроение и металлообработка. Наиболее равномерное распределение объемов промышленного производства по сравнению с остальными субъектами юго-востока наблюдается в Волгоградской области.

В целом, как отмечают эксперты, совместимость производственного потенциала приграничных районов юго-востока России и соседних областей Казахстана и Азербайджана высока. Сырьевая ориентация приграничных казахстанских регионов с преобладающей долей топливно-энергетического комплекса хорошо сочетается с развитостью машиностроительного и металлообрабатывающего комплекса (в том числе производящего буровое оборудование и трубы). Потребности казахстанских соседей в продукции легкой и пищевой промышленности также могут удовлетворяться за счет российских сопредельных регионов.

Население Республики Дагестан, Волгоградской и Астраханской областей в период с 1990 до 2001 г. выросло с 1822, 2614 и 995 до 2160, 2658 и 1013 тыс. человек, соответственно. Рост в Дагестане связан с естественной прибылью населения, а в Астраханской и Волгоградской областях — с миграцией. В итоге трудоизбыточным регионом является Дагестан. В Республике Калмыкия численность населения снижается, что обусловлено эмиграцией из региона, а численность населения Ростовской области существенно не изменилась, что связано, с одной стороны, со снижением рождаемости, а с другой — с миграционными процессами в области.

В структуре населения Дагестана и Калмыкии преобладают сельские жители (табл. 3). И только в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях число горожан составляет около 2/3 населения. При этом лишь в Волгоградской области уровень урбанизации превышает среднероссийский.

В регионе наблюдается сильное смешение этносов, при этом он разнороден по своим этнокультурным характеристикам. Поэтому можно выделить районы:

- с существенным численным преобладанием одного из этносов — Ростовская, Волгоградская и Астраханская области (89,3, 88,9 и 70,3% русских соответственно);

Таблица 3

Население регионов юго-востока по переписи населения 2002 г.

Регион	Численность, тыс. человек			% от численности населения	
	всего	в том числе		городского	сельского
		городского	сельского		
Российская Федерация	145 164	106 427	38 737	73,3	26,7
Республика Дагестан	2577	1103	1474	42,8	57,2
Республика Калмыкия	292	129	163	44,3	55,7
Астраханская область	1005	680	325	67,7	32,3
Волгоградская область	2699	2030	669	75,2	24,8
Ростовская область	4404	2978	1426	67,6	32,4

- с численным преобладанием одного из этносов при наличии иных также весомых в национальной структуре составляющих – Республика Калмыкия (53,4% калмыков и 33,6% русских);
- с полиэтничностью при наличии ряда крупных этнических групп – Республика Дагестан (29,4 % аварцев, 16,5 % даргинцев, 14,2 % кумыков, 13 % лезгин, 5,4 % лакцев, 4,6 % русских, 4,3 % табасаранцев, 4,3 % азербайджанцев, 3,4 % чеченцев и др.).

Исходя из этого районирования формируется комплекс самоидентифицирующих представлений и предпочтений юго-востока России.

Трансграничная миграция

Все более острой проблемой приграничья Волгоградской области становится миграция казахстанского и кавказского происхождения. В приграничном Палласовском районе Волгоградской области казахи за первое постсоветское десятилетие вышли на первое место по численности населения.

Значительная часть новых иммигрантов занимает чаще всего маргинальное положение, занимаясь полукриминальной торговлей либо вообще не имея постоянных источников заработка. В результате возникает напряженность во взаимоотношениях с местным населением.

По данным отдела по контролю над пребыванием иностранных граждан УВД Волгоградской области, «в 2003 г. в регионе находились 10 тыс. иностранцев... Оценки реального количества мигрантов расходятся: называют цифры от 30 до 100 тыс. человек, чаще всего это граждане Китая, Узбекистана, Таджикистана»¹. Большинство

¹ Голунов С.В. Волгоградская область // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2004. С. 226.

трудоустроенных мигрантов работают нелегально. По данным, представленным на заседании Совета безопасности Волгоградской области в мае 2003 г., за 1999–2003 гг. «через посты пропуска на границе и посты иммиграционного контроля Волгоградской области проследовало 750 тыс. человек (только через пункты пропуска на остальной части российско-казахстанской границы – 450 тыс. человек)»¹.

В Ростовской области также в 1990-х годах появился поток вынужденных мигрантов из республик Средней Азии (турки-месхетинцы, курды), к которым общественное мнение настроено негативно во многом из-за того, что между ними и местным населением существуют значительные культурные различия, и они активно занимают сельскохозяйственную нишу в региональном распределении труда². Наиболее часто в качестве основной группы, против которой были направлены протестные действия, выступали чеченцы. Специфичность заключается в памяти о событиях двух чеченских войн (гибель родственников, утрата жилья, теракты, совершенные в Москве и на Северном Кавказе). Формирование взаимных негативных этнических стереотипов зафиксировал проведенный ростовскими исследователями весной 2002 г. социологический опрос русских и чеченцев³.

С 1992 по 2002 гг. в область прибыло около 500 тыс. мигрантов (включая транзитных). В 2002 г. миграционный прирост увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2001 г. и составил более 2200 человек. С 1995 г. статус беженца получили 867 человек, статус вынужденного переселенца – 44,5 тыс. человек. Основные страны выхода мигрантов – Украина, Казахстан, Армения, Узбекистан, откуда прибыло 72 % мигрантов. По этническому составу среди мигрантов преобладают русские (71,5%), но в 2002 г. увеличилась доля армян в 4,4 раза и чеченцев в 1,6 раза⁴.

В Астраханской области имеются трудодефицитные отрасли – жилищно-коммунальное хозяйство и сфера сервиса. Поскольку через регион проходят основные железнодорожные пути, связывающие страны Центральной Азии и Кавказа, основная масса сезонных трудовых мигрантов оседает в области.

В то же время в отношении всех трех областей стабильно высоким остается уровень «образовательной миграции», в первую очередь из Казахстана, а также из других стран Центральной Азии. Это значит, что молодые жители центральноазиатских стран едут в Россию с заявленной целью «получить высшее образование», но на местах, в том числе и для самообеспечения, приступают к работе, а не к учебе.

¹ Трудовая миграция в законе // Интер. 5. 06.2003.

² Хоперская Л. Указ. соч. С. 229.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 229.

В 2003 г. в Республику Калмыкию прибыло 2711 человек (в 2002 г. — 3307), а выбыло 4403 (в 2002 г. — 4544). Сохраняется активный миграционный обмен с соседними регионами. Положительное сальдо только по итогам миграции из стран СНГ: мигранты из Украины — 19,8%, из Казахстана — 16,5 %. При этом в Казахстан выехало 44 %, на Украину — 31 % эмигрантов. В 2003 г. власти Калмыкии предприняли попытку ужесточить региональное миграционное законодательство и миграционную политику, чтобы сократить число прибывающих на территорию республики. 11 апреля вступил в силу закон «О пребывании и жительстве на территории Республики Калмыкия и о мерах по регулированию миграционных процессов в республике». Он устанавливал регулируемый характер миграции для обеспечения прав и свобод граждан, законно находящихся на территории республики. Однако в октябре 2003 г. закон был признан утратившим силу из-за противоречий федеральному законодательству. При этом власти республики предполагают упростить процедуру въезда в республику калмыков из Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая. В целом рассматривается возможность переселения 10 тыс. калмыков из Китая на территорию республики¹. Это говорит о том, что власти либо намерены обеспечить приток именно этнических калмыков, либо пытаются привлечь внимание, а с ним и инвестиции со стороны Китая.

В Дагестане эмиграция на 20 % замедляет общий достаточно интенсивный рост населения. При этом в республике находится 8–10 тыс. иностранных граждан, не имеющих официального статуса. В основном это азербайджанцы и грузины². Приграничные с Азербайджаном и Грузией районы проживания разделенных этносов (аварцев, лезгин) в начале 1990-х годов стали центром притяжения для родственников из сопредельных стран, в основном из-за национальной политики этих государств (табл. 4).

Таблица 4

*Миграционный прирост в регионах юго-востока (на 10 000 человек населения)
[Составлено по: <www.gks.ru>]*

Регион	1999	2000	2001	2002	2003
Республика Дагестан	1	–21	–18	–22	–19
Республика Калмыкия	–57	–10	–287	–215	–57
Астраханская область	5	14	1	14	–1
Волгоградская область	14	4	–9	–9	–11
Ростовская область	12	20	3	6	0,1

¹ Глава Калмыкии намерен облегчить въезд в республику китайских калмыков // ИА Регнум.ру. 07.04.2006 <www.regnum.ru/news/620130.html>

² Кисриев Э. Указ. соч. С. 234.

В то же время республика в некоторых сферах, в частности в строительстве, испытывает недостаток в трудовых ресурсах. Для решения этой проблемы строительная компания организовала набор рабочих из Таджикистана¹.

Международное сотрудничество

Необходимо отметить, что для юго-востока России международное сотрудничество в 1990-е годы стало совершенно новым направлением. До распада Советского Союза все эти проблемы решались, как правило, централизованно. В первой половине 1990-х годов по многим вопросам этого направления органы исполнительной власти субъектов самостоятельно принимали решения в сфере международных отношений, зачастую учитывающие только интересы субъекта, а не государства в целом. Снижение доли России во внешнеторговом обороте стран СНГ в этот период заметно повлияло на развитие сотрудничества в приграничных регионах страны.

Тем не менее, в трансграничных связях были задействованы как приграничные субъекты Российской Федерации, так и приграничные территории с другой стороны².

На ситуацию в регионе, несомненно, влияла и позиция государств-соседей, их отношение к планам военного сотрудничества, прежде всего через программу НАТО «Партнерство ради мира», их участие в фактически антироссийских организациях (ГУАМ).

Решение вопросов приграничного сотрудничества в юго-восточном регионе усугублялось и тем, что с установлением новых границ Российской Федерации возникла необходимость обустройства пограничных и таможенных служб. А это создавало и новые социальные проблемы, связанные с необходимостью обеспечения жильем военнослужащих и их семей. Сама процедура обустройства границы тесно связана с государственной политикой и не может решаться только на региональном уровне.

После распада СССР возросло значение транспортно-географического положения региона. В 1990-х годы приграничные районы стали главным звеном челночной торговли. Объем приграничной ренты, связанной с этой сферой деятельности, устойчиво возрастал. В 1996 г. импорт Республики Дагестан по приблизительным данным

¹ Таджикиские трудовые мигранты будут выполнять заказы Минобороны России. // ИА Регнум.ру <www.regnum.ru/news/637779.html>

² Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004. С. 90.

составил 349 млрд долл., превысив уровень 1995 г. в 3,4 раза, 75% ввоза обеспечивалось за счет «челноков»¹.

Экспорт Астраханской области и Дагестана вырос, импорт снизился. А в Калмыкии наблюдалась обратная ситуация – рост импорта и снижение экспорта (табл. 5).

Если обратиться к структуре экспорта и импорта на 2003 г., представленной в табл. 6, то становится очевидным, что в структуре экспорта юго-востока преобладает продукция ТЭК. Нереализованными остались экспортные возможности в продовольственной сфере, в химическом и нефтехимическом комплексе. Очевидно, что в специализации преобладают сырьевые отрасли или предприятия «первичного передела», со всеми недостатками. 1,4 % общероссийского экспорта высоких технологий приходится на долю Волгоградской области.

Из-за большого количества факторов риска и отсутствия ясного представления о перспективах развития внешнеэкономических связей в Волгоградской области наблюдается сильная диспропорция в географическом распределении торговых отношений. По мнению экспертов, «соответствующие показатели во многом складываются за счет единичных крупных контрактов между российскими и зарубежными партнерами»². Так, например, в начале 1990-х годов приоритетным внешнеэкономическим партнером области была Германия, что объяснялось, кроме экономических интересов, еще и участием немецких фондов в культурном обеспечении немцев Волгоградской области. К концу десятилетия ее доля в абсолютном выражении резко снизилась, а в 2001 г. она вновь заняла в этом ряду первое место.

В качестве приоритетных партнеров области в последующие годы выступали Германия, Италия, Беларусь, Украина, США, Франция, Греция, Турция. Область и город посетили представители посольств делегации Китая, Новой Зеландии, Румынии, США, делегации из Болгарии, Грузии, военные атташе из 13 стран (США, Великобритании, Бельгия, Канада, Швеция и др.), президент Венесуэлы, делегации из КНР, генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон, проводилась выставка белорусских товаров³.

Основные инвесторы Волгоградской области – Германия, Кипр, Италия, США. Поступают заказы и от турецких фирм на строительство судов типа «река–море». Кроме того, приоритетным стано-

¹ Там же. С. 96.

² Социология региона: Учеб.-метод. пособие / С.В. Голунов, О.И. Сгибнева, О.В. Сергеева. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005. С. 84.

³ Голунов С.В. Волгоградская область //Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2001 / Под ред. Е. Филипповой, В. Тишкова. М., 2002. С. 165–166.

⁴ Сохин Д. Выдь на Волгу. Чего раздается? // Волгоградская правда. 08. 04.2006. № 61 (25395).

Таблица 5

Внешняя торговля регионов юго-востока России (млн долл.¹)
 [Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 340.]

Регион	1998				2000			
	Со странами вне СНГ		Со странами СНГ		Со странами вне СНГ		Со странами СНГ	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Республика Дагестан	31,2	22,0	14,5	51,4	111,1	3,7	21,8	19,8
Республика Калмыкия	103,4	165,1	23,4	18,4	179,4	25,3	16,8	22,1
Астраханская область	91,1	107,0	18,1	48,1	182,4	36,6	67,3	16,4
Волгоградская область	349,6	141,6	80,4	98,0	774,8	168,6	95,0	84,1
Ростовская область	435,1	423,4	133,6	248,6	503,4	239,1	205,8	280,5

Таблица 6

Структура экспорта и импорта регионов юго-востока России (млн долл.)
 [Составлено по: <www.gks.ru>]

Регион	Продовольственные товары и сырье		Продукция ТЭК		Продукция нефтехимического комплекса		Черные и цветные металлы		Машиностроительная продукция	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Республика Дагестан	8,9	56,9	74,8	0	0,8	4,9	0,3	0,8	1,4	2,9
Республика Калмыкия	6,9	46,9	65,6	—	7,1	24,4	0,6	3,7	3,3	16,4
Астраханская область	3,3	31,0	47,9	0,0	1,1	4,0	0,9	14,0	33,5	28,9
Волгоградская область	2,3	10,7	62,2	1,6	9,5	20,6	22,3	24,3	1,5	27,0
Ростовская область	38,5	11,1	5,7	2,1	3,9	10,3	27,0	35,4	22,3	29,0

¹ Там же. С. 605.

вится сотрудничество с Ираном, Китаем, государствами Ближнего Востока: «...выгодное с геополитической точки зрения положение региона по отношению к северной части Прикаспия — зоне интенсивной добычи нефти — в 2000 г. удалось использовать Волжскому трубному заводу для получения заказов от КТК на поставку труб большого диаметра на сумму около 118 млн долл.»¹. Покупателями волгоградских тракторов стали Китай, Иран, Ирак, арабские страны. Таким образом, в Волгоградской области наблюдается ориентация внешнеэкономической деятельности на страны дальнего зарубежья.

В структуре товарооборота со странами СНГ преобладают потребительские товары. После финансового кризиса 1998 г., приведшего к резкому снижению покупательной способности российского рубля, товарооборот с ближайшими соседями временно сократился в 1,5–2 раза. Однако в последние годы товарооборот с данными странами имеет тенденцию к нарастанию. Приоритетными для Волгоградской области партнерами из стран СНГ являются Украина, Беларусь, Казахстан и Узбекистан. «Данные приоритеты объясняются как структурой традиционно сложившихся связей и геополитическим положением стран-партнеров, так и характером интеграционных процессов в рамках СНГ с особой ролью Союза России и Беларуси и Таможенного союза, куда входят Беларусь и Казахстан»². Такие предприятия, как Волгоградский завод буровой техники, Волжский трубный завод, поставляют буровое оборудование и трубы в Западный Казахстан для транспортировки нефти³.

Во внешнеторговом обороте приграничных регионов России с Казахстаном Волгоградская область занимает 8-е место. В сопредельную страну она экспортирует изделия из черных металлов (32,4%), машины, оборудование и механизмы (15,7%), продукцию химической промышленности (7,6%)⁴. Однако власти Волгоградской области развитию отношений в казахстанском направлении придают меньшее значение, чем, например, белорусскому или европейскому.

Соглашение между администрацией Ростовской области Российской Федерации и правительством Азербайджанской Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве было поддержано МИДом в мае 2002 г., как и за год до этого было поддержано аналогичное предложение о сотрудничестве с Беларусью. На долю Ростовской области приходится 9/10 пас-

¹ Социология региона... С. 86.

² Там же. С. 85.

³ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества / Под ред. Л.Б. Вардомского. Волгоград: Изд.-во ВолГУ, 2005. С. 332–333.

⁴ Там же. С. 339.

сажироперевозок и 4/5 грузоперевозок Кавказского региона, которые осуществляются через Баку¹. Крупнейшими странами – потребителями производимой в области продукции являются Украина, Италия, Турция, Греция, ОАЭ и Египет, обеспечивающие более 52% всего экспорта области. Основными импортерами являются Украина и Германия, поставляющие более 56% всех импортируемых товаров. Ведется работа по расширению торгово-экономического сотрудничества с Республикой Казахстан. За 2002 г. доля экспорта в Казахстан составила 3,14% общего объема экспорта Ростовской области и 19% объема экспорта в страны СНГ. В 2002 г. предприятиями области экспортируются зерноуборочные машины, металлопрокат, лакокрасочная продукция, растительное масло.

Через территорию Астраханской области проходит часть трубопроводной системы КТК. Здесь же открыто консульство Казахстана. Властями области рассматривается перспектива использования территории области как базы перевалки казахстанской нефти до трубопровода Баку–Джейхан. Власти Азербайджана проявили интерес к открытию прямого паромного сообщения Астрахань–Баку². На месторождения нефти и газа в Западном Казахстане поставляется буровое оборудование, производимое в Астраханской области. Астраханские судостроители получили крупный заказ от Международного консорциума по морским работам в Казахстане. Ожидаются заказы на строительство новых платформ, танкерного и вспомогательного флота. Область стремится получить заказы из Казахстана на создание казахского флота на местных судостроительных заводах. При этом отсутствуют аналогичные соглашения с Азербайджаном. Область занимает 3-е место во внешнеторговом обороте регионов России с Казахстаном и экспортирует в сопредельную страну машины, оборудование и механизмы, изделия из черных металлов, мясо- и рыбопродукты, а импортирует рыбу, хлебные злаки, табачные изделия³. Кроме того, власти Астраханской области развивают отношения с Ираном, с которым осуществляются основные экспортно-импортные операции региона⁴. Через область осуществляется транспортировка товаров стран Прикаспийского региона в Россию, страны СНГ и Европы.

Власти Калмыкии стремятся переориентировать грузопотоки на территорию республики, все же до настоящего времени отношения со странами Прикаспийского региона не активны. В то же время на-

¹ Хоперская Л. Указ. соч. С. 224.

² Мельникова С. В первом полугодии в область удалось дополнительно привлечь один миллиард рублей // Астраханский регион. 01.07.2005.

³ Голунов С.В. Российско-казахстанская граница... С. 339.

⁴ Аукнется в Иране – отзовется в Астрахани // Южный Федеральный. 25–31.01.2006. № 2 [225].

лажено сотрудничество с Китаем. Так, в Пекине 21 марта 2006 г. было подписано соглашение о намерениях по созданию в Республике Калмыкия совместного с Китаем инвестиционного предприятия по выпуску пассажирских автобусов. По условиям Соглашения, совместное калмыцко-китайское предприятие будет производить 19- и 59-местные пассажирские автобусы, а также малогабаритные грузовые автомобили. Объем инвестиций китайской стороны – 20 млн долл.¹

Правительство Республики Дагестан прилагало усилия по установлению экономических связей с регионами в масштабе Российской Федерации, а также с новыми независимыми республиками – Азербайджаном, Беларусью и др. С июня 2001 г. действует соглашение с Правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве². В Азербайджане действует представительство Дагестана.

Развитию отношений между республиками Дагестан и Азербайджан долгое время мешали проблемы разделенных народов и определения статуса Каспийского моря, а значит, и режима использования его ресурсов. Еще 31 мая 1993 г. между Дагестаном и Азербайджаном подписано соглашение об основных принципах взаимоотношений в области транспорта, затем последовали соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (1996 г.). Дальнейшим шагом, способствующим развитию приграничного сотрудничества, стало постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 1993 г. о переговорном процессе с Азербайджанской Республикой по лезгинской проблеме. Укреплению определившихся позиций содействовало и подписанное 18 января 1996 г. соглашение между правительствами республик Дагестан и Азербайджан об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества на период до 2000 г.

Большие надежды при развитии приграничного сотрудничества возлагались на готовившийся в тот период Закон Российской Федерации «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности», которым предусматривалось расширение рамок торгово-экономической деятельности между Дагестаном и соответствующими административно-территориальными образованиями Республики Азербайджан. В тот же период велась и работа по созданию свободной экономической зоны на юге Дагестана.

В плане намеченных мер по приграничному сотрудничеству был подготовлен проект федерального закона о создании Особой эко-

¹ Калмыкия и Китай создадут СП по производству автобусов // ИА Регнум.ру. 23.03.2006 <www.regnum.ru/news/611616.html>; Китай хочет вкладывать деньги в Калмыкию // Южный Федеральный. 29.03 – 04.04. 2006. № 11.

² Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ соч. С. 71.

номической зоны «Юг России». Государственный таможенный комитет России отреагировал на проект, дав разъяснения, что режим свободной таможенной зоны не должен распространяться на территорию одного или нескольких приграничных районов Республики Дагестан, речь в данном случае может идти только лишь об одной или нескольких локальных свободных таможенных зонах¹.

Трансграничные коммуникации

Основу транспортно-грозитной системы региона составляют морские и речные (приустьевые) порты, магистральные трубопроводы, железнодорожные и автомагистрали общедомерального значения. В качестве базовых элементов транспортной системы активно функционируют морские порты Махачкала, Астрахань, Оля и речные — Волгодонск, Волгоград, Калач-на-Дону, Ростов-на-Дону. Большое значение имеет открытие отрезка железной дороги между Махачкалой и Астраханью, минуя Чеченскую республику. Предполагается создание паромной переправы от калмыцкого города Лагань до иранского порта Амир Атада.

Юго-восток России пересекает несколько международных транспортных коридоров, сочетающих в себе авто- и железнодорожный транспорт:

- «Север—Юг» (Хельсинки—Санкт-Петербург—Москва—Астрахань—Каспийское море—Иран);
- ответвление Транссиба (Новороссийск—Сальск—Волгоград—Самара—Транссиб);
- Дунайский водно-транспортный коридор (Дунай—Дон—Волга);
- МТК № 3 (Берлин—Дрезден—Киев), продлеваемый через Ростовскую область на Владикавказ и Тбилиси, а также через Белую Калитву на Волгоград и далее на Среднюю Азию;
- МТК № 4 (Вена—Будапешт—Бухарест—Кишинев)—Одесса—Ростов—Астрахань и далее;
- МТК № 9-б (Клайпеда (Калининград)—Киев) Харьков—Ростов и далее на Махачкалу, Баку, Тегеран².

Симптоматично, что на юго-востоке доля транспорта в структуре валового регионального продукта выше, чем в России в целом. Существенна доля транспортной составляющей для Астраханской и

¹ Там же. С. 105.

² Потеряхин А.В., Александрин В.С. Международные транспортные коридоры: перспективы развития на юге России // Транспорт Юга. 2004. № 6.

Ростовской областей и Дагестана. Они продолжают наращивать свою транспортно-транзитную функцию (табл. 7).

Таблица 7

Доля транспортных услуг в сфере обслуживания, млн долл.

Регион	1998				2002			
	Отрасли, производящие услуги	Из них			Отрасли, производящие услуги	Из них		
		транспорт	связь	торговля и общ. питание		транспорт	связь	торговля и общ. питание
Республика Дагестан	58,6	8,9	1,2	15,6	48,7	7,3	0,7	16,2
Республика Калмыкия	60,8	2,9	2,6	6,7	23,8	1,2	0,8	3,3
Астраханская область	44,4	10,0	1,5	9,1	45,2	9,1	1,6	9,6
Волгоградская область	43,6	10,4	1,5	8,9	39,5	6,3	1,5	10,1
Ростовская область	51,2	6,3	2,0	20,5	50,4	7,4	1,8	20,2
Россия в целом	48,9	9,3	2,0	14,0	49,6	7,4	1,9	20,4

В 1998 г. доля транспортных услуг в сфере обслуживания была самой высокой в Астраханской и Волгоградской области. Примечательно, что уже в 2002 г. в этих областях выросла доля торговли и общественного питания. Наименьшее падение доли транспорта наблюдается в Астраханской области.

Волгоградскую область с территорией сопредельного государства связывает пять второстепенных автодорог и одна железнодорожная магистраль, идущая вдоль приграничной зоны и несколько раз пересекающая границу. Та же железнодорожная ветка продолжается в Астраханской области, и она же соединяет прикаспийские регионы с центром России. Благодаря транспортной развязке в Волгограде появляется возможность соединить казахстанские города с Украиной и Польшей.

Власти Волгоградской области пытаются решить проблему приграничной и трансграничной инфраструктур. С этой целью в начале мая 2006 г. на участке российско-казахстанской границы в Палласовском районе был открыт обновленный пост пограничного контроля Вишневка—Автодорожный. Это один из самых крупных пунктов в области по объемам грузопотоков и пропуску граждан на сопредельную территорию. Как прозвучало на церемонии открытия, еще три автомобильных пропускных пункта планируется возвести в регионе в течение двух лет. Намечается строительство жилых домов для семей военнослужащих¹.

¹ Граница обновляется // Интер. 11.05.2006.

Важность территории Волгоградской области может усилить строительство моста через р. Волга. Действующий мост у плотины Волжской ГЭС нуждается в ремонте, его пропускная способность ограничена. После окончания сооружения нового моста Волгоградская область может стать этапом кратчайшего транзитного пути из Центральной Азии на Украину и далее в другие европейские страны.

Большое значение имеют водные пути, в частности Волга и Волго-Донской канал, соединяющий Каспийское и Черное моря. Этот маршрут водного сообщения связывает Северную Европу с государствами Прикаспия, Причерноморья и Средиземноморья. Он уже используется для транспортировки грузов и переправки судов в Казахстан и Азербайджан.

Ростовская область обладает развитой транспортной инфраструктурой, представленной железнодорожными и автомобильными магистралями федерального значения, морскими и речными портами (связывая страны Черноморского и Прикаспийского бассейнов), международным аэропортом в г. Ростов-на-Дону. Ростовскую область пересекают автомагистраль «Дон», железная дорога Москва—Ростов—Кавказ, судоходный путь по реке из центра России в Чёрное и Средиземное моря, а также воздушный коридор Санкт-Петербург—Москва—Кавказский регион.

В систему водной инфраструктуры входят пять портов: Волгодонский и Усть-Донецкий, а также международные Ростовский, Азовский морской и Таганрогский морской, связывающих регион с пятью морями. Таганрогский и Азовский порты работают в режиме круглогодичной навигации. Морские и речные порты Ростовской области позволяют обслуживать суда типа «река—море» грузоподъемностью до 5 тыс. т, район плавания которых простирается до Гибралтара. Ростовским аэропортом осуществляются рейсы как по внутренним маршрутам, так и по международным авиалиниям: 85 — в пределах России и СНГ, 41 международный, в том числе в такие страны, как Финляндия, Германия, Турция, Объединённые Арабские Эмираты, Чехия, Словакия, Югославия, Болгария и др.

Для Астраханской области международный порт Оля является самым важным перевалочным пунктом. Открытием 1 августа 2004 г. последнего российского железнодорожного участка Яндыки—Оля завершилось строительство международного транспортного коридора «Север—Юг». Благодаря этому международные грузы, получаемые в порту Оля, перегружают на железнодорожную ветку и транспортируют в любом направлении. В итоге действует полноценная паромная переправа Россия — Иран и обеспечивается круглосуточная перевозка транзитных экспортно-импортных грузов между странами Европы и Цент-

ральной Азии¹. Поэтому все международные процессы, связанные с санкциями против Ирана, могут ощутимо повлиять на снижение объемов транспортировки через порт Оля. В первый месяц 2006 г. на железнодорожную станцию порт Оля для отправки на экспорт по Каспийскому морю в Иран прибыло 432 вагона с грузами (26 042 т). Сюда прибывают: прокат черных металлов, сталь, трубы со станций Магнитогорск, Свердловск, Каменск-Уральск, Таганрог, из Беларуси².

Надо отметить, что между Астраханской и Волгоградской областями уже намечается определенное соперничество за осуществление транзитных перевозок. Так, администрация г. Волжского совместно с администрацией Волгоградской области намерена в ближайшее время построить международный интермодальный терминал в г. Волжском. Через территорию Астраханской области проходит трубопровод Тенгиз—Новороссийск. Границу области с республикой Казахстан пересекают две железные дороги и 20 автодорог, но при этом нет ни одной дороги с твердым покрытием, т.е. они имеют только районное значение.

Особое значение для Республики Калмыкия имеют так называемые Черные земли, спор о принадлежности которых ведется с Астраханской областью. Жесткость позиции сторон связана с тем, что кроме углеводородных ресурсов, имеющих здесь, по этому участку проходит нефтепровод Тенгиз—Новороссийск. Таким образом, если республиканскому руководству удастся отстоять свои права на эту территорию, часть системы КТК, которая связывает месторождения Казахстана с Черным морем, будет проходить через территорию республики. Плотность транспортной сетки республики невелика. Поэтому стремление построить морской порт вблизи г. Лагань, который должен составить конкуренцию уже действующему порту Оля, пока не подкреплено необходимой инфраструктурой³. Для решения этой проблемы власти республики распорядились начать строительство железнодорожного полотна от Элисты до пос. Аксарайский Астраханской области⁴. Элистинский аэропорт имеет статус международного, однако сейчас он обслуживает лишь один рейс «Элиста—Москва» и нуждается в государственной поддержке⁵. У властей Калмыкии имеется определенное стрем-

¹ Гунькина Г. Наша область в коридоре. По мнению железнодорожников по нему регион пойдет к светлому будущему // Интер. 9.10.2004.

² Через порт Оля // Южный Федеральный. 22–28.02.2006. № 6 [229].

³ Калмыкия приостановила строительство морского порта в Лагани // ИА Регнум.ру. 18.04.2006 <www.regnum.ru/news/625754.html>

⁴ Калмыкия согласует с РЖД проект строительства железной дороги от Элисты до пос. Аксарайский <www.regnum.ru/news/619401.html>

⁵ Калмыкия выделит из бюджета средства на поддержку аэропорта Элисты <www.regnum.ru/news/621917.html>

ление к переориентации транспортных путей на территорию своей республики. Но пока республика проигрывает своим соседям-соперникам по инфраструктурным возможностям.

Республика Дагестан из-за чеченской кампании долгое время находилась в транспортной и энергетической блокаде, была закрыта ее граница с Азербайджаном. Поэтому начался поиск новых форм хозяйствования и транспортировки. В 2001 г. в эксплуатацию было введено более 200 км автомобильных дорог, велась реконструкция Махачкалинского международного морского порта, который является вторым важным перевалочным пунктом на Каспии для Азербайджана, Казахстана. Через территорию Дагестана проходят нефтепровод Баку–Новороссийск и газопровод, через который Азербайджан получает российский газ. Южная граница Дагестана характеризуется коммуникационной барьерностью. Ее пересекают одна железная дорога и четыре автомобильных. При этом существует большое количество неконтролируемых троп, которыми пользуются местные жители и очень часто в качестве канала мелкой контрабанды. Через эти же тропы шел поток оружия и боевиков в «горячие точки».

Реализация транспортно-транзитной миссии Юга и обретение транспортной стабильности системы связано с повышением пропускной способности и скоростных характеристик авто- и железнодорожной сети, ликвидацией «узких мест» на подходах к крупным городам и транспортным узлам, с разработкой и внедрением современных технологий, определяющих выполнение процедур при пересечении людьми, грузами и транспортными средствами государственной границы России, с развитием современной системы пунктов пропуска, с наращиванием мощностей портовых терминалов юго-востока с перспективой увеличения их суммарного грузооборота до 155 млн т в год¹. Однако многого из указанного пока не хватает субъектам Федерации.

Периферийность юго-востока, его территориальная асимметрия и общее отставание от России в целом по уровню социально-экономического развития проецируются на транспортную систему, обуславливают доминанту в ней транзитной (обслуживающей трансграничные товарные потоки) составляющей².

¹ Приоритеты развития транспортной системы Юга сформулированы в «Транспортной стратегии Российской Федерации в период до 2020 года». В соответствии с данным документом предполагается, в частности, развивать перегрузочные комплексы для увеличения объемов перевалки нефти, зерна, продолжать строительство нового порта на мысе Железный Рог, модернизировать Астраханский водно-транспортный узел, порт Махачкала, наращивать систему паромного сообщения на Каспии, завершить реконструкцию Кочетовского шлюза на р. Дон и строительство его второй нитки и др.

² Дружинин А.Г. Указ. соч. С. 212.

Очевидно, что все пять регионов в той или иной степени являются конкурентами друг для друга, но именно в транспортной сфере заметно их сотрудничество с сопредельными государствами.

Иные сферы трансграничного взаимодействия

Большое значение имеет приграничное сотрудничество в военной сфере. Ряд важных объектов военной инфраструктуры выступают либо как полигоны для совместных учений (полигон Ашулук в Астраханской области), либо как части территории сопредельных государств (полигон Капустин Яр).

С 2001 г. активизируется трансграничное сотрудничество Волгоградской области с Казахстаном как на региональном, так и на районном уровне. 23 апреля 2001 г. Волгоград посетил аким соседней Западноказахстанской области Крымбек Кушербаев. По итогам визита был подписан меморандум о сотрудничестве между высшими органами исполнительной власти регионов. В качестве возможных сфер сотрудничества были упомянуты сельское хозяйство, нефтедобыча, металлургия, машиностроение, пищевая промышленность, туризм, культурные связи.

Во второй половине мая 2001 г. в приграничном райцентре Паласовка состоялась встреча руководителей района с акимами Джаныбекского и Бокейордынского районов Западноказахстанской области при участии представителей таможенной и пограничной служб. По итогам обсуждения было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве и об упорядочивании вопросов паспортного режима, прогона скота через кордон, борьбы с саранчой и т.п.¹ Однако трансграничная деятельность участников торговых отношений мелкого и среднего масштаба затруднена барьерами административного характера, из-за чего многие из них предпочитают работать в «теневом секторе».

В силу ключевого положения на пути транспортировки наркотиков и прозрачности российско-казахстанская граница активно используется наркодилерами. По всем оценкам «основная часть наркотиков пересекает границу автомобильным или железнодорожным транспортом, проходящим пограничный контроль, а не в объезд пунктов досмотра. Следующий вид контрабандного груза – оружие, боеприпасы и радиоактивные материалы, которые идут в двух направлениях. Всего с 1997

¹ Голунов С.В. Волгоградская область // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2001 / Под ред. Е. Филипповой, В. Тишкова. М., 2002. С. 166.

по 2004 г. сотрудники Юго-Восточного регионального управления ФПС Российской Федерации пресекли незаконное перемещение через границу 169 единиц оружия и 3 т взрывчатых веществ»¹.

Важные статьи контрабанды, направляемой в Казахстан — лом цветных металлов, стройматериалы, сельхозпродукты, продукты питания, спирт, горючесмазочные материалы, автозапчасти, что объясняется разницей цен на сопредельных территориях. Известны случаи задержания крупных партий мяса и рыбы, ввозимых как из Казахстана в Россию, так и наоборот. Браконьерский вылов осетровых рыб и доставка контрабандного товара по морю осуществляются и в акватории Дагестана и Азербайджана. Между Россией и Азербайджаном поддерживаются регулярные контакты по линии погранведомств для решения проблем контрабанды.

В числе прочего через астраханский участок границы контрабандисты пытаются нелегально провезти в Российскую Федерацию крупные партии рыбы, в том числе и осетровых, что объясняется слабым контролем за рыболовством на сопредельной территории и активностью как казахстанских, так и российских браконьеров. По статистике за 10 месяцев 2002 г. российским пограничниками на Каспии за нарушение правил промысла оштрафовано более 1000 судов и частных лиц, а изъятые сети по длине соответствовали расстоянию от Баку до противоположного берега Каспия и обратно².

Через российско-казахстанскую границу переправляют угнанный автотранспорт. От проблем угона автотранспорта, как и сельхозтехники, кражи скота, бандитизма страдают жители сопредельных территорий и хозяйств.

Часть наркопутьей включает и Азербайджан. Поездом «Баку—Ростов» (через Дагестан) наркотики попадают в Россию. Наибольшее значение по сравнению с казахстанским участком имеет контрабанда оружия, боеприпасов и радиоактивных материалов через дагестано-азербайджанскую границу. Груз доставляется обходными горными тропами, авто- и железнодорожными магистралями в прибрежной зоне³. По мере укрепления границы и ужесточения пограничного режима, а также укрепления политических связей с сопредельным государством попытки подобной контрабанды становятся реже. Согласно статистике Южного таможенного управления, в 2003 г. на дагестано-азербайджанском участке было зафиксировано три случая провоза контрабанды такого рода, а в 2004 г. такие случаи не отмечались.

¹ Трансграничная преступность в зоне южных постсоветских рубежей России: социальные и политические аспекты / Под общ. ред. С.В. Голунова. Волгоград, 2006. С. 32.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 31.

Через Дагестан на автомашинах транспортировался нелегальный спирт, но наибольший объем контрабанды принадлежит переправке угнанных автомобилей.

Ужесточение пограничного и таможенного контроля в зоне границы делает попытки многократного нелегального провоза крупных партий товаров и сырья проблематичными.

Отсутствие единой системы контроля усложняет решение экологических проблем безопасности. Именно Казахстан является главным очагом распространения насекомых, которые представляют опасность для сопредельных регионов. Так, в 2002 г. наиболее крупное нашествие саранчи с территории соседнего государства нанесло большой ущерб сельскому хозяйству в Волгоградской области, Ставропольском крае.

По сходным причинам возросла опасность вспышек эпидемий, источники которых находятся в степной зоне приграничья. В Атырауской и Западноказахстанской областях существуют естественные очаги опасных инфекционных заболеваний – чумы, туляремии и бруцеллеза.

В зоне Прикаспия проблему вызывают интенсивные разработки месторождений, в результате чего возможна просадка грунта, землетрясения, загрязнение морской поверхности и ущерб биоресурсам северной части Каспия.

Ряд вопросов находит решение на уровне сотрудничества сопредельных государств. В Соглашении о приграничном сотрудничестве регионов Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999–2007 гг. декларируется намерение сторон «содействовать совместному использованию природных ресурсов, охране окружающей среды, оказанию помощи в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Летом 1999 г. губернатор Астраханской области, акимы Атырауской и Мангистауской областей и президент компании «Казахойл» подписали совместное коммюнике, где подтвердили свое желание содействовать сохранению биоразнообразия Каспийского моря и не допустить деятельности, которая могла бы нанести ущерб его природной среде. В дальнейшем Астраханская и Атырауская области продолжили осуществлять общие программы по сохранению поголовья осетровых на Каспии. На более высоком уровне прорабатывалась совместная инициатива создания в северной части моря заповедной зоны.

Растет внимание экологов и общественности к деятельности экологически опасных приграничных объектов Атырауской (месторождения Тенгиза и Восточного Кашагана), Западноказахстанской (Карачаганак) областей, значительного улучшения ситуации пока не происходит.

В контексте экологических проблем в зоне дагестано-грузинского приграничья особо выделяется спор между Россией и Азербайджаном о распределении стока приграничной реки Самур¹. В Дагестане считают, что Азербайджан до сих пор забирает до 80% водостока.

* * *

Проблема идентичности и исторического наследия создает определенные предпосылки для взаимной интеграции областей региона с последующим созданием единого политического и экономического пространства. Но отметим, что их больше всего объединяют проблемы безопасности. В то же время, имеются и предпосылки для дальнейшей фрагментации региона.

Дело в том, что каждый субъект Российской Федерации вынужден конкурировать со своими соседями из-за перераспределения ресурсов, природных, федеральных, из-за участия в транспортных проектах, причем конкурировать приходится регионам с разными ресурсными и экономическим потенциалами, поэтому основным инструментом становятся личные связи и предпочтения, подкуп и пр. И большинство из региональных игроков стараются использовать именно транспортную инфраструктуру. Волгоград и Ростов контролируют все коммуникации России с Кавказом и прикаспийским регионом, включая как его «горячие точки», так и нефтяные богатства.

В итоге юго-восточный российский макрорегион все более обретает черты многополюсности с разной степенью включения в общероссийские и глобальные процессы. Приграничное положение, этническая и конфессиональная специфика создают предпосылки для усиления разницы между субъектами региона. И здесь большое значение имеют внешние факторы, а именно развитие отношений со странами мира.

У рассмотренных субъектов Российской Федерации имеются определенные перспективы наладить тесное экономическое, культурное сотрудничество с сопредельными областями. Возможно сложение альянсов (Волгоградская область + Астраханская область + Ростовская область) + Казахстан и (Дагестан + Астраханская область) + Азербайджан. Но препятствия носят субъективный характер, в то же время возможна определенная промышленная интеграция.

¹Борисов М. Дагестан: новые времена, новые проблемы // Азия и Африка сегодня. 1997. № 5.

ЧАСТЬ 4. ВОСТОК

Глава 9

Западная Сибирь

Исторические конфигурации

Историю взаимоотношений регионов Сибири и народов и государств Центральной Азии и Китая можно условно разделить на четыре сюжета: военно-политический, экономический, межэтнический, культурно-научных связей. Первый из них начинается с до-русской истории Сибири. В это время Сибирь находилась под влиянием цивилизаций Востока, китайской и центральноазиатской. С приходом русских образовалась широкая полоса фронта, в пределах которой народы южной Сибири вынуждены были платить дань и прежним и новым властителям. Продвижение границы на юг в XVIII—начале XX вв. создавало сложные проблемы во взаимоотношениях администрации Сибири, осуществлявшей экспансионистскую политику российских властей, и соседями.

Алтайский горнопромышленный и аграрный район контролировался в конце XVII—первой половине XVIII вв. соседом России — Джунгарией. В XVIII в. Циньский Китай, разгромив Джунгарию, установил окончательный контроль над новой провинцией, получившей впоследствии название Синьцзян (в переводе с китайского — «новая граница»). Геополитическое значение этого события было огромным, поскольку оно открыло Китаю путь в Центральную Азию, в то же время Китай унаследовал пограничные споры с Россией. Однако, сохранив претензии на прежние джунгарские владения, китайские власти не проявляли большой активности на Алтае, который был для них далекой, бедной и беспокойной окраиной. Для России же Алтай являлся главным источником пополнения серебряной казны.

Границы с Китаем уточнялись вплоть до образования СССР. В советское время граница так и не была определена. Большую часть пограничных споров с Китаем на западном участке унаследо-

вала теперь уже суверенная Республика Казахстан. Сейчас проблема разграничения с Китаем, унаследованная странами СНГ от Российской империи и СССР, успешно разрешается, что можно считать одним из главных достижений дипломатии России и стран Центральной Азии в последнее время. Вместе с тем далеко не все вопросы закрыты. Соотношение сил договаривающихся сторон теперь изменилось. Набирающий мощь Китай является сильнейшей стороной и вряд ли сейчас склонен поступаться своими интересами и территорией, как это случалось ранее.

Экономические связи Сибири и Центральной Азии также имеют давнюю историю. В канун прихода русских в Сибирь она была периферией цивилизаций Востока и включена в систему традиционного обмена севера и юга. Роль края сводилась к поставке мехов в обмен на изделия ремесленных центров Средней Азии и Китая. Прежний характер торговли сохранился и с приходом в Сибирь русских.

С падением Джунгарии в середине XVIII в. главным внешним партнером Западной Сибири стали народы, населяющие казахскую степь.

С середины XIX в. характер торговли с южными соседями вновь изменился. Киргизская степь перестала быть внешним партнером, с усмирением степи увеличился обмен с Туркестаном. Возрос и оборот торговли с Западным Китаем и Монголией после разрешения в 1861 г. китайскими властями беспошлинной пограничной торговли.

Скромнее был масштаб пограничной торговли с Западным Китаем через пограничные пункты Семипалатинской и Семиреченской областей.

Чрезвычайно скромные масштабы имела торговля в Урянхайском крае.

В начале XX в. стало заметно обратное влияние Центральноазиатского региона на сибирский рынок. Таким образом, торговля Сибири с южными соседями прошла три этапа: караванная торговля по линии границы с XVI—начало XVIII вв. (обмен пушнины на ткани, украшения, посуду и другие ремесленные изделия); обмен золотом, серебром, промышленных изделий России на чай, ткани, посуду Китая во второй половине XVIII—XIX вв.; обмен промышленной продукцией и хлеба на продукты животноводства в Западной Сибири, Урянхайском крае и Монголии и обмен промышленных товаров на хлеб и чай на Дальнем Востоке (конец XIX—начало XX вв.).

Роль Сибири в процессе обмена менялась. На первом этапе она являлась периферией азиатских цивилизаций и рынком сбыта их ремесленных изделий. На втором и третьем этапах Сибирь была посредником между промышленными центрами России и азиатскими странами. В начале же XX в. обозначилось превращение Сибири и

Дальнего Востока в основных индустриальных партнеров Монголии, западного и северного Китая, сокращение посреднической торговли. Южная торговля питала транзитными товарами тракты, водный и железнодорожный пути. Значение торговли с Китаем, Монголией, Центральной Азией проявилось и в том, что она сформировала наиболее грамотную и влиятельную часть сибирской буржуазии. Капиталы, полученные от внешнеторговой деятельности, способствовали затем индустриализации Сибири и России.

Сибирский военный округ с центром в Омске сыграл главную роль в изучении и присоединении восточных и южных районов Казахстана, Киргизии, Туркестана, равно как сибирские власти в формировании политики по отношению к Синьцзяну.

В период с 1917 по 1991 г. Сибирь, Средняя Азия, Казахстан, Монголия, а в 20–40-е годы и Синьцзян действовали в рамках единого народнохозяйственного комплекса.

Важнейшей стороной взаимодействия Сибири и Центральной Азии были и остаются межэтнические контакты. Сегодня Западная Сибирь позиционируется населением и властью региона как связующее звено между Востоком и Западом. Находясь практически в центре огромного Евразийского континента, в силу наличия развитой транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры Западная Сибирь становится чем-то вроде моста между Западом и Востоком.

Уникальность географического расположения региона проявляется ещё и в том, что в связи с распадом СССР некоторые области его получили статус приграничных (Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край, Республика Алтай, которые граничат с Республикой Казахстан). В то же время Республика Алтай сохранила свою внешнюю границу с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, а остальные регионы — Томская и Кемеровская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа — остались так называемыми внутренними территориями. Понятно, что приграничные регионы осуществляют более активное сотрудничество с государством, с которым они граничат. Однако, например, Томская область достаточно успешно в последние годы развивает свои внешние связи, несмотря на отсутствие внешних границ.

Характеристика западносибирского региона

Западная Сибирь граничит с Восточно-Сибирским, Уральским и Северным экономическими районами России. Площадь Западной Си-

бири составляет 2109,1 кв. км. Западная Сибирь относится к районам с высокой обеспеченностью природными ресурсами. Западно-Сибирский район сосредоточивает почти половину населения Восточной экономической зоны и занимает 1/5 ее территории. На территории Тюменской, Томской, Новосибирской и Омской областей находится Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция (на площади более 2 млн кв. км). В Кемеровской и Новосибирской областях расположен Кузнецкий бассейн. Район специализируется на топливной промышленности. Сибирская экономика в большей степени зависит от сырьевого добывающего сектора, в гораздо меньшей — от перерабатывающих сфер, от торговли и услуг и от финансовых институтов.

Характеристика зарубежных приграничных регионов

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая площадью 1600 тыс. кв. км имеет население 7270 тыс. человек. Основа экономики — сельское хозяйство. Земледелие даёт свыше 50%, а животноводство — около 15% стоимости продукции сельского хозяйства и промышленности СУАР¹. В северной части СУАР, за исключением районов Урумчи и Хами, основной отраслью хозяйства является скотоводство (разводят овец и коз, крупный рогатый скот, верблюдов и лошадей), поставляющее значительную часть продукции (главным образом овечью шерсть) на вывоз. На территории района добывают нефть, уголь, редкие и драгоценные металлы, слюду, графит, нефрит. В системе хозяйства КНР СУАР является одной из крупных баз нефтедобычи и нефтеперерабатывающей промышленности. Имеется металлургия, некоторое развитие получили машиностроение, химическая промышленность и производство стройматериалов, текстильные предприятия. Распространены ремёсла (ткани, ковры, кошма, кожа и кожевенные изделия, бумага и многое др.).

Республика Казахстан занимает территорию, равную 2724,9 тыс. кв. км. Население — 15 074,2 тыс. чел. Казахстан обладает разнообразными полезными ископаемыми, занимая первое место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама и барита, второе — серебра, свинца и хромитов, третье — меди и флюорита, четвертое — молибдена, шестое — золота. В его западном регионе сосредоточены значительные запасы нефти и газа, позволяющие отнести республику к крупнейшим нефтедобывающим государствам мира. Сегодня основным источником экономического роста является эксплуатация сырьевого потенциала страны. По сравнению с 1985 г. объём добы-

¹ Яндекс-словари. — <http://www.yandex.ru>

чи углеводородного сырья вырос на 225%, тогда как во всем мире добыча возросла менее чем в 1,3 раза¹.

Международное и межрегиональное сотрудничество внутри подсистемы²

Россия, Китай и Казахстан представлены сегодня в Организации шанхайского сотрудничества (ШОС), созданной 15 июня 2001 г. в Шанхае Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Для российской внешней политики перво-степенное значение приобретает азиатский вектор, развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией, которые рассматриваются как потенциальные союзники. Позиция Российской Федерации в отношении ШОС с момента создания этой организации претерпела значительные изменения. В основополагающих документах России, принятых в начале президентства В.В. Путина, ничего не говорится о ШОС. Тем не менее президент В.В. Путин уделяет деятельности ШОС все большее внимание. В какой-то степени этому послужила резкая активизация действий Вашингтона в Афганистане и в прилегающих к этому кризисному государству странах Центральной Азии после террористической атаки на США в сентябре 2001 г., включая создание американских военных баз в Кыргызстане и Узбекистане (на данный момент базы в Узбекистане уже закрыты, но тем не менее их создание сыграло свою роль в определении позиции России по ШОС). Это связано также и с тем, что, как полагают некоторые ученые, у всех участников треугольника «Россия—страны Центральной Азии—Китай» начинает преобладать доброжелательное отношение к укреплению экономического, политического, научно-технического и даже военного потенциала каждого из партнеров. Однако формат работы организации не предполагает взаимодействия на региональном уровне, поэтому вряд ли можно сказать, что деятельность данной организации играет сколько-нибудь значимую роль в интеграции Западной Сибири, Казахстана и СУАР (КНР).

Экономика Ямало-Ненецкого автономного округа в значительной степени зависит от внешнеторговых связей с субъектами Российской Федерации, странами СНГ и рядом зарубежных государств. На конец 2004 г. на территории округа действовало 30 российских

¹ Официальный сайт Президента Республики Казахстан. <http://www.akorda.kz>

² Автор намеренно не рассматривает Томскую область, поскольку она подробно охарактеризована в гл. 12.

фирм с иностранным участием, где были заняты 19,2 тыс. человек. В совместной деятельности принимают участие фирмы 27 стран мира, среди них Кипр, Германия, Великобритания, США, основной партнер из стран СНГ – Украина. Объем инвестиций, поступивших от зарубежных инвесторов в 2004 г., составил 754,5 млн долл. Инвестирование, в основном, осуществляется путем поставок оборудования и технологий для добычи углеводородного сырья (92,3% общего объема инвестиций)¹.

Ханты-Мансийский автономный округ занимает второе место среди регионов Российской Федерации по уровню инвестиционной привлекательности. Однако эксперты оценивают инвестиционную ёмкость рынка региона в два раза больше, чем нынешние 6 млрд долл. в год². На территории округа функционируют 76 российских фирм с иностранным участием, большая их часть – в промышленности и строительстве. В совместной деятельности принимают участие фирмы 25 стран мира. Ведущее место из них занимают Кипр, Великобритания, Виргинские острова³, Панама. Основные партнеры из стран СНГ – Украина, Беларусь и Узбекистан.⁴

Кемеровская область – экспортоориентированный регион. Основными партнерами её являются Китай, Украина, Казахстан, Португалия, Великобритания. Основная доля (85%) экспортно-импортных операций приходится на предприятия угольной и металлургической промышленности. Область экспортирует до 60% производимой металлургической продукции, 36% угля, 35% деловой древесины, до 50% продукции химического производства. В товарной структуре импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, металлы и изделия из них.

Организации юга Тюменской области, выпускающие продукцию, соответствующую международным стандартам качества, становятся активными участниками внешнеэкономической деятельности. На конец 2004 г. на территории региона действовали 83 российских фирмы с иностранным участием, где было занято почти 5,8 тыс. работников. В совместной деятельности принимают участие фирмы 27 стран мира, среди них Кипр, Германия, Великобритания, Турция, Нидерланды, основной партнер из стран СНГ – Украина. Объем инвестиций, поступивших от зарубежных инвесторов в 2004 г., со-

¹ Ямало-Ненецкий автономный округ–2004. <http://oblast.tmn.ru/vizitka/yanao.htm>

² Николаева А. Как противостоять конъюнктуре// Эксперт. 2005. №44 (490). С. 156.

³ Трудно брать в расчет таких партнеров, как Кипр, Виргинские острова, так как это очевидные оффшоры.

⁴ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра–2004. <http://oblast.tmn.ru/vizitka/hmao.htm>

ставил 1075,8 млн долл. Наибольший объем инвестиций (98,4%) направлен на управление¹.

Омская область лидирует в Сибирском федеральном округе по объемам привлечения прямых зарубежных инвестиций — здесь реализуются крупные проекты с участием иностранного капитала из Словакии, Германии, Швеции, Италии. В 2005 г. в область вложено 3 млрд долл. прямых иностранных инвестиций². Основными партнерами Омской области являются Казахстан, Италия, Германия, Китай, Польша. В качестве приоритетного направления развития внешних связей Омской области правительством Омской области рассматриваются внешнеэкономические связи со странами СНГ, среди которых особое внимание как стратегически важному партнеру Омской области, учитывая ее приграничное положение, уделяется развитию всестороннего сотрудничества с Республикой Казахстан. Повышенное внимание к вопросам взаимного сотрудничества позволяет наиболее эффективно содействовать расширению взаимных связей хозяйствующих субъектов. Именно поэтому Республика Казахстан из года в год занимает лидирующие позиции по объему взаимного товарооборота с Омской областью³. Граница Омской области с Казахстаном составляет почти 1000 км. С распадом СССР взаимоотношения хозяйствующих субъектов по обе стороны границы из-за двойного налогообложения, высоких таможенных пошлин заметно ухудшились. В 1992 г. администрация Омской области начала работу по активизации интеграционных процессов. В 1993 г. в Омске состоялась встреча глав правительств России и Казахстана, инициировавшая подготовку и подписание важных межправительственных документов, которые во многом помогли урегулировать приграничные отношения двух государств и определить принципы сотрудничества. В 1994 г. подписываются ряд документов между МВД обеих стран о мерах совместной борьбы с организованной преступностью, а также между транспортными министерствами — о единой транспортной схеме. Создан Консультативный совет глав администраций приграничных российско-казахстанских территорий. Регулярными стали совещания таможенных органов, где разрабатывались схемы таможенного оформления товаров, перемещаемых за границу. Достигнута договоренность со службами ветеринарного и фитосанитарного контроля о размещении их представителей на таможенных постах.

Наметился рост товарооборота Омской области с Казахстаном. Вступило в действие Соглашение о Таможенном союзе, создавшее бо-

¹ Тюменская область (без автономных округов)—2004. <http://oblast.tmn.ru/vizitka/tyumen.htm>

² Эффекта не видно // Эксперт-Сибирь. 2006. №19(116). С. 11.

³ Данные с информационного портала Омская губерния. <http://www.omskportal.ru>

лее благоприятные экономические условия для товарообмена. Администрация области выступила инициатором подписания Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном и правовом сотрудничестве с Павлодарской областью, которое, в частности, способствует решению проблемы поставок экибастузского угля.

Омская область готова предложить соседям новейшие селекционные разработки в области животноводства и растениеводства. Хорошие перспективы есть у сотрудничества в сфере нефтяной и газовой промышленности, в деле подготовки и переподготовки кадров. Омская область активно участвует в реализации Программы приграничного сотрудничества России и Республики Казахстан на 1999–2007 гг. В рамках этой Программы заключены Соглашения об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с Северо-Казахстанской, Павлодарской, Кустанайской, Алма-Атинской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской областями. По инициативе Омской области и при официальной поддержке Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» с 1994 г. проводится ежегодная торгово-промышленная выставка сопредельных территорий России и Казахстана «Содружество».

Очередным этапом развития отношений стала организация торгово-экономических миссий предприятий области в Казахстан. Рост взаимного интереса предпринимателей показал целесообразность проведения более масштабной акции – предоставления возможностей не только отдельных предприятий, но и всего регионального экономического потенциала. В настоящее время на территории Омской области действует 31 российско-казахстанское производственное предприятие, к основным видам деятельности которых относятся монтажные и строительные работы, заготовка леса и лесопереработка, производство продукции технического назначения и товаров народного потребления, оказание услуг. Перспективными направлениями инвестиционного сотрудничества являются производство нефтегазового оборудования, производственная кооперация в нефтепереработке и нефтехимии, селекционные разработки в области животноводства и растениеводства¹.

Наиболее крупными партнерами Новосибирской области по объему внешнеторгового оборота среди стран дальнего зарубежья являются Китай, США, Германия, среди стран СНГ – Украина и Казахстан. В товарной структуре экспорта наибольшую долю занимают электрические машины и оборудование, запасные части к ним, древесина и изделия из нее, древесный уголь, фармацевтическая продукция. В товарной структуре импорта преобладают пластмассы и изделия из них,

¹ Информация из официального интернет-представительства Президента России. <http://www.kremlin.ru>

фармацевтическая продукция, средства наземного транспорта, овощи. В 2005 г. в Новосибирскую область поступили инвестиции из 16 стран, основными странами-инвесторами выступили Кипр и Великобритания¹. Есть в Новосибирской области и китайские инвестиции, однако инвестиционное сотрудничество с Китаем создает дополнительные проблемы не только экономического характера. В качестве примера можно привести отсутствие продуманной миграционной политики со стороны правительства Российской Федерации, а также особый менталитет китайского народа. Кроме того, отсутствие большого числа потенциальных инвесторов из других стран не оставляет Новосибирску выбора. Поддерживают китайские инвестиции и федеральные власти, которые активно сотрудничают с Китаем, что заметно по результатам последнего визита Президента России в КНР².

Предприятия Алтайского края поддерживают внешнеэкономические связи с фирмами более 70 стран мира. Основу структуры экспорта составляют сырье, минеральное топливо, нефтепродукты, древесина и изделия из нее, продукция сельского хозяйства и продукты питания, машины, оборудование, изделия тяжелой промышленности, продукты химической промышленности, каучук, пластмассы. Импортные товары представлены в основном продукцией сельского хозяйства, продуктами питания, недрагоценными металлами и изделиями из них, машинами и изделиями тяжелой промышленности, транспортными средствами, продукцией нефтехимического комплекса, табаком, алкоголем. Основная доля во внешней торговле края (70,8%) приходится на страны СНГ. Партнерами в экспорте продукции края были: Казахстан, Украина, Узбекистан, Индия, Монголия, Япония. Основные импортеры – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Китай, Украина, Германия, Италия³.

Республика Алтай, несмотря на свою отсталость, нашла свою «нишу» на мировом рынке, поставляя сырье для нужд фармацевтической промышленности (в основном в Южную Корею)⁴.

Центрально-Азиатский регион для России представляет одно из приоритетных направлений внешней политики. Безопасность южных границ России напрямую зависит от развития событий в регионе; тесный характер носят экономические и гуманитарные связи между Россией и государствами Центральной Азии. Сохранение влияния России на постсоветском пространстве, в том числе и в Центральной Азии, является частью усилий, направленных на поддержание и ук-

¹ <http://www.sibstat.gcom.ru>

² Носкова Е. Китайский переполох// Эксперт-Сибирь. 2006. №17(114). С. 23.

³ Информация с официального сайта Алтайского края. <http://www.altairegion.ru>

⁴ Мищенко В.В. Экономика регионов. http://irbis.asu.ru/mmc/econ/u_econreg/liter.ru.shtml

реплений общих позиций России в мире, которые предпринимает российское руководство. Ряд международных организаций, созданных по инициативе или при активном участии России, включает страны Центральной Азии и призван обеспечивать российские интересы в регионе. Если рассматривать геополитические перспективы Сибири и страны в целом, становится очевидной объективность и актуальность процессов региональной интеграции в Центральной Азии. Приграничные регионы на деле реализуют новый тип взаимодействия, в основе которого лежит достижение общих целей.

Сибирские регионы, особенно близкие к Центральной Азии, постепенно переносят акцент во внешнеэкономической деятельности на южное направление, хотя и крайне медленно. Согласно таможенной статистике, в 2004 г. отмечался рост торговли Сибирского федерального округа (СФО) со всеми странами Центральной Азии. СФО – российский лидер в торговле с государствами Центральной Азии, однако благодаря территориальной близости, а не потенциалу партнеров. При всей положительной динамике нужно признать, что объемы торговли Сибири и Центральной Азии остаются низкими. Существенной частью взаимоотношений Сибири, стран Центральной Азии и Китая является сотрудничество в области культуры, науки и образования. Центральная Азия начиная с XIX в. была объектом пристального внимания научных учреждений Сибири – сибирских отделений Российского географического общества, ученых Томского университета, офицеров штаба Сибирского военного округа. В сибирских учебных заведениях изучали науки первые кадры национальной казахской и киргизской интеллигенции. В советское и постсоветское время сибирские вузы сохранили роль центров подготовки кадров для Центральной Азии. Seriously изменился этнический аспект этого явления. В Сибири, вследствие дискриминационной политики властей центральноазиатских стран, теперь учатся преимущественно русскоязычные юноши и девушки из стран Центральной Азии.

Проблемы делимитации и демаркации российско-казахстанской границы

У российско-казахстанских отношений есть своя специфика. Эти два государства можно назвать добрыми соседями. После распада СССР Казахстан постоянно демонстрировал и продолжает демонстрировать стремление к интеграции с Россией. При достаточно большом количестве конфликтов, которые сегодня происходят в СНГ, как внутри отдельных стран («цветные революции»), так и

между ними, внутренняя и внешняя политика Казахстана остается взвешенной. Российско-казахстанские отношения не просто демонстрируют тип отношений, приемлемый в рамках СНГ, а обеспечивают определенную стабильность в Центральной Азии.

По прогнозам, в 2006 г. товарооборот между Россией и Казахстаном превысит 10 млрд долл.¹ Казахстан занимает второе место по товарообороту с Россией после Украины. Страны сотрудничают в области атомной и космической промышленности, топливно-энергетического комплекса, начался процесс интеграции финансового сектора республики и Российской Федерации. Было подписано соглашение об учреждении Евразийского банка развития, в котором на паритетной основе будут участвовать обе стороны и главным направлением работы которого станет реализация инвестиционных проектов на территории государств–участников Евразийского экономического сообщества.

С другой стороны, из-за добрососедских отношений между государствами российско-казахстанская государственная граница стала одной из самых открытых и незащищенных. Оказавшись в новых границах, Россия после распада Советского Союза стремилась прежде всего укрепить и защитить наиболее проблемные участки. Таковыми остаются границы со странами Прибалтики, именно там провели в первую очередь инженерное оборудование границы. Затем взяли за беспокойное кавказское направление. Сейчас наступила очередь российско-казахстанского участка, в настоящее время идет процесс обустройства. Начало демаркации, сам факт формирования двусторонней комиссии – один из элементов работы, в результате которой граница между Казахстаном и Россией (в частности, сибирскими регионами – Омской и Новосибирской областями, Алтайским краем и Республикой Алтай) станет реальной, а не иллюзорной.

Появлению государственной границы непосредственно на земле, согласно существующим правилам, предшествуют две трудоемкие работы – делимитация и демаркация. Делимитация (определение места прохождения границы на карте и описание этого прохождения в договоре о государственной границе) российско-казахстанской границы началась в 1999 г. и продолжалась почти 6 лет – до 18 января 2005 г. (дата подписания договора «О государственной границе между Россией и Казахстаном»), через год договор вступил в силу. Затем на паритетных началах будет сформирована совместная демаркационная комиссия, после чего и начнется процесс демаркации – установление границы на местности и обозначение её специальными знаками.

¹ Специфика родственных связей//Эксперт-Сибирь. 2006. № 12(109). С. 11.

Российско-казахстанская граница — самая длинная в России (около 7,5 тыс. км.)¹. Несмотря на столь протяженную границу с Казахстаном удалось решить все формальности по делимитации в течение неполных 6 лет — быстрее, чем с Китаем, Украиной или Прибалтикой. Однако территориальные вопросы, несомненно, возникали: во времена СССР железные и автомобильные дороги, а кроме того, поселки и промышленные предприятия строились порой без учета административных границ. В результате государственной границей оказались разделены производственные площадки, деревни. Граница многократно пересекается дорогами. В общей сложности, было рассмотрено порядка 20 населенных пунктов и территорий, по принадлежности которых возникли вопросы. Например, в Алтайском крае России отошел детский оздоровительный лагерь, который сейчас арендуется у соседнего государства².

Между Россией и Казахстаном не будет контрольно-следовой полосы и сигнализационно-заградительных комплексов, как, например, на границе с Китаем или Прибалтикой. Государственная граница просто будет обозначена пограничными знаками — столбами и копцами. На территории между Сибирью и Казахстаном уже действуют 69 пунктов пропуска — железнодорожные, автомобильные и один речной: двусторонние (в этих местах могут пересекать границу только граждане Казахстана и России) и многосторонние (для граждан любой страны). Кроме того, в скором времени начнут работать места упрощенного пересечения государственной границы для местного населения. Культурные, родственные, экономические связи территорий, расположенных у границы, очень тесны, ведь долгое время люди жили в едином государстве. К примеру, в городе Горняк Алтайского края после распада СССР оказался разделен горно-обогатительный комбинат. Российская часть предприятия сегодня не работает, а казахстанская продолжает свою деятельность. Поэтому ежедневно утром и вечером около 200 человек пересекают границу, выезжая на работу и возвращаясь домой. Как раз для таких случаев и должен быть предусмотрен упрощенный порядок пересечения границы.

Среди стран СНГ для сибирских регионов Казахстан наряду с Украиной остается основным торговым партнером: его доля в общем объеме экспорта составляет 7,1%, тогда как на Украину приходится 5,3%. По объему импортных операций в сибирских регионах

¹ *Шадрин О.* Последний заслон // Эксперт-Сибирь. 2006. №12(109). С. 13. См. также подробный анализ этой проблематики в монографии: *Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница // Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005.

² *Взять и поделить* // Эксперт-Сибирь. 2006. №10(107). С. 5.

Казахстан занимает лидирующие позиции¹. В товарообмене между регионами Сибири и Казахстаном присутствуют практически все наименования – от продуктов питания до топлива, медикаментов, разного рода сырья. При этом Казахстан выступает еще и в роли транзитной территории. Через него везут товары из Китая, из стран Средней Азии, едут на работу гастарбайтеры. Интересен Казахстан и потому, что он – наиболее динамично развивающаяся страна СНГ, а также приграничная с Китаем территория. А Китай тоже относится к числу экономически активных стран. Подавляющее большинство товаров, которые идут через российско-казахстанскую границу, китайского происхождения. Именно китайские предприниматели активнее всех используют прозрачность российско-казахстанской границы.

В первую очередь демаркация границы позволит привести в соответствие с международным правом отношения двух стран. Регионам этот процесс даст возможность избежать коллизий и недоразумений в сфере землепользования. В Омской области, например, сейчас нет возможности на приграничных территориях проводить сельхозработы, строить гидросооружения, мосты и дороги. Установка столбов снимет эти вопросы и позволит задействовать ныне пустующие территории под сельхозугодья.

Проблемы и вызовы внутри подсистемы, которые возникают, в том числе и из-за незащищенности границы, будут рассмотрены далее.

Сотрудничество в области обмена ресурсами

В рамках подсистемы существуют также внешнеэкономические связи в области торговли ресурсами. Западная Сибирь, обладая значительным ресурсным потенциалом, активно сотрудничает с Китаем и Центральной Азией в области энергетических, лесных, водных ресурсов. В свою очередь, государства Центральной Азии тоже осуществляют торговлю энергоресурсами с Китаем. Активно развивающаяся экономика Китайской Народной Республики требует всё большего обеспечения роста своих энергетических ресурсов. Речь идет, конечно, в первую очередь о нефти и газе, поскольку правительство Китая проводит политику уменьшения доли угля в энергетическом балансе страны. Кроме того, китайские бизнесмены активно осваивают лесные угодья Сибири, вывозя в Китай в основном сырьё для переработки. Китай является главным потребителем необработанной древесины, заготавливаемой во всех лесных регионах, располагающихся в относительной близости от российско-китайской границы. С мас-

¹ Шадрина О. Последний заслон// Эксперт-Сибирь. 2006. №12(109). С. 14.

совым экспортом древесного сырья в Китай небезосновательно связывается значительная доля незаконных рубок в регионах Сибири и Дальнего Востока и разорение многих уникальных по своей природе лесных территорий. С другой стороны, экспорт – возможность найти работу жителям многих лесных поселков, поскольку собственная переработка лесной продукции с российской стороны где-то развита слабо, а где-то не развита вовсе.

Власти Западной Сибири в последнее время стараются изменить эту практику, настаивая на переработке добытого леса на месте и вывозе полуфабрикатов или даже готовой продукции. Существуют проекты глубокой переработки древесины на базе сибирских лесосек. Однако реализация этих проектов требует значительных инвестиций и пока находится на стадии разработки.

Однако всё-таки обмен ресурсов внутри подсистемы можно с большой натяжкой назвать взаимовыгодным. Этот обмен несимметричен, последствия такого положения вещей для Западной Сибири неясны. Чаще всего Китай рассматривает Западную Сибирь и государства Центральной Азии как сырьевые базы, случаи серьёзных инвестиций в перерабатывающую промышленность крайне редки.

Миграционный аспект в сотрудничестве

В существующей подсистеме Западная Сибирь–Центральная Азия–Китай Западная Сибирь в основном является принимающей стороной миграционного потока. За годы освоения месторождений и строительства северных городов регион был и остается местом, куда направлены значительные миграционные потоки, в том числе из республик бывшего Союза. Миграции из Китая имеют тенденцию к увеличению, в то же время они приобретают менее хаотичный характер благодаря разработке законодательной базы для регулирования этого процесса.

Исторически китайская иммиграция в Сибирь – неравномерный и вполне контролируемый процесс, который на протяжении почти полутора столетий играл в целом положительную роль. Среди населения Сибири сохранялось достаточно сильное предубеждение, не всегда афишируемое, против иностранцев, в том числе китайцев, хотя в целом оно проявляло лояльность и толерантность к добровольно ассимилирующимся или «неагрессивным» инациональным элементам. Сегодня у самих русских в Сибири довольно распространены миграционные настроения, правда, не всегда переходящие в реальные действия (боязнь потерять связь с родственниками, тревога за родителей и т.д.),

но сохраняется весьма настороженное отношение к «чужакам», особенно иностранцам из дальнего зарубежья (в том числе и китайцам). По данным ВЦИОМ, участие китайских фирм и работников в освоении богатств этого региона считают «скорее опасным» 71% респондентов¹. 37% жителей Сибири высказывают опасения конкуренции со стороны Китая². Вместе с тем опрошенные в Сибирском федеральном округе более позитивно настроены к основным направлениям китайской экономической экспансии, и среди них больше всего противников ограничений на ввоз китайских товаров³. Несмотря на то, что малообеспеченное население уже многие годы покупает товары широкого потребления китайского производства, низкое качество той их части, которая поступала на российский массовый рынок, отнюдь не способствовало укреплению доверия к китайцам.

Сегодня сибиряки в основном четко представляют себе, кто был и сохраняется как абориген (например, алтайцы на юге), кто составляет социально-исторически равное, по преимуществу славянское большинство, кто из нероссийских этносов «положительный» (например, немцы), а кто «чужак» (в первую очередь, конечно, китайцы). Специфику в российско-китайские миграционные, да и не только миграционные, связи обещает принести фактор Сынцзяна. В последние годы расширились связи Сибири, прежде всего Алтайского края, с Сынцзян-Уйгурским автономным районом. Китайские власти, осведомленные об успешном историческом опыте подобного взаимодействия, благожелательно, но и с особым вниманием ведут дела в этом направлении. Китайская сторона не просто строго отслеживает переезд китайцев из СУАР в Сибирь, но фактически не допускает такую практику в отношении неханьского населения. Однако в целом «китайскую угрозу», по крайней мере в западно-сибирском направлении, следует признать преувеличенной, не имеющей сколько-нибудь солидной исторической, экономической, демографической и иной основы.

В советский период Сибирь, Казахстан, Средняя Азия стали объектами усиленной промышленной и аграрной штрафной колонизации европейской частью страны, что увеличило долю некоренного населения. В 50–70-е годы XX в. начался отток некоренного населения из Центральной Азии вследствие возвращения его из ссылки, начался процесс выдавливания некоренных национальностей в результате конкуренции за рабочие места и аграрного перенаселения, большего естественного прироста мусульманских народов. С распадом СССР процесс приобрел характер исхода. Для России и

¹ Данные опроса ВЦИОМ. <http://talk.mail.ru/article.html?ID=32986341&page=1>

² Там же.

³ Там же.

Германии, куда устремилась большая часть мигрантов, этот процесс имеет положительное значение благодаря пополнению населения стран, страдающих от невысокой рождаемости. Для республик Центральной Азии отток квалифицированных кадров ведет к экономической катастрофе, деиндустриализации, лишним затратам на контрактацию необходимых кадров в промышленность. Вместе с тем отъезд нетитульных народов поощряется местной националистически настроенной администрацией и бытовым национализмом. Сибирь стала одним из главных мест притока переселенцев, особенно Омская и Новосибирская области, а также Алтайский край. Миграционный потенциал стран Центральной Азии далеко не исчерпан, и это нужно учитывать во внутренней политике регионов края. Общее отношение к среднеазиатам остается в Сибири весьма взвешенным, нейтральным, иногда переходящим в холодное. В то же время казахи, например, довольно доброжелательно воспринимаются жителями Сибири, возможно, в силу давнего исторического соседства.

Рассмотрим ситуацию с иностранной рабочей силой на примере Омской области. По данным Федеральной миграционной службы (ФМС), общая численность иностранных работников, имеющих официальное разрешение на работу, в 2005 г. составляла 2968 человек: 1052 человека из стран СНГ, 1916 из дальнего зарубежья. Лидерами среди стран СНГ являются Кыргызстан и Узбекистан (368 и 344 человека соответственно). Далее следуют Армения (139 человек) и Таджикистан (70 человек). Казахстан занимает лишь пятое место (64 человека). Первое место среди стран дальнего зарубежья занимает Китай (1389 человек). В тройку лидеров входят также КНДР (342 человека) и Вьетнам (107 человек). Иностранцы в основном заняты в строительстве, сельском хозяйстве, торговле и сфере бытового обслуживания. Официальная статистика не отражает числа нелегальных иммигрантов, которые, по оценкам Международной организации труда (МОТ), в отдельных регионах России составляют до 80–90% всей рабочей силы. По данным МОТ, ситуация с работниками-иммигрантами в Омской области по большинству параметров выглядит более благополучной, чем в среднем по России: 79% из них имеют регистрацию по месту пребывания (в среднем по России – 51%), 49% имеют разрешение на работу (по России – 25%). Лишь малая часть иммигрантов испытывала какое-либо насилие или иные формы принуждения к труду. 89% не испытывали никакого принуждения (средний показатель по России – 80%), 79% были адекватно информированы об условиях труда (по России – 63%), 52% оценивают условия труда как нормальные (по России – 24%)¹.

¹ Волхонский Б. Омско-казахская область // Коммерсант-Власть. 2006. №28(682). С. 28.

Проблема миграции внутри подсистемы стоит достаточно остро. Она имеет те же вызовы, что и в других регионах: во-первых, достаточно трудно оценить реальный приток иммигрантов, варьируются даже данные, предоставляемые различными федеральными структурами, что связано в первую очередь с большим числом нелегальных иммигрантов. Так называемая трудовая миграция оказывает серьезное давление на рынок рабочей силы в регионе, стихийный наплыв иностранных рабочих создает региональные и отраслевые дисбалансы спроса и предложения труда, способствуя безработице и снижению заработной платы. Нелегальные иммигранты приносят с собой дополнительные проблемы: сложности с размещением и обеспечением быта, конфликты с местным населением на национальной почве, обострение криминогенной обстановки и т.д. В то же время иностранная рабочая сила иногда заполняет ниши, по тем или иным причинам не занятые местными работниками.

Транспортный комплекс региона

Чуйский тракт — основная транспортная магистраль Горного Алтая, одна из самых древних дорог, соединяющих Западную Сибирь с Центральной Азией. Протяженность тракта — 607 км.

Перевозки внешнеторговых грузов Россия—Китай осуществляются в основном железной дорогой. На ее долю приходилось 76% общего веса экспортных грузов в Китай (16,6 млн т). Автомобильные грузоперевозки в торговле с Китаем в целом по России составили лишь 3,8% (779 тыс. т) и осуществлялись Восточной Сибирью и Дальним Востоком, где действуют прямые автомобильные переходы через границу. На долю Западной Сибири в автомобильных перевозках российских товаров в Китай приходилось менее 0,2%¹.

Концентрация автомобильных перевозок в восточных регионах объективно обусловлена развитой системой пунктов пропуска на общей границе. Выдвигать в качестве причины этого более высокую степень развития экономики и, соответственно, спроса на товары восточных провинций Китая сегодня неправомерно. В быстро развивающемся Западном Китае существует высокий неудовлетворенный спрос на сибирские товары, однако доля автомобильных перевозок на западном направлении (через Казахстан) ничтожно мала. Низкий уровень торговли регионов Западной Сибири с Китаем можно объяснить только одним — транспортной удаленностью.

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации. www.perevozim.biz/link0000000065.html

Можно решить, что Москва как потребитель более, чем другие регионы, заинтересована в совершенствовании схемы поставок грузов из Китая. Однако это искусственно организованная система транзита и таможенной обработки грузов через Москву в российские регионы направлена на интересы Москвы как города-посредника. Китайские товары проходят таможенную обработку в Москве и затем в значительных объемах вывозятся на внутренние рынки страны, в том числе и в Западную Сибирь. Реализация этой надуманной схемы ложится на сибирских потребителей транспортной наценкой на товары примерно 50 долл. за 1 куб. м импортного груза. При обеспечении действительно равных для российских регионов условий таможенной обработки грузов Москва потеряет функции посредника, и грузы из Китая пойдут непосредственно в регионы страны. Строительство прямой автомобильной дороги из района Горного Алтая в Западный Китай также будет противостоять этой действующей схеме поставок китайских товаров народного потребления на сибирские рынки через Москву, поскольку прямая дорога возьмет на себя практически весь поток импорта из Китая в Западную Сибирь и европейские регионы страны.

Один из самых распространенных вопросов: чем можно торговать с «бедной» западной провинцией Китая? Это вопрос вчерашнего дня – Синьцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая за период реформ эффективно использовал и продолжает использовать свое географическое расположение на торговых путях «восток–запад». Урумчи превратился в крупную перевалочную базу, куда со всего Китая свозится продукция и откуда она доставляется в страны Средней Азии, Казахстан, Россию и далее в Европу. Через все пограничные пункты СУАР (их более 16) автомобильным транспортом перевозится 800 тыс. т в год. За десять лет импорт СУАР вырос в 14 раз, экспорт утроился, внешнеторговый оборот в целом достиг 2,25 млрд долл. и имеет устойчивую тенденцию роста¹.

По данным китайской стороны, СУАР готов увеличить импорт леса до 550 тыс. куб м. в год. Дополнительно требуются нержавеющие металлы высокого качества, цветные металлы (алюминий, медь, цинк и др.), строительные материалы, бесшовные трубы, сельскохозяйственная техника, удобрения, тяжелые грузовые машины, нефтехимические продукты, кордовое сырье, шины, качественный асфальт для строительства дорог и покрытия домов, электроэнергия и др.

СУАР превратился в крупный посреднический центр между центральными и южными провинциями Китая и странами СНГ. По данным китайской стороны, СУАР имеет лишь 10% собственной про-

¹ Там же.

дукции в структуре экспорта и потребляет лишь 20% импортируемой с запада продукции. Таким образом, торговля с СУАР вырастает в реальности в торговлю со всем Китаем через западные ворота.

Основным торговым партнером СУАР является Казахстан, доля которого во внешнеторговом обороте достигла в 2000 г. 52%. Торговля с Казахстаном выросла за 10 лет почти в 4 раза и составила 1,2 млрд долл. Среди стран СНГ Россия занимает третье место (оборот 67,6 млн долл. в 2000 г.) после Казахстана и Кыргызстана. В торговле России с Китаем на долю СУАР приходится чуть более 1%, а доля России во внешнеторговом обороте СУАР колеблется от 5 до 8%. Товарная номенклатура экспорта России в СУАР совпадает в основном с номенклатурой всего экспорта в Китай, а импорт практически на 100% представлен товарами народного потребления.

Лидерство Казахстана в торговле СУАР отчасти объясняется его реэкспортом значительной массы российских товаров в Китай. Между Казахстаном и Китаем подписано соглашение, в котором Казахстан признает Китай своим основным торговым партнером и предоставляет ему значительные преференции во взаимной торговле. Это позволяет Казахстану не взимать пошлины в полном или частичном объеме. В Казахстане организована крупная перевалочная база для торговли российским лесом и лесопродукцией, из Казахстана вывозятся в Китай черные и цветные металлы, продукция химии и др.

Все это делает реальными прямые поставки из России в Китай тех грузов, которые сегодня закупает Казахстан. Реальность обеспечивается более низкими затратами российского экспортера и китайского контрагента при наличии альтернативного варианта перевозки без казахского участия. Экспертная оценка реэкспорта российских грузов из Казахстана составила 758 тыс. т на сумму 435 млн долл. Упущенная выгода для российского бюджета ежегодно не менее 15 млн долл.

Можно сделать вывод, что Китай открывается для внешнего мира с Запада, но вместо России с ее товарами на этом рынке представлен Казахстан, получающий за свое посредничество десятки миллионов долларов в год. По мнению китайской стороны, казахские посредники увеличивают цены более чем на 30%. Китайские контрагенты и экономисты СУАР считают, что они несут крупные потери от посредничества Казахстана.

По мнению китайских экономистов, внешнеторговый оборот между СУАР и Россией должен вырасти до 1 млрд долл., и до 30% российских грузов будут поставляться по прямой автомобильной дороге, если она будет построена.

Развитие железнодорожных перевозок Европа–Азия через территорию Казахстана в Китай для России уже влечет потери от снижения транзита на Транссибе, а для перевозчиков от удорожания из-за опла-

ты услуг еще одной страны. Единственной альтернативой остается организация прямого транспортного выхода из России в Китай. Но организация прямого железнодорожного выхода через общий западный участок российско-китайской границы представляется преждевременной, так как сразу отвлечет с Транссиба не только потенциальные международные транзитные грузы, но и основные грузоперевозки из европейской части России в Китай. В этом случае российские грузы в южные и центральные провинции Китая пойдут не по восточной территории России, а по территории Китая, и российский железнодорожный восточный транзит будет нами же отдан Китаю.

Сооружение железнодорожного полотна напрямую в Западный Китай следует рассматривать как проект будущего, который будет обязательно реализован, когда сформируются высокие конкурентные позиции в международных контейнерных перевозках Транссиба, а инвестиционные возможности государства позволят его реализовать. Проблема его реинвестирования усугубляется отсутствием железных дорог на примыкающих территориях со стороны как России, так и Китая.

В то же время сооружение автомобильного прямого выхода в Китай является, как показали расчеты, актуальным и достижимым. Речь идет об автомобильной дороге протяженностью 185 км от Кош-Агача до перевала Канас на 54-километровом участке общей российско-китайской границы как о продолжении Чуйского тракта. Строительство этой автомобильной дороги на сегодня является важнейшим элементом развития транспортной сети Западной Сибири, направленным на укрепление торгово-экономического взаимодействия двух стран. и полностью отвечает потребностям расширения внешнеторгового обмена как России, так и Китая.

Чуйский тракт будет обслуживать торговый транзит регионов Западной Сибири, Урала и Европы в СУАР Китая и далее в Центральный Китай. Разрабатываются и уже реализуются проекты дополнительных автомобильных выходов Республики Алтай к железным дорогам: от Чуйского тракта к железнодорожной станции Таштагол (Кузбасс), через село Онгудай Республики Алтай к железнодорожной станции Лениногорск в Казахстане. Рассчитан инвестиционный проект строительства автомобильной трассы Ташанта—Булган—Урумчи через Монголию, позволяющий обеспечить автомобильной дорогой западную Монголию и дополнительный выход через Монголию в СУАР.

Сооружение в этих направлениях автомобильных трасс не ниже 3-й категории превращает Алтай в естественный центр международного транзита и создает условия для развития международного рынка на территории Республики Алтай в рамках приграничной торговли.

Актуальность укрепления транспортной сети между западным Китаем и регионами Западной Сибири обусловлена:

- необходимостью повысить эффективность внешнеторговых сделок, снижая затраты на их осуществление, повышая конкурентоспособность российских товаров, уменьшая в их стоимости транспортную составляющую, снижая рыночные цены китайских товаров народного потребления, приобретаемых основной массой населения со средними и низкими доходами;
- неустойчивыми неотрегулированными отношениями между странами Таможенного союза в области реэкспорта и реимпорта товаров, следствием чего являются значительные потери федерального российского бюджета, ухудшение конкурентных позиций российских товаров на рынках стран дальнего зарубежья;
- интенсификацией экономического подъема СУАР в соответствии с реализацией в Китае программы развития отдаленных регионов: первостепенное инвестирование государственных и частных средств в создание инфраструктуры и в первую очередь современных автомагистралей в западной части Китая; к настоящему моменту в районе прилегания к общей границе в Китае создана сеть современных дорог не ниже 3-й категории.

Реализация прямого автомобильного выхода в Китай, помимо достижения положительного коммерческого результата, будет способствовать росту социальных и общих народнохозяйственных эффектов. К ним относятся:

- создание рабочих мест: по данным АСМАП, на 1 автомобиль, обслуживающий международные перевозки, в целом по хозяйству создается 5 рабочих мест; реализация проекта потребует организации 6–7 тыс. рабочих мест в автомобильной отрасли;
- обеспечение условий для развития приграничной торговли на территории Республики Алтай;
- толчок в развитии отраслей промышленности и улучшение условий для развития инвестиционных процессов благодаря росту объемов торговли с Западным Китаем;
- возможности роста экспорта строительных материалов Алтайским краем;
- увеличение таможенных платежей до 15 млн долл. в год при условии снижения реэкспорта российских товаров Казахстаном.

При строительстве прямой автомобильной дороги через перевал Канас в Китай появляются возможности выхода на китайские рын-

ки, расширения культурного обмена, развития международного туризма, создания совместных предприятий в области переработки, заготовки и упаковки сырья и продукции, создания международной внешнеторговой организации по координации торговли и инвестиций, т.е. возможности развития цивилизованных внешнеэкономических отношений граничащих стран.

Отсутствие автомобильного прямого выхода в Западный Китай влечет большие потери как для России, так и для Китая. Однако реализация проекта требует значительных долгосрочных инвестиций, что является главной причиной его торможения. Но пока не ставился вопрос о привлечении инвестиций помимо бюджетных, не обсуждался вопрос о концессии, строительстве платной трассы и других возможных формах инвестирования, которые уже сегодня могут быть успешно реализованы.

Пока идея строительства автомобильной дороги, высказанная губернатором Алтайского края в 2000 г., остается на уровне проекта. Многие эксперты говорят, что дорога на Китай может появиться в случае реализации другого проекта – строительства газопровода «Западная Сибирь–Китай» (газопровод «Алтай»), которое планируется по маршруту Барнаул–Бийск–Горно-Алтайск. Газопровод в Китай может стать локомотивом развития Республики Алтай. Его строительство обеспечит появление новых производств и создание рабочих мест, ускоренную газификацию близлежащих сел и деревень. Строительство газопровода предполагается завершить к 2011 г., однако проект еще не утвержден. Дело в том, что у проекта есть противники, заявляющие, что плато Укок, через которое планируется тянуть трубу, – священное для алтайцев место. Под обращением к президенту страны и руководителю «Газпрома» с требованием изменить маршрут газопровода поставили подписи представители 19 экологических организаций¹. Однако президент заявлял уже об этом проекте как о почти решенном вопросе, да и строительство альтернативных газопроводов по территории Монголии или Казахстана практически не имеет шансов.

Стоит также упомянуть о еще двух транспортных проектах в рамках подсистемы. Первый – это евразийский проект TRASECA (Transport Corridor Europe Caucasus Asia), предполагающий возрождение Великого шелкового пути и имеющий огромное значение для всех среднеазиатских государств, участвующих в нем. В последнее время появились заявления Президента России В. Путина по данной проблематике, с российской стороны подчеркивается потребность в объединенной модернизированной транспортной структуре,

¹ Афанаскин Ю., Шадрина О. Большая реконструкция// Эксперт-Сибирь. 2006. №24(121). С. 13.

чтобы сделать Россию «сильным и независимым государством и обеспечить длительное присутствие в азиатском экономическом пространстве»¹. ТРАСЕСА – это единственный проект евроазиатского транспортного коридора, получивший большую международную поддержку: финансовую, организационную, техническую и др.

Программа ТРАСЕСА стартовала в Брюсселе в мае 1993 г. на конференции, в которой приняли участие министры торговли и транспорта из восьми стран, изначально заинтересованных в новом транспортном коридоре (пять республик Центральной Азии и три кавказские республики). На конференции было принято соглашение внедрить программу технического содействия, финансируемую Европейским союзом для развития транспортного коридора по направлению Запад–Восток из Европы, с пересечением Черного моря, через Кавказ и Каспийское море с выходом на Центральную Азию. Анализ прогнозов основных направлений развития мировой экономики свидетельствуют о том, что главные финансовые, товарные и информационные потоки в XXI в. будут сосредоточены в треугольнике США–Европа–Азия. Многие ученые утверждают, что первоначально проект задумывался как «антироссийский» с целью приобщить южные республики СНГ к западной цивилизации. Теперь в этом глобальном проекте, иначе именуемом Трансазиатской дорогой, участвуют 32 страны (в том числе и наша), а сама эта дорога длиной 140 тыс. км должна соединить Тихий и Атлантический океаны через всю Евразию. Здесь и Россия, и ТРАСЕСА могут не конкурировать, а дополнять друг друга. Кроме того, в более обозримой перспективе возможно взаимодействие коридоров ТРАСЕСА и «Север–Юг», которые пересекаются почти под прямым углом на Каспии.

Вторым масштабным транспортным проектом является строительство нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан. Дело в том, что поставки западносибирской нефти ориентированы в основном на запад. Только одна ветка магистрального нефтепровода доходит до Ангарска. Оттуда нефть сегодня возможно транспортировать только по железной дороге. В связи с диверсификацией поставок стратегически важного ресурса в ноябре 2003 г. «Транснефть» представила новый, измененный вариант маршрута нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан. Проект был утвержден в последний день 2004 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1737-р. Нефтепровод должен пройти по маршруту Тайшет (Иркутская область)–Сковородино (Амурская область)–бухта Перевозная (Приморский край). Мощность нефтепровода должна достигать 80 млн т нефти в год, проект оценивается в 16 млрд долл. Планируется по-

¹ Сообщение ИТАР-ТАСС. 2001. 19 фев.

строить 44 нефтеперегонные станции, перегрузочный комплекс с резервуарным парком и морским терминалом, пять узлов комплексного учета нефти и многочисленные объекты инфраструктуры. Основными районами добычи нефти, которая будет прокачиваться по нефтепроводу, являются Томская область и Ханты-Мансийский автономный округ в Западной Сибири, а также нефтегазоносные провинции Восточной Сибири. Планируется, кроме того, строительство газопровода «Западная Сибирь–Китай».

Проблемы безопасности

Международная подсистема Западная Сибирь–Китай–Центральная Азия подвержена тем же проблемам безопасности, что и другие подсистемы: наркотрафик, террористические угрозы. В рассматриваемой подсистеме эти вызовы чрезвычайно актуальны. Речь идет о чеченском (Россия), синьцзян-уйгурском (Китай) и радикальном исламском (государства Центральной Азии) терроризме. В некоторых государствах Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан) экстремистские движения составляют базу протестного движения. Однако в мотивации оппозиции, помимо исламского фактора, большую роль играют серьезные социальные проблемы, давно существующие в регионе. С точки зрения местного, регионального противодействия терроризму (в отличие от глобального, которое возглавили США после событий 11 сентября) интеграция в рамках подсистемы необходима хотя бы для того, чтобы иметь доступ к информации и слаженно действовать против экстремистски настроенных группировок.

Что касается наркотрафика, то известно, что происходит дальнейшее укрепление наркотической «пирамиды» как в странах Центральной Азии, так и на всем постсоветском пространстве. В отличие от финансовых данная конструкция имеет реальную конфигурацию, ежегодно охватывая новые миллионы своих жертв. В ее основании – гигантские маковые поля в Афганистане, широкая сеть «дилеров» (нелегальных курьеров) и отработанные маршруты наркотрафика через Центральную Азию в Россию и Европу. По подсчетам российских экспертов, объем тяжелых наркотиков (героина), прошедших за 2004 г. через регион, вырос до 430 т. Учитывая, что Европа в среднем усваивает примерно 70 т, получается, что оставшееся зелье (более 300 т) остается на пространстве СНГ, включая Россию¹.

¹ Лузянин С.Г. Центральная Азия и проблемы безопасности в трехстороннем сотрудничестве России, Индии и Китая. <http://www.analitika.org>

Еще одной потенциальной угрозой целостности подсистемы может стать проблема субрегионализации. Недавно озвучено предложение Н. Назарбаева о создании центральноазиатского союза Узбекистан–Казахстан–Кыргызстан. Идея вызвала неоднозначную оценку у экспертов. Налицо субрегионализация на пространстве ШОС. Одновременно есть и центробежные политические тенденции со стороны Узбекистана, скрытая напряженность между Астаной и Ташкентом и другие внутрирегиональные проблемы. Все это происходит на фоне усиления трансграничных сепаратистских тенденций, связанных с деятельностью экстремистских уйгурских организаций, ряда радикальных исламских – Хизбут-Тахрир, ИДУ и другие.

Можно также сказать, что фактором внешней угрозы стабильности подсистемы в той или иной степени являются США. В то же время именно активизация политики США на постсоветском пространстве, в частности размещение военных баз на территории центральноазиатских республик, в свое время послужила толчком для активизации российско-китайского сотрудничества и более взвешенной внешней политики России в регионе. США пытаются вмешаться в «большую игру» на постсоветском пространстве, поскольку регион геополитически очень важен. Попытки отстранить Россию от транспортировки каспийских ресурсов, от строительства нового Великого шелкового пути, поддержка «оранжевых» и прочих революций в бывших советских республиках – всё это говорит о том, что Соединенные Штаты вряд ли считают выгодной для себя интеграцию России (в частности, через Западную Сибирь) с Китаем и государствами Центральной Азии. К тому же некоторые эксперты полагают, что Соединенные Штаты Америки заинтересованы в нестабильности в этом регионе. А так как американцы ведут войну в Ираке, возможно, начнут военные действия против Ирана (во всяком случае напряженность вокруг иранской ядерной программы растет) и очень обеспокоены ростом экономической и военной мощи Китая, понятно, что им нужно постоянное присутствие в этом регионе. Именно поэтому США могут рассматриваться как потенциальная угроза целостности рассматриваемой подсистемы, может быть даже не столько угроза, сколько противник, и активный. Недаром же после встречи глав государств–членов Шанхайской организации сотрудничества в Пекине в американской прессе появились материалы об угрозах и вызовах, исходящих от ШОС, сравнивающие ее чуть ли не с Организацией Варшавского договора. Таким образом, можно сделать вывод, что США категорически не заинтересованы ни в укреплении позиций России и Китая в данном регионе, ни в укреплении самой подсистемы. В то же время многие иностранные авторы говорят о том, что противостояние Китая и России в данном регионе является фактором

нестабильности системы. Якобы эти противоречия рано или поздно приведут к тому, что оба государства будут ставить перед собой в регионе разные цели, не сопоставимые с сотрудничеством и интеграцией. Представляется вероятным, однако, что несмотря на некоторые разногласия и противоречия интеграция в системе будет развиваться и упрочняться.

Выводы

Подводя итог исследованию, можно сказать, что интеграция подсистемы Западная Сибирь—Центральная Азия—Китай развивается. Уже существуют неплохие заделы сотрудничества, однако приходится признать, что внешнеэкономическая деятельность регионов Сибири пока не соответствует ее промышленному и трудовому потенциалу. В экспорте очень велика доля сырья. Сегодня регионы Сибири поставляют в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) металлы, каменный уголь, нефтяной кокс, нефть и нефтепродукты, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, полимерные материалы, органические химические соединения. К нам из стран АТР ввозятся лекарства, автомобили, оборудование, теле- и радиоаппаратура, товары легкой промышленности, продовольствие. В то же время геополитическое значение Сибири как связующего звена между Европой и быстроразвивающимися странами АТР уникально. Сибирь может и должна стать основой для дальнейшего сближения нашей страны со странами АТР. Но интеграция в подсистеме еще не закончена, и Западная Сибирь заинтересована в ее углублении. Активность региона определяется в основном экономическими факторами. Наибольшее значение для Западной Сибири сохраняет экономический и другие виды сотрудничества в пределах азиатской части России и зарубежной Азии, прежде всего её центральной части. Более глубокая интеграция региона в международную подсистему будет способствовать притоку инвестиций, развитию высокотехнологических производств. Необходим механизм, при котором дешевые товары из Китая и Центральной Азии будут попадать в Западную Сибирь напрямую, а не через Москву. В то же время нужно создать серьезную законодательную базу для противостояния таким угрозам, как нелегальная миграция, контрабанда, наркотрафик. Традиционная толерантность народов Сибири к иностранцам должна защищать общество от проникновения экстремистских настроений. Федеральная и региональная власть должна донести до широких масс плюсы и минусы подобной интеграции, а также проводить работу по предотвращению расистских настроений в обществе.

Вероятнее всего, Западная Сибирь будет расширять сотрудничество с иностранными государствами. Современные тенденции глобализации, развитие «новой экономики» – экономики знаний диктуют регионам необходимость проведения политики открытости в области международной деятельности. Положение Западной Сибири как центральноазиатского рубежа России несет геополитическую и геоэкономическую нагрузку. В случае организации трансазиатской транспортной инфраструктуры именно через этот регион пройдут гигантские товарные и сырьевые потоки из Азии в Россию и Европу и обратно, здесь должны появиться консульские и внешнеторговые учреждения ряда азиатских а возможно, и западных государств, сюда при кризисном развитии сопредельных областей Востока могут хлынуть потоки вынужденных мигрантов, здесь могут развернуться криминальные сообщества сферы наркобизнеса, контрабанды и др. Принимая во внимание уникальный потенциал региона, необходимо разработать ответственную стратегию, чтобы внешняя активность региона осуществлялась на пользу не только Сибири, но и России в целом.

Глава 10

Дальний Восток

Исторические конфигурации

На протяжении нескольких веков освоение и заселение азиатской части России совпадало с задачами обороны и геополитики. Формирование межгосударственных отношений России с Китаем, Японией и Кореей происходило в соответствии с рядом договоров и соглашений.

Процесс присоединения и колонизации дальневосточных земель начался в середине XVII в., когда на юге Дальнего Востока появились несколько острогов, которые постепенно превратились не только в военные, но и административные и земледельческие центры. Колонизация Приамурья приостановилась после подписания в 1689 г. Нерчинского договора, а первопроходцы устремились на север.

В результате нескольких морских экспедиций для России была «открыта» и обследована северо-западная часть Америки. В 1799 г. была основана Российско-американская компания, под флагом которой происходило освоение Русской Америки¹. В поисках новых земель и торговых партнеров представитель Российско-американской компании в Петербурге Н. Резанов в 1803 г. отправился во главе торговой миссии в Японию, но ему не удалось заключить соглашения. В 1812 г. в северной части Калифорнии был основан форт Росс, который стал крайней границей владений России в Северной Америке.

До середины XIX в. отношения с Японией ограничивались отдельными контактами русских мореплавателей с японцами². Япония оставалась практически закрытой для внешнего мира страной. Русские торговые миссии не могли достичь целей. Только миссия Е. Путятина после длительных переговоров, которые завершились в порту Симода в начале 1855 г., добилась подписания договора об установлении дипломатических отношений, торговли и определения

¹ *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. С. 113.

² *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. Из истории контактов. М.: Прогресс, 1983. С. 35, 51,

государственной границы (Симодский трактат). Граница между Россией и Японией была установлена между островами Итуруп и Уруп, а остров Сахалин оставался без определенной государственной принадлежности. До 1856 г. право управления Сахалином принадлежало Российско-американской компании.

После заключения Айгуньского договора в 1858 г. Россия вернулась в Приамурье и получила прямой путь на Сахалин по Амуру. А по условиям Пекинского договора 1860 г. она приобрела земли вдоль восточного берега реки Уссури и побережья Японского моря¹.

Отказ от продолжения хозяйственной деятельности в Русской Америке и продажа Аляски в 1867 г. определили выбор российского правительства в пользу укрепления позиций на Дальнем Востоке. Россия продолжила переговоры о разграничении владений с Японией. Только в 1875 г. в Петербурге был подписан договор, по которому остров Сахалин полностью отошел России, а Япония получила Курильские острова².

Таким образом, во второй половине XIX в. границы Российской империи на Дальнем Востоке были подтверждены двусторонними договорами.

Дальневосточные земли входили в состав Восточно-Сибирской губернии. Генерал-губернатор Восточной Сибири командовал вооруженными силами, возглавлял гражданскую администрацию, осуществлял дипломатические функции. Области возглавляли военные губернаторы, которые занимались военными и гражданскими делами, а военный губернатор Приморской области с 1871 г. занимался и морским управлением. Центр административного управления располагался в Иркутске, центр областного управления и штаб войск Приморской области – в Николаевске, а управление сухопутными и морскими частями – во Владивостоке. На преодоление огромных расстояний между этими городами в условиях бездорожья уходили месяцы.

Границы административно-территориальных единиц, оптимальные формы административного устройства новых территорий,

¹ См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996.

² Япония выдвигает претензии на Кунашир, Итуруп и Малую Курильскую гряду, мотивируя их ссылками на Трактат о торговле и границах 1855 г., а также на то, что эти территории не входят в состав Курильских островов, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. СССР до 1991 г. отрицал существование территориального вопроса в отношениях с Японией. Наличие этой проблемы впервые было зафиксировано в Совместном заявлении 1991 г., подписанном по итогам визита М. Горбачева в Токио. В 1993 г. была подписана Токийская декларация, в которой говорилось о стремлении сторон заключить мирный договор и урегулировать территориальный спор. Проблема до сих пор так и не получила адекватного решения.

необходимость введения гражданского управления обсуждались и изменялись в течение многих лет. Формирование эффективной системы административного управления происходило в процессе поиска образа региона то, как далекой окраины империи, то как колонии (в зависимости от геополитических факторов).

Заселение Дальнего Востока происходило за счет миграции не только из европейской части России, но из других стран. Законодательной основой процесса был указ 1861 г. «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири»¹. В условиях нехватки рабочих рук и необходимости хозяйственного освоения территории российское правительство на первых порах не только мирилось с присутствием иностранцев, но и планировало их приток². Хотя проекты создания на Дальнем Востоке американской, немецкой, чешской колоний не были реализованы в связи с изменением исторических условий.

Во второй половине XIX в. Великобритания, Франция, Германия, США, Китай и Япония форсировали раздел сфер влияния в Северо-Восточной Азии (СВА). Российская внешняя политика в это время исходила из того, что ни одна из крупных держав не должна занимать господствующего положения в регионе. Для укрепления своих позиций в регионе в 1884 г. был подписан договор с Кореей, а в 1886 г. – соглашение с Китаем, подтвердившее границу по Пекинскому договору 1860 г.

В связи с необходимостью улучшения системы руководства дальневосточными владениями в 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство. В его состав вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области, а также Владивостокское военное губернаторство. Десятилетие правления первого приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа характеризовалось оптимальным сочетанием усилий региональных и центральных властей по преодолению отсталости дальневосточных земель и закреплению российских позиций в СВА. По инициативе А.Н. Корфа в Хабаровске проводились конференции для обсуждения планов регионального развития. Благодаря правительственным мероприятиям по увеличению финансовых средств и размеров земельных наделов для переселенцев приток населения из европейской части России возрос. Деятельность С.Ю. Витте во главе Министерства финансов по привлечению иностранных капиталов способствовала успешному осуществлению проектов строительства Транссибирской железнодорожной дороги

¹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирию. В 8 т. Т. 8. Ч. 2. Иркутск, 1885. С. 191–200.

² Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 22–27.

и Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). К началу XX в. регулярное железнодорожное сообщение позволило региону не только преодолеть значительные расстояния, но и стать транспортным мостом, соединившим Европу и Азию. После постройки КВЖД торговля России с Китаем велась в основном через Маньчжурию, что способствовало ее экономическому развитию.

Борьба России с Японией за укрепление влияния на Корейском полуострове и в Маньчжурии завершилась поражением в русско-японской войне (1904–1905 гг.). По Портсмутскому мирному договору Россия утратила свои позиции в Северо-Восточном Китае и уступила южную часть острова Сахалин Японии. В этих условиях правительство во главе с П.А. Столыпиным занялось усилением обороноспособности дальневосточных рубежей, поощрением миграции и строительством новых путей сообщения. Выступая в Государственной думе в марте 1908 г. по поводу необходимости строительства Амурской железной дороги Столыпин говорил: «Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?»¹.

П.А. Столыпин также полагал, что строительство должно вестись русскими людьми, которые «осядут вокруг этой дороги, они выдвинутся в край и выдвинут вместе с тем туда Россию»². Подобные высказывания подтверждали тенденции роста национализма в государственной политике на Дальнем Востоке в начале XX в., которые выразились в ряде мероприятий по ограничению деятельности иностранцев в регионе. Но их эффективность была небольшой, поскольку действующая в рамках империи законодательная система противоречила региональной практике. Регулярная миграция китайцев и корейцев происходила в условиях открытости границ. Иностранная рабочая сила составляла значительную часть трудовых ресурсов и играла положительную роль наряду с иностранным капиталом в экономическом развитии региона.

В годы иностранной интервенции и Дальневосточной республики, которая существовала с 1920 по 1922 гг., центральные власти безуспешно пытались установить контроль в регионе. К 1922 г. относится знаменитая фраза В. И. Ленина, что Владивосток далеко, но все же это город «нашенский».

¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... // Полное собрание речей в Государственной думе и государственном совете. 1906–1911 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 122.

² Там же. С. 127.

Политика центральных властей была направлена на сохранение целостности государства в условиях отдаленности дальневосточных земель. При любой дестабилизации международной обстановки власти предпринимали меры по вытеснению «чужих» и закреплению «своих». А периоды стабильности характеризовались сосуществованием, когда граница между «своим» и «чужим» оставалась подвижной. В обстановке пограничья присутствие «чужого» было своеобразным катализатором пробуждения и укрепления национального самосознания. Дальневосточная граница определялась как рубеж между сферами очевидного демографического, социально-экономического и культурного преобладания русского населения и теми зонами, где русская экспансия не смогла кардинально изменить основы экономики, культуры и быта коренного населения.

Противоречие политических целей и экономических потребностей государства на Дальнем Востоке было характерным и для советского периода.

Дальний Восток был включен в состав РСФСР в ноябре 1922 г. В 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой». В 1929 г. дипломатические отношения между СССР и Китаем были прерваны после захвата китайскими милитаристами КВЖД и ареста советских служащих дороги. В результате боевых действий Дальневосточной особой армии в 1929 г. ситуация в районе КВЖД стабилизировалась, и в 1932 г. дипломатические отношения были восстановлены.

Переговоры с Японией завершились в 1925 г. подписанием конвенции об основных принципах взаимоотношений между двумя странами. Япония согласилась на эвакуацию своих войск с северной части острова Сахалин, а Советское правительство признавало правомочность Портсмутского договора. В 1931 г. Япония начала захват Северо-Восточного Китая и в 1932 г. объявила о создании государства Маньчжоу-го. На границе с Приморьем периодически происходили вооруженные столкновения.

Административное устройство региона изменялось в соответствии с политическими и хозяйственными задачами. В 1923 г. была образована Дальневосточная область с центром в Хабаровске, а спустя три года область была преобразована в край. В 1932 г. из Дальневосточного края была выделена Приморская область с центром во Владивостоке. В 1938 г. вместо Дальневосточного края были образованы Приморский и Хабаровский края.

В 1920—начале 1930-х годов дальневосточные границы, особенно на северо-востоке, носили символический характер. Торговцы и мест-

ные жители с берегов Чукотки и Аляски свободно преодолевали Берингов пролив. Японские рыбаки без всяких ограничений ловили рыбу и крабов в прибрежных водах Приморья и Камчатки. Корейцы занимались земледелием и рыболовством в районе реки Туманган, не замечая трудностей перехода границы. Китайцы добывали золото в Приамурье и перевозили его через границу, снабжали приграничных жителей потребительскими товарами без уплаты таможенных пошлин.

Для обеспечения безопасности дальневосточных границ в 1929 г. была создана Особая дальневосточная армия, в 1931 г. — Морские силы Дальнего Востока, которые спустя несколько лет стали называться Тихоокеанским флотом. К середине 1930-х годов границы на всем Дальнем Востоке находились под постоянным контролем пограничных войск. В отношении иностранцев применялись карательные меры. Японцы в основном покинули Приморье в 1937 г. Около 172 тыс. корейцев осенью 1937 г. были насильственно вывезены в Казахстан и Узбекистан. В 1938 г. около 10 тыс. китайцев были депортированы через Казахстан в Синьцзян¹.

Советский Дальний Восток воспринимался в образе «форпоста» на дальних рубежах. После окончания Второй мировой войны отношения с Японией и США развивались в соответствии с духом «холодной войны», а ухудшение советско-китайских отношений, начавшееся в 1960-е годы, усиливало милитаризацию региона. Дальневосточный военный округ был одним из самых больших по территории и мощи в стране.

Годы гражданской войны и иностранной интервенции нанесли существенный урон региональной экономике. Успешному восстановлению связей с Сибирью и европейской частью страны помогло проведение новой экономической политики. Дальний Восток был одним из основных районов осуществления концессионной политики. По количеству концессий лидировали Япония и США.

Постепенно экономика региона переориентировалась с удовлетворения потребностей за счет своих ресурсов на решение общегосударственных задач с опорой на централизованные ресурсы. В процессе индустриализации и всеобщей коллективизации сельского хозяйства на Дальнем Востоке страны сложилась модель экономического развития, которая сохранилась до начала 1990-х годов. К этому времени Дальний Восток находился в состоянии полномасштабного социально-экономического кризиса.

Современная политика России в Восточной Азии продолжает формироваться в условиях усиления контроля со стороны федерального правительства. Региональные власти пытаются расширить

¹ Этномиграционные процессы в Приморском крае в XX веке / А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева и др. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 79–80.

свои права на ведение сотрудничества с соседними странами. На этом фоне без труда просматривается ставшее традиционным отсутствие согласованной политики в отношениях администраций дальневосточных краев и областей с центром.

Роль российского Дальнего Востока (РДВ) за последние 15 лет изменялась в соответствии с политикой России, направленной на то, чтобы стать участником интеграции в Восточной Азии. Станет ли РДВ мостом, соединяющим страны и народы, или только транзитным регионом для продажи природных ресурсов на мировом рынке, зависит от выбора концепции российского экономического развития.

Общая характеристика подсистемы

Сложившаяся к началу нового столетия военно-политическая обстановка в Восточной Азии в целом благоприятна для реализации планов участия России в региональных интеграционных процессах. Перспективы включения РДВ в интеграционное пространство могут рассматриваться как составная часть процесса участия России в создании Восточноазиатского сообщества (ВАС)¹.

Формальное образование ВАС произошло в декабре 2005 г. Учредителями стали 16 стран – 10 членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, Association of South East Asian Nations), Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. США отказались присоединиться к организации, поскольку не захотели подписывать договор о дружбе и сотрудничестве, по которому страны-участницы обязуются не применять силы в регионе. По мнению ведущего российского эксперта В. Михеева, «...идея единения Восточной Азии принята, пример Европейского союза кажется интригующим, однако ясности в вопросе о путях и этапах практической реализации идеи Восточноазиатского сообщества нет»².

Россия участвовала в первом саммите ВАС в качестве наблюдателя и подала заявку на членство. Президент Российской Федерации

¹ Восточная Азия состоит из Северо-Восточной Азии (СВА) и Юго-Восточной (ЮВА). СВА включает такие страны, как Китай, Япония, Южная Корея, что обозначается как СВА–3, а также Россию, Северную Корею и Монголию. ЮВА включает Филиппины, Индонезию, Бруней, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу, Малайзию, которые являются членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

² *Михеев. В.В.* Интеграционное пространство Восточной Азии и Россия // *Пространственная экономика*. 2005. №2. С. 27–28.

В.В. Путин, принявший участие в работе саммита, подтвердил готовность страны вносить реальный вклад в решение актуальных вопросов региональной жизни. Идею присоединения России к организации поддержало большинство стран-членов АСЕАН, за исключением отдельных во главе с Австралией. По мнению австралийских политиков, вступление России в ВАС будет угрожать складывающейся архитектуре региональной безопасности. Очевидно, что негативная позиция Австралии основана на факте существования конкуренции двух стран в торговле сырьевыми и энергетическими ресурсами в Восточной Азии, прежде всего сжиженным газом. Однако, по оценкам специалистов, австралийских запасов природного газа не хватит, чтобы полностью удовлетворить растущие энергетические потребности региона, в то время как объемы поставок газа с Сахалина постепенно растут. В данном случае экономическая мотивация превалирует над политическими соображениями.

Россия участвует в обсуждении экономических и политических вопросов на форумах АТЭС, проблем региональной безопасности на сессиях Регионального форума АСЕАН (АРФ). Кроме того, наша страна в 2000 г. учредила Байкальский экономический форум. Однако на пути интеграции России в Восточную Азию имеется множество препятствий, которые наша страна постепенно преодолевает.

В конце 1980-х годов процессы децентрализации, которые способствовали активизации региональных контактов, развивались практически одновременно во всех странах Северо-Восточной Азии (СВА)¹. В эти годы возникли две основные концепции экономической интеграции в СВА. Концепция «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива» по замыслу китайских авторов предполагала расширение экономических контактов между прибрежными районами Японии, Республики Кореи, КНДР и КНР. Японские ученые предложили концепцию «Кольцо Японского моря», в рамках которой планировалось сотрудничество крупного и среднего капитала и органов местного самоуправления. Гибкая форма организации позволила бы избежать сложностей политических отношений между странами региона. Каждый из участников мог использовать свои преимущества: Япония — капитал и высокие технологии; Южная Корея — капитал и промежуточные технологии; Китай — рабочую силу и сельскохозяйственную продукцию; КНДР — рабочую силу; РДВ — природные ресурсы.

В ходе многолетних дискуссий обе концепции подверглись кардинальным изменениям. Некоторые проекты с участием РДВ, в частности «Большой Владивосток», «Универсальный транспортный

¹ См.: Опыт рыночных трансформаций в странах Северо-Восточной Азии: институциональные аспекты / Отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток: ДВО РАН, 2005.

узел», не были осуществлены, а другие получили развитие в рамках приграничного сотрудничества.

Преобразования, происходившие в России, заставили дальневосточные власти и бизнес активно взаимодействовать с соседними странами. В начале 1990-х годов во Владивостоке были открыты консульства США, Японии, Республики Корея, Индии, Вьетнама, а в Хабаровске – консульства КНР и Японии.

С началом экономических реформ и постепенным переходом к рыночным отношениям происходила децентрализация внешнеэкономических связей. Предприятия и организации получили право самостоятельного выхода на зарубежный рынок. Принятие законодательства об иностранных инвестициях привело к росту числа совместных предприятий, которые стали ведущими игроками на внешнеэкономическом рынке. Основным объемом экспортно-импортных операций пополнялся благодаря росту посреднических операций и прямой бартерной торговли, где государственное регулирование было слабым.

Большие надежды возлагались на свободные экономические зоны (СЭЗ), которые появились в начале 1990-х годов в Находке, на Сахалине и Еврейской автономной области. Они рассматривались как противовесы централизованной системе, и мотивы их создания были скорее политическими. По сути, СЭЗ «Находка» стала торговой площадкой для китайских товаров, а попытки внедрения высокотехнологичных производств с помощью южнокорейских инвестиций не увенчались успехом. Еще одним политическим шагом стал закон об учреждении в Магаданской области в 1999 г. особого правового режима хозяйственной деятельности, суть которого сводится к налоговым льготам¹. Политические мотивы нашли подтверждение в продлении действия закона об особой экономической зоне (ОЭЗ) в Магаданской области во время визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Магадан в 2005 г. В связи с тем, что ряд положений об ОЭЗ противоречит российским законодательным актам, ведется разработка новой концепции закона. По мнению губернатора Магаданской области Николая Дудова, отмена ОЭЗ приведет к резкому снижению уровня жизни населения и торможению всех инвестиционных программ².

До сих пор сфера интересов российских компаний на РДВ сосредоточена на разработке минерально-сырьевых ресурсов. На протяжении последних лет Правительство Российской Федерации говорило о

¹ Гурьева М. Зоны особого внимания // Дальневосточный капитал. 2005. № 12. С. 16.

² Ларина Л. Интервью с Николаем Дудовым, губернатором Магаданской области // Дальневосточный капитал. 2007. № 2. С. 38.

намерениях создать на границе с Китаем инвестиционные зоны, модельные города, локальные приграничные торгово-инвестиционные комплексы. На китайской стороне границы подобные зоны уже действуют в Хэйхэ и Суньфэньхэ. Но политической воли по созданию льготного режима для самостоятельного развития приграничных территорий в районе Благовещенска, Пограничного (Приморский край), Хабаровска до сих пор не было проявлено.

Рост объемов экспорта природных ресурсов в немалой степени был результатом лоббирования дальневосточными предпринимателями, которые добивались налоговых, тарифных и валютных льгот, увеличения экспортных квот и импорта потребительских товаров (от продуктов питания из Китая до подержанных автомобилей из Японии). Сотрудничество со странами СВА до сих пор остается важным элементом долгосрочного развития региона.

На волне подъема регионализма в СВА представители местных властей из разных стран стали обсуждать возможности совместных действий. На конференции в 1996 г. в Кёнджу (Республика Корея) представители региональных администраций Японии, Китая, Республики Кореи и России утвердили устав Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРССВА). Сейчас в Ассоциацию входят представители 39 региональных администраций из шести стран. Это префектуры Аомори, Исикава, Киото, Ниигата, Симанэ, Тоттори, Тояма, Фукуи, Хёго, Ямагата (Япония); Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия, Хабаровский и Приморский края, Амурская, Иркутская, Камчатская, Сахалинская и Читинская области, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (Россия); Нинся-Хуэйский автономный район, провинции Ляонин, Хэнань, Хэйлунцзян, Шаньдун (КНР); провинции Кангвон-до, Кёнги-до, Кёнсанбук-до, Кёнсаннам-до, Чоллабук-до, Чолланам-до, Чечжу-до, Чунчонбук-до, Чунчоннам-до, город Пусан (Республика Корея); провинция Тув, Селенгинский аймак (Монголия); провинции Северный Хамген и город Расон (КНДР).

Основная цель АРССВА – содействие формированию системы доверительных отношений и всестороннему развитию региона СВА посредством формирования механизмов сотрудничества между администрациями территорий стран этого региона на основе принципов взаимопонимания, равноправия и взаимной выгоды¹. В 2005 г. начал свою работу Постоянный Секретариат АРССВА, который располагается на территории провинции Кёнсанбук-до (Республика Корея).

Одним из следствий владивостокской речи М.С. Горбачева 1986 г. о необходимости прорыва СССР в АТР стало учреждение Советско-

¹ <http://www.near.khb.ru>

го национального комитета по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Позднее он был переименован в Российский комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС). В 2002 г. в соответствии с постановлением правительства Российской Федерации «О создании общественно-государственного объединения РНКТЭС» комитет был зарегистрирован как общественно-государственное объединение. В организацию входят представители федеральных министерств и региональных администраций, академических институтов, деловых структур. За последние годы число членов РНКТЭС увеличилось до 90. Председателем РНКТЭС с мая 1999 г. является губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев.

Главная цель деятельности РНКТЭС – содействие формированию и реализации национальной стратегии России в АТР через деятельность Совета по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству и Тихоокеанского экономического совета, а также представление интересов России при решении проблем, связанных с интеграционными процессами в АТР¹. РНКТЭС координирует сотрудничество и на уровне двусторонних отношений региональных органов власти. Инициаторами установления таких связей были японцы. К концу 1980-х годов на долю Японии приходилось около 65% всего регионального экспорта, что объяснялось активным применением таких форм сотрудничества, как компенсационные соглашения и прибрежная торговля.

Развитию торгово-экономических отношений способствует создание организационных механизмов, позволяющих вести диалог как на межправительственном, так и на региональном уровне.

В 1990 г. было подписано соглашение о дружественном партнерстве между РСФСР и островом Хоккайдо, а позднее образована рабочая группа из представителей администраций дальневосточных регионов, центральных органов власти РСФСР и администрации Хоккайдо, организаций промышленников и отдельных предприятий. В 1992 г. на первом заседании постоянной смешанной комиссии (ПСК) были определены ее цели, включавшие в себя содействие развитию отношений между Российской Федерацией и Японией и интеграции РДВ в АТР. В рамках ПСК были реализованы две программы, и с 2002 г. осуществляется третья программа экономического сотрудничества между РДВ и Хоккайдо для содействия расширению связей между предприятиями частного бизнеса. Совместные предприятия с японским капиталом были представлены в сфере обслуживания, но на сегодняшний день гостиницы и рестораны под разными предлогами оказались в руках российских учредителей.

¹ <http://www.rncpec.fareast.ru>

Предприимчивость в реализации программ сотрудничества проявили сахалинские власти и предприниматели. В области были учреждены бизнес-центр Хоккайдо, представительство губернаторства Хоккайдо, открыты регулярные линии морского и воздушного сообщения между Сахалином и Хоккайдо. Председателем российской части ПСК является губернатор Сахалинской области И. П. Малахов.

Деятельность ПСК пользуется поддержкой Дальневосточной подкомиссии Российско-Японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, Российско-японского и Японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству.

В основе российско-японского регионального сотрудничества находятся сахалинские нефтегазовые проекты, разработка якутских угольных, нефтяных и газовых месторождений, проекты энергосбережения на предприятиях российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Основные позиции в экспорте региона в Японию занимают: нефть и нефтепродукты (37%), лесоматериалы (32%), уголь каменный (16%). Импорт представлен двумя позициями: автомобили (63%), машины и оборудование (26%). Главными партнерами Японии являются Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край.

Развитие российско-американских отношений на региональном уровне переживало периоды взлетов и падений. По решению Российско-американской межправительственной комиссии (прежде именовавшейся комиссией Черномырдин–Гор) в 1994 г. была создана инициативная рабочая группа «Дальний Восток России–Западное Побережье США» (ИРГ). В 1995 г. на первом заседании ИРГ в Сиэтле обсуждались вопросы совершенствования таможенной и административной политики, расширения возможностей для финансирования совместных проектов, меры по снижению барьеров на пути торгового и инвестиционного сотрудничества. На заседании ИРГ в Хабаровске были созданы секретариат на базе Фонда Российско-американского экономического сотрудничества (ФРАЭС), который располагается в Сиэтле, и дирекция Межрегиональной ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» в Хабаровске.

ИРГ «Российский Дальний Восток–Западное побережье США» сыграла важную роль в принятии на межправительственном уровне решения о развертывании специальной программы по оказанию содействия территориям РДВ, получившей название «Региональная инвестиционная инициатива» (РИИ). Она была направлена на привлечение местных властей к сотрудничеству с правительством и иностранным бизнесом. Координацию и реализацию проектов осуществляли Агентство по торговле и развитию, Корпорация зарубежных частных инвестиций, Американско-российский инвестици-

онный фонд, Экспортно-импортный банк США, Корпус гражданской демократии. При этом Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область стали основными адресатами программ.

Инвестиционная деятельность США была направлена на внедрение рыночной экономики, развитие гражданского общества и обеспечение стабильности на РДВ. Американские инвестиции к концу 1990-х годов составляли примерно половину всех зарубежных инвестиций в регионе. Часть из них шла на передачу американского опыта в виде программ бизнес-образования, содействия малому и среднему предпринимательству, обмена деловой информацией и т.д. по всему региону. Были осуществлены совместные проекты в добывающих отраслях, сфере услуг. Однако на этом пути оставалось множество препятствий — коррупция высокого уровня, несовершенство налоговой и таможенной систем, нехватка квалифицированных кадров, отсутствие телекоммуникационной инфраструктуры и т.д. Перепетии внедрения совместного проекта «КЛИРПАК» вполне типичны для понимания трудностей российско-американского сотрудничества. Проект был предназначен для ускорения таможенного оформления грузов, следующих из США на РДВ, путем внедрения автоматизированной системы предварительного уведомления. Идея была предложена в 1996 г., затем на каждом заседании ИРГ обсуждались проблемы внедрения. Только в 1999 г. было объявлено о его готовности к распространению на РДВ, и проект постепенно стал внедряться.

Постепенное ухудшение российско-американских отношений и трудности ведения бизнеса на РДВ привели к смене приоритетов. Осенью 2002 г. ИРГ была переименована в Российско-американское тихоокеанское партнерство (РАТОП). В состав РАТОП входят представители всех регионов РДВ и штатов Аляска, Гавайя, Вашингтон, Калифорния, Орегон. РАТОП продолжает проводить политику развития торгового и инвестиционного сотрудничества дальневосточных регионов Российской Федерации и тихоокеанских штатов США¹. В рамках РАТОП работает механизм взаимодействия деловых кругов и представителей исполнительной власти обеих стран, как региональной, так и федеральной. Для достижения большей эффективности деятельности РАТОП создана система, облегчающая процесс поддержки проектов регионального развития или отраслевых проектов, с упором на реализацию конкретных проектов, обеспеченных финансированием. Например, в связи с началом полномасштабной реализации проектов «Сахалин» сектор «Энергетика» был переименован в «Сахалинские нефтегазовые проекты».

¹ <http://www.ahwg.org>

Ежегодные заседания РАТОП проходят в городах Тихоокеанского побережья США и РДВ. В 2005 г. в десятой встрече в Южно-Сахалинске участвовали представители деловых кругов, правительственных и общественных организаций из семи российских регионов, восьми американских штатов, а также Китая, Японии, Австралии, Великобритании, Турции и Франции. Такое широкое представительство участников свидетельствует о повышении роли РАТОП в координации экономического сотрудничества в регионе. В октябре 2006 г. заседание РАТОП состоится в Сан-Франциско.

Наибольший удельный вес стоимости дальневосточного экспорта в США приходится на сырую нефть и нефтепродукты (32%). и по этим видам сохраняется стабильность. В последние два года сокращение импорта произошло из-за уменьшения поставок рыбы и морепродуктов, одежды из трикотажа. Стоимость предметов одежды в отдельные годы достигала 43% в экспорте, но в связи с изменением законодательства Российской Федерации об иностранных предприятиях с использованием труда российских граждан фабрики по пошиву одежды были закрыты. Южнокорейские компании, которым принадлежали фабрики, перенесли производство в Китай, а в Приморском крае возросла безработица среди женщин. Рост стоимости импорта происходит из-за стабильных поставок машин, оборудования и механизмов, на которые приходится около четверти импорта¹. По объему товарооборота с США лидерами являются Сахалинская область, Приморский и Хабаровский края.

После нормализации в сентябре 1990 г. отношений нашей страны с Республикой Корея была создана договорно-правовая база развития экономических, научно-технических и культурных связей. В 1992 г. во Владивостоке открылось консульство Республики Корея и представительство Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций (КОТРА). Агентство является основным связующим звеном между предпринимателями РДВ и Республики Корея. Ассоциация по сотрудничеству между Республикой Корея и Дальним Востоком России, Сибирью (АКРС) с корейской стороны и Комитет по сотрудничеству между Дальним Востоком России, Сибирью и Республикой Корея (КРКС) с российской стороны действуют с 1992 г.

В 1990-е годы торговое сотрудничество РДВ с Южной Кореей развивалось динамично. В 1997 г. товарооборот вырос примерно в четыре раза по сравнению с 1992 г., а доля Южной Кореи во внешней торговле РДВ возросла с 9,1 до 14,3%. Структура дальневосточного экспорта в Южную Корею во многом была схожа со структурой регионального экспорта в Японию и Китай. Но основными

¹ <http://www.rncpec.fareast.ru>

участниками торговли были крупные компании, которые имели преимущества перед мелкими китайскими или мелкими и средними японскими компаниями.

Валютно-финансовый кризис в Южной Корее и последствия аналогичного кризиса в России усилили негативные тенденции во внешней торговле. Преодоление последствий кризиса и шаги России по возмещению кредита, полученного в 1990 г., способствовали стабилизации отношений. В 2002 г. был образован Комитет по Дальнему Востоку и Сибири в рамках Российско-корейской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, деятельность которого также положительно повлияла на рост экспорта в Южную Корею. Практически половина дальневосточного экспорта приходится на нефть и нефтепродукты, поступающие из Сахалинской области. Уголь поступает из Республики Саха (Якутия). Импорт представлен потребительскими товарами, которые идут в основном в Приморский край. Внешнеторговый оборот РДВ с Республикой Кореей примерно 16%.

Инвестиционное сотрудничество РДВ и Республики Корея развивается медленно, не всегда последовательно. В 1992 г. началось обсуждение идеи строительства в Находке российско-корейского индустриального комплекса (РКИК). Спустя семь лет было подписано межправительственное соглашение о создании на территории СЭЗ «Находка» РКИК. Согласования по проекту продолжаются до сих пор.

В Приморском крае работает около 70 предприятий с участием южнокорейского капитала. С 1992 г. «Новая телефонная компания» предоставляет телекоммуникационные услуги, с 1997 г. успешно действует Владивостокский бизнес-центр, включающий отель, офисные помещения, конференц-залы, оздоровительный центр, рестораны. В Хабаровском крае в сфере услуг занято несколько десятков компаний с инвестициями из Южной Кореи. В Республике Саха (Якутия) самым крупным предприятием с южнокорейскими инвестициями является компания по добыче и переработке угля. На Камчатке инвестиции из Республики Корея ограничиваются кредитами российским партнерам на поставки рыбной продукции.

Отношения РДВ с Северной Кореей на протяжении последних 15 лет имели неустойчивый характер, хотя в советское время имелся богатый опыт сотрудничества. В 1958 г. генеральное консульство КНДР открылось в Находке. На лесозаготовках в Хабаровском крае и Амурской области трудились рабочие из КНДР. Для современного этапа торговли характерно преобладание экспорта над импортом. В середине 1990-х годов контакты на региональном уровне ограничивались соглашениями властей КНДР с администрациями Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Сахалинской областей

об использовании рабочей силы¹. После визитов В. Путина в КНДР в 2000 г. и Ким Чен Ира в Россию в 2001 г. и 2002 г. экономические связи оживились. Полпред президента в Дальневосточный федеральный округ К.Б. Пуликовский не только подружился с северокорейским лидером, о чем написал в своей книге, но способствовал принятию соглашений на региональном уровне. В результате Приморский и Хабаровский края приступили к расширению сотрудничества с КНДР. В 2006 г. была создана рабочая группа по торгово-экономическому сотрудничеству между администрацией Сахалинской области и комитетом по содействию международной торговле КНДР, которая будет заниматься привлечением квалифицированных специалистов из КНДР. Планируется также создание совместных предприятий в лесной и сельскохозяйственной отраслях.

После подписания в мае 1991 г. соглашения о границе между СССР и КНР на ее восточной части и проведения демаркационных работ началось укрепление торгово-экономического сотрудничества на региональном уровне. Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству оказывает содействие развитию сотрудничества территорий Дальнего Востока и Забайкалья с соседними китайскими провинциями на основе взаимовыгодных отношений. Китайская сторона поставляет на РДВ продовольственные и потребительские товары, рабочую силу, получая взамен природные ресурсы.

Объем внешнеторгового оборота в последние годы растет в основном за счет экспорта нефти и нефтепродуктов, древесины, транспортных средств, металлов и изделий из них. В рамках челночной торговли продолжается ввоз потребительских товаров из приграничных районов КНР. Основными торговыми партнерами Китая являются Хабаровский и Приморский края, Сахалинская и Амурская области.

Реальность такова, что интеграция РДВ в экономику СВА по-прежнему связана с отраслями экспортной специализации региона: рыбной, лесной и горнодобывающей. Дальнейшее развитие транспортно-транзитных функций региона в перевозках между азиатскими и европейскими странами требует совместных усилий государства и бизнеса. Отсутствие механизмов регионального взаимодействия в энергетической сфере осложняет осуществление проекта нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан, проекта поставок электроэнергии в Китай и КНДР и др.

Развитие многостороннего сотрудничества в экономической сфере позволяет надеяться на то, что радикальное расширение сотрудничества в борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом,

¹ *Забровская Л.В.* Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1998. С. 64–76.

пиратством, браконьерством, торговлей людьми и наркотиками будет способствовать формированию многосторонней коалиции с участием России, США, Китая, Японии, Южной Кореи.

Из числа неформальных политических и экономических форумов можно отметить «Диалог сотрудничества СВА» и Совет по проблемам безопасности и сотрудничества в тихоокеанской Азии, «Экономический форум СВА». В сентябре 2006 г. в Хабаровске прошло 15-е заседание форума с участием делегаций из США, Японии, КНР, Республики Корея, КНДР, Монголии, а также представителей российских регионов. По мнению губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева, в настоящее время наблюдается активизация «восточного вектора энергетической политики» России.

Политическая ситуация в Восточной Азии остается стабильной на фоне существующих рисков: северокорейского ядерного кризиса, китайско-тайваньских отношений, нерешенных территориальных споров.

Интеграционные процессы в СВА развиваются на разных уровнях и форматах. У России была возможность следовать по пути экономической интеграции за счет зарубежных инвестиций и спроса на природные ресурсы. Но пока политика федерального правительства направлена в основном на интеграцию дальневосточных территорий в общероссийское пространство. Очевидно, что сложности нынешнего этапа развития российско-японских отношений заставили федеральное правительство в очередной раз обратить внимание на бедственное положение на Курильских островах.

В 1995 г. правительство Российской Федерации одобрило программу социально-экономического развития Курил, но, судя по тому, что число постоянных жителей на островах значительно уменьшилось, задачи не были выполнены. По данным Всероссийской переписи 2002 г., в Курильском, Северо-Курильском и Южно-Курильском районах проживало 19 427 человек¹. В августе 2006 г. была принята федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007–2015 гг.» для обеспечения экономического закрепления России в АТР, повышения привлекательности Курил как места жительства населения, обеспечения бюджетной самостоятельности региона, диверсификации региональной экономики. На эти мероприятия планируется потратить около 18 млрд руб., из которых почти 80% из федерального бюджета².

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 1. Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России». 2004. С. 280–281.

² Коммерсант, 19.08.06.

Остается надеяться на то, что создание транспортной морской и авиационной инфраструктуры к 2015 г. позволит «приблизить» острова к Москве. Однако тот факт, что в планах правительства ничего не говорится о возможностях использования японских инвестиций для осуществления плана, заставляет сомневаться в успехе задуманного дела. Пока можно утверждать, что планы развития Курильских островов являются своеобразным ответом России на территориальные претензии Японии.

До сих пор стратегия развития России не обрела четких контуров, и государственные органы действуют в режиме текущего реагирования на возникающие проблемы. Осуществление энергетических проектов с участием Китая, Японии, Республики Кореи предполагает, что пространство Сибири и Дальнего Востока России окажется составной частью Восточной Азии. Только развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры между европейской и азиатской частью России позволит воспользоваться плодами интеграции.

В собственно внешнеполитической сфере Россия стремится закрепить за собой право голоса в решении важных вопросов безопасности региона, и в первую очередь проблемы Корейского полуострова. Такое право означает возможность для Москвы влиять на ключевые международно-политические процессы в регионе, но не равносильно способности единолично блокировать действия остальных акторов. На обозримую перспективу такой способностью в СВА будут обладать лишь США и Китай.

Напряженность по линии «Центр—регион»

Пропорции централизованного и децентрализованного компонентов в России на протяжении последних лет остаются в рамках прежнего административно-территориального деления. Состав членов Межрегиональной ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» выходит за рамки РДВ и включает Республику Бурятию, Читинскую область и Агинский Бурятский автономный округ.

Началом нового этапа централизации стало образование федеральных округов в 2000 г. и внедрение института полномочных представителей президента в сложившуюся систему «центр—регионы». Отношения полпреда по Дальневосточному федеральному округу К.Б. Пуликовского с главами дальневосточных территорий строились в зависимости от сложившейся системы, в которой главы Приморского и Хабаровского краев координировали свои действия напрямую с администрацией Президента Российской Федерации.

Дальневосточный федеральный округ является самым большим по территории, географически наиболее дифференцированным и экономически контрастным регионом России. На территории РДВ, которая занимает 36,4% площади страны, проживает 4,5% российского населения, а доля регионального ВВП составляет около 5%¹. В свою очередь географический регион делится на три части: Республика Саха (Якутия); Камчатская и Магаданская области, Корякский и Чукотский автономные округа; Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область. Но когда речь идет о развитии РДВ, то имеются в виду локальные территории, где есть постоянное население и условия для экономической деятельности. Это Приамурье, Приморье, Южный Сахалин, отдельные районы в Якутии, Магаданской области, на Камчатке.

Среднегодовые темпы роста ВРП за период с 1999 по 2005 гг. не превышали 4% ни в одном из дальневосточных субъектов, за исключением Сахалинской области. В Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае успешными были первые годы после кризиса, в Амурской области – 2001–2002 гг., в Приморском крае – 2003–2005 гг. В 2005 г. в Сахалинской области ВРП увеличился примерно на 13% из-за огромного притока инвестиций в рамках реализации сахалинских проектов. В Еврейской автономной области рост ВРП в 2005 г. составил около 9% благодаря транзитному статусу и привлечению инвестиций в строительство приграничной инфраструктуры. Однако область остается самым бедным субъектом, на территорию которого приходится около 1% регионального ВРП.

Инвестиционная активность в регионе наблюдается только в Сахалинской области и Чукотском автономном округе. При этом большая часть инвестиций в основной капитал приходится на долю социальных и инфраструктурных проектов, финансируемых при прямом или косвенном участии государства.

Для достижения экономического процветания РДВ можно пойти по пути реализации крупных проектов с привлечением инвестиций. Другой путь предполагает изменения макроэкономической политики. Однако все более или менее реальные варианты экономического развития прямо или косвенно противоречат политике федерального центра.

По инициативе Ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» была подготовлена государственная программа экономического и социального развития на период 1996–2005 гг., утвержденная постановлением правительства в апреле 1996 г. и получившая статус пре-

¹ Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 19; Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 8.

зидентской. Реализация программы предполагала структурную перестройку региональной экономики, интеграцию регионального хозяйства в АТР и формирование постоянного населения в регионе. Однако большинство ее направлений не было реализовано в условиях изменившейся экономической ситуации, и в 2000 г. началась корректировка программы.

В ходе подготовки и принятия комплексной программы проявились противоречия в позициях центра и регионов, что выразилось в разработке двух независимых версий программы. Разработчиком одной версии был Институт экономических исследований ДВО РАН, а другой – Северо-Кавказский научный центр высшей школы, выступавший под покровительством Министерства торговли и экономического развития Российской Федерации¹. В результате был одобрен компромиссный вариант программы, но его выполнение опять натолкнулось на существующее несовершенство межбюджетных отношений, негативные изменения во внешнеторговом балансе, отсутствие паритета покупательной способности по сравнению с ближайшими соседями. Например, в Приморском крае в последние два года импорт превышает экспорт. Прожиточный минимум почти в два раза превышает среднероссийские показатели. Соотношение дальневосточных и китайских цен на основные товары и услуги – в пользу последних. Создать предпосылки для быстрого развития за счет региональных ресурсов можно с помощью масштабной девальвации рубля. Но эти меры противоречат макроэкономической ситуации в стране. Судя по всему, правительство довольствуется поддержанием жизнедеятельности на таком уровне, который позволяет сохранить РДВ в рамках Федерации. Возможно, что в нынешних условиях вкладывать инвестиции в РДВ менее выгодно, чем в другие российские регионы. Отставание дальневосточных территорий от среднероссийских показателей сохраняется, а экономический рост сосредоточен в топливно-сырьевом секторе без адекватного развития обрабатывающих производств. В последние два года правительство увеличило финансирование Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья.

Пока государство занято выработкой политических решений о том, в каком качестве ему нужен РДВ, крупные российские и зарубежные компании активно осуществляют сырьевые и инфраструктурные проекты. На Сахалине, в Якутии, Приморье, Хабаровском крае ведется разработка месторождений, реконструируются порты, строятся дороги и заводы по переработке нефти и газа.

¹ Дальний Восток и Забайкалье-2010: Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 г. / Под ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2002. С. 6.

В период радикальных преобразований 1990-х годов дальневосточные политики сумели расширить возможности маневрирования в условиях сложившихся ограничений. Одним из самых известных деятелей был бывший глава администрации Приморского края Е.И. Наздратенко, который манипулировал настроениями местных жителей в его противостоянии с федеральными властями, используя то популистские лозунги снижения энергетических тарифов, то тему демаркации границы с КНР¹.

Подобная ориентация региональных лидеров отражает политические настроения дальневосточников, большая часть которых лишилась возможности провести отпуск в европейской части страны. До Москвы жителю Дальнего Востока добраться гораздо дороже, чем до Сеула или Пекина. Чаще всего жителям приходится довольствоваться поездкой в приграничный китайский городок.

С начала 1990-х годов возможности для взаимодействия с соседними странами вышли за рамки межгосударственных связей. Отдельные группы населения занялись челночной торговлей, другие отправились на заработки в Китай, Японию и Южную Корею. При этом стереотипы периода конфронтации продолжают оказывать негативное влияние на участников процесса. Появление большого числа китайцев в начале 1990-х годов в результате открытия границ возродило синдром «желтой опасности», который стал активно использоваться политиками. При этом дискурс публичной политики дает основания для определения позиции по миграционным вопросам в зависимости от политической принадлежности: в частности, обещания лидера ЛДПР В. Жириновского «выгнать китайцев из России» способствует популярности ЛДПР у дальневосточников.

Новые цели внешней политики России в Восточной Азии предполагают обеспечение безопасности границ, стабильности в конфликтных зонах, расширение экономических связей со всеми азиатскими странами, невзирая на идеологические различия. Большая часть дальневосточников полагает, что внешняя политика страны в АТР вырабатывается и осуществляется без учета их интересов.

Политика федерального правительства в отношении КНР вызывает негативную реакцию дальневосточников. Реализация договора между СССР и КНР о демаркации восточного участка советско-китайской границы, подписанного в мае 1991 г., сопровождалась критикой действий правительства на уровне заявлений региональных лидеров и общественных движений, а также организации митингов протеста. Процесс выполнения Соглашения о совместном

¹ *Alexseev Mikhail, Troyakova Tamara. Political Separatism in Primorskiy Kray. — A Federation Imperiled: Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia / Ed. by Mikhail Alexseev. St. Martin's Press, 1999. P. 205–246.*

хозяйственном использовании островов, подписанного в 1997 г., сопровождался конфликтами, для расширения которых потребовалось вмешательство федеральных властей. Например, китайские суда отказывались плавать через обмелевшую Амурскую протоку и ходили вокруг Большого Уссурийского острова. А местные власти обвиняли китайскую сторону в намеренных действиях по изменению речного дна. По признанию губернатора В.И. Ишаева, в течение 12 лет он делал все, чтобы этот вопрос был решен в пользу России. Однако сегодня, считает он, «мы говорим не о передаче территории, а о прохождении линии границы, которая не была уточнена...»¹. На хабаровском электронном форуме «Мой город» передача острова Тарабарова и части Большого Уссурийского острова КНР осуждалась, но призывы к организации мероприятий ограничились декларациями. Акции протеста были инициированы представителями КПРФ и Народно-патриотического союза.

Политика централизации привела к сокращению возможностей использования региональных финансовых ресурсов для достижения политических целей в условиях жесткого контроля со стороны центра. В последние несколько лет на РДВ сформировалась и продолжает расширяться система крупных холдингов, которые обеспечивают вертикальную интеграцию деятельности в экспортоориентированных производствах. В этих условиях перспективы расширения внешней торговли природными ресурсами решаются в рамках корпоративных полномочий и практически без участия местных властей. Эти компании эффективно влияют на принятие экономических решений, и местным властям приходится договариваться и заключать альянсы, как это произошло, например, с проектом строительства нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО).

Возрождение и развитие отдельных субъектов РДВ находится в прямой зависимости от степени их участия в данном проекте. В частности, приморский губернатор С.М. Дарькин отстаивал строительство нефтяного терминала в бухте Перевозной, расположенной в Хасанском районе. Этот вариант отличался тем, что в этом районе крупные компании не имели собственности, и у местных предпринимателей был шанс получить инвестиции. Хабаровский губернатор В.И. Ишаев настаивал на варианте строительства в Ванино или Советской Гавани, но мнение губернаторов не было определяющим. Выбор был сделан в пользу района Находки (бухта Козьмино), где вся портовая инфраструктура контролируется нефтяными компаниями «Альянс» и «Транснефть». В августе 2006 г. губернатор В.И. Ишаев заявил, что после на встрече с президентом В. Путиным

¹ Один в поле все-таки не воин // Хабаровский экспресс, 2004. 5 ноября.

он добился решения о строительстве дополнительных участков нефтепровода ВСТО для подключения к нефтеперерабатывающим заводам в Хабаровске (принадлежит НК «Альянс») и Комсомольске-на-Амуре (принадлежит НК «Роснефть»)¹.

Таким образом, противостояние центр–периферия в последние пять лет сохраняется в первую очередь в экономической сфере. Основная линия поведения федерального центра обусловлена тактикой преодоления острых проблем и не связана с приоритетами социально-экономического развития РДВ.

Разработка природных ресурсов как шанс для интеграции

Несмотря на наличие объективных предпосылок для активного развития экономического сотрудничества в СВА, роль России до настоящего времени ограничивается торговой и в меньшей степени инвестиционной сферами.

На протяжении первой половины 1990-х годов развитие внешней торговли РДВ с Японией характеризовалось положительной динамикой в отличие от российско-японской торговли в целом, для которой в этот период была характерна стагнация. Увеличение объемов торговли происходило исключительно за счет роста экспортных поставок региона, в то время как объемы импорта оставались на стабильно низком уровне. Существенный вклад в наращивание объемов экспорта внесли дальневосточные предприятия с японскими инвестициями.

В этот период дальневосточный экспорт в Японию продолжал носить ярко выраженный сырьевой характер. Более того, в условиях нарастания экономического кризиса в стране его сырьевая направленность по сравнению с прошлыми годами еще более усилилась. Практически 90% экспорта региона в Японию приходилось на рыбу и морепродукты, деловую древесину, уголь. Импорт формировала продукция инвестиционного назначения, а также товары народного потребления.

Во второй половине 1990-х годов ситуация резко изменилась. Ухудшение конъюнктуры цен мирового рынка на сырьевые товары, составляющие основу экспорта региона, валютно-финансовый кризис в России дестабилизировали имевшую место ранее положительную динамику торговли. В 1999 г. произошло наиболее значительное сокращение объемов взаимной торговли, причем как экспорта, так и импорта.

¹ Золотой Рог. (Владивосток). 29.08.06. С.11.

В настоящее время на долю Японии приходится около 17% внешнеторгового оборота РДВ. При этом за счет дальневосточных ресурсов обеспечивается около 30% общероссийских экспортных поставок в эту страну. Среди дальневосточных территорий наиболее прочные позиции Япония сохраняет в экспорте Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской области.

Сложившаяся товарная структура торговли с Японией остается узкоспециализированной. Если импорт региона из Японии более чем на 73% представлен продукцией инвестиционного назначения, то в экспорте 93% приходится на сырьевые товары, среди которых около половины занимает деловая древесина. Следует признать, что такая структура дальневосточного экспорта в значительной степени оправданна, поскольку в предшествующее десятилетие экспорт сырьевых товаров, пользующихся устойчивым спросом на японском рынке, был для РДВ одной из реальных возможностей получения необходимых ресурсов для развития экономики региона.

Япония, скорее всего, останется и в будущем одним из крупнейших мировых импортеров леса, рыбы и морепродуктов, угля и металлов. Однако резервы роста дальневосточного экспорта традиционных для японского рынка товаров весьма ограничены в силу накопившихся проблем в экспортоориентированных отраслях. В частности, в сфере экспорта рыбной продукции главной проблемой является теневой бизнес. Фактический объем экспорта (с учетом нелегального), по разным оценкам, составляет от 60 до 90% общего объема добычи морепродуктов в регионе. Столь значительная разница в объемах экспорта объясняется отсутствием таможенного контроля продукции морского промысла за пределами 12-мильной зоны, что более чем втрое снижает поступление в регион доходов от экспорта данной продукции.

Перспективы наращивания объемов торговли РДВ с Японией во многом связаны с возможностью привлечения японских инвестиций в экспортоориентированные отрасли экономики региона. Японские компании ограничиваются участием в совместных проектах на Сахалине. Проникновение же дальневосточных инвестиций на японский рынок относится к области фантастики.

В развитии торгово-экономических отношений РДВ с Китаем можно выделить три этапа. Первый этап (начало 1990-х годов) характеризовался бурным ростом взаимной торговли. Дефицит продовольственных и потребительских товаров и резко сократившаяся покупательная способность населения открывали большие возможности для импорта соответствующей дешевой продукции из КНР на РДВ. Устойчивое наращивание объемов импорта из КНР позволило региону в 1990–1993 гг. частично компенсировать резко возросшие

издержки транспортировки потребительских товаров из других районов России. А природные ресурсы с РДВ вывозились в КНР. На этом этапе в торгово-экономических отношениях между РДВ и Китаем преобладали прямые связи между предприятиями на региональном уровне во взаимной торговле и бартерные сделки.

На втором этапе (1994–1999 гг.) рост торгового оборота достигался исключительно разовыми поставками в Китай военной техники с предприятий Хабаровского края. Насыщение дальневосточного рынка китайскими товарами невысокого качества и возросшая конкуренция товаров из Республики Корея и США приводили к снижению импорта.

Для третьего этапа, который начался с 2000 г., объемы взаимной торговли растут в основном за счет стабильных поставок военной техники в КНР, и очевидно, что в ближайшие годы эта тенденция сохранится. А рост объемов импорта из Китая обеспечивается главным образом потребительскими товарами.

В настоящее время одним из самых крупных торговых партнеров РДВ является Китай, на долю которого приходится около 40% регионального экспорта и примерно 30% внешнеторгового оборота. Среди дальневосточных территорий лидерами торговли с Китаем являются Хабаровский и Приморский края. А удельный вес РДВ в российско-китайской торговле возрос до 26%¹.

В настоящее время на разных стадиях рассмотрения и реализации находится ряд проектов поставки российских энергоресурсов. Главным препятствием на пути экспорта нефти и газа из России в Восточную Азию является отсутствие системы нефте- и газопроводов на территории РДВ.

В 2005 г. российское правительство объявило о начале проектирования и строительства единой нефтепроводной системы ВСТО общей мощностью до 80 млн т нефти в год. Этот проект планируется реализовать в два этапа. На первом предусматривается строительство участка нефтепровода Тайшет–Сковородино (2400 км) и сооружение нефтеналивного терминала в бухте Козьмино мощностью 30 млн т нефти в год. На втором этапе планируется строительство участка Сковородино–побережье Тихого океана. В случае строительства ответвления на Китай в этом направлении будет поставляться 30 млн. т в год, а по маршруту Сковородино–Тихий океан – 50 млн. т. Трасса нефтепровода будет проходить по территориям Иркутской, Читинской и Амурской областей, Республики Бурятия, Еврейской автономной области, Хабаровского и Приморского краев. В 2006 г. планируется начать строительство нефтепровода Талакан (Якутия)–Усть-Кут (Иркутская область) для соединения с системой ВСТО.

¹ Дробышева И. Танцы с «драконом» // Дальневосточный капитал. № 6. С. 16–17.

Крупнейшими международными проектами стали «Сахалин-1» и «Сахалин-2». «Сахалин-1» начал функционировать с октября 2005 г., и пока нефть используется внутри региона. После завершения строительства терминала и нефтехранилищ Де-Кастри в Хабаровском крае нефть будет поступать по нефтепроводу с восточного побережья до терминала Де-Кастри и далее на танкерах на Хоккайдо. А пока с 2002 г. нефть перевозят в Японию на танкерах в рамках проекта «Сахалин-2», но эти поставки сезонные из-за замерзания Охотского моря. До начала кризиса на Ближнем Востоке Япония не покупала в России нефть в течение 15 лет.

В 2006 г. «Газпром» начал поставки в Японию сжиженного природного газа (СПГ). Оператор нефтегазового проекта «Сахалин-2» Sakhalin Energy также планирует приступить к поставкам СПГ на остров Хонсю после завершения строительства завода в поселке Пригородное на юге Сахалина.

Наряду с нефтегазовыми проектами существуют и планы экспортных поставок электроэнергии. В частности, рассматривается проект энергомоста «Сахалин–Япония» на основе строительства на Сахалине тепловой электростанции на природном газе. Благодаря пуску Бурейской ГЭС и общей стабилизации ситуации в электроэнергетике Приморского и Хабаровского краев появилась возможность экспорта электроэнергии. В районе Благовещенска и китайских приграничных городах Хэйхэ и Сюнькэ планируется построить две транснациональные линии электропередач.

Обсуждается также строительство линии электропередач из Приморья на Корейский полуостров и возможность объединения энергосистем России, Северной и Южной Кореи. В 2001 г. этот проект получил одобрение Экономической и социальной комиссии ООН по странам Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).

Таким образом, несмотря на заинтересованность азиатских стран в российских энергоносителях, а также транспортной инфраструктуре для сухопутной связи с Европой, возможности РДВ пока остаются весьма ограниченными.

Транспортные потоки

Существующая транспортная система РДВ дает возможность освоения рынка международных транзитных перевозок. Железные дороги и незамерзающие дальневосточные порты органично вписываются в рамки концепции организации международных транспортных систем. В начале 1980-х годов действовал контейнерный

мост «Япония—Западная Европа», но позднее из-за несовершенства российской системы логистики, выразившегося в длительных досмотрах на таможне, задержках при погрузках и даже грабежах, японские компании предпочли морской путь.

В 2000 г. была принята программа «Основные направления формирования и развития международных транспортных коридоров на территории Российской Федерации на период до 2010 г.», в которой были обозначены приоритеты развития транспортной инфраструктуры. В качестве одного из путей включения РДВ в систему экономического сотрудничества можно рассматривать реализацию нескольких международных транспортных проектов.

Уже много лет обсуждаются вопросы развития зоны Байкало-Амурской магистрали — соединения ее с железнодорожной сетью Сахалина, а в будущем и Японией. Для соединения Японии с Евроазиатским материком необходимо проложить тоннель под проливом Лаперуза. В 1994 г. в Японии было создано «Общество за соединение Японии с материком» и функционирует Комитет по интернационализации Транссиба¹. Для реализации проекта от российской стороны требуется дополнительное строительство железнодорожных путей и тоннелей. Для претворения в жизнь такого проекта необходимы крупные инвестиции, для получения которых России следует создать благоприятный инвестиционный климат для начала хотя бы в свободной экономической зоне в районе прохождения магистрали. А пока планируется завершение формирования южного коридора: Чита—Хабаровск—Владивосток с ответвлением Хабаровск—Лидога—Ванино. Паромная переправа Ванино—Холмск существует с 1973 г. и не справляется с современными задачами обеспечения надежной связи с Сахалином.

В сфере авиационного транспорта необходима реконструкция крупных аэропортов во Владивостоке, Якутске, Магадане, Южно-Сахалинске, Благовещенске, что даст возможность активнее участвовать в международной системе авиаперевозок по кроссполярным маршрутам.

Строительство нефтепровода Тайшет—Находка с ответвлением на Дацин позволит развивать долгосрочное сотрудничество со странами Восточной Азии в области энергетики на многосторонней основе.

Восстановление Транскорейской магистрали и воссоединение ее с Транссибом позволит дополнительно загрузить Дальневосточную железную дорогу контейнерными перевозками из Восточной Азии в Европу. Однако существуют сомнения, что проект соединения Транссиба и Транскорейской магистрали будет включать РДВ. Есть

¹ Бандман М.К. Транспортные коридоры и формирование нового экономического пояса Евразии в пределах России // Регион: экономика и социология. 2001. № 1. С. 190.

варианты прокладки маршрута через территорию КНР с выходом на Транссиб, минуя РДВ.

Экономические и политические факторы осложняют осуществление проекта соединения Транссиба и Транскорейской магистрали. Во время визита президента В. Путина в Южную Корею в 2001 г. было объявлено о поддержке Россией этого проекта. А в марте того же года состоялись переговоры в КНДР, которые завершились в августе подписанием министром путей сообщения Российской Федерации и министром железных дорог КНДР соглашения о согласовании маршрута Транскорейской магистрали Сеул–Пхеньян–Вонсан–Туманган–Хасан–Транссиб. Символичной была поездка главы КНДР Ким Чен Ира летом 2001 г. в Россию на поезде по Транссибу. На территории Северной Кореи требуется построить современную железную дорогу, но из-за отсутствия гарантий от руководства КНДР пока нет инвестиций. Политическая напряженность на Корейском полуострове не позволяет решить проблему соединения участка между Севером и Югом.

Регулярное транспортное сообщение между портами Владивосток, Восточный, Ванино, Советская Гавань, Пусан и Мосан позволяет осуществлять контейнерные перевозки не только между РДВ и Южной Кореей, но и другими странами СВА. С 2000 г. успешно работает грузопассажирская линия между портами Зарубино и Сокчо. Регулярные воздушные рейсы между дальневосточными городами выполняют авиакомпании «Владивосток-Авиа», «Дальавиа» и «Корейские авиалинии», «Азиана». Сеул стал для многих дальневосточников транзитным пунктом для полетов в США, Австралию и страны ЮВА.

Встраивание РДВ в систему экономического сотрудничества в Восточной Азии можно было бы проводить наиболее эффективным образом при наличии стратегической государственной программы с четко сформулированными приоритетами. Пока Россия не создаст функционирующий без сбоев транспортный коридор, которым будут эффективно пользоваться отечественные грузовладельцы, нельзя надеяться на превращение Транссибирской магистрали в международный транзитный мост между Азией и Европой.

Приграничная торговля и режим государственной границы

Протяженность внешней границы РДВ составляет 25 575 км, в том числе сухопутной с КНР и КНДР – 2 575 км и морской с США,

Японией – 23 000 км. В этих условиях важное место во внешней торговле занимает приграничная торговля.

Развитие приграничного сотрудничества основывается на законодательной базе, которая включает «Концепцию приграничного сотрудничества Российской Федерации», принятую в 2001 г. С января 2003 г. на территории России действуют положения Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Ситуацию осложняет отсутствие оглашения о приграничном сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР. В связи с созданием приграничных торговых комплексов (ПТК) возникла необходимость разработки и принятия типового положения, определяющего статус и регулирующий механизм функционирования ПТК, находящихся на российских приграничных территориях.

Приграничное сотрудничество дальневосточных территорий Российской Федерации и северо-восточных провинций КНР характеризуется цикличностью, которая отражает ход развития межгосударственных отношений России и КНР.

Несмотря на восстановление приграничной торговли с Китаем в 1982 г. формирование приграничного сотрудничества не принесло больших положительных изменений в структуру приграничных районов. Во многом это можно объяснить сохранением традиционной модели, основанной на обслуживании внешнеэкономических связей и развитии приграничной торговли, движущей силой которой остаются различия в уровне и соотношении цен на товары потребительского и производственного назначения в соседних странах.

Бурное развитие приграничной торговли с Китаем в первой половине 1990-х годов оказалось результатом внешнеэкономической либерализации и высокой инфляции. Эти условия привели к преобладанию бартерных сделок как основной формы сотрудничества в условиях отсутствия у сторон свободно конвертируемой валюты. Китайские компании приобретали сырье и расширяли рынок сбыта своих потребительских товаров, а российские компании получили возможность занижать таможенную стоимость своего экспорта, что способствовало быстрой реализации товара.

В последние годы наблюдается огромный разрыв между зарегистрированным и скрытым предпринимательством, когда физические лица, посещающие Китай в составе туристических групп, закупают китайские товары и не платят таможенных пошлин. В приграничных территориях появились особые виды деятельности, которые помогают заработать на жизнь и китайцам, и русским. Российский «челнок» в Китае нанимает «помогайку», который служит проводником, носильщиком, охранником. А китайский или российский предприниматель пользуется услугами людей, которые перевозят

товары через границу за плату, хотя в 2005 г. был введен особый режим для российских и китайских граждан, который ограничил посещения стран без получения визы в составе туристической группы.

В сложившейся модели приграничной торговли российские товары имеют производственное назначение, а китайские товары — потребительское. Подобная направленность снижает роль приграничной торговли в экономическом развитии территорий, и прежде всего РДВ.

Дополнительными стимулами к развитию приграничного сотрудничества стали производственно-технические экономические комплексы (ПТЭК): в Амурской области «Благовещенск—Хэйхэ», в Читинской области «Забайкальск—Манчжурия», а в Приморском крае «Пограничный—Суйфэньхэ». По мнению директора ЗАО «Информационно-аналитическое агентство Приморье» В. Стегния, «проект может стать совместным проектом государства и бизнеса, осуществляемым в рамках честного государственного партнерства на основе взаимной ответственности и взаимного интереса»¹.

Требуются эффективные меры федерального правительства для ускорения строительства зон торговли между китайскими и российскими городами. Действующие же нормативно-правовые акты регулируют только процедуры посещения гражданами Российской Федерации торговых комплексов, расположенных с китайской стороны вдоль российско-китайской границы. Предполагалось, что посещение ПТЭК и работа на его территории будут возможными по предъявлении только национальных паспортов российскими и китайскими гражданами. Однако решение вопросов затягивается, возможно потому, что вопросы приграничного сотрудничества недавно были переданы из компетенции Министерства экономического развития в Министерство регионального развития. Летом 2006 г. первая очередь китайского участка ПТЭК «Суйфэньхэ—Пограничный» была открыта. Но пункт пропуска для автомобилей и пешеходов до сих пор не открыт. Если в ближайшее время проблемы не будут решены, то ПТЭК ждет печальная судьба. В этом случае Приморью грозит не только рост нелегальной миграции, вывоза сырья, теневой скупки китайскими бизнесменами российской недвижимости. Благоприятные условия для развития бизнеса на китайской стороне будут способствовать перемещению российского бизнеса в Китай.

Постоянное совершенствование объектов инфраструктуры на пограничных переходах и повышение их пропускной способности играют важную роль в развитии торгово-экономических отношений между

¹ *Стегний В.А.* «Пограничный-Суйфэньхэ» — новый инструмент внешнеторгового регулирования // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2005. № 1–2.

странами. Сторонам необходимо совершенствовать объекты контроля и проверки на пограничных переходах, усилить управление погранпереходами, повысить пропускную способность таможен. А пока большинство пунктов продолжает работать в односменном режиме, а их техническое оснащение не соответствует новым стандартам.

Большая часть железнодорожных и автомобильных грузовых перевозок РДВ с Китаем приходится на станцию Гродеково в Приморском крае. В Хабаровском крае, Амурской области, Еврейской автономной области кроме автомобильного сообщения действует и речное сообщение с КНР. Региональные авиакомпании осуществляют регулярные рейсы в Харбин, Муданцзянь, Далянь, Пекин.

Дальневосточное таможенное управление было создано в 1990 г. и состояло из 12 таможен. В настоящее время в состав таможенных органов входят 16 таможен, а таможенное оформление и контроль осуществляются в 83 пунктах пропуска. Основными проблемами в работе таможен являются нарушения порядка экспорта древесины и рыбной продукции. Предпринимаемые на местном уровне попытки упорядочить вывоз леса оказываются полумерами, так как разрешительно-согласовательная система вывоза противоречит действующему законодательству. Для борьбы с незаконным промыслом китайских, японских, северокорейских судов в российских территориальных водах, продажей российскими рыбаками неучтенной продукции в портах Японии и Южной Кореи необходим поиск решений как на федеральном, так и на местном уровне.

В настоящее время нет какой-то одной исключительной и унифицированной модели приграничного сотрудничества. Каждый регион уникален по географическому и социально-экономическому положению, имеет свою историю и культуру. Поэтому для каждого региона необходимо выстраивать собственную модель с учетом конкретных условий, потребностей, приоритетов и интересов как своих, так и партнеров. Не может быть сотрудничества без взаимного интереса партнеров и адекватности целей.

Экологические проблемы

Экологические проблемы региона во многом связаны с деятельностью лесной, горнодобывающей, нефтяной отраслей. Вырубки и сопровождающие их пожары уничтожают и обедняют таежные экосистемы, изменяют микроклимат и водный режим рек. Разработка месторождений полезных ископаемых вызывает деградацию нерес-товых рек.

Одной из самых сложных тем является деградация водной экосистемы Амура, охватывающей территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей и Еврейской автономной области. Бассейн Амура занимает площадь около 1,9 млн кв. км, из которой на долю России приходится 51,8% территории, Китая — 44,2%, Монголии — 4%. Из 70 млн человек населения территории бассейна реки Амур на долю российской стороны приходится около 7 млн.

На кризисную ситуацию в бассейне Амура влияет то, что на китайской стороне при высокоразвитой промышленности и интенсивном сельском хозяйстве мало развита сеть водоочистных сооружений, а почвы загрязнены. До сих пор между Россией и Китаем не подписано трансграничное соглашение для урегулирования экологических проблем. Негативные последствия отсутствия соглашения по соблюдению экологических норм на уровне местных властей двух стран отчетливо проявились зимой 2006 г. при загрязнении Амура ядовитыми стоками из реки Сунгари. В апреле 2006 г. по инициативе Комитета по устойчивому развитию бассейна реки Амур в Хабаровске состоялось межрегиональное совещание по предотвращению угроз трансграничного загрязнения бассейна реки Амур. В резолюции совещания была отмечена необходимость подписания полномасштабного договора между Российской Федерацией и КНР о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, предусматривающего ответственность за загрязнение трансграничных вод и практические меры по снижению вредных сбросов в бассейн реки Амур, а также механизмы взаимного контроля и оперативного оповещения.

Механизм регулярных встреч между губернаторами провинции Хэйлунцзян и Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области, Амурской и Читинской областей позволяет решать вопросы сотрудничества во всех областях. Нужно совершенствовать этот механизм, уделять внимание реализации программ двустороннего сотрудничества, улучшению инвестиционной среды и защите законных прав и интересов российских и китайских предприятий.

Активизация хозяйственной жизни повышает опасность загрязнения морских акваторий Японского моря и побережий острова Сахалин. В процессе реализации нефтегазовых проектов были выявлены нарушения экологического законодательства. «Экологическая вахта Сахалина» летом 2006 г. заявила, что проект разработки шельфа у берегов Сахалина и прокладка нефтепроводов окажется в непосредственной близости от мест обитания серых китов. Кроме того, сеть нефтепроводов должна пройти через 1100 рек и водоемов.

В декабре 2006 г. было объявлено, что «Газпром» приобрел контрольный пакет акций проекта «Сахалин-2», а завершение сделки запланировано на февраль 2007 г. Министр промышленности и энергетики России Виктор Христенко заявил, что инвесторы подготовили программу природоохранных и экологических мероприятий, с помощью которых были решены проблемы между инвесторами проекта «Сахалин-2» и российскими природоохранными ведомствами. Создается впечатление, что защита природы была лишь поводом в борьбе Минприроды с Минпромэнерго России за контроль над миллиардными бюджетами сахалинских проектов.

Агентство международного развития США финансировало проведение природоохранных работ на РДВ, в частности программу «Эколинкс». Выполнение программы предусматривало решение экологических проблем через установление партнерских отношений между промышленными предприятиями, органами местного самоуправления РДВ и организациями–партнерами из США. В рамках экологического проекта «Ролл» финансируется экологическое образование.

Международная неправительственная организация «Тихоокеанский центр окружающей среды и природных ресурсов» (Pacific Environment), расположенная в Калифорнии, занимается защитой окружающей среды в бассейне Тихого океана, прав коренных народов на Аляске и РДВ. В 2003 г. при участии этой организации был образован Международный форум Берингова моря, в рамках которого американские и российские компании обсуждают вопросы использования морских ресурсов. Осуществление совместных научно-исследовательских проектов способствует гармонизации экономических и экологических интересов.

На Дальнем Востоке и в Забайкалье действует ассоциация руководителей региональных государственных комитетов по экологии и охране окружающей среды «Экологическая инициатива Восточной Сибири и Дальнего Востока». На РДВ осуществляются отдельные программы по решению локальных экологических проблем по инициативе территориальных экологических общественных организаций. До сих пор в регионе нет ни одной комплексной государственной программы по экологическому оздоровлению территории.

Негосударственные акторы в регионе

Конструктивная деятельность международных некоммерческих организаций (НКО), зарубежных фондов, организаций–доноров

международной технической помощи на РДВ оказалась возможной благодаря вхождению России в мировое экономическое, политическое и культурное пространство. При этом зарубежный опыт оказания помощи выступал в условиях уменьшения роли государства — новая социальная практика.

Соединенные Штаты играли ведущую роль в формировании институтов гражданского общества на РДВ в области экологии и культуры. Гуманитарная помощь осуществлялась под эгидой правительства США при участии разных негосударственных фондов¹.

К концу 1990-х годов число зарегистрированных дальневосточных НКО достигало почти 10 тыс., из которых активно работало примерно треть. В настоящее время их число возросло примерно в два раза.

Деятельность общественных организаций на РДВ связана с проблемами по согласованию интересов местных жителей с администрациями на разных уровнях, другими группами населения, различными ведомствами и организациями. Но формирование гражданского общества невозможно без создания эффективных форм взаимодействия его членов и организаций с органами власти в сфере принятия общественно значимых решений.

Самыми многочисленными и организованными в регионе являются экологические организации. Международная благотворительная организация ИСАР—Дальний Восток работает с 1993 г. Ее деятельность направлена на развитие общественного сектора и вовлечения граждан в принятие решений, которые сказываются на судьбе местных сообществ и общества в целом. По инициативе дальневосточного ИСАР были созданы сеть природоохранных организаций «Живое море», участники которой занимаются сохранением морских биологических ресурсов Дальнего Востока, и ресурсные центры, ставшие своеобразными университетами для НКО. В 2001 г. Дальневосточный ИСАР приступил к осуществлению программы по поддержке экологического движения на РДВ. В результате в настоящее время в регионе появились новые организации².

В каждом крае и области действуют экологические организации, которые взаимодействуют не только между собой, но и с зарубежными институтами. Магаданский центр окружающей среды совместно с Тихоокеанским центром окружающей среды и природных ресурсов и Юго-западным центром исследований и информации (Нью-Мексико) с 2005 г. занимается выполнением программы «Содействие реализации экологических прав граждан в Магаданской области». В рамках про-

¹ Гарусова Л.Н. Россия и США: тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков (1991–2003 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 143–147.

² Ефиценко В.Г. Становление экологического движения на Дальнем Востоке // ИСАР. Объединенный выпуск. 2006. С. 54–60.

граммы планируется расширить участие общественности в управлении проектами добычи полезных ископаемых, улучшить информированность заинтересованных лиц о международных стандартах в области охраны окружающей среды и здоровья населения. Проект выполняется при финансовой поддержке программы «Дальний Восток России—США — активное партнерство» Фонда российско-американского экономического сотрудничества на средства, предоставленные Агентством по международному развитию США.

В Приморском крае действуют несколько экологических организаций. Центр защиты дикой природы «Зов Тайги» не только принимает участие в мероприятиях, но и издает журнал. Бюро региональных общественных кампаний (БРОК) вместе с Гринпис России провело акции в защиту лесов Приморья, против радиоактивного загрязнения морей и уничтожения морских биоресурсов. БРОК также сотрудничает с экологическими организациями, входящими в дальневосточную коалицию «Живое море». В Пожарском районе Приморского края по инициативе Института устойчивых сообществ была создана социально-экологическая организация «Первоцвет».

На Камчатке крупнейшей экологической организацией является Камчатская лига независимых экспертов, которая сотрудничает с областным отделением Ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера и Союзом камчадалов.

В Амурской области с 2001 г. существует экологический клуб «Улукиткан», названный по имени героя эвенкийских сказаний. Клуб занимается решением многих проблем, включая охрану птиц и рек Амурской области. Амурские и якутские экологические организации вместе с ИСАР — Дальний Восток, международным социально-экологическим союзом и союзом «За химическую безопасность» добились прекращения использования ядовитого гептилового топлива на космодроме «Свободный» в Амурской области.

В Республике Саха (Якутия) организация «Сеть общественного экологического мониторинга» сотрудничает с государственными природоохранными структурами и образовательными учреждениями республики. Интенсивная разработка нефтегазовых месторождений в Якутии вызывает необходимость контроля со стороны общественных организаций. Следует отметить, что в Якутии сложилось партнерство НКО и государственных организаций по рациональному природопользованию.

Одной из распространенных форм организаций стали национально-культурные общественные объединения (НКОО), которые появились после принятия в 1996 г. Федерального закона «О национально-культурной автономии». На Камчатке зарегистрировано 15 таких структур. На территории Приморского края действует 49 таких НКОО,

из которых 14 занимаются проблемами коренных народов, 6 – российских корейцев, 4 – евреев¹. Такая активность малочисленных этнических групп в общественном движении является следствием сохранения этнического самосознания в условиях фактической утраты родного языка и культуры. Корейские общественные объединения зарегистрированы практически по всему РДВ.

Велика численность общественных ассоциаций и объединений предпринимателей. Названия некоторых иллюстрируют существующие проблемы, например Дальневосточная ассоциация «Безопасность предпринимательства и личности», региональная общественная организация предпринимателей «Приморье–Центр».

В Приморском крае действуют свыше 30 общественных организаций, в том числе ассоциация рыбохозяйственных организаций и ассоциация частных перевозчиков Владивостока. Поводом для их активности становятся решения федерального правительства, которые ограничивают деятельность на региональном уровне.

Приказ «О пределах пограничной зоны на территории Приморского края», изданный в мае 2006 г., затронул интересы многих жителей РДВ, которые отдыхают в Приморье. Летом 2006 г. митинги протеста были проведены не только правозащитной организацией «Свобода выбора», но активистами партии «Единая Россия». Впрочем, такая активность больше обусловлена предстоящими в октябре выборами в законодательное собрание Приморского края. «Общество защиты автопродавцов Приморского края» проводит акции протеста под лозунгами «Автомобилисты против бюрократии».

Уровень активности НКО на РДВ во многом зависит от политической и социально-экономической ситуации на местах. Очевидно, что улучшение социально-экономической ситуации на Чукотке в течение последних нескольких лет привело к снижению гражданской активности населения. В Хабаровском крае власть эффективно решает социальные проблемы, и деятельность НКО развивается в рамках достигнутого компромисса.

Вызовы безопасности

В сфере экономической безопасности РДВ сложными проблемами являются криминализация рыболовной и лесной отраслей, слабое развитие транспортной инфраструктуры, уменьшение численности населения.

¹ Золотой Рог. 23.05.06. С. 9.

На протяжении многих лет уровень преступности в регионе остается одним из самых высоких в России. Организованные преступные группировки действуют в различных сферах, которые включают добычу биоресурсов и драгоценных металлов, наркотрафик, автомобильный бизнес. Более того, существует тенденция сращивания дальневосточных преступных группировок с китайскими и японскими преступниками по контрабанде природных богатств, транспортировке «живого товара», наркотиков, оружия через границу.

Декриминализация экономики является одной из приоритетных задач дальневосточных правоохранительных органов. Работа по борьбе с преступностью ведется в рамках межправительственных соглашений с КНР, Японией и Южной Кореей. Но полноценное сотрудничество между контролирующими органами Российской Федерации и Японии еще недостаточно эффективно.

По данным экспертов, ежегодно в порты Японии браконьеры поставляют из российских вод морепродукты на 3 млрд долл. Большая разница в цене на них делает невыгодной продажу улова в российских портах, в которых нет условий для обслуживания судов и быстрой реализации продукции. На РДВ имеется около 1700 рыбодобывающих судов, с которых прямо в море ведется перепродажа добычи на японские рефрижераторы. С японской стороны помехой в борьбе с контрабандой являются не столько несовершенство законов, сколько попустительство властей по отношению к нарушителям. В 2003 г. после переговоров В. Путина и Д. Коидзуми было заключено соглашение о сотрудничестве в борьбе с контрабандой и создана совместная комиссия по урегулированию претензий, связанных с рыболовством. В мае 2006 г. во Владивостоке глава пограничной службы ФСБ России В. Проничев и начальник японского управления безопасности на море Хироки Исикава подписали протокол о сотрудничестве. Случай с гибелью японского контрабандиста в августе 2006 г. и последующая реакция сторон еще раз продемонстрировали сложность проблемы.

За последние 15 лет сформировалось два центра взаимоотношений с Японией – РДВ и центральный регион России. РДВ традиционно экспортирует, а центр традиционно закупает, но процессы с данных географических точек рассматриваются по-разному. А обмен информацией между ними не выходит за рамки формальных связей. Создание соответствующих институтов могло бы дать российским компаниям возможность понять свои интересы в Японии, помогло бы завоевывать новые пространства.

Сейчас в авангарде нового проникновения на российский рынок идет японская автомобильная промышленность. Но ограниченный спрос на новые японские автомобили на РДВ не позволяет строить

здесь заводы. До сих пор японские компании имеют местные отделения на РДВ, ориентированные больше на маркетинг и послепродажное обслуживание своей продукции, чем на контроль продаж. Можно сказать, что торговля подержанными японскими автомобилями в определенной степени способствовала тому, что японская культура вошла в быт дальневосточников. В крупных городах РДВ появилось множество суси-баров, японских ресторанов. Местные жители давно привыкли к высокому японскому качеству, и репутация японских товаров высока. Уважение к японским товарам распространяется и на самих японцев, что является важным фактором для улучшения отношений.

Для успешной интеграции РДВ необходимо соблюдение баланса в экономических отношениях с Китаем и Японией. Исторически для РДВ значимость китайского фактора была велика. По мере роста экономической мощи Китая она растет, и даже возникает риск односторонней зависимости. По мнению дальневосточного эксперта В.Л. Ларина, в стратегических планах КНР «на первом месте стоит доступ к богатым природным ресурсам этих территорий не столько даже в интересах Северо-Восточного Китая, сколько в целях удовлетворения прогнозируемых потребностей всей страны прежде всего в нефти, газе, энерго- и гидроресурсах»¹. Политики много говорят и об опасности демографической экспансии перенаселенного Китая на малонаселенные земли российского Дальнего Востока.

Пребывание на Дальнем Востоке многочисленных групп иностранных граждан является исторической особенностью региона. Отношение к иммиграции и деятельности иностранцев в регионе изменялось под влиянием задач геополитики и экономики. После окончания Второй мировой войны в условиях недостатка рабочих рук в рыбной и лесной отраслях вновь появились иностранцы. В первые послевоенные годы это были японские военнопленные. На протяжении 1950-х годов в рыбной отрасли работали граждане КНДР, а в Хабаровском крае они десятилетиями трудились на лесоразработках. Только обострение отношений с Китаем, начавшееся в 1960-е годы, заставило советское правительство отказаться от использования труда китайцев на Дальнем Востоке².

Дальний Восток был и остается российской территорией, но далекой окраиной, где происходит процесс формирования локального национального комплекса. В условиях кризиса и перед лицом угрозы безопасности неизбежно возникает «образ врага». Среди претенден-

¹ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI вв.). М., Восток-Запад, 2005. С. 89.

² Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. С. 216–217.

тов на этот образ возникает очередь, состоящая в зависимости от ситуации то из отечественных политиков, то из иностранных граждан.

«Ближними чужими» оказались китайцы, которые живут рядом, ездят в тех же автобусах, торгуют на рынках, но ведут себя по-другому, одеваются иначе, едят другие продукты. Однако неприязнь к китайцам не переходит границ бытовых конфликтов. Дальневосточники носят одежду, которая продается как сделанная в Италии, но на самом деле сделана в Китае. Предприимчивые китайцы готовы потакать претензиям русских. Взаимная заинтересованность и взаимная неприязнь переживают период мирного сосуществования, основы которого заложены в экономике.

Достоверные статистические данные о численности китайского населения на РДВ отсутствуют. Так, по данным Всероссийской переписи населения в 2002 г., на всей территории России находилось всего лишь 35 тыс. китайцев, причем на РДВ — 9679. По данным МВД, в Российской Федерации «от 400 до 700 тыс. китайцев». Газеты, ссылаясь на компетентные источники, сообщают о миллионах китайцев.

Можно предположить, что число китайцев, находящихся на РДВ в течение нескольких месяцев или лет, не превышает 20–30 тыс. Основанием для подобного предположения может послужить численность китайской рабочей силы. Рост ее начался с 1990-х годов примерно с 1500 человек. При этом практически все они работали на территории Приморского и Хабаровского краев, а также Амурской области. После принятия в 1993 г. Указа Президента Российской Федерации «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации» процесс этот приобрел организованный характер. Введены квоты на привлечение иностранной рабочей силы. Так, самая большая квота в Приморском крае — примерно 15 тыс. иностранных граждан, в Хабаровском крае — 10 тыс., в Сахалинской области в 2005 г. — 10 тыс., в Амурской области — 5 тыс. При сохранении спроса на китайскую рабочую силу их доля в общей численности иностранных рабочих составляет примерно 50%. С учетом нелегальной миграции колебания в пределах 10 тыс. вполне возможны. В этих условиях требуется достижение уровня взаимозависимости, которая не только позволяла бы использовать преимущества китайского рынка, но и сохраняла бы для РДВ свободу выбора.

Проблемы обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке периодически обсуждались в правительстве. В декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности Владимир Путин заявил, что экономические и социальные проблемы Дальнего Востока угрожают позициям России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в целом национальной безопасности¹. В результате было принято решение о

¹ Золотой Рог. 26.12.06. С. 11.

создании Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа. Трудно ожидать от комиссии скорых достижений, а пока на рабочем совещании с представителями министерств, полпредства Дальневосточного федерального округа, администрации Приморского края, которое состоялось в январе 2007 г. во Владивостоке, президент России обозначил в качестве главной цели «социально-экономический подъем» региона. Провозглашенные во время этого визита планы подготовить Владивосток к проведению в 2012 г. саммита АТЭС настраивают на оптимистическую волну.

Заключение

Роль российского Дальнего Востока в формировании региональных интеграционных институтов в Восточной Азии на современном этапе остается второстепенной. Очевидный дисбаланс между богатыми природными ресурсами и потенциалом экономического развития и неразвитой инфраструктурой с преобразованием перерабатывающей промышленности не позволяет рассчитывать на формирование емкого дальневосточного рынка и собственных накоплений, необходимых для успешного социально-экономического развития.

Региональные власти больше озабочены сохранением социальной стабильности в условиях экономического кризиса. Бум торговли с Китаем в середине 1990-х годов не только позволил обеспечить выживание местного населения, но и способствовал значительному росту мелкого и среднего бизнеса. Большая часть дальневосточных бизнесменов пришла в политику на национальном и региональном уровнях для отстаивания местных интересов и поисков компромиссов в условиях усиления роли государства и ужесточения законодательства. Но в современных условиях дальневосточные территории вряд ли будут играть ту самостоятельную роль, к которой они стремились на протяжении последних лет.

Реальная интеграция предполагает не только сотрудничество на уровне правительств и экономик, но и сближение обществ. Жители РДВ получили возможность беспрепятственно общаться с иностранцами, выезжать за границу и возвращаться домой. Для успешного развития РДВ необходимо стать территорией, привлекательной для иммигрантов. Выработка единых правил и квот на миграцию рабочей силы, осуществление контроля над миграцией в СВА могли бы стать интегрирующими факторами.

Большими потенциальными возможностями интеграции обладают общественные организации и объединения. Исторические интересы к связям со странами Восточной Азии после «открытия» РДВ актуализируются.

Развитие экономики РДВ и начало движения к рынку на первом этапе было политическим решением. В начале XXI в. политическая интеграция реализуется путем развития партнерских отношений, без вхождения России в состав какого-то регионального «центра силы» или военно-политического союза.

По поводу территориальной проблемы России и Японии могло бы стать перспективным предложение отложить её решение на некоторое согласованное сторонами время, чтобы заняться укреплением доверия через развитие экономического сотрудничества. А появившиеся за последние годы на РДВ и Хоккайдо группы бизнесменов и политиков, заинтересованных в взаимовыгодном сотрудничестве, могли бы в рамках действующих организаций выступить с подобной инициативой.

Интересы России и США в СВА, в общем, совпадают. Однако российско-американские отношения в РДВ отличаются явной асимметрией. Американские инвестиции и гуманитарные программы по-прежнему больше нужны дальневосточным территориям, а они могут быть полезными в качестве поставщика природных ресурсов. На смену периоду американской вовлеченности приходит время ожидания плодов активных контактов.

Международная подсистема Восточной Азии пока формируется без активного участия России. Реконфигурация возможна за счет включения России через расширение многосторонних институтов АСЕАН+3 (Япония, КНР, Республика Корея). В области безопасности уже имеется формат шестисторонних переговоров по решению северокорейского ядерного кризиса. Другое дело, что пока Россия играет второстепенную роль на фоне ведущей роли КНР.

Дальнейшая интеграция России и РДВ в важнейшие институты Восточной Азии зависит от успешности внутренних преобразований. В то же время интеграция дополнительно стимулирует и ускоряет внутреннюю трансформацию. Поскольку двигателем трансформации является именно экономическое развитие, то интеграция в мировую экономику и региональные экономические институты становится очевидным приоритетом.

Энергетическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии с активным участием России – самая актуальная тема. Но отсутствие механизмов регионального взаимодействия тормозит процесс. Одним из институтов многостороннего энергетического сотрудничества мог бы стать фонд с участием всех заинтересованных сторон.

Япония, Республика Корея и КНР направляют инвестиции в разработку месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также в строительство соответствующих структур для создания стратегических запасов и средств доставки нефти и газа. В этом случае Россия получает зарубежные инвестиции для успешного развития дальневосточной экономики, а Япония, Южная Корея и Китай получают гарантии энергетической стабильности.

Россия все еще стоит перед выбором приемлемой политики интеграции в СВА, которая обеспечила бы сопряжение национальных и региональных интересов. Очевидно, что в настоящее время создание структуры энергетического сотрудничества станет приоритетным направлением российской политики интеграции в Восточную Азию.

ЧАСТЬ 5. ВНУТРЕННИЕ РЕГИОНЫ

Г л а в а 11

Поволжье

Регион Поволжья интересен тем, что представляет собой развивающийся региональный организм, объединяющий, по меньшей мере 32 субъекта Федерации. Внутри Поволжья и вокруг него действуют разнонаправленные силы и процессы, которые могут способствовать становлению Поволжья как самостоятельного регионального целого. В этом контексте рассматривается и значение международных связей, и векторы интеграции Поволжья в систему глобальных отношений.

Что такое Поволжье

«По мнению Игоря Дудина, главы самарского представительства компании Colemont Insurance Brokers, именно в Самаре в течение ближайших пяти–десяти лет будет находиться страховой центр для предприятий всего Поволжского региона. Активность страховых компаний, с одной стороны, и развитие потребностей страхования крупных индустриальных рисков – с другой, создают условия, при которых брокерская фирма окажется необходимым звеном в создании страховых и перестраховочных программ. Изучение маркетинговой информации о местных рынках такого рода услуг показало, что в Самаре и Поволжье это наиболее стабильно развивающиеся сегменты экономики»¹. Это рядовое информационное сообщение, упоминающее «Поволжский регион». Таких можно встретить тысячи, и в каждом уверенно используется слово «Поволжье» как нечто само собой разумеющееся. Но не всё так просто, потому что Поволжья нет ни на одной карте.

Словом «Поволжье» именуют внутренний регион России, территорию, примыкающую к реке Волге. Как топоним, Поволжье имеет

¹ <http://www.fd.ru/article/23447.html>

несколько значений, за которыми стоит различное понимание границ этой территории. В постсоветский период есть пять значений. Три из них можно считать традиционными: они существовали во времена СССР, а два появились уже после его распада. Самый узкий смысл связан со значением топонима «Нижегородское Поволжье», которое активно использовалось и используется в поле исторических наук¹, но в современном региональном пространстве совпадает с территорией в границах Нижегородской области².

Второй смысл связан с топонимом «Поволжский экономический район» и привязан к региональной стратификации социально-экономического пространства в СССР. Сетка экономических регионов была утверждена в 1963 г. (уточнённая в 1966 г.) и объединяла 18 крупных единиц, 10 из которых находились в составе РСФСР: Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Чернозёмный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный³. Поволжский экономический район включал Куйбышевскую (ныне Самарская), Саратовскую, Пензенскую, Ульяновскую, Волгоградскую и Астраханскую области, Татарскую (ныне Республика Татарстан), Башкирскую (ныне Республика Башкортостан) и Калмыцкую (ныне Республика Калмыкия) АССР. Площадь территории региона составляла 680,1 тыс. кв. км, численность населения — 17 515 тыс. человек. Центром этого экономического региона был г. Куйбышев (ныне Самара)⁴. В настоящее время Поволжский экономический район включает семь субъектов Федерации: Астраханскую, Волгоградскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую области, Республику Калмыкия и Республику Татарстан. Площадь территории этого экономического региона составляет 539,8 тыс. кв. км, население — 16 519 973 человек (по данным переписи 2002 г.)⁵.

Кроме того, слово «Поволжье» используется нестрого как географическая метафора. В этом случае оно может указывать также и на другой экономический район — Волго-Вятский, и происходит это

¹ Гацисский А.С. Люди Нижегородского Поволжья. Н. Новгород, 1887; Кантерев Л.М. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье 10–16 вв. Горький, 1936; Филатов Н.Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в 17 в. Горький, 1989.

² Дахин А.В., Рыжова Т.С. Российский исторический «город» и проблема сохранения разнообразия культур в контексте глобализации // Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 201–214.

³ <http://www.mojgorod.ru/regs/ecregion.html>

⁴ Федорова Е.Ф. Поволжье // Географические проблемы развития крупных экономических районов СССР. М., 1964. <http://geoman.ru/geoman/geography/item/f00/s10/e0010380/>

⁵ Население регионов России. <http://wgeo.ru/russia/table.shtml?id=23>

потому, что в составе этого экономического региона находится историческое Нижегородское Поволжье, т.е. Нижегородская область. В состав Волго-Вятского экономического района входят наряду с Нижегородской Кировская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия и Чувашская Республика. Центр – г. Горький (ныне Нижний Новгород). Общая площадь территории этого экономического региона составляет 2648 тыс. кв. км, а численность населения – 7 958 056 человек (по данным переписи 2002 г.).

После распада СССР Поволжьем стали неформально называть новый административный регион – Приволжский федеральный округ (ПФО). Сетка федеральных округов существует с 2000 г. и с незначительными изменениями сохранилась до настоящего времени. Первоначально в состав ПФО входили 15 субъектов Федерации: Нижегородская, Самарская, Саратовская, Пермская, Оренбургская, Ульяновская, Кировская, Пензенская области, республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашская, Мордовия, Марий Эл и Коми-Пермяцкий автономный округ. Центр ПФО – г. Нижний Новгород. С 1 декабря 2005 г. Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ были объединены в одно административно-территориальное образование «Пермский край». Центром ПФО остался г. Нижний Новгород.

Последнее метафорическое значение слова «Поволжье» связано с экологическим регионом Большая Волга, который объединяет территории, находящиеся в бассейне реки Волги и её многочисленных притоков. В территорию Большой Волги входят следующие субъекты Федерации: Вологодская, Кировская, Костромская, Новгородская, Смоленская, Тверская, Ярославская области (Верхняя Волга); Владимирская, Ивановская, Калужская, Московская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская области, республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашская и Пермский край (Средняя Волга); Астраханская, Волгоградская, Саратовская области и Республика Калмыкия (Нижняя Волга)¹. Неформальной столицей Большой Волги также является Нижний Новгород.

Краткий обзор значений слова «Поволжье» позволяет отметить следующие аспекты. Во-первых, существует несколько одновременно действующих оснований региональной стратификации: административно-политическое, экономическое, историческое, экологическое и др. (например, военно-политическое и пр.). Во-вторых, сетки региональной стратификации, построенные на различных специализированных основаниях, пересекаются с образованием более или

¹ Видение Волги. Междисциплинарная инициатива ЮНЕСКО по устойчивому развитию Волжско-Каспийского бассейна. Н.Новгород: ННГАСУ. 2004. С. 37.

менее устойчивого универсального внутреннего региона, более или менее ассоциирующегося строго с топонимом «Поволжье». В-третьих, строение внутреннего пространства такого универсального региона, как Поволжье (центр, провинция, граница), не имеет жёсткой линейной топологии, но строится по законам социальных отношений, взаимодействий, коммуникаций. Поэтому и центр Поволжья, и особенно его граница являются «плавающими» и не имеют линейного картографического отображения. Даже при том, что Нижний Новгород является центром и Нижегородского Поволжья, и Волго-Вятского экономического района, и ПФО. и Большой Волги, центральное положение в системе социальных коммуникаций распределяется, как минимум, между Нижним Новгородом (население 1283,6 тыс. человек), Самарой (население 1143,3 тыс. человек), являющейся традиционным центром Поволжского экономического района, и Казанью (население 1112,7 тыс. человек). В этом смысле Поволжье — нелинейный географический объект, состояние которого существенно зависит от конституирующих его внутренних социальных отношений и контактов.

Внутренняя устойчивость региона такого типа может обеспечиваться работой структур социально-исторической памяти регионального сообщества — феноменом, который в русле неоинституционализма осмыслен, например, как «организационная память». В нашем случае — это коммуникативная память регионального сообщества, т.е. инфраструктура социальных коммуникаций, функционирование которой из поколения в поколение воспроизводит некоторые главные маршруты следования, маятниковые миграции, каналы управленческих влияний, банковских трансакций, товарных поставок и пр., а также центры их притяжения или концентрации. Короче говоря, речь идет о коллективной памяти (коммеморации) регионального сообщества, телом которой являются навигационные карты (дорожные карты) социальных коммуникаций, образующих также и основу социальной самоидентичности региона. Если такая коммеморация действует, регион существует в качестве актора. Если коммеморация такого типа отсутствует, значит, от региона осталось одно название (номинальный регион), и он не существует в качестве самостоятельного актора. В этом заключена первая проблема Поволжья: является ли оно регионом-актором или это только название, неопределённо привязанное к географической местности? Важность этой проблемы обусловлена, в частности, тем, что, если это актор, значит, существует возможность реализации системных, долговременных и оптимальных с точки зрения затрат проектов в формате Поволжья в целом. Если актора нет, то реализация такого рода проектов невозможна или будет крайне затратной. Вторая про-

блема — динамика, тенденция: есть ли предпосылки становления или укрепления коммуникативной инфраструктуры коммеморации на территории Поволжья или таковых нет? В конечном счёте, это позволяет определиться, что вступает в мировую интеграцию: Поволжье-актор или Поволжье-название.

В рамках настоящей главы нет возможности детально исследовать этот вопрос. Тем не менее можно определить факторы, которые содействуют формированию региональной коммуникативной памяти Поволжья-актора, и факторы, которые работают на дезинтеграцию этого региона, на разделение его на более мелкие региональные формы. Ключевыми элементами региональной коммуникативной памяти являются: а) река Волга и другие социально значимые ресурсы природной территории, а также геоэкологические цепочки/системы бассейна реки Волги; б) геотехнологические транспортно-логистические цепочки; в) система государственного и политического управления; г) этнокультурные, этнонациональные и этноконфессиональные сети коммеморации.

В самом общем виде можно заключить, что река Волга и её бассейн являются интегрирующими факторами, но только при условии, что они становятся предметом социальных коммуникаций. Пока что здесь существует только довольно новая программа оздоровления бассейна Волги, интеллектуально связанная с Волжско-Каспийской инициативой ЮНЕСКО (с 2003 г.) и с рядом российско-германских проектов («Ока—Эльба», «Волга—Рейн», 1997—2001 гг.). В этом же формате существовала федеральная целевая программа «Оздоровление экологической ситуации в бассейне Волги и на её притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов бассейна реки Волга на период до 2010 г.», утверждённая в 1998 г. Общий бюджет программы в 1998 г. составлял 140 млрд руб., включая 11 млрд руб. из федерального бюджета, 81 млрд из бюджетов субъектов Федерации и 48 млрд из других источников. Отдельные мероприятия были поддержаны в разные годы Программой по охране окружающей среды Каспия (СЕР), которая финансировалась Глобальным экологическим фондом (ГЭФ) под руководством Мирового банка, ПРООН и ЮНЕП.

Европейский союз также участвовал в финансировании этой программы, а кроме того, оказывал поддержку в рамках программы TACIS (по оказанию технической помощи странам СНГ). Примером может служить проект «Подготовка кадров для управления охраной природы в Волжском бассейне», реализованный с участием различных организаций из Великобритании и Франции. Европейское экономическое сообщество финансировало также проведение исследований различными учреждениями Франции, Германии и

Великобритании по теме «Гидрологические и гидродинамические исследования и прогнозирование повышения уровня вод Каспийского моря. Воздействие климатических и антропогенных факторов», и др.¹. С другой стороны, стратегическая значимость запасов пресной воды (с учётом глобальных изменений климата) позволяет прогнозировать медленный рост значения экологической основы Поволжья. Поэтому если в настоящее время в качестве экологического региона Поволжье обладает слабым потенциалом внутренней интеграции, то в стратегической перспективе может возникнуть более сильная социальная «привязка» территорий Большой Волги к бассейну реки Волги.

Как экономический регион, Поволжье традиционно разделено на два экономических района, так что постсоветская инерция, если она ещё существует, является дезинтегрирующим фактором. Кроме того, дорожно-транспортная инфраструктура на территории Поволжья сохраняет материальную базу коммуникативной памяти периода СССР. Во-первых, поскольку Поволжье непосредственно граничит с Москвой, вся автодорожная и железнодорожная сеть центрируется на систему коммуникаций Москвы. Центры Поволжья (Н. Новгород, Самара, Казань) не имеют вокруг себя концентрации дорожной сети, хотя бы слабо напоминающей московскую. Во-вторых, интенсивность прямых транспортных коммуникаций как по центральному контуру Поволжья (Н. Новгород—Казань—Самара), так и между этим контуром и периферийными регионами является довольно низкой, что в совокупности с другими обстоятельствами 1990-х годов определяется как «регионализация» экономического пространства. В-третьих, входящая в Поволжье (в Большую Волгу) Московская область является более мощным экономическим центром, чем система Н. Новгород—Казань—Самара. Поэтому как экономический регион Поволжье обладает заметным коммеморативным потенциалом, работающим на его фрагментацию. Как административно-политический регион Поволжье жёстко поделено между четырьмя федеральными округами (Поволжским, Центральным, Северо-Западным и Южным), и это обстоятельство также формирует систему коммуникативной памяти, выступающей фактором фрагментации. Наконец, как этнокультурный и этноконфессиональный регион Поволжье представляет собой довольно сложное лоскутное одеяло, фрагменты которого находятся в конкурентных системах коммуникативной памяти, а, следовательно, данные факторы могут действовать в пользу как дезинтеграции, так и интеграции.

¹ Видение Волги. Междисциплинарная инициатива ЮНЕСКО по устойчивому развитию Волжско-Каспийского бассейна. Н.Новгород: ННГАСУ. 2004. С. 86–89.

Система Нижегородская область— Самарская область—Республика Татарстан

Внутренняя структура Поволжья такова, что в ней целесообразно выделять несколько ключевых элементов: а) внутреннее ядро, образованное Поволжским федеральным округом, б) центральную систему Нижегородская область—Самарская область—Республика Татарстан и в) периферийный «центр» в виде Московской области, который в структуре Поволжья является наиболее самодостаточным (в силу непосредственной связанности с Москвой). Потенциал системы Нижегородская область—Самарская область—Республика Татарстан обусловлен тем, что в этой зоне происходит концентрация ряда стратегически значимых для развития Поволжья ресурсов. Одни ресурсы «работают» уже сейчас: нефть и газ, ресурсы гидроэлектроэнергетики, машиностроения. В этой системе с советских времён присутствуют предприятия обрабатывающей промышленности, работающей на потребности внутреннего рынка.

Трудовые ресурсы имеют особое значение. По оценкам Жанны Зайончковской, в России «после 2006 года, с 2007 года начинается убыль трудоспособных контингентов ... Очень тяжелым будет пятилетие с 2015 по 2020 год, когда сокращение будет составлять 1,5 млн человек в год. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что самым дефицитным ресурсом страны в ближайшей перспективе будет труд. Не нефть, не газ, не деньги — труд, особенно квалифицированный»¹. При общероссийской тенденции старения и естественной убыли населения Самарская, Нижегородская области и Татарстан имеют наибольшие показатели миграционного прироста населения. Нижегородская область и Татарстан экспертами определяются как регионы-доноры². В то же время в Самарской области наиболее развитая и продуманная инфраструктура по взаимодействию с мигрантами, особенно из национальных республик России и стран СНГ³. И, наконец, здесь находятся стратегические запасы пресной воды.

Несмотря на отсутствие явного экономического лидерства в 2000-х годах, связка регионов Нижегородская область—Самарская область—Республика Татарстан обладает высоким уровнем разнооб-

¹ Зайончковская Ж. Миграционная ситуация в современной России // Полит.ру 29.03.2005. <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/russ-bazar/situatsia/>

² Карачурина Л.Б. Внутрироссийские миграции: региональный анализ, 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit06.php>

³ Мукомель В.И. Национальная политика в приграничных с республикой Казахстан приграничных районах // Фронтьерные миграции: Сб. науч. тр. / Под ред. Ж. Зайончковской, М. Сдыкова. М.; Уральск, 2002. <http://www.demoscope.ru/center/fmcenter/mukomel.html>

разия, который позволяет прогнозировать позитивные перспективы её развития в качестве центральной системы Поволжья. Если придерживаться логики «гравитационной» модели анализа экономических отношений¹, то можно говорить о потенциале формирования системы Нижегородская область—Самарская область—Республика Татарстан в качестве гравитационного центра Поволжья.

Общеэкономические тенденции России вполне соответствуют качеству социально-экономических процессов, происходящих в центральной системе Поволжья. «По мере того, как темпы роста в топливно-энергетическом секторе замедлились в связи с ограничением производственных мощностей, экономический рост все больше сосредоточивается в отраслях, обслуживающих внутренний рынок, в частности в сфере товаров и услуг, которые не могут быть легко замещены импортом. В то же время российские предприятия, конкурирующие с иностранными производителями, все более ощущают влияние укрепления курса рубля, которое проявляется в виде роста производственных затрат и заработной платы. Рост в “торгуемых” отраслях обрабатывающей промышленности замедляется, и трудовые ресурсы перемещаются в другие секторы. За пределами сырьевых отраслей и металлургии у России по-прежнему мало сравнительных преимуществ на международных рынках...».

Помимо запасов природных ресурсов российский внутренний рынок характеризуется достаточно большим размером и широким географическим охватом, что позволяет поддерживать существенное разнообразие экономической деятельности, в той или иной степени защищенной от влияния международной конкуренции. Укрепление рубля хотя и создает все больше сложностей для предприятий несырьевых отраслей, конкурирующих на мировых рынках, способствует повышению прибыльности предприятий, обслуживающих внутренний рынок, по сравнению с возможностями в других странах. Отражением этого факта является недавнее резкое увеличение притока иностранных инвестиций в Россию. Разумеется, для поддержания текущей модели экономического роста по-прежнему требуется решение ключевых проблем в среднесрочной перспективе в таких областях, как инфраструктура, топливно-энергетический комплекс и предложение рабочей силы (миграция). Тем не менее эти и другие задачи потенциально могут быть решены реализацией мер экономической политики и реформ, которые не повлияют на изменение базовой модели экономического развития в стране»².

¹ *Бабецкая-Кухарчук О.А., Морель М.* Переход к рынку в России и его влияние на международную интеграцию // Количественный анализ в экономике. Препринт WP2/2003/04. Серия WP2. М.: ГУ «ВШЭ». 2003. С.14–19.

² Доклад об экономике России. № 13. Декабрь 2006. www.worldbank.org.ru

Материалы Минэкономразвития России об итогах 2006 г. свидетельствуют, что регионы центральной системы Поволжья по различным аспектам входят в число наиболее активных экономических акторов России. Доля Нижегородской области и Татарстана в объёме инвестиций в основной капитал в январе–ноябре 2006 г. (рис. 1) составляет 5,4%, а с учётом Самарской области – около 7 %, что вполне сопоставимо с долей периферийного центра Поволжья – Московской области (4%). В общем объёме собранных налогов и сборов в январе–ноябре 2006 г. (рис. 2) суммарный вклад Татарстана и Самарской области составляет 5,2%, а с учётом Нижегородской области – около 6%, что превышает долю московской области (3,6%)¹. Конечно, в обоих аспектах можно отметить и вклад Республики Башкортостан, но этот регион по причинам логистики вряд ли можно рассматривать в качестве элемента центральной системы Поволжья.

Наблюдатели, ссылаясь на материалы агентства «Эксперт РА», отмечают, что инвестиционный климат страны сейчас формируют две взаимосвязанные тенденции: растущая дифференциация регионов и формирование инвестиционного ядра. До недавнего времени выделялись два центра инвестиционной привлекательности – Москва и Петербург. Сейчас в отрыв уходят области за пределами столиц, регионы с минимальным инвестиционным риском. «Они образуют своего рода инвестиционный резерв для тех проектов, которые по разным причинам (высокая арендная плата за землю, бюрократические проволочки и т.п.) трудно осуществить в мегаполисах»². В частности, по итогам 2005 г. рейтинг регионов с наибольшими предпосылками инновационного роста возглавляет Нижегородская область³. А Самарская область уже теперь является активным центром, поставляющим в регионы Поволжского федерального округа инновационную продукцию (рис. 3).

Миграционные процессы 1990–2001 гг. на территории Поволжского федерального округа были проанализированы в аналитическом докладе ЦСИ «Государство. Антропоток»⁴. Авторы показали, что «миграционный тренд Приволжского федерального округа практически повторяет общероссийский»⁵. По относительному значению миграционного прироста за счёт внутренней миграции ПФО уступает только Центральному⁶. При этом миграционные потоки ме-

¹ О текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе–ноябре 2006 г. М.: МЭРиТ. 2006. <http://www.economy.gov.ru/wps/portal>

² Щербо Г. Приманка для капиталов // Эксперт-Волга. 2006. № 2(6). http://www.expert.ru/printissues/volga/2006/02/nnov_investment/

³ http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=/region_climat/2006/table5/

⁴ Государство. Антропоток / П. Щедровицкий, С. Градировский, Б. Межуев и др. Н. Новгород; М., 2002.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Там же. С. 69.

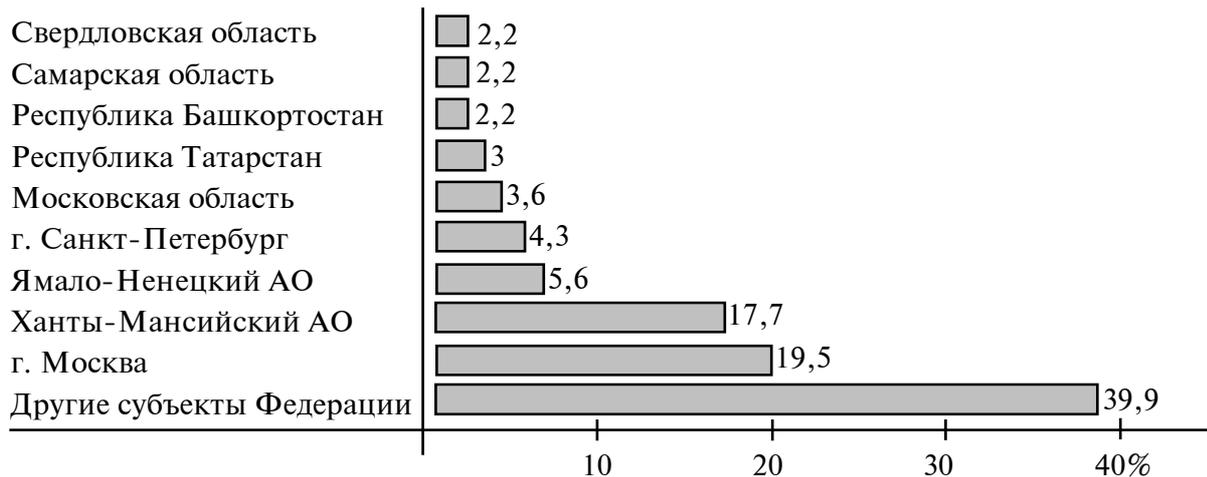

Рис. 1. Доля субъектов Федерации в объеме инвестиций в основной капитал, %

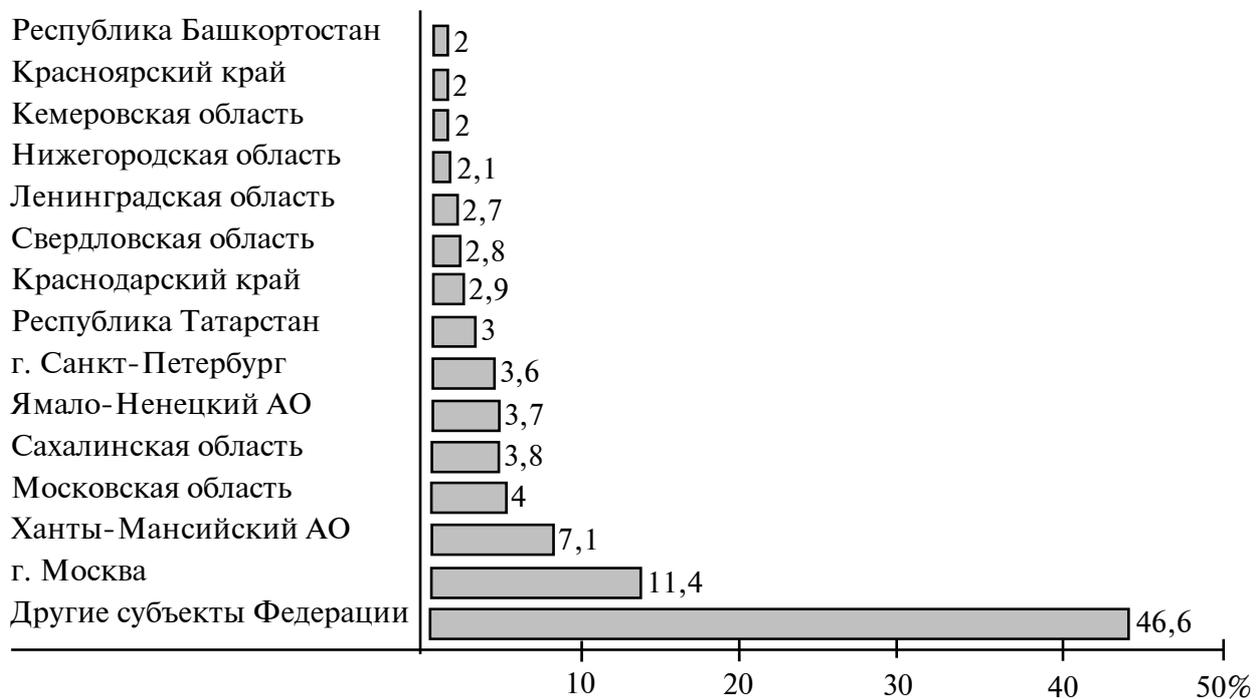

Рис. 2. Доля субъектов Федерации в общем объеме налогов, %

Рис. 3. Доля субъектов Федерации в объеме поставок инновационной продукции, %

жду федеральными округами выглядят так, что Поволжье собирает мигрантов из всех федеральных округов, кроме Центрального, а само является источником мигрантов только для этого округа¹. Поэтому

¹ Там же. С.72.

в общероссийской системе миграционных потоков Поволжский федеральный округ играет роль «входного терминала» в Центральный округ (т.е. в Москву и московскую область). А в структуре Поволжья местами притяжения внутренних мигрантов становятся Нижегородская и Самарская области, где миграционный прирост населения в 1991–2001 гг. составляет больше 15 человек на 1000 жителей¹.

Если в 2005–2010 гг. экономический рост в регионах центральной системы Поволжья будет продолжаться, то из «входного терминала» при Центральном федеральном округе Поволжский федеральный округ будет превращаться в самостоятельный район концентрации миграционных ресурсов. В случае стабилизации и консервации экстенсивного роста Москвы и перехода ее к интенсивному росту, когда количество потребляемых ресурсов уступит место росту их качества и качества их использования, экономический регион Москвы превратится из «бездонной ямы», способной поглотить любые объемы человеческих и других ресурсов, в «плотину», подобную той, что перегородивают реку. Резко изменится прозрачность границы Москвы: усилится барьерная функция, что, в свою очередь, согласно «гравитационной» модели² будет стимулировать развитие межрегиональных связей более мелких регионов за границей Москвы. В этой ситуации Поволжский федеральный округ и его центральная система «Нижний–Самара–Казань» становятся поволжским «гравитационным» центром аккумуляции ресурсов внутрироссийской миграции. По показателям миграционного прироста населения с 2002 г. регионы центральной системы Поволжья образуют лидирующую группу, привлекающую мигрантов, хотя по абсолютным показателям в рамках Поволжья более мощным аккумулятором миграционных потоков является пока что Московская область. Например, по итогам 2003 г. миграционный прирост в Нижегородской области составил 1418 человек, в Самарской 2287 человек, в Республике Татарстан – 6084 человек, а в Московской области – 56 051 человек.

Поволжье в системе международных связей: проблема интеграции

Система региональных международных связей находится на том уровне, что такого актора, как Поволжье, не существует. Это обусловлено тем, что международные связи российских регионов силь-

¹ Там же. С.76.

² *Бабецкая-Кухарчук О.А., Морель М.* Переход к рынку в России и его влияние на международную интеграцию. Препринт WP2/2003/04. Серия WP2. Количественный анализ в экономике. М.: ГУ «ВШЭ». 2003. С. 16–18.

но детерминированы и региональными, и федеральными властями. Соответственно сетка международных связей сильно привязана к сетке административно-территориального деления. Каждый регион Поволжья старается развивать собственную систему отношений с внешним миром. Кроме того, предприятия крупных финансово-промышленных групп, размещённые на территориях поволжских регионов, формируют свою сеть международных отношений, «привязанных» к брендам этих крупных компаний, например к бренду «ГАЗ» или «Северсталь» и т.д. Поволжье как универсальный регион в настоящее время не является актором, формирующим «собственное» измерение международных связей.

Интенсивность интеграционных «сепаратных» связей регионов центральной системы является достаточно высокой. Ярким «активистом» является, в частности, Самарская область. Она прочно занимает высокую ступеньку рейтинга среди регионов Российской Федерации по объемам привлечения иностранного капитала. Так, по результатам I квартала 2006 г. Самарская область вышла на 9-е место среди регионов Российской Федерации и на 1-е место по Приволжскому федеральному округу. В январе–марте 2006 г. в Самарскую область поступили иностранные инвестиции в 137,8 млн долл. (136,3% к аналогичному периоду 2005 г.), в том числе прямые инвестиции – 19,3 млн долл. (рост в 5,7 раза), портфельные – 8,6 млн долл. (рост в 28 раз), прочие – 109,9 млн долл. (112,8%). В Самарской области наиболее привлекательными для иностранных инвесторов остаются отрасли химической и топливной промышленности, обрабатывающие производства. Это обусловлено тем, что в данных отраслях сравнительно низкие инвестиционные и кредитные риски, а также благополучная кредитная история предприятий. Динамика поступления иностранных инвестиций в экономику Самарской области за 2000–2005 гг. показана в таблице 1¹.

Таблица 1

*Динамика поступления иностранных инвестиций
в экономику Самарской области за 2000–2005 гг., млн долл.*

Виды инвестиций	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Портфельные	0,4	0	0,7	1	0,5	3,3
Прямые	59,6	117,6	97,7	72,1	159,9	38,3
Прочие	176,3	142,8	206,5	341,2	937,5	881
<i>Всего</i>	<i>236,3</i>	<i>260,4</i>	<i>304,9</i>	<i>414,3</i>	<i>1097,9</i>	<i>922,6</i>

В частности, за 2005 г. основной объем прямых инвестиций поступил в строительство, машиностроение и сельское хозяйство. За счет вклада американских компаний-соучредителей ЗАО «МТЛ»

¹ <http://www.economy.sam-reg.ru/deip2/port.nsf/wpages1/0001-0001>

продолжало строительство административно-гостиничного комплекса «Холидей Энн» в Самаре. Совладельцы ЗАО «ПЭС/СКК» корпорация «Делфай» (США) и ЗАО «ПХР» – компания «АД Пластик» (Хорватия) направили инвестиции на реализацию проектов по расширению производства автокомплекующих. ЗАО «Самарский комбинат керамических материалов» совместно с иностранным инвестором – американской компанией Ceramics Industry Construction Inc. (инвестиционным подразделением французской компании UCP) построен завод по производству керамических блоков. ООО «АгроПроектКинель» продолжило использовать инвестиции от немецких учредителей, для исследований в области обрабатывающих технологий выращивания зерновых культур.

Портфельные инвестиции в 2005 г. составили 3,3 млн долл., объем прочих иностранных инвестиций – 94% уровня 2004 г. (881 млн долл.). Прочие инвестиции были привлечены за счет иностранных кредитов и заемных средств. Значительный объем их направлен на оплату лицензий на разработку нефтяных месторождений на территории области, а также предоставление торговых кредитов под поставку продукции. ОАО «АвтоВАЗ» продолжило использовать механизм выпуска кредитных нот для привлечения иностранных кредитных средств. В сентябре 2005 г. ОАО «АвтоВАЗ» погасило первый годовой выпуск их (CLN) на сумму 150 млн долл. В октябре 2005 г. предприятие привлекло кредитные средства компании CRR BV (Нидерланды) в 250 млн долл. путем размещения второго выпуска CLN. Привлеченные средства компания планирует направить на модернизацию действующего производства и обновление модельного ряда. Основные страны – инвесторы в экономику Самарской области в 2004–2005 гг. перечислены на рис. 4¹. В 2005 г. объем внешнеторгового оборота Самарской области вырос по сравнению с 2004 г. на 5,8%

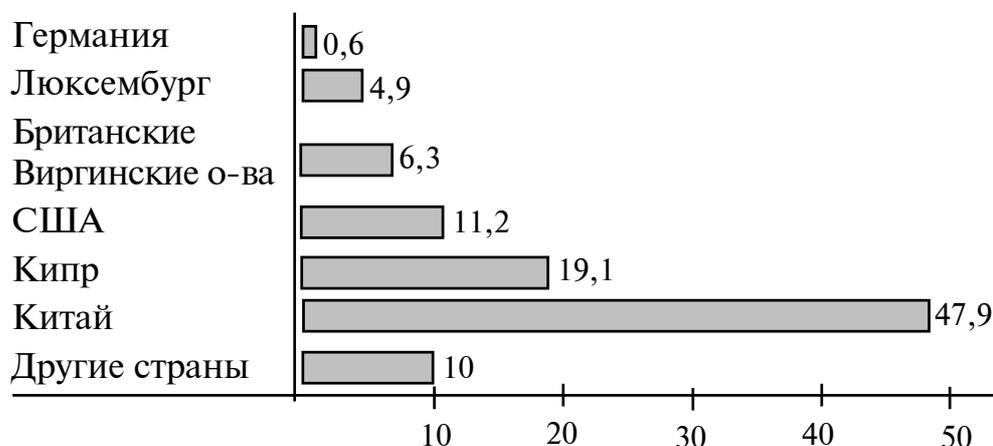

Рис. 4. Основные страны – инвесторы в экономику Самарской области в 2004–2005 гг., %

¹ <http://www.economy.sam-reg.ru/deip2/port.nsf/wpages1/0001-0001>

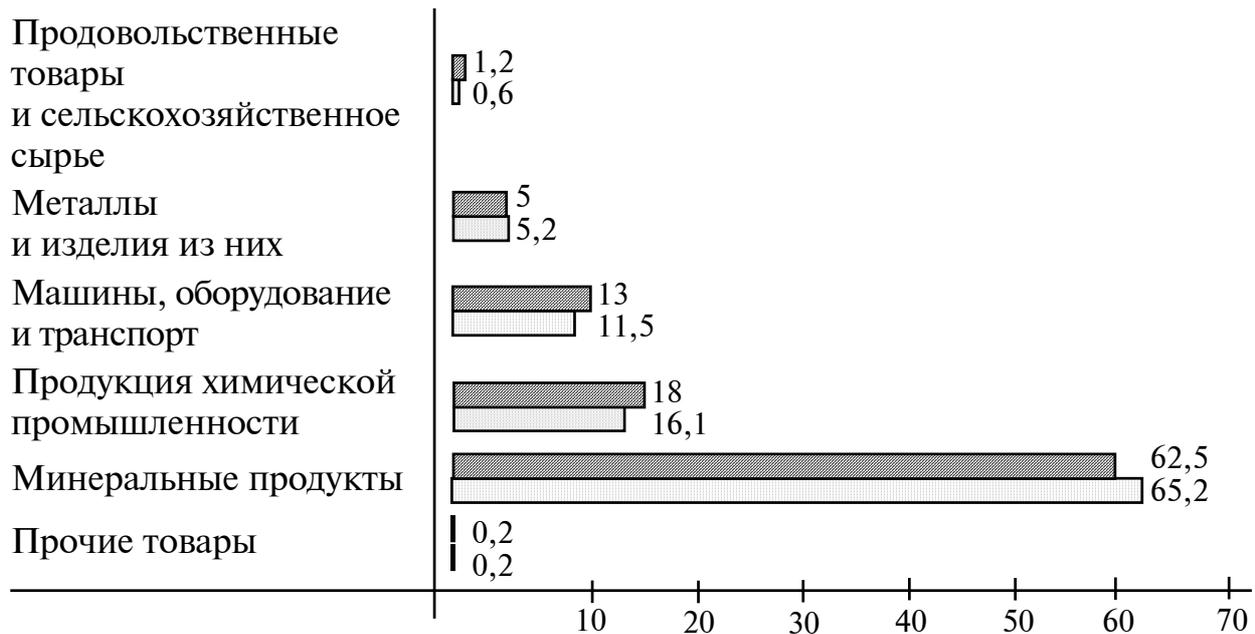

Рис. 5. Структура экспорта Самарской области в 2004–2005 гг., %

■ 2005 г. □ 2004 г.

и составил 7181,9 млн долл. Положительное сальдо торгового баланса составило 5222 млн долл. Экспорт товаров из Самарской области в 2005 г. (рис. 5)¹ вырос на 6,8% и составил 6202 млн долл. По-прежнему основу экспорта составляет продукция топливной промышленности. Однако, по данным таможенной статистики, произошло небольшое снижение доли продукции топливной промышленности в общем объеме экспорта (с 65% в 2004 г. до 62,5% в 2005 г.).

На протяжении последних трех лет привлечение и использование иностранной рабочей силы в Самарской области ежегодно увеличивается. Всего за 2003–2005 гг. на территорию области для трудовой деятельности прибыло почти 8,9 тыс. мигрантов, из которых более половина (5,4 тыс. человек) – из стран СНГ и Балтии, в основном из Украины, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана². В Нижегородской области ключевыми международными акторами в промышленности являются Заволжский моторный завод (группа «Северсталь»), Выксунский металлургический завод, ОАО «ГАЗ» (группа «ГАЗ»), Борский стекольный завод, ЦБК «Волга», НПЗ «ЛУКОЙЛ» и др. В частности, на территории Поволжья ключевые предприятия группы «ГАЗ» располагаются в Нижегородской (Горьковский автомобильный завод, Павловский автобусный завод), Московской (Ликийский автобусный завод), Ярославской (Автодизель), Тверской (Тверской

¹ <http://www.economy.sam-reg.ru/deip2/port.nsf/wpages1/0001-0001>

² <http://www.economy.sam-reg.ru/deip2/port.nsf/wpages1/0001-0001>

экскаваторный завод) областях. В 2005 г. показатель экспорта составил около 19% суммарного объема продаж.

В настоящее время основными экспортными рынками выступают страны СНГ, в первую очередь Украина, Казахстан и Беларусь. Ключевыми рынками сбыта продукции группы «ГАЗ» среди стран дальнего зарубежья являются Вьетнам, Румыния, Турция, ЮАР. Приоритетные направления развития рынка продукции группы «ГАЗ»: Центральная и Юго-Восточная Азия: Индия, Пакистан, Индонезия, Вьетнам; Южная Африка – ЮАР, Намибия, Кения, Танзания, Зимбабве; Экваториальная и Северная Африка – Гвинея, Алжир, Нигерия, Гана; Ближний Восток – Турция, Сирия, Ливия, Ирак, Египет; Восточная Европа и страны Балтии – Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Югославия. Сборочные предприятия «ГАЗ» располагаются в 14 странах мира: Италия, Румыния, Турция, Египет, ЮАР, Иран, Пакистан, Индия, Вьетнам, Малайзия, Аргентина, Эквадор, Колумбия¹.

Не менее мощные «пучки» международных контактов сходятся и к другим крупным и средним предприятиям Нижегородской области или республики Татарстан. Есть примеры удачные, есть и проблемные². Но важно отметить то обстоятельство, что регион Поволжье не существует в качестве агента отношений такого рода.

Чтобы пояснить, сошлюсь на пример из сферы высшего образования. Дело в том, что в Нижнем Новгороде (в Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете) и в Казани (в Академии управления «ТИСБИ») существуют кафедры ЮНЕСКО. Несмотря на различия в специализации (в Казани – подготовка и переподготовка специалистов в условиях рыночной экономики, а в Н. Новгороде – устойчивое развитие в регионе Большой Волги) обе кафедры работают на принципах, отражающих миссию ЮНЕСКО. Они активно развивают международные контакты, но между собой не взаимодействуют. Это достаточно типично для высшей школы в России. Университеты стремятся организовывать программы обмена с иностранными партнёрами, но между собой не развивают никаких программ обмена, ни студенческих, ни преподавательских. Возникает парадоксальная ситуация, когда партнёрские отношения с зарубежными университетами более продвинуты, чем аналогичные отношения с университетами России. Парадокс в том, что каждый университет стремится интегрироваться в мировое пространство в одиночку.

¹ Группа «ГАЗ»: Годовой отчёт 2005. С. 36–37. www.gaz.ru

² Макарычев А.С. Проблемы управления еврозаймом: Опыт Нижегородской области // Внешнеэкономическая деятельность регионов: роль в федерализации России. Материалы семинара. 30.11.1999. <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/makarychev.htm>

А в результате передовые методики, программы, учебные модули оживают только в русле международных контактов, активизируются только в присутствии иностранцев. В остальное время университетская жизнь погружается в своё обычное «российское» состояние: образовательный процесс «садится» на мели, чёрные доски, а аудитории не имеют электрических розеток.

Хочется обратить внимание на то, что международные отношения, особенно в сферах образования, культуры, науки, хотя и развиваются, но довольно часто дают «точечный», приватизированный кем-то одним эффект. Применительно к ситуации с Поволжьем рост таких контактов и даже «пучков» их пока что не даёт ландшафтного эффекта: Поволжье-регион ландшафтно в систему международных связей не интегрирован. Это значит, что иностранные акторы не знают и не видят со стороны России такого партнёра, как Поволжье.

Среди причин, препятствующих ландшафтному вовлечению Поволжья в международные процессы, одной из ключевых является устройство современной системы власти в России, которая поддерживает вертикальные формы субординации и почти полностью отрицает горизонтальные формы координации. Архитектура политического пространства напоминает внутреннее убранство готического собора, где каждая деталь интерьера, стоит взглянуть на неё, тащит взгляд куда-то вверх, в некую единственную и единую точку высоко над головой, где всё и вершится. Пространство коммуникаций в каждой значимой точке как бы вытягивается вверх, так что коммуникация с соседним другим происходит через «верх». В результате затрудняется реализация межотраслевых целевых программ, межрегиональных проектов, междисциплинарных исследований и пр. В конечном итоге оказываются дискриминированными ландшафтные ресурсы Поволжья.

Тем не менее можно указать факторы, которые способны кое-что противопоставить названной причине. Это экономическая глобализация и необходимость в транспортно-логистической инфраструктуре, которая тем сильнее, чем больше размеры страны. Внутренними факторами ландшафтной интеграции Поволжья и одновременно факторами интеграции его в систему международных отношений является развитие европейских транспортных коридоров, четыре из которых предполагается проложить по территории Поволжья. Принципиальная значимость таких объектов для интеграции мировых связей известна¹. Но хочется подчеркнуть, что они значимы и в качестве факторов внутренней интеграции региона Поволжье.

¹ Суюнбаев М.Н. Евразийские транспортные коридоры как фактор интеграции в мировую экономику // Перспективы Центральной Азии как транзитного моста между Европой и Китаем: Материалы междунар. конф. Алматы, 26 апреля 2005 г.

Начиная с 1995 г. приняты решения о том, что через Нижний Новгород будет проходить транспортный коридор № 2, который прокладывается по территории Республики Беларусь и является участком Критского коридора Берлин—Варшава—Минск—Москва—Нижний Новгород, соединяющего Германию, Польшу, Беларусь и Россию. Он был определен Европейским союзом как высший приоритет среди критских коридоров в связи с важным значением проходящих по нему торговых потоков между Востоком и Западом¹. Интерес возник и в Самаре. Власти региона рассудили, что «Самара является ключевой точкой транспортных путей из Европы на Дальний Восток и страны Юго-Восточной Азии. Несмотря на это, на упомянутых направлениях основную нагрузку несут Казань и Нижний Новгород, хотя, как считают специалисты, Самара может пропустить через себя в два раза больше грузов, чем они все вместе взятые. В регионе хорошо развита вся транспортная инфраструктура»². В 2003 г. появилась идея о продлении этого коридора до Екатеринбурга. «Транспортный коридор № 2, который по плану разработчиков проекта замкнется на Екатеринбурге, должен включать в себя железнодорожные и автодороги, авиационные и речные пути, а также транспортно-логистический центр на территории Екатеринбурга, который будет осуществлять управление всеми перевозками»³.

Международный транспортный коридор № 5 — транспортная артерия Европы, в которую включены Волгоград и Пенза. Коридор проходит по территории Италии, Словении, Венгрии, Словакии и Украины. В настоящее время между странами—участницами Международного транспортного коридора (МТК) № 5 достигнута договоренность о продлении коридора на Запад (на Францию, Испанию, Португалию) и на Восток (через Москву до Японии и Кореи, через Харьков, Пензу, Казахстан до Китая, через Днепропетровск, Волгоград до Ирана и Индии)⁴.

Транспортный коридор № 9 — это крупная транспортная ветвь, которая связана с Поволжьем через Астрахань. Трасса коридора № 9 направлена от госграницы с Финляндией—Санкт-Петербург—Москва—Ростов-на-Дону—Новороссийск—Астрахань. Транспортный коридор № 9 — это неотъемлемая часть общеевропейской системы транспортных коридоров. «На III Общеевропейской конференции, проходившей в Хельсинки 23—25 июня 1997 г., было подтверждено,

¹ Транспортные коридоры. <http://www.rw.by/index.php/.156...0.0.0.html>

² *Бережная В.В.* Самаре готовы «прорубить» транспортные коридоры. 08.08.2001. <http://news.samara.ru/news/novosti-dnya/08.08.2001/44382/>

³ Транспортный коридор № 2 замкнется на Екатеринбурге. 11.12.2003. <http://www.regions.ru>

⁴ Международный транспортный коридор № 5. <http://www.zts.uz.ua/europe.htm>

что продление международных коридоров № 2 и № 9 от Москвы соответственно в восточном и юго-восточных направлениях с выходом по Транссибирской магистрали на Владивосток и Находку, а также на Астрахань и Новороссийск; открытие внутренних водных путей для иностранного судоходства на участке Азов–Астрахань, использование преимуществ Северного морского пути для международных перевозок, позволит создать на территории России уникальные условия для функционирования сбалансированной по техническим и эксплуатационным параметрам Евро-Азиатской интермодальной транспортной системы». К интермодальной транспортной сети коридора № 9 относятся автодорожная, железнодорожная, водная (морская и речная), авиационная и комбинированные транспортные инфраструктуры, включая вспомогательные сооружения, такие как подъездные дороги, пограничные переходы, сервисные пункты, склады и необходимое оборудование по управлению движением на названном маршруте и их взаимодействие с инфраструктурами и всеми видами транспорта на этом или имеющим отношение к нему маршрутах¹.

Наконец, МТК «Север–Юг» в случае его развития будет представлять собой сложную транспортную систему, протянутую от Санкт-Петербурга через Волго-Балтийский канал, реку Волгу, Каспийское море и территорию Ирана к Персидскому заливу и Индии. На севере эта дорога может быть продлена за счет Беломоро-Балтийского канала и железнодорожной сети и замкнута на Севморпуть. Маршрут коридора пересекается с Транссибом и Северным коридором Трансазиатской железной дороги, Волго-Донским каналом. Кроме того, российское военное и экономическое присутствие на Каспийском море поможет оказывать сильное воздействие на транспортные и информационные потоки в Средней Азии и Закавказье². Одним из ключевых логистических узлов должна будет стать Астрахань.

Все перечисленные трансконтинентальные транспортные артерии могут радикально усилить центральную систему Поволжья, обеспечив её доступность не только для российских регионов, но и для регионов всего евроазиатского континента. В этом континентальном формате возрастёт значение и восприятие Поволжья как экологического региона. МТК задействуют все виды транспорта, включая аэропорты Нижнего Новгорода, Самары, Казани, Улья-

¹ Девятый транспортный коридор. generalfreight.ru

² Место коридора «Север–Юг» в системе транспортных коридоров Евразии: формирование Индийско-Иранско-Российского экономического сотрудничества // Конструирование будущего. 2003. http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/corridors/corridor/

новска, Волгограда, Астрахани¹, причём первые три уже теперь имеют международные пассажирские терминалы и принимают регулярные рейсы Lufthansa.

Вместе с тем проекты МТК существенно связаны с климатом международной политики. Охлаждение отношений со странами Евросоюза и скандализация отношений с Украиной и Беларусью в 2006–2007 гг. тормозят продвижение проектов транспортных коридоров № 2, 5, 9. Обращает на себя внимание, что на летнем саммите G8 в Санкт-Петербурге (2006 г.) переговоры по этим темам не велись. Выдвинув слоган «энергетической безопасности», Россия резко сместила транспортные проблемы в сторону газо- и нефтепроводной инфраструктуры. Ещё сложнее узел международных отношений, завязывающийся вокруг МТК «Север–Юг». Появление идеи этого МТК в конце 1990-х–начале 2000-х годов было обусловлено интересами Ирана, его стремлением сформировать вместе с Россией, Индией и Китаем некий геополитический блок в противовес НАТО, а также интересами развития ядерной электроэнергетики. В то же время США считают район Каспия зоной своих национальных интересов, а теперь они непосредственно участвуют в лоббировании своего подхода к решению ядерной проблемы Ирана. В этой ситуации Иран ищет новую почву для альянса с Россией и в 2007 г. предлагает идею создания с Россией «газового ОПЕК», которая, по-видимому, появилась задолго до нынешних «ядерных» событий². В России идея Ирана понятна и не отвергнута изначально.

Таким образом, транспортные коридоры, призванные сблизить Поволжье с Евразийским экономическим сообществом, приблизили к нему и влияние международной политики, которая, как видно, может не соответствовать здравому смыслу экономических расчётов.

Важное измерение, где международные коммуникации соотнесены с внутрироссийскими, — это измерение религиозно-конфессиональное. Нижегородская область и Татарстан являются соответственно, крупными центрами православия и ислама. Но православная система коммуникаций центрирована прежде всего вокруг Москвы, а ислам, кроме московского вектора, имеет жёсткий вектор коммуникаций, ориентированный на Мекку и Медину. В Нижегородской области в 2000–2007 гг. активно формируется объект православного паломничества — Дивеевский монастырь и Саровская Пустынь, основанная преподобным отцом Серафимом Саровским. В пространстве Повол-

¹ Система международных транспортных коридоров на территории России // Подпрограмма Международные транспортные коридоры Правительства Российской Федерации от 16.02.2001 № 232-р.

² Бутрин Д., Гриб Н., Еж. П. Энергогазават // Коммерсант. 30.01.2007. <http://www.kommersant.ru/doc.html?docId=737992>

жья Дивеевский православный комплекс является одним из наиболее значительных, но и он находится в тени подмосковного Загорска, если оценивать его место в иерархическом пространстве Русской православной церкви. В то же время рост самостоятельного влияния Дивеевского комплекса логично ожидать именно в рамках Поволжья. К этому ведёт логика конкурентных отношений Русской православной церкви и ислама, фактором которой выступает ключевое значение Казани как центра аккумуляции коммуникаций поволжских мусульман. Усиление влияния мусульманской Казани будет стимулировать усиление влияния Дивеевского православного комплекса в Нижегородской области. В этом плане Нижегородская область и Татарстан – своеобразная «двойная звезда», элементы которой конкурируют, и энергия этой конкуренции стимулирует взаимный рост их значимости. При этом более активным стимулятором роста, вероятно, будет мусульманская Казань.

Это обусловлено как раз международным арабоориентированным направлением коммуникаций мусульман, которое в Казани формировалось на протяжении последних десяти лет. Для сравнения, в 1960–1980 гг. со всего СССР в паломничество в Мекку направлялось в среднем до 15 человек в год. Теперь же число паломников из России составляет 12–13 тыс. человек в год (без учёта паломников из Чечни)¹. На территории Татарстана в 1986 г. существовало 18 мусульманских общин, а к 2000 г. уже свыше 900 общин, имеются начальные и средние учебные заведения – медресе, действуют четыре высших мусульманских учебных заведения, Российский исламский университет². Быстрый рост числа мусульманских общин во многом связан с тем, что «молодёжь получила возможность учиться исламскими наукам в арабо-мусульманских государствах, в том числе в таких престижных и авторитетных университетах, как аль-Азхар (Египет), «Каравиин» (Марокко), аз-Зейтуна (Тунис)»³. Конечно, взаимодействие с внешним исламским миром не было гладким, но оно было сильным вдохновителем развития. Установление ровных отношений с зарубежными центрами ислама будет служить постоянным источником новых и новых импульсов развития исламских общин Татарстана. Что касается православных общин, то если в 1989 г. в Татарстане было 15 православных общин, то к 1999 г. была зарегистрирована 171 община⁴.

¹ Гайнутдин Р. Исламское возрождение России (Деятельность мусульманского духовенства в 90-е годы) // Мир ислама. 1999. № 1 /2. С.72.

² Исхаков Г. Ислам в Татарстане: история и современность // Мир ислама. 1999. № 1 /2. С. 23.

³ Гайнутдин Р. Цит.соч. С.72.

⁴ Набиев М. Республика Татарстан: Межконфессиональная ситуация в системе общественно-политических отношений // Мир ислама. 1999. № 1 /2. С. 80.

Естественная конкурентная конфессиональная связка Нижегородской области и Республики Татарстан не может стать прочным источником интеграции соответствующих коммуникаций региона Поволжье. Конкурентные религиозно-конфессиональные коммуникации станут частью проекта развития Поволжья только в том случае, если стратегии светского участия (региональные социальные доктрины) и православных и мусульман будут сосредоточены в одном из коммуникативных полей, интегрирующих субъекты Федерации в регион Поволжье. Наиболее перспективным представляется поле экологических коммуникаций, включая экологию человека. В этом случае конфессиональная активность могла бы усилить значимость экологической основы Поволжья, вывести её из-под спуда экономических и административно-политических перегородок и противоречий. Экологические доктрины православных и мусульман в районе бассейна реки Волги могли бы создать новые позитивные условия взаимодействия с иностранными церквями, как христианскими, так и мусульманскими. Это возвращает к мысли, высказанной в самом начале главы: регион Поволжье будет формироваться как регион-актор только по мере становления общих коммеморативных практик и структур коммуникативной памяти всего сообщества народов Поволжья. Теперь к этому можно добавить ещё один аспект: в поле коммуникативной памяти обязательно должны находиться базовые ценности, отражающие исключительную значимость экосистемы Поволжья.

Г л а в а 12

Томская область

Предметом данной главы не случайно является Томская область, а не Западная Сибирь или Сибирский федеральный округ (СФО) в целом. Западная Сибирь – понятие не административное, а географическое. Это название осталось от существовавшего в 1930-е годы Западно-Сибирского края, и сегодня в ней нет никаких объединяющих административных структур. Сибирский федеральный округ был создан искусственно, волей федерального центра. Его практика международных инициатив убеждает, что округ представляет очень слабую базу для координации международной деятельности сибирских регионов.

И СФО, и Западная Сибирь удобны в качестве объединений субъектов для диалога с федеральным центром по вопросам внутреннего развития (тарифы, дорожное строительство, отдельные вопросы социальной политики и т.д.), поскольку климатические условия и социальные проблемы данных регионов схожи. В целом же в понятии «Западная Сибирь» объединены регионы с различным уровнем экономического развития, менталитетом населения и политической элиты и, как следствие, несовпадающими приоритетами во внешних связях. Примером может служить то, как складываются главные направления экспорта в различных регионах Западной Сибири. Приведем список их основных партнеров, начиная с крупнейших.

Кемеровская область – Китай, Украина, Казахстан, Португалия, Великобритания.

Новосибирская область – Украина, Казахстан, Китай, Болгария, США.

Алтайский край – Казахстан, Украина, Узбекистан, Индия, Монголия.

Омская область – Казахстан, Италия, Германия, Китай, Польша.

Томская область – США, Франция, Китай, Финляндия, Казахстан.

Тюменская область вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами занимает и вовсе особое положение, являясь поставщиком главного национального богатства стра-

ны — углеводов. Это второй после Москвы, регион-донор, и сравнение его экономического потенциала с соседними регионами имеет мало смысла.

Эти причины обусловили выбор Томской области в качестве независимой переменной данного исследования.

Между Западом и Востоком

Томская область — сибирский регион, не желающий мириться с тем, что направление его развития определяется географически. Томичи, понимая, что «положение обязывает», поддерживают тесные связи с другими сибирскими регионами, серьезно относятся к контактам со странами Центральной Азии. Однако Томская область не похожа на российского двуглавого орла, смотрящего в обе стороны. Скорее, напрашивается аналогия с фотографией, в три четверти обращенной на Запад. Западная ориентация Томска вызывала немало скептических комментариев, которые сильно поутихли после того, как в апреле 2006 г. в Томске прошли российско-германские межгосударственные консультации с привлечением беспрецедентно широкого круга представителей политических и бизнес-элит двух стран.

Губернатор Томской области Виктор Кресс определил две ближайшие цели развития региона: превращение Томска в город форумов и реализация планов по развитию свободной экономической зоны технико-внедренческого типа. Город-форум — это воплощение идеи центра международного транзита, место проведения встреч самого широкого спектра на пересечении линий Восток—Запад. Технико-внедренческая зона обещает стать площадкой, на которой будет возможна реализация как инновационного потенциала, накопленного научно-образовательным комплексом Томска, так и новейших достижений мировой науки.

Есть объективные факторы, выделяющие Томскую область среди других сибирских регионов. Важнейший из них определен образным выражением В. Кресса, которое уже претендует на роль областного девиза: «Остров интеллекта в океане ресурсов». Это редкое сочетание конкурентных преимуществ, позволяющее, с одной стороны, позиционировать регион на разных рынках, а с другой — попытаться выйти на рынки с комплексным предложением.

Чтобы оценить, насколько реалистичны заявленные амбициозные планы руководства Томской области, необходимо определить масштаб привлекательности конкурентных преимуществ ре-

гиона. Что представляют собой эти преимущества и «слабые места», насколько серьезны проблемы, требующие решения, и насколько привлекательны сильные стороны?

Исторические конфигурации региона и их роль в современной политике

Город Томск был основан в 1604 г. по наказу царя Бориса Годунова на правом берегу реки Томи. В XVII в. сторожевой город Томск послужил опорной базой для основания новых городов и острогов, дальнейшего освоения Сибири. В первой половине XIX в. Томск продолжал оставаться крупным центром транзитной торговли. В середине XIX в. в связи с открытием месторождений золота в Мариинской тайге и разработкой золотых приисков Томск стал центром крупного золотопромышленного района. Развитие золотопромышленности сконцентрировало в Томске большой капитал, который оживил деятельность сибирских купцов и в других сферах.

С конца XIX в. Томск становится крупным научно-просветительским центром Сибири: в 1888 г. открыт первый в Сибири университет, в 1900 г. — Технологический институт, в 1901 г. — Сибирское коммерческое училище (первое этого типа учебное заведение в Сибири), в 1902 г. — Сибирские высшие женские курсы. С усилением роли Томска как самого крупного в Сибири центра науки и просвещения ослабевало его прежнее торговое значение, поскольку Транссибирская железнодорожная магистраль прошла мимо Томска.

Начальный этап социалистического строительства отмечен изменением административно-территориального статуса Томска — Томская губерния в числе прочих была ликвидирована и образован Томский округ обширного Западно-Сибирского края, а затем Новосибирской области. Лишь в 1944 г. была образована самостоятельная Томская область в ее современном виде.

Экономическое и социально-демографическое положение Томской области изменилось во время Великой Отечественной войны. С началом военных действий сюда из центральной части страны эвакуируют крупные промышленные предприятия, госпитали, НИИ и учебные заведения, жителей Москвы, Ленинграда и других городов. В тяжелых условиях военного времени Томск приобретает черты индустриального города, значительно увеличивается его население, изменяется социальный состав.

В послевоенные годы в Томске развиваются топливно-энергетическая, нефтехимическая отрасли промышленности, военно-промышленный и научно-образовательный комплексы, строительство. Томск становится известным в мире центром ядерных исследований и производства. В Томске открываются филиал Сибирского отделения АН СССР, научно-исследовательские центры АМН СССР, научно-исследовательские институты вузов. В начале 1930-х годов были открыты медицинский и педагогический институты, в 50–60-е годы – инженерно-строительный институт, институт радиоэлектроники и электронной техники, ряд научно-исследовательских институтов, построен Академгородок. В последующие годы Томская область стала составной частью Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса, а Томск превратился в крупный научно-образовательный центр.

В ноябре 2005 г. Томск в упорной конкурентной борьбе выиграл конкурс на создание технико-внедренческой зоны. В настоящее время в Томской области подготовлена и реализуется первая в России стратегия инновационного развития региона.

Томская область расположена в географическом центре России и равноудалена от ее западных и восточных границ. Исторически региону лишь единожды выпало играть роль российского форпоста – в конце XVI–начале XVII в., когда Московское государство отодвигало свою границу все дальше на восток, завоевывая земли Сибирского ханства.

Несмотря на эти факты, вопрос идентичности жителей Сибирского региона и Томской области, в частности, является очень сложным и интересным. Столыпинская реформа, гражданская война, массовые репрессии 1930-х годов, эвакуация целых городов и предприятий в годы Великой Отечественной войны – все эти события, произошедшие в России в конце XIX–первой половине XX в., привели к тому, что помимо местного населения в Сибири оказались люди из разных уголков Российской империи, а впоследствии и Советского Союза. Таким образом, в Сибири образовался своеобразный «плавильный котел», где постепенно переплавлялись разные культуры и идентичности.

На территории Томской области проживает более ста национальностей, народностей и этнических групп. Их исторические судьбы и численность различны. Тем не менее добрососедские отношения между народами Томской области, насчитывающие в одних случаях сотни, в других десятки лет, привели к образованию общего культурного фона, и каждый этнос внёс в него свою лепту.

В области большое внимание уделяется развитию межнационального культурного сотрудничества, сохранению национальных

культур как одного из средств единения народов, достижения мира и согласия. На территории Томской области действуют следующие национально-культурные объединения:

- Российско-немецкий Дом;
- Центр казачьей культуры;
- Центр татарской культуры;
- Общество башкирской культуры;
- Общество русской культуры;
- Общество возрождения еврейской культуры;
- Общество чувашской культуры;
- Общество литовской культуры;
- Общество латышской культуры;
- Общество польской культуры «Дом польский»;
- Центр польской культуры «Белый орел»;
- Общество «Эсперанто»;
- Общество эстонской культуры;
- Общество украинской культуры «Джерело»;
- Культурно-национальный центр «Азери»;
- Чечено-ингушский центр «Вайнах».

В результате всех упомянутых процессов в Томской области в начале ХХI в. проживали крупные диаспоры немцев, поляков, греков. Одной из наиболее организованных и оказывающих влияние на развитие региона на сегодняшний день является немецкая диаспора. Большая часть немцев, проживающих в Томской области, — потомки немцев Поволжья, переселенных указом Сталина в Сибирь в начале Великой Отечественной войны. Представители этой диаспоры занимают важные посты во властных структурах, образовании, науке, экономике области. Этим во многом обусловлена внешнеполитическая ориентация региона на Германию. Германия не входит в число основных торгово-экономических партнеров Томской области, география здесь также не является сближающим фактором, но благодаря усилиям томских немцев в регионе ощутимо социокультурное присутствие Германии, установлены «особые» отношения с этим европейским государством. Подтверждением данному факту может служить проведение VIII Межгосударственных российско-немецких консультаций в Томске.

Коренное население Сибири сохранилось в Томской области в виде татарской диаспоры. Это очень организованное и сплоченное объединение, но достаточно аполитичное и не оказывает большого влияния на позиционирование региона в международной подсистеме. Данная диаспора стремится к сохранению своей культуры, языка и религии, не отвергая полностью ассимиляцию в сложившееся на территории Томской области преимущественно европейское об-

щество, что обеспечивает мирное сосуществование ее с остальным населением.

Долгое взаимодействие различных национальностей и культур на территории области сделало томское сообщество толерантным, готовым на разных социальных уровнях к познанию и последующему принятию чего-то отличающегося от принятых стандартов. Во многом этому способствует высокий (по сравнению с другими регионами России) уровень образованности томичей. Только люди, знающие, сколь многоликим и сложным является наш мир, способны ценить и уважать другую культуру. Региональный спор «свои-чужие» на данном уровне отсутствует по уже названной причине и еще потому, что «свои» являются настолько неоднородными, сложными, включающими множество разных культур, традиций и мировоззрений, что очень сложно определить, какими должны быть значимые «чужие».

Уровень толерантности населения

В мае 2006 г. исследовательская группа «Томское общественное мнение» провела обширное социологическое исследование, посвященное уровню толерантности населения области (выборка — 1449 человек с квотированием по полу/возрасту). Ответы на некоторые вопросы заслуживают внимания.

1. Приносит ли пользу России ее многонациональность?

Да/скорее да	70%
Нет/скорее нет	16%

2. Какие из перечисленных национальностей ближе для Вас к понятию «свои», а какие — «чужие»?

	<i>Свои</i>	<i>Чужие</i>
Русские	97%	2%
Белорусы	84%	12%
Украинцы	81%	16%
Татары	70%	24%
Немцы	57%	38%
Евреи	53%	40%
Армяне	52%	42%
Грузины	43%	51%
Узбеки	42%	52%
Таджики	38%	54%
Азербайджанцы	38%	57%
Чеченцы	37%	58%

Китайцы	37%	58%
Цыгане	31%	64%
3. Стоит ли запретить иностранным рабочим приезжать в Томск на заработки?		
Стоит запретить		42%
Не стоит запрещать		49%
4. Что, по Вашему мнению, лучше: когда граждане одного государства имеют единые или различные взгляды и убеждения?		
Единые		36%
Различные		54%
5. Как Вы относитесь к лозунгу «Россия – для русских»?		
Положительно		38%
Отрицательно		42%
Нейтрально		20%

Более половины респондентов считают, что гражданам одного государства лучше иметь различные взгляды и убеждения. Это достаточно высокий уровень толерантности, даже если он ограничен декларированием. Тот факт, что к несовпадению мнений относятся положительно, означает признание права другого на собственную, иную точку зрения. Оценка наиболее сильно зависит от уровня образования: среди респондентов с высшим образованием положительно относятся к разнице во мнениях 63%, со средним – только 51%. Кроме того, наименьшее число поддерживающих ценность разных точек зрения отмечено среди пенсионеров – 47%.

В отношении того, какие нации томичи считают «своими», результат опроса можно было предсказать: те, которые наиболее многочисленны в области. Впрочем, само по себе деление наций на «своих» и «чужих» еще не означает ни толерантности, ни ксенофобии. Подавляющая часть респондентов (72%) утверждает, что не испытывает неприязни к представителям иных национальностей.

Сравнительно высокий уровень толерантности населения области и, как следствие, ее политической элиты создает благоприятный социальный и психоэмоциональный фон для деятельности иностранных компаний и их представителей в регионе. Благодаря своей толерантности томичи, выезжая за границу в командировки, для учебы или на отдых, в большинстве случаев стремятся узнать и понять новые для них культуры и уклады жизни, а не воспринимают их с чисто утилитарной точки зрения. Такой подход способствует быстрому обзаведению друзьями и личными деловыми контактами в других странах, что, безусловно, облегчает интеграцию Томской области в международные подсистемы.

Респонденты в группе до 30 лет демонстрируют меньший уровень толерантности, чем другие группы. Среди тех, кто относится к многонациональности России резко отрицательно, процент молодежи заметно выделяется: 14 против 6–7%. Каждый третий признается, что испытывает чувство раздражения по отношению к людям других национальностей. Молодые люди чаще, чем другие возрастные группы, отмежевываются от большинства национальностей. Возможно, это следствие отсутствия пропаганды братства, дружбы и равенства народов, в целом подтверждающее рост экстремистских настроений среди молодежи. В то же время молодежь вместе с представителями среднего класса более толерантна к иностранным рабочим.

Миграционные потоки

Предметом оживленных дискуссий в России выступают две проблемы, связанные с миграционными процессами: так называемая «утечка мозгов» — эмиграция наиболее образованной рабочей силы из страны и нелегальная иммиграция в страну, которая связана в первую очередь с неквалифицированными работниками из стран СНГ. Оба процесса представляются как угроза национальным интересам России. Первый — потеря интеллектуального капитала; второй — масштабное проникновение иных культур, грозящих размыванием национальной идентичности.

Томичи, выезжающие на постоянное место жительства за границу обязаны оформить документы для пересечения границы и постановки на консульский учет. Основной состав этой категории граждан — высококвалифицированные работники и члены их семей, а также представители отдельных национальностей. Подавляющее число выезжает в США, Германию, Канаду, Израиль. Количественно эта группа населения области оказалась небольшой, причем статистика последних пяти лет показывает тенденцию к ее постепенному сокращению.

Другое дело — въезжающие в область. Оформление разрешения на временное проживание фактически эквивалентно американской грин-карте. Эту группу прибывающих в Томскую область в основном составляют этнические русские из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. По большей части это родители и другие члены семей студентов из указанных стран, прошедших обучение в томских вузах, устроившихся на перспективную работу и решивших остаться в Томске. Их число в два-три раза превышает количество выезжающих на постоянное место жительства за границу.

Наконец, зарегистрированные иностранные граждане — это те, кто оформил право на временное пребывание в области. Из стран

СНГ в Томск приезжают в основном граждане из все тех же Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, следом с большим отрывом идет Армения. Мало иммиграции из Грузии, Туркменистана (в связи с существованием визового режима с этими странами). В основном это лица, имеющие легальную работу или претендующие на нее. Многие из них впоследствии оформляют разрешение на временное проживание. В 2005 г. обозначилось некоторое снижение их численности. Количество приезжающих из стран дальнего зарубежья, напротив, постепенно увеличивается. В их числе пока мало туристов. Приезжающие в этой категории в основном принадлежат к одной из двух групп: бывшие жители, сохраняющие связи с областью, и люди, приезжающие с деловыми (научными, образовательными) целями.

Главная проблема, связанная с анализом миграционных потоков, остается без решения. Официальная статистика оставляет без учета «темное поле» нелегальной иммиграции.

Таким образом, миграционная статистика по Томской области демонстрирует по меньшей мере три факта:

- число приезжающих в область значительно превышает число уезжающих;
- официальная иммиграция в область представлена в основном образованными этническими русскими с трудовым опытом;
- масштаб национальной угрозы от миграционных потоков, по крайней мере по Томской области и по их современному состоянию, сильно преувеличен.

Из сказанного следует, что в Томской области процесс «утечки мозгов» в дальнее зарубежье частично компенсируется благодаря иммиграции квалифицированной рабочей силы из стран СНГ. Помимо этого, многие из тех, кто приезжает в Томск из соседних регионов и бывших советских республик для обучения в вузе, впоследствии остаются в области на постоянное место жительства. Этот «импортный человеческий капитал» в совокупности с коренными томичами — выпускниками вузов и составляет тот самый интеллектуальный ресурс Томской области, за который она получила известность не только в России.

Интеллектуальный капитал

Стратегия развития области основана в первую очередь на интеллекте, тесно связанном с наукой и образованием. Население Томска обладает самым высоким образовательным уровнем в Российской Фе-

дерации: почти 40% его жителей имеют высшее образование и каждый пятый житель Томска – студент вуза. Томск прочно занимает первое место в России как самый «образованный» город.

Сегодня Томск – это шесть государственных университетов и два института, 15 филиалов иногородних вузов, в которых по 300 специальностям обучается 85 тыс. студентов. Область обладает уникальной концентрацией научных кадров: на каждые 10 тыс. жителей Томска приходится 150 исследователей, 18 докторов наук. Общий объем финансирования научной деятельности составляет 88 млн долл.

Инновационной деятельностью в Томске активно занимаются около ста высокотехнологичных предприятий с числом занятых от 25 до 1000 человек. Они демонстрируют устойчивый рост 30% в год. Объем наукоемкой продукции, выпущенной в Томской области в 2004 г., достиг 240 млн долл.

Два томских университета – государственный и автоматизированных систем управления – получили в 2006 г. статус инновационных. Только в Москве, Санкт-Петербурге и Томске этот статус присвоен более чем одному вузу.

Природные ресурсы

Природные ресурсы Томской области очень разнообразны. На территории региона расположено 99 месторождений газа и нефти. Запасы железной руды составляют 57% общероссийских запасов, а запасы диоксида титана – 30% запасов всей страны. Томская область богата торфом, который может быть использован в качестве альтернативного источника энергии. Лесные угодья региона покрывают 20 млн га. Область обладает большим запасом пресных подземных вод, которые на сегодняшний день являются одним из наиболее добываемых ископаемых региона.

Помимо традиционных полезных ископаемых Томская область как таежный край богата вторичными природными ресурсами: охотничьи ресурсы, рыбы, дикоросы (ягоды, грибы, орехи). Охота и рыбалка представляются многообещающими видами международного туризма. Особо интересным экспортным предложением является охота на бурого медведя и лося (в соседних областях охота на лося закрыта). Леса Томской области богаты такими уникальными растительными природными ресурсами: грибы, кедровые орехи, ягоды. Значимость грибов и кедровых орехов в общем объеме продовольственного экспорта неуклонно возрастает.

По прогнозным оценкам, сырьевой потенциал дикоросов в целом составляет 100 млн долл. (без дисконтирования и учета затрат на транспорт и заготовку). Экономические подсчеты показывают, что хозяйственный эффект от сбора грибов, ягод и орехов на лесных площадях может быть больше, чем от выращивания на ней древесины.

Добыча и использование природных ресурсов – еще один актив Томской области для развития международного сотрудничества. Это и большое поле деятельности для иностранных инвесторов, и одна из ниш на международном рынке труда, которую могла бы занять область. Растительные природные ресурсы региона уже сегодня востребованы в европейских странах и в Японии, где уровень жизни достаточно высок, чтобы люди задумались над тем, чем они питаются и как это влияет на их здоровье. Не так много регионов в мире сумели сохранить свою природную среду в состоянии, пригодном для производства подобной продукции. Растительные ресурсы – это уникальное конкурентное преимущество Томской области на мировом рынке, инструмент для интеграции в региональные подсистемы стран «золотого миллиарда».

«Мы, конечно, не случайно выбрали местом встречи Томск, – сказал Президент России Владимир Путин на открытии российско-германских межгосударственных консультаций в Научной библиотеке ТГУ. – Это один из деловых и культурных, научных центров Сибири. Сибирский регион имеет особое значение не только для России. На его территории сосредоточены огромные природные запасы, серьезный научный и производственный потенциал. Здесь же пересекаются и важнейшие транспортные коридоры, соединяющие Запад и Восток. Все это создает хорошие условия для запуска действительно масштабных и долгосрочных международных проектов».

Несмотря на подобное заявление Президента Российской Федерации, Томская область традиционно считается неблагополучной в транспортном отношении: обширные пространства заболоченной территории, большая годовая разница температур, низкая плотность населения – все эти факторы негативно влияют на развитие транспортной инфраструктуры в регионе.

Транспортные коридоры

Северная широтная магистраль. В 1995 г. была разработана «Концепция строительства автомобильных дорог в Западно-Сибирском регионе». В 1998 г. было подписано соглашение между Республикой

Коми, Свердловской, Тюменской и Томской областями, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, а также ФДС России «О сотрудничестве в развитии транспортной инфраструктуры», в рамках которого реализуется программа строительства Северной широтной автомобильной дороги. Цель данного проекта:

- обеспечить прямое сообщение с югом Тюменской области, Уральским и Западно-Сибирским экономическими регионами;
- укрепить и расширить экономические связи на региональном уровне и между отдельными предприятиями и населенными пунктами;
- создать стратегическую сеть дорог, связывающих Центр—Урал—Западную Сибирь с восточными направлениями транспорта грузов (через Томскую область), минуя традиционный вариант;
- существенно улучшить транспортную и социальную ситуацию в Западно-Сибирском регионе, особенно в зоне газо- и нефтедобычи;
- более интенсивно развивать транспортную инфраструктуру Томской области, что выведет ее из «тупикового» режима в транспортном отношении.

В настоящее время не существует круглогодичного проезда автомобильным транспортом от г. Томска до границы Томской области (в направлении Нижневартовска). Сегодня из 600 населенных пунктов области четверть не имеет устойчивого сообщения с «большой землей», хотя регион находится не за Полярным кругом, а на юге Западной Сибири. Существует известный парадокс: природно-климатические и географические особенности Томской области обеспечили ее ресурсами в виде углеводородного сырья и леса, но резко сократили возможности их эксплуатации из-за значительной удаленности месторождений нефти, газа и лесных массивов от трудовых ресурсов. Тем самым снижаются экономические конкурентные преимущества Томской области как региона.

Газопровод Западная Сибирь—Китай. Помимо нашумевшего в прессе проекта сооружения трубопровода из Иркутской области в Китай, в этом же направлении планируется создать новую трубопроводную систему из Западной Сибири. Строительство трубопровода протяженностью 3 тыс. км оценивается в 10 млрд долл., финансировать проект российская сторона намерена самостоятельно, не привлекая китайских инвесторов. Россия планирует в первую очередь обеспечить поставки в Китай с месторождений Западной Сибири, из Ямало-Ненецкого автономного округа. В этом случае часть трубопро-

водной ветки будет проходить по территории Томской области, что позволит создать дополнительные рабочие места в регионе как для сооружения данной ветки, так и для ее дальнейшего обслуживания и эксплуатации.

Основные экологические проблемы, имеющие глобальное значение

Большое Васюганское болото. Болота занимают более 40% площади Томской области. Часть самого большого в мире Васюганского болота также расположена на территории области. Глобальная экологическая значимость Большого Васюганского болота признана национальными и международными природоохранными организациями, поскольку эта система озер и болот — огромное хранилище запасов пресной воды, место обитания многих видов птиц, занесенных в Красную книгу.

Совсем недавно, однако, экспертами была доказана уникальная роль западносибирских торфяных болот как природных уловителей углерода. Углерод накапливался в торфяных болотах на протяжении тысячелетий. В последние годы глобальное потепление климата вызвало таяние вечных льдов в болотах субарктической зоны Западной Сибири и, как следствие, освобождение большого количества углерода и попадание его в атмосферу, что усиливает парниковый эффект. В связи с этим Васюганское болото играет важную роль в регуляции глобального климата: средняя температура на всей планете сегодня напрямую зависит от состояния сибирских болот. В Томской области уже принят закон, объявляющий Васюганское болото охраняемым заказником, а Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды администрации Томской области подал заявку на включение Васюганского болота в программу ЮНЕСКО «Всемирное наследие».

Радиационное загрязнение. Для радиационного загрязнения нет политических границ, оно распространяется с огромной быстротой на значительные территории и сохраняет свое действие в течение долгого времени. На территории Томской области главным источником радиационного загрязнения является Сибирский химический комбинат (СХК). За 50 лет работы на комбинате произошло более 30 аварий, причем пять из них относятся к 3-му уровню по международной шкале событий на атомных станциях и квалифицируются как серьезные происшествия. В планах развития СХК — строительство завода по производству МОКС-топлива с целью утилизации оружейного плутония в энергетических целях и возведение новой АТЭЦ с двумя реакторами.

Данные планы позволяют предположить, что негативное влияние СХК на окружающую среду будет только усиливаться.

Негативная радиационная обстановка на территории Томской области в значительной степени сформирована в результате переноса воздушных масс с северо-восточного направления — с территории Семипалатинского полигона.

Загрязнение водных ресурсов нефтяными разливами. Основной водной артерией Томской области является река Обь, впадающая в Северный Ледовитый океан. Состояние поверхностных вод реки оценивается как неудовлетворительное по уровню содержания нефтепродуктов, фенолов и других веществ. Нефтеразливы в местах добычи нефти негативно влияют как на состояние почвы, так и на чистоту грунтовых и поверхностных вод Томской области. Основное количество аварий произошло на трубопроводах (нефтепроводах и водоводах) в результате быстрой коррозии труб и повышения интенсивности эксплуатации месторождений.

* * *

В настоящее время в Томской области действуют около 20 общественных экологических организаций, в основном с многосторонней сферой деятельности. Значительная часть организаций занимается экологическим воспитанием и образованием, что является отличительной чертой томского экологического движения. В целом, экологическое движение в Томской области гораздо более активно, чем в соседних сибирских регионах. Во многом это связано с наличием источника радиационной опасности на территории региона, который выступает объединяющим фактором для различных экологических организаций.

Общественные экологические организации являются не только отражением реакции населения на экологические проблемы, но и частью общей социальной активности в регионе. Для Томской области характерен сравнительно высокий уровень организованной неправительственной деятельности граждан. Как он выглядит в количественных и качественных показателях?

Развитие общественных организаций

Среди наиболее активных НКО в Томской области сегодня фигурируют ресурсные центры НКО: экологические, научно-образовательные, молодежные, ряд женских организаций, общественно-политические, правозащитные.

Как известно, в конце 2005—начале 2006 г. большой общественный резонанс получили поправки, которые предлагалось внести в федеральные законы № 7 «О некоммерческих организациях» и № 82 «Об общественных объединениях». После вступления в силу этих поправок начался процесс перерегистрации общественных организаций. Уже сейчас очевидно, что количество организаций не означает качества их деятельности. Действующих на постоянной основе, реально осуществляющих проектную, консультационную и просветительскую деятельность НКО в Томской области не более 50–70.

В Томской области налажен неплохой диалог органов власти с сообществом НКО. В то же время существуют и досадные пробелы. По разным, по большей части конъюнктурным, причинам в Томской области отсутствует институт уполномоченного по правам человека. Это делает ее единственной областью Сибири, где нет Уполномоченного по правам человека.

Особый характер позиционирования Томской области

Географически Томская область расположена в Азии, но в число ее основных торгово-экономических партнеров традиционно входят государства из разных регионов мира. Одним из постоянных лидеров из первой десятки внешнеторговых партнеров Томской области являются США. За последние четыре года среди представителей ведущей десятки стабильно фигурировали такие государства, как Франция, Финляндия, Великобритания, Чехия, Китай, Казахстан, Украина. В 2005 г. торговля со странами Евросоюза составила 66,9% общего товарооборота Томской области, торговля с США – 16,1%, а торговля с Китаем – 6,3%.

Такое географическое разнообразие торгово-экономических связей не типично для сибирских регионов. Традиционно сибирские субъекты Российской Федерации больше ориентированы на региональную подсистему: страны СНГ и дальневосточных соседей России (для регионов Восточной Сибири). Специфика Томской области в данной сфере вызвана рядом причин. Во-первых, производственная структура региона достаточно сильно отличается от производственных структур других сибирских регионов. Наличие в Томской области Сибирского химического комбината и крупного нефтехимического производства привело к тому, что одними из основных статей экспорта стали продукты неорганиче-

ской химии, пластмассы и изделия из них, ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства. Данная продукция сегодня востребована в странах не только СНГ, но и Западной Европы и США.

Мировая экономика давно перестала состоять исключительно из мало связанных между собой национальных экономик. Сегодня наступила фаза глобального рынка, где производство и реализация продукции максимально децентрализованы. В связи с этим в начале XXI в. для достижения экономического успеха региону необходимо найти свое место не только и не столько в экономике страны, но и на глобальной экономической карте, чтобы иметь возможность полностью воспользоваться теми преимуществами, которые экономическая глобализация дает хозяйствующим субъектам. Именно эту задачу в настоящий момент решает Томская область, диверсифицируя внешнеторговых партнеров и создавая новые экономические отрасли, одна из которых – новые технологии.

В последние несколько лет Томская область позиционирует себя как регион, где большое внимание уделяется развитию инновационного производства. Сегодня в области работают более сотни инновационных предприятий, крупнейшие из которых «Элеси», «Элеккард», «Артлайф», «Микран».

К сожалению, не существует данных, на рынках каких стран и регионов реализуется продукция томских инновационных предприятий, поскольку сама природа инновационной продукции делает ее учет и контроль практически невозможным. Инновационная продукция изначально всегда ориентирована глобально, так как для нее проблема расходов на транспортировку и поиск рынков сбыта вторична. Большая часть инновационной продукции может быть передана в считанные секунды в любой уголок мира. В наше время все больше сделок осуществляется посредством Интернета, когда продавец и покупатель не встречаются лично.

Статистическая справка. Томск и Томская область занимают третье место в России по уровню проникновения Интернета после Москвы–Московской области (12,4%) и Петербурга–Ленинградской области (9,8%). 6,8% населения города и области имеют сегодня доступ в Интернет. В самом Томске этот процент намного выше. Число абонентов сотовой связи в области на конец 2005 г. составляет 650 тыс. человек. В Томске число абонентов превышает число жителей.

Японский исследователь Кеничи Омае утверждает, что для достижения экономического успеха современному региону необходимо преуспеть сразу в нескольких сферах: достичь высоких показателей в области реального сектора экономики; найти свое место в гло-

бальном рынке; развить наукоемкое производство. Томская область уже проводит работу по всем трем направлениям. Следствием такой политики и стал тот факт, что по экономическим показателям Томскую область невозможно отнести к какой-то одной определенной подсистеме международных экономических отношений в силу специфики уже сложившейся производственной структуры и новых направлений экономического развития: область имеет экономические связи со странами разных регионов мира.

В то же время, как уже было отмечено, Томская область активно ищет пути более тесной интеграции в регионе Северо-Восточной Азии. В мае 2006 г. Томская область подписала Соглашение с провинцией Ляонин, предусматривающее широкий спектр сотрудничества. Существуют предпосылки для подписания аналогичного соглашения с провинцией Хэйлунцзян. Прилагаются усилия к тому, чтобы более тесно интегрироваться в существующие региональные объединения. К сожалению, пока таких структур немного и их польза для развития области неясна. Наиболее перспективными представляются две организации – ЕврАзЭС и NEAR. ЕврАзЭС, однако, не предусматривает форума для межрегионального взаимодействия, а NEAR предоставляет лишь площадку, а не механизм для регионального сотрудничества.

Заключение

Представляется, что федеральный центр поддерживает направления развития, определенные для себя Томской областью. Г. Греф заявил, что в Сибири уже определился лидер и пример для подражания: «Здесь пионером выступила Томская область. На примере документов, разработанных администрацией Томской области, рекомендую ряду субъектов Российской Федерации пользоваться этой методикой». Идею губернатора Кресса о том, чтобы сделать Томск точкой транзита между Европой и Азией, поддержала Администрация Президента России – нужна точка в Сибири, где можно было бы проводить большие мероприятия. Положительно высказался и осторожный А. Кудрин: «Это не утопия. Сейчас несколько крупных городов будут бороться за транзитный порт в Сибири. За это можно посоревноваться».

Открыл для себя Томскую область и крупный российский бизнес. В. Вексельберг («Ренова») заинтересовался разработкой месторождений редкоземельных металлов и организацией подготовки в Томске специалистов по ЖКХ; А. Мордашов («Северсталь») – Бак-

чарским железнорудным месторождением; В. Евтушенко (АФК «Система») – наукоёмкими предприятиями вокруг Университета автоматизированных систем управления.

Томск – в прошлом тихий провинциальный городок в транспортном тупике – начинает активно менять имидж и готов стать маленьким, но амбициозным центром самодостаточной территории, на которой ярко выражены два основных конкурентных преимущества: огромные природные ресурсы и потенциал для развития экономики знаний.

Г л а в а 13

Свердловская область

Процесс глобализации оказывает все более заметное воздействие на развитие мирового хозяйства. Включение на современном этапе в мирохозяйственные связи стран с переходной экономикой — относительно новый фактор в международном разделении труда.

В качестве главных регуляторов размещения производственных мощностей и развития сферы услуг в глобальном масштабе все чаще (в силу их особого влияния на мировое хозяйство, международную торговлю и мировую финансовую систему) выступают транснациональные корпорации (ТНК), которые выработали эффективные стратегии предпринимательства, создали новые организационно-хозяйственные структуры. В условиях международной производственной кооперации они координируют функционирование производственной, финансовой и торговой деятельности разбросанных по всему миру филиалов, формируя рыночную среду в отдельных регионах и в мировом хозяйстве.

В то время как влияние природно-ресурсного фактора на размещение производств неуклонно снижается, все более значимой становится роль социально-экономических факторов. Межрегиональные различия в стоимости, профессиональной подготовке и квалификации рабочей силы всегда были важны, но в настоящий период этот фактор учитывается ТНК все в большей степени. Капитал вышел за рамки национальных границ, оказывая влияние на размещение производственных мощностей по всему миру, в том числе и в закрытых для него ранее регионах, к числу которых можно отнести Свердловскую область.

Промышленность Свердловской области в условиях глобализации

Уникальность промышленного комплекса Свердловской области формировалась в период планово-административной экономики.

В начале XXI в. он включал более 5400 предприятий различных отраслей и форм собственности, занятых добычей разнообразных полезных ископаемых, выплавкой черных, цветных, редких и благородных металлов, выпуском сложных машин для многих отраслей хозяйства, производством строительных материалов, удобрений, пластмасс, предметов широкого потребления и продуктов питания. Характерная черта хозяйства Свердловской области — замкнутые технологические циклы производства — от добычи сырья до производства готовой продукции. Благодаря внутренней интеграции на территории Свердловской области сложились межотраслевые хозяйственные комплексы государственного и международного значения: металлурго-химический, машиностроительный, лесопромышленный. Внутриобластную роль играют топливно-энергетический комплекс, комплекс по производству строительных материалов, комплекс по производству товаров народного потребления.

На рубеже XX—XXI вв. в Свердловской области сложился крупнейший в России и на Урале индустриальный комплекс. В области производилось 20% валового регионального продукта Урала и 29% всей его промышленной продукции. Концентрация промышленного производства здесь в пять раз превышает средний показатель по Российской Федерации. В территориальном разделении труда экономика области имеет ярко выраженную специализацию на отраслях тяжелой промышленности. В пределах Свердловской области сформировались производственные комплексы, не имеющие аналогов как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах¹.

Особенность размещения промышленного производства на территории Свердловской области определяется богатством минерально-ресурсной базы. Этим и объясняется тот факт, что более 300 лет на Урале производится добыча руд черных и цветных металлов, топливных и нерудных полезных ископаемых. Практически все известные рудные полезные ископаемые (за исключением серебра) добываются на территории Свердловской области. Сырьевой фактор стал одним из ведущих в размещении многих «хозяйствующих субъек-

¹ Так, на территории г. Каменск-Уральского сформировался мощный металлургический комплекс (Уральский алюминиевый завод, Синарский трубный завод, Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов, Каменск-Уральский литейный завод, Каменск-Уральский металлургический завод). Промышленный комплекс города Ревда включает в себя Средне-Уральский медеплавильный завод, Ревдинский завод по обработке цветных металлов, Ревдинский метизно-металлургический завод. На территории Орджоникидзевского района г. Екатеринбург функционирует около 10 машиностроительных заводов (Уралмаш, Уралэлектротяжмаш, Уралтрансмаш, Завод имени Калинина, Уральский турбомоторный завод, Уральский электровозоремонтный завод и т.д.).

тов»¹ и, как следствие, становился определяющим в создании, развитии и функционировании промышленных предприятий².

Спецификой уральских промышленных городов является их ко-нецентрация вокруг основного предприятия, т.е. промышленное предприятие становится градообразующим (не менее 30% занятых на одном из предприятий материального производства). Как правило, в малых и средних городах области промышленные предприятия оставили на своем балансе социальную сферу. Многие объекты социальной инфраструктуры (детские сады, санатории, профилактории, дома культуры) и по сей день находятся на балансе производственных объединений. Таким образом, «социальная ответственность бизнеса» для Свердловской области не лозунг, а факт.

В эпоху планово-административной экономики военно-промышленный комплекс (ВПК) был одним из ведущих сегментов промышленного производства Свердловской области. На базе предприятий ВПК формировались населенные пункты. В начале 90-х годов XX в. на предприятиях ВПК Свердловской области трудились 650 тыс. человек, т.е. каждый третий в структуре материального производства. В результате конверсии доля оборонного заказа со стороны государства снизилась, тем не менее именно подобного типа предприятия, обладая высококвалифицированной рабочей силой, стали платформой перехода к диверсификации и созданию российского «хай-тека». Общеизвестно, что будущее российской промышленности не в экстенсивных технологиях, с большим расходом сырья и электроэнергии, а в создании технопарков и технополисов, где реально может происходить связь науки и производства. К числу наиболее успешных предприятий следует отнести: Уральский оптико-механический завод (Екатеринбург), НПО «Автоматика» (Екатеринбург), Уральский электрохимический комбинат (Новоуральск).

Переход к рыночным реформам привел Свердловскую область к плавному подключению к процессам глобализации, когда крупные ТНК Северной Америки, стран ЕС и Юго-Восточной Азии осуществили экономическое «вторжение» в регион, ранее закрытый для иностранных предпринимателей. Учитывая конъюнктуру мировых рынков и возможности прямых контактов заинтересованных сторон, на терри-

¹ Как правило, там, где добывались полезные ископаемые и возникали крупные промышленные предприятия. Примеры: титано-магнетиты — Качканарский горно-обогатительный комбинат, железная руда горы Высокой — Нижнетагильский металлургический комбинат, серный колчедан — Дегтярское рудоправление, железные руды горы Благодать — Гороблагодатское рудоправление города Кушва и т.д.

² Города Невьянск и Каменск-Уральский — родина российской металлургии, город Березовский — родина русского золота и т.д.

тории Среднего Урала был создан Департамент международных связей при правительстве Свердловской области, трансформировавшийся в конце 1990-х годов в министерство. В течение последних 15 лет в Екатеринбурге были открыты консульства США, ФРГ, КНР, Великобритании, Болгарии, Чехии, Кыргызстана, почетное консульство Австрии, а в 2007 г. Франции. На территории Свердловской области зарегистрировано более 300 представительств иностранных компаний, число совместных предприятий превысило 700. В 2006 г. на территории Свердловской области заработали гипермаркеты международных сетей Metro, Auchan, ИКЕА; отели – Accor, Residor SAS, Hyatt, Park Inn.

Одним из значимых факторов стала поддержка инвестиций областной администрацией: создан земельный кадастр, определены финансовые и налоговые послабления для инвесторов, гарантии со стороны правительства Свердловской области, создан совет по иностранным инвестициям и фонд поддержки инвестирования губернатора Свердловской области. Повысилась активность предприятий на рынке корпоративных ценных бумаг. В 2005 г. агентство Standard & Poor's повысило рейтинг Свердловской области до отметки ВВ.

Конъюнктура мировых рынков на рубеже веков сложилась таким образом, что Свердловская область в рыночных условиях хозяйствования стала экспортером черных и цветных металлов. Спрос на подобную продукцию определяется потребностью многих транснациональных корпораций в относительно недорогом металле, но соответствующем мировым стандартам. Этим и объясняется, что ряд предприятий металлургического комплекса Свердловской области считаются ее главными «донорами», а в числе приоритетных проектов рассматривается создание «титановой долины»¹. Устойчивые темпы экономического роста отчетливо прослеживаются на рис. 1.

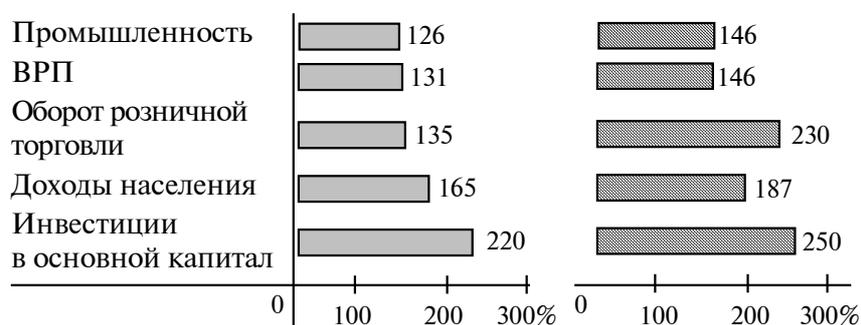

Рис. 1. Рост макроэкономических показателей

■ планируемых и ■ фактических

¹ Решением правительства Свердловской области была создана так называемая титановая долина, один из первых технополисов на Среднем Урале. Совместно с ведущими корпорациями авиаракетно-космического мира «Боинг» и «Аэробус» в г. Верхняя Салда компания «ВСМПО-Ависма» планирует создавать титановые модули и узлы для пассажирских и грузовых самолетов.

Уникальность географического положения Свердловской области и развитие элементов международной логистики

Свердловская область — один из важнейших транспортно-логистических узлов страны. В настоящее время наиболее перспективным проектом является создание крупнейшего Европейско-Азиатского интермодального транспортно-логистического узла в Уральском регионе на базе аэропорта «Кольцово» с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Аэропорты Урало-Сибирского региона вступили в борьбу за статус крупных авиационных узлов общероссийского значения. Чтобы победить, участникам рынка приходится искать инвестиции, оптимизировать деятельность и договариваться с властями.

Фоном для ситуации служит зарождение конкуренции между аэропортами за право стать крупными региональными авиационными узлами — хабами, собирающими пассажиров, чтобы затем отправить их по другим направлениям. В формировании хабов заинтересовано и государство¹. Первая проблема, которую вынуждены решать аэропорты на пути превращения в полноценные хабы, — модернизация комплексов и увеличение пропускной способности. Запущены крупные проекты, в частности в аэропорту «Кольцово» завершено строительство первой очереди нового международного терминала пропускной способностью 600 пассажиров в час (стоимостью около 24 млн долл.), принято решение о строительстве цеха бортового питания (инвестиции порядка 2,5 млн долл.), в мае 2006 г. открыт зал повышенной комфортности и расширена зона ожидания для пассажиров внутренних рейсов.

При запуске программ реконструкции и модернизации остро встает вопрос поиска инвестиций: региональные аэропорты пока не имеют достаточно собственных средств. Привлечь стратегических

¹ Так, в докладе рабочей группы президиума Госсовета «О транспортной стратегии Российской Федерации» (Кремль, 3 декабря 2003 г.) указано: «Сеть аэропортов России должна быть в перспективе перестроена на основе создания базовых аэропортов: крупных пересадочных узлов (хабов), из которых должно быть один—два (при увеличении пассажиропотока — до трех) магистральных международных и 12—15 региональных аэропортов, способных обеспечить международные перевозки». В Урало-Сибирском регионе шаги к превращению в хабы предпринимают аэропорты первой десятки: «Кольцово» (Екатеринбург), «Толмачево» (Новосибирск) и аэропорт Красноярска. Ставка делается на привлечение стратегических инвесторов, модернизацию мощностей, формирование веерного расписания и совершенствование инфраструктуры аэропортов. Важный фактор — умение привлечь на свою сторону авиаперевозчиков, власть и инвесторов.

инвесторов пока удается только с помощью административного ресурса. Так, в 2005 г. при активном участии администрации Свердловской области и лично губернатора Э.Э. Росселя в состав акционеров аэропорта «Кольцово» вошла компания «Ренова», сейчас ей принадлежит контрольный пакет акций. Основная причина такого альянса с «Ренова», по словам первого заместителя генерального директора аэропорта «Кольцово» М. Максимова, — длительные взаимоотношения с регионом и его властями («Ренова» владеет в Свердловской области рядом металлургических объектов) и необходимость привлечения крупных средств для модернизации «Кольцово».

Как утверждают участники рынка, аэропорт становится коммерчески интересен, когда из него летает не менее 2 млн пассажиров в год. Обеспечить такие показатели региональным аэропортам может только транзитный пассажиропоток. Сформировать его можно, внедрив веерное узловое расписание, обеспечивающее удобные стыковки рейсов для пересадки пассажиров на другие направления. Пока внедрить эту технологию в Урало-Сибирском регионе удалось лишь в единственном региональном аэропорте — в г. Красноярске.

В общероссийской практике последних лет наблюдаются две взаимосвязанные тенденции. Несколько крупных региональных аэропортов, обладающих определенными экономическими и географическими преимуществами, активно превращаются в мощные авиационные узлы. В то же время мелкие предприятия находятся в состоянии стагнации. Формированию крупных региональных авиаузлов способствует и постепенное перетекание пассажиропотока из Москвы в региональные аэропорты: «на местах» открываются новые прямые рейсы не только в города России, но и за рубеж. Конкурентная борьба за статус хабов между региональными аэропортами уже началась. В Урало-Сибирском регионе победитель получит статус авиаузла, соединяющего западные и восточные пассажирские потоки.

Инвестиционная программа ГК «Ренова» в отношении аэропорта «Кольцово» рассчитана на период до 2009 г. и разбита на три этапа.

Основные программные мероприятия по реализации проекта развития «Кольцово» как европейско-азиатского интермодального транспортно-логистического узла, соответствующего всем мировым стандартам:

- реконструкция аэродромного комплекса;
- развитие аэровокзального комплекса;
- строительство логистического комплекса;
- обновление парка специальной техники и оборудования;
- создание гостинично-делового комплекса;
- развитие авиационной маршрутной сети;

- развитие наземного транспортного сообщения с аэропортом;
- развитие железнодорожного сообщения с аэропортом.

В 2005 г. в аэропорту «Кольцово» были реализованы инвестиционные проекты на сумму 1212,5 млн руб. Построен и введен в эксплуатацию новый цех кейтеринга, отвечающий всем международным требованиям, стоимостью 100 млн руб. и мощностью 10 тыс. рационов в сутки. Благодаря новым технологиям аэропорт получил возможность предоставить авиакомпаниям самые разнообразные меню, от низкокалорийного до детского. Кольцовское бортовое питание нравится пассажирам и заслуженно считается в России одним из лучших. В дальнейшем планируется строительство второй очереди цеха кейтеринга стоимостью 100 млн руб. Приобретена специальная аэродромная техника и оборудование ведущих российских и иностранных производителей на сумму 135 млн руб.

Завершено строительство и торжественно запущен в работу новый международный терминал площадью 17 500 кв. м. стоимостью 924 млн руб., пропускной способностью 600 пассажиров в час. Руководство Росавиации назвало международный аэровокзал лучшим в стране. Проведен капитальный ремонт объектов производственной инфраструктуры на сумму 61,5 млн руб. Кроме того, в минувшем году «Кольцово» благодаря усилиям акционеров вошло в федеральную программу реконструкции аэродромов. И в 2006 г. из госбюджета уже выделено 140 млн руб. на проектные работы по реконструкции двух существующих взлетно-посадочных полос «Кольцово» и строительство третьей. С начала 2006 г. введен в эксплуатацию терминал деловой авиации стоимостью 106 млн руб. Приобретена специальная техника на сумму 125 млн руб.; ведутся работы по проектированию нового терминала внутренних воздушных линий общей стоимостью 758 млн руб.

Основным условием увеличения пассажиропотока через аэропорт является развитие авиационной маршрутной сети. Стратегия формирования маршрутной сети и создания узлового авиатранспортного центра на базе аэропорта «Кольцово» с использованием хабовых (фидерных) технологий была подготовлена аэропортом с привлечением консультантов ведущих мировых компаний в области авиационного консалтинга: Lufthansa Consulting (Германия), «НОСНТНЕР» (Германия), Air France Consulting (Франция), ADP (Франция), Airport Consulting Vienna (Австрия). В результате ее реализации за год пассажиропоток через аэропорт «Кольцово» возможно увеличить с 1,5 млн до 2 млн пассажиров, а к 2010 г. — до 6 млн.

В соответствии со стратегией развития аэропортом «Кольцово» решены следующие задачи: создана высокоэффективная инфраструктура аэропорта, отвечающая международным требованиям. Для вы-

полнения регулярных полетов привлечены иностранные перевозчики, входящие в ведущие мировые альянсы: Lufthansa (Star Alliance), Austrian Airlines (Star Alliance), British Airways (One World), Czech Airlines (Sky Team), Turkish Airlines. Ведутся переговоры с зарубежными авиакомпаниями об открытии регулярного воздушного сообщения с Азиатско-Тихоокеанским регионом, в первую очередь с Китаем (Гуанчжоу). Китайское направление является очень перспективным и отражает высокий уровень деловых и логистических связей.

Европейский капитал в структуре экономики Свердловской области

Анализ прямых зарубежных инвестиций и хозяйственная деятельность ТНК Европейского союза наглядно демонстрирует, что основной формой организации производства были выбраны совместные предприятия (СП), в которых, как правило, контрольный пакет акций принадлежит иностранному инвестору. Все страны Европейского союза, за исключением Бельгии представлены хозяйствующими субъектами, работающими в сфере как материального производства, так и услуг. А так как далеко не каждое зарегистрированное СП ведет активную хозяйственную деятельность, интересно

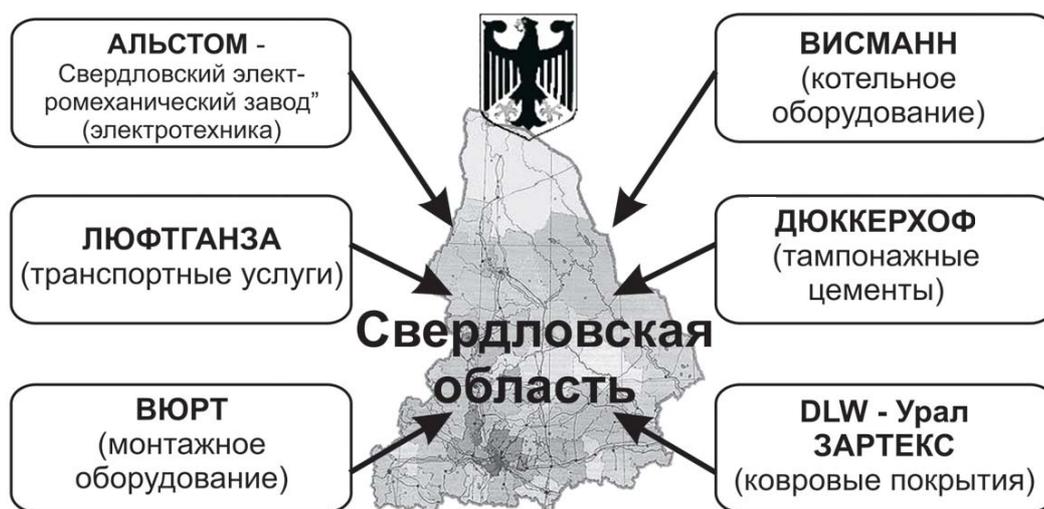

Рис. 2. Германский капитал в структуре экономики Свердловской области

проанализировать успешно функционирующие предприятия, использующие трансферт технологий и создающих новые рабочие места на территории Свердловской области. По данным Свердловского областного комитета государственной статистики (2005 г.), отчетливо наблюдается асимметрия финансовых и производственных вложений ТНК Европейского Союза в экономику Среднего Урала. Ведущие позиции принадлежат германскому капиталу (рис. 2), сфера деятельности которого чрезвычайно широка: промышленное производство, консалтинг, торговля, информационные технологии, монтаж инфраструктуры систем безопасности, транспортные услуги, образование, переработка сельскохозяйственной продукции. Успешному функционированию российско-германских предприятий на территории Свердловской области способствуют следующие предпосылки:

- относительно «дешевая» рабочая сила, обладающая достаточно высокой квалификацией;
- восприятие работающими на СП немецких стандартов качества производства, понимание сложных технологических процессов, немецких условий организации труда, требований к производственной дисциплине, присутствие чувства «корпоративного единства»;
- подготовленная инфраструктура: заводские площади, транспортные пути, складские сооружения, системы газо-, водо- и энергоснабжения;
- расширенные рынки сбыта готовой продукции, особенно в Российской Федерации и странах СНГ;
- «воздушный мост» авиакомпании «Люфтганза» Екатеринбург–Франкфурт-на-Майне и авиакомпании «Уральские авиалинии» Екатеринбург–Мюнхен, позволяющий немецким и российским менеджерам за короткое время добираться до ФРГ;
- присутствие представительства Союза немецкой экономики в Москве, оказывающего необходимую юридическую и экономическую помощь немецким инвесторам;
- региональное партнерство Свердловской области и Федеральной Земли Баден-Вюртемберг¹;

¹ Особое место занимает деятельность «Контактного бюро Баден-Вюртембергской экономики» в Екатеринбурге. Данное бюро предоставляет информацию по общим вопросам российско-германского экономического сотрудничества, проводит анализ рынка и поиск информации немецким партнерам, готовит и проводит отраслевые и межотраслевые кооперационные биржи, содействует фирмам и организациям в подборе специалистов со знанием немецкого языка, осуществляет поиск деловых партнеров в Свердловской области и Баден-Вюртемберге, предоставляет информацию об экономической и правовой ситуации в Российской Федерации и Уральском регионе, а также соответственно в ФРГ и земле Баден-Вюртемберг.

- эффективная и действенная помощь губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя (этнического немца) в организации благоприятного инвестиционного климата на территории региона;
- открытие генерального консульства ФРГ в Екатеринбурге в июле 2005 г.

Доля других транснациональных корпораций Европейского союза в структуре экономики Свердловской области значительно ниже. Во многом это объясняется отсутствием достоверной экономической информации о хозяйственном потенциале Уральского федерального округа. В целом число совместных предприятий с другими странами ЕС варьируется от 5 до 50. Положительной тенденцией следует считать проведение презентаций и выставок Уральского федерального округа и Свердловской области в странах Европейского союза, которые дают перспективную отдачу в заключении взаимовыгодных контрактов и создании новых рабочих мест в регионе (рис. 3).

Рис. 3. Перспективные проекты предприятий Свердловской области с ТНК Европейского союза

Как следует из рис. 3, спектр хозяйственной деятельности ТНК ЕС на территории Свердловской области различный. Считается, что отрасль международной специализации отдельно взятой страны ЕС проявляется в создании совместных предприятий далеко от центра принятия решений. Так, датский капитал имеет свои интересы в фармацевтике¹, Швеция традиционно сильна в машиностроительном комплексе, французские концерны представлены предприятиями черной металлургии, итальянские инвесторы производят трансферт технологий в пищевой и химической промышленности,

¹ 70% мирового производства инсулина приходится на Данию.

финский капитал «модернизирует» столичный имидж Екатеринбурга, австрийцы готовы инвестировать капитал в реструктуризацию технологического оборудования и рекреационный комплекс столицы Среднего Урала¹. После расширения Европейского союза в мае 2004 г. последовал рост инвестиционных вливаний со стороны восточноевропейских партнеров, имеющих давние связи со Свердловской областью. Большую заинтересованность и инвестиционную инициативу проявляет Чешская Республика, которая провела осенью 2003 г. презентацию своих хозяйствующих субъектов, имеющих свой экономический интерес на территории Урала и Сибири².

Китайский «вектор» в мирохозяйственных связях Свердловской области

10 мая 2006 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию отметил: «Особое значение для нас и для всей международной системы имеют отношения России с Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной Республикой, с Индией, а также с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки. И мы готовы предпринимать все новые шаги для расширения рамок и сфер взаимодействия с этими государствами, а также укреплять сотрудничество в обеспечении глобальной и региональной стабильности, наращивать объемы взаимной торговли, инвестиций, развивать гуманитарные связи».

Из более чем 100 стран мира, с которыми Свердловская область поддерживает внешнюю торговлю, КНР принадлежит 4-е место, или

¹ Следует признать, что Екатеринбург имеет лучшие «конкурентные преимущества» в привлечении иностранных инвестиций из стран ЕС. Ежегодно город посещают около 50 официальных делегаций. Послы почти 20 иностранных государств регулярно проводят биржи-кооперации с иностранными партнерами. В Екатеринбурге создан Центр международной торговли. Он входит в 60 лучших центров из 330 имеющихся в мире. Предприятия Екатеринбурга поддерживают значительные объемы операций более чем со 100 странами мира. На экспортно-импортные операции Екатеринбурга приходится примерно 80% объема всех внешних связей города, около 15% на прямые и портфельные инвестиции.

² Фактически ожидается второе вторжение чешских предпринимателей на рынок Среднего Урала. Если в эпоху планово-административной системы хозяйствования предприятиям навязывалось «номенклатурное партнерство», то в нынешней экономической ситуации чешские инвесторы («Шкода», «Яблонек», «Богемское стекло» и т.д.) попытаются закрепиться на «экономически проторенных дорогах» 80-х годов XX в.

7% товарооборота области. В 2005 г. на Среднем Урале было зарегистрировано более 200 предприятий с инвестициями из КНР, 83 из которых находятся в Екатеринбурге. Товарооборот составил 318 млн долл., из них экспорт — 254 млн, импорт — 65 млн долл. Стабильно внешнеэкономические связи Урала и КНР растут с 2000 г., наибольший рост — в 2,2 раза — был отмечен в 2001 г. Основные статьи экспорта из Свердловской области в КНР — черные и цветные металлы (75%) и продукция машиностроения (16%). Средний Урал импортирует из Китая в основном текстиль и обувь (15%) и продукцию машиностроения (35%).

Среди предприятий, которые активно выходят на китайский рынок, следует отметить: УГМК (рафинированная медь, медная катанка, медный купорос), «Уралгидромаш» (насосы для трубопроводов), «Эльмашстрой» (строительные материалы), Лобвинский лесопромышленный комбинат (пиломатериалы, сырье для производства бумаги). Эти предприятия уже имеют активные деловые связи с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР — одним из наиболее перспективных регионов Китая для налаживания взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Город Урумчи, административный центр Синьцзянь-Уйгурского автономного округа, является важной промышленной базой западной части КНР. Благодаря удачному географическому положению г. Урумчи для предприятий Свердловской области — это «главная открытая дверь» в западную часть Китая. В контексте вышесказанного в 2005 г., к примеру, валовой региональный продукт района составил около 23 млрд долл. В рамках реализации государственной стратегии КНР по масштабному освоению западных районов страны правительством автономного района подготовлены крупные проекты, участие в которых интересно уральским предприятиям. Особо следует отметить партнерские отношения в изготовлении деталей турбин ЗАО «Уральский турбинный завод» («Харбинский турбинный завод»). На сегодняшний день УТЗ поставил 61 турбину в КНР, из них четыре турбины уральского производства стоят на станции «Хуанен» (Пекин).

Экономико-географическое положение Свердловской области и специфика существующего на ее территории экономического комплекса определяют характер сотрудничества с Китаем. В рамках проведенного исследования хотелось бы выделить экономическую и политическую специфику взаимоотношений Свердловской области и КНР.

В рамках экономического блока, по нашему мнению, являющегося главенствующим, можно выделить ряд отраслей, традиционно занимающих лидирующие позиции по объемам экспорта в КНР. К их числу, безусловно, относятся черная и цветная металлургия,

химическая промышленность, а также машиностроение. Крупные холдинговые структуры («Евразхолдинг», «СУАЛ», «УГМК» и др.), владеющие металлургическими предприятиями на территории Свердловской области, на сегодняшний день в значительной мере ориентированы на рынок КНР, экономика которой потребляет металл в значительных объемах. За период с 2000 по 2005 гг. поставки металла и изделий из металлов ежегодно обеспечивали свыше 60% экспорта Свердловской области в КНР. Однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что, согласно заявлениям представителей промышленников КНР, уже к 2010 г. страна должна превратиться из страны–потребителя металла в его крупного экспортера. При подобном развитии событий ориентированность уральских металлургических предприятий на китайский рынок закладывает определенные риски рецессии и, как следствие, социальной нестабильности в регионе, вызываемой ухудшением ценовой конъюнктуры, что потребует диверсификации рынков сбыта¹.

Одной из первоочередных задач руководства Свердловской области, равно как и представителей бизнес-сообщества региона, является увеличение в структуре экспорта Свердловской области доли продукции машиностроения. Несмотря на сформировавшиеся стереотипы о низкой конкурентоспособности продукции российского машиностроения, крупные предприятия, такие как ЗАО «УТЗ», с конца 1980-х годов получают заказы от китайских партнеров. Вопреки трудностям перестроечного периода ряд компаний в таких отраслях, как энергетическое и нефтегазовое машиностроение, производство оптико-механических изделий, сумели еще тогда установить контакты с представителями деловых кругов КНР. В большинстве случаев предприятия Свердловской области прилагали усилия к тому, чтобы заключить соглашения с китайскими посредническими структурами, обладающими необходимым объемом информации и связями для участия в тендерах, проводимых как властями КНР, так и частными китайскими компаниями.

Зачастую в рамках обозначенных тендеров компаниям, представляющим Свердловскую область, приходилось сталкиваться с конкурентами, относящимися к крупным ТНК. В подобной ситуации ключевым фактором, влияющим на проводившую тендер китайскую сторону, оказывалось ценовое предложение уральских предприятий. Кроме того, учитывалось, что ряд крупных промышленных объектов на территории КНР в свое время был запущен в

¹ В качестве характерной особенности 2006 г. можно выделить повышенный интерес металлургов Свердловской области, и в первую очередь компаний – производителей труб, к реализации масштабных проектов по строительству Восточносибирского нефтегазопровода.

строй с помощью СССР и при этом все оборудование, как правило, поставлялось крупными советскими предприятиями (по некоторым отраслям, таким как энергетическое машиностроение, все предприятия находились на территории РСФСР). Следовательно, китайской стороной накоплен определенный опыт взаимодействия с бывшими советскими, а ныне российскими предприятиями. Как правило, положительный эффект оказывает и значительная референция, которой обладают уральские машиностроительные компании.

Одним из факторов, усложняющих взаимодействие машиностроителей Свердловской области и контрагентов из КНР, является характерное для китайской стороны стремление при заключении контракта получить объемы проектной или технологической документации, достаточные для запуска производства аналогичной продукции в КНР. В начале 1990-х годов, когда «валютные» контракты с иностранными партнерами были единственным способом получения предприятием «живых» денег, а, следовательно, и его выживания, машиностроители Свердловской области были вынуждены соглашаться с подобными требованиями. Однако в настоящее время вхождение ряда машиностроительных активов в состав крупных российских холдинговых структур позволило ослабить зависимость от китайской стороны и занимать более сдержанную позицию в переговорах, учитывающую интересы не только китайской, но и российской стороны.

Машиностроительные предприятия Свердловской области, ориентированные на сотрудничество с китайскими компаниями, имели также возможность участвовать в подготовке и реализации масштабных проектов по поставке энергоносителей на рынок КНР. Вполне логично участие в подобных проектах (в части поставки необходимого оборудования для строительства и обслуживания) компаний, взаимодействующих с российским энергетическим гигантом — группой «Газпрома» («ОМЗ-Уралмаш»). Как и в случае с трубными компаниями, машиностроители Свердловской области готовы к участию в комплексном осуществлении проектов, анонсированных федеральными властями.

Оценивая потенциал развития экономических связей Свердловской области и КНР, необходимо отметить, что ключевым показателем является не только объем экспорта в стоимостном выражении, но и объем продукции с высокой долей добавочной стоимости, к которой в первую очередь относится продукция машиностроения. При поддержке областных властей уральские строители изучают возможность участия в тендере на строительство крупных объектов при подготовке к Олимпийским играм 2008 г. в Пекине. Строительные организации Свердловской области хотели бы участвовать в сооружении спортивных объектов, метро, жилых домов.

Помимо экономических связей областные власти развивают политический диалог. Очередной визит депутатов законодательного собрания Свердловской области в КНР состоялся 6 июня 2006 г. в рамках сотрудничества Свердловской области и провинции Хэйлунцзян. Главным итогом поездки стало подписание соглашения об информационном обмене между законодательным собранием Свердловской области и Постоянным комитетом Собрания народных представителей провинции Хэйлунцзян. Это первое соглашение, подписанное свердловскими законодателями с региональным законодательным органом иностранного государства.

Ранее областными властями был подписан договор о партнерских отношениях с Гуаньдун. Меморандум о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве заключило руководство Свердловской области и Харбина. Первые связи между Харбином, одним из крупнейших промышленных центров КНР с населением 3,5 млн человек, и нашей областью завязались еще 14 лет назад. В 1991 г., когда Свердловская область только была открыта для иностранцев и КНР стала крупным внешнеэкономическим партнером России, между Харбином и Свердловской областью было заключено соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом сотрудничестве и сотрудничестве в сфере культуры, спорта и образования. В Харбине еще в 50-е годы прошлого века при помощи советских, в том числе и уральских, специалистов была создана мощная промышленная база, введено в строй большое число предприятий разных отраслей промышленности. Но сейчас эти предприятия необходимо модернизировать, для этого правительством разработана специальная программа, под которую выделяются значительные средства. Поскольку в те годы предприятия были построены по советским технологиям, а между специалистами двух стран существовали активные связи, у такого сотрудничества существует мощный фундамент. Так Харбин стал городом-партнером Свердловской области.

Китайский капитал присутствует в структуре экономики Среднего Урала, хотя и не является ключевым. Среди типичных совместных российско-китайских предприятий можно отметить ТЕVIKA – производство оборудования для переработки отходов (Екатеринбург), «Летящий дракон» – производство спортивной и другой обуви (Екатеринбург), «КИРОС» – переработка древесины и производство продукции лесопромышленного комплекса (Первоуральск), «Исеть-До» – производство вычислительной и оргтехники (Каменск-Уральский), «Кофим» – бары, рестораны (Екатеринбург), «Харбин-Сервис» – туризм (Екатеринбург). Следует отметить крупные китайские предприятия, ведущие активную экономическую деятельность на территории Свердловской области: Синьцзянская государственная

авиакомпания Китая, Главная компания международной торговли автономного района Внутренней Монголии (АРВМ), Китайский металлургический комплекс Хэйлунцзянского отделения международной торговой компании «Нункень», Харбинская компания международной торговли «Восток». В настоящее время Свердловская область имеет договора о партнерских отношениях с провинциями Гуаньдун, Хэйлунцзян, Цзилинь, Синьцзян-Уйгурским АО.

Китайский фактор в «социальной стратификации» Екатеринбурга

Центр Свердловской области – Екатеринбург. Его связи с Китаем во многом опосредованы через крупные торговые и транспортные предприятия, расположенные на территории муниципального образования. К числу наиболее крупных можно отнести вещевые «китайские» рынки (наибольшим из которых является «Таганский ряд», в настоящее время превратившийся в крупный логистический центр китайских товаров народного потребления для всего Уральского федерального округа), железную дорогу (Транссибирскую магистраль, соединившую Европу и Азию), аэропорт «Кольцово». Екатеринбург активно решает вопросы социального обустройства мигрантов. С 2003 г., в соответствии с постановлением Госсанэпиднадзора, все граждане Китая, прибывающие в Свердловскую область, обязаны пройти медицинский осмотр. Такое решение было принято в рамках программы профилактики заболевания «атипичной пневмонией».

В городе существуют китайское землячество и лига китайских предпринимателей. Они защищают интересы проживающих на Среднем Урале китайцев и эмигрантов из Китая, объединяют представителей китайской диаспоры, оказывают консультативную помощь в налоговом и таможенном оформлении и содействуют поиску партнеров в России и Китае.

В перспективных планах Екатеринбурга – строительство крупного миграционного центра (2007 г.). К основным задачам центра будут относиться контроль и регистрация мигрантов из КНР, решение трудовых вопросов вновь прибывших на заработки, юридическая поддержка вновь открывающихся хозяйствующих субъектов из КНР, решение жилищных вопросов для иностранной рабочей силы.

Не последнюю роль в развитии социальных контактов Свердловской области и КНР занимает образовательный обмен. В числе высших учебных заведений Екатеринбурга, выбранных китайскими

студентами, – Уральский государственный университет им. А.М. Горького (УрГУ) и Уральский государственный технический университет – УПИ (УГТУ-УПИ). Кроме того, хотелось бы отметить, что в Китае растёт стремление к изучению русского языка, и многие китайские семьи отправляют своих детей на учёбу в Россию. Испытывая определенную боязнь глобального города Москвы и далёкого, а теперь ещё крайне беспокойного Санкт-Петербурга, многие решают отправить своих детей в Екатеринбург. На сегодняшний день около 500 студентов из КНР получают высшее образование в Екатеринбурге.

Среди российских студентов (выпускников кафедры востоковедения УрГУ и кафедры управления внешнеэкономической деятельности предприятий УГТУ-УПИ) направление в КНР становится очень перспективным, и всё больше студентов стремятся поучиться в университетах и языковых центрах в таких городах Китая, как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Харбин, Далянь. Многие после изучения китайского языка в Китае стремятся поступить в магистратуры наравне с китайскими студентами. Пока образование в Китае довольно доступно, но, вероятно, с увеличением привлекательности этой страны обучаться в Китае будет всё сложнее. В Свердловской области в скором будущем понадобятся специалисты со знанием китайского языка, знакомые с рыночными механизмами и китайской спецификой, поэтому учёба в Китае представляется весьма перспективной.

Свердловская область занимает третье место в Российской Федерации по объемам промышленного производства, пятое место по численности населения и по объемам иностранных инвестиций, четвертое место по объемам коммерческих операций, пятое место по объемам розничной торговли (2005 г.)¹. Свердловская область – составное звено экономики Российской Федерации. И от того, как будут проходить трансформационные процессы в целом в России, зависит и их проявление на региональном уровне. Но реален и обратный процесс – через российские регионы идет включение страны в процессы глобализации, и проведенный анализ является тому подтверждением.

¹ По данным Свердловского отделения Государственного комитета по статистике Российской Федерации.

Заключение

Исследование процессов международной интеграции российских регионов привело нас к ряду важных выводов.

Во-первых, эти процессы продолжают независимо от ограничительной политики федерального центра. МИД России не допускает региональных внешнеполитических экспериментов (не всегда удается контролировать только супертяжеловесов вроде президента Татарстана Минтимера Шаймиева или мэра Москвы Юрия Лужкова, который летом 2006 г. в очередной раз добавил головной боли дипломатам, «признав» независимость Абхазии). Однако открытие границ и процессы глобализации и регионализации уже не только воля центральных или региональных властей.

С одной стороны, мэры городов ищут во внешнеполитических акциях собственные выгоды (как, например, бывший мэр Волгограда Евгений Ищенко, который за полтора месяца до своего ареста в мае 2006 г. попытался понравиться Москве, заключив договор о побратимских отношениях со столицей непризнанного Приднестровья Тирасполем). Региональный бизнес находит инвестиции и партнеров за рубежом, что в последние годы стало альтернативой приходу в регионы московских бизнес-групп. Организации гражданского общества, некоммерческие и неправительственные, также находят в иностранных грантах и совместных проектах с зарубежными коллегами единственный источник для реализации проектов, которые не нравятся нынешней власти. В этих случаях международные связи выступают одним из способов минимизации внутривнутриполитических рисков.

С другой стороны, стремление региональных акторов опереться на внешние ресурсы в условиях растущей централизации экономических и политических активов внутри страны представляется здоровым явлением. Его можно трактовать как отказ от патернализма и иждивенчества, что характеризует регионы как активную силу в современной российской жизни.

Во-вторых, республики, края и области России зачастую более активны в поисках путей интеграции в международную среду, чем в сближении и координации политики с регионами-соседями. «Строительство регионов» в российском случае заметно отстает от роста трансграничного сотрудничества.

Вместе с тем прежде целостное экономическое и политическое пространство, расколотое в 1990-е годы, пока не собирается в единое целое. Даже создание федеральных округов в 2000 г. не привело к ожидавшемуся росту контактов между субъектами Федерации

внутри одного округа. Проект бывшего полпреда в Южном федеральном округе Виктора Казанцева объединить местные столицы регулярным авиасообщением провалился ввиду малой интенсивности перевозок в этих направлениях. Из большинства регионов страны быстро добраться до соседей можно только через Москву – самолеты больше не связывают региональные столицы¹. Сотрудничество сменилось соперничеством. Это характерно и для процессов интернационализации регионов.

По отношению к международным подсистемам не существует «субрегионов»: ни Дальнего Востока, ни Юга, ни Сибири – только субъекты Российской Федерации, края, республики и области, каждый из которых самостоятельно формулирует свою стратегию интеграции, опираясь на различные ресурсы. Именно поэтому Калининградская область продвинулась гораздо дальше в осознании и лоббировании собственных интересов в столице, чем раздробленный на множество субъектов Федерации Дальний Восток.

Таким образом, международная интеграция сопровождается внутренней дезинтеграцией – соседние российские регионы утрачивают свои связи и не создают инструментов коллективного планирования внешней деятельности. Даже «транспортные коридоры» не объединяют регионы, а в некоторых случаях, напротив, выступают «яблоком раздора».

В-третьих, идеологически большинство регионов выбирают между позицией «форпоста» и «воротами» («окном»). Укрепление военных баз, учения армии и флота в пограничных регионах, с одной стороны, и активность иерархов Русской православной церкви и деятелей националистических движений, с другой – работают на позицию «форпоста», призванного оборонять рубежи России, русский этнос или «православную цивилизацию» от неприятелей. Эта идеологема тесно связана с образом «врага», который в разных регионах различный. Рост трансграничной торговли и туризма, создание транспортных коридоров, интенсификация культурного обмена способствуют созданию «окна», «ворот» или «моста», соединяющего общества, экономики и культуры.

Наконец, в-четвертых, политическая конструкция, выстроенная в последние годы, привела к укреплению отношений только по двум линиям: регион–федеральный центр и регион–международная среда. Глобализация, с одной стороны, и фрагментация, с другой, в большинстве случаев превосходят строительство субрегионов («region-building») внутри России. В результате складывается своего

¹ Любопытно, что при этом значительная часть региональных аэропортов борется за сохранение за ними статуса международных.

рода «треугольная» система отношений, в которой края и области вступают в экономические, политические или общественные связи не «по горизонтали», с такими же регионами, а напрямую с федеральным центром и с внешней средой.

В этой связи представляется применимым ко всем регионам вывод, сделанный участником проекта Юрием Зверевым по отношению к Калининградской области. Согласно ему, в области международной интеграции российских регионов существуют три сценария развития: инерционный, превращающий их в «двойную периферию» российского центра и международной системы; мобилизационный, когда под давлением центра регионы возвращаются к роли «форпостов», и активный, когда регионы сами становятся участниками международной интеграции, определяя новую международную роль России.

Об авторах

КУРИЛЛА Иван Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета (Введение, глава 1, Заключение).

МАКАРЫЧЕВ Андрей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Нижегородского лингвистического университета (глава 2).

ЗВЕРЕВ Юрий Михайлович – кандидат географических наук, начальник Управления научно-исследовательских работ, доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики Российского государственного университета им. И. Канта, Калининград (глава 3).

РЕУТ Олег Чеславович – кандидат технических наук, докторант Петрозаводского государственного университета (глава 4).

ЛОМСАДЗЕ Дмитрий Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики и внешне-экономической деятельности Воронежского государственного университета (глава 5).

СУРКОВ Федор Алексеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, директор Центра геоинформационных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону (глава 6).

ТРАПШ Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, историографии и методологии истории, заместитель декана по социальным вопросам исторического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону (глава 7).

АРХИПОВА Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета (глава 8).

АБДРАЗАКОВА Эльвира Ринатовна – консультант Департамента международных и региональных связей администрации Томской области (глава 9).

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета (глава 10).

ДАХИН Андрей Васильевич – доктор философских наук, директор Нижегородского центра социально-экономической экспертизы, профессор кафедры философии и политологии Нижегородского архитектурного университета, профессор кафедры социологии Волго-Вятской академии государственной службы (глава 11).

СТУКАНОВ Алексей Александрович – кандидат исторических наук, руководитель комитета международных связей Департамента международных и региональных связей администрации Томской области (глава 12).

СТЕПАНОВ Анатолий Владиславович – кандидат географических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета, директор центра германских исследований Уральского государственного университета, заведующий кафедрой геоэкономики и глобалистики факультета международных отношений Уральского государственного университета (глава 13).

Научное издание

*Абдразакова Эльвира Ринатовна,
Архипова Екатерина Владимировна,
Дахин Андрей Васильевич и др.*

**Международная интеграция
российских регионов**

Ответственный редактор Иван Иванович *Курилла*
Редактор *Э.М. Горелик*
Корректор *Т.М. Толмачева*
Компьютерная верстка *М.В. Королевой*
Оформление *Т.Ю. Хрычевой*

Подписано в печать 28.08.07.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная, печать офсетная.
Печ.л. 19,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека, а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов просвещения, профессиональной подготовки и практической деятельности.